Архивъ

Георгій Булгаковъ,

членъ Всероссійскаго Церковнаго Собора.

ЗАПАДНО-РУССКІЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ,

какъ органы церковнаго управленія.

Опытъ историко-каноническаго изслѣдованія.

КУРСКЪ.
Епархіальная Типографія.
1917.

ВК

485

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

216950

„Здалося Духови Святому и намъ со всѣми братіями епископами, и архимандриты, и иншимъ духовенствомъ, и свѣцкими, иле ихъ при насъ найтися и досягнутися могло“. (Виленск. Археогр. Сборн. IV, 39: Грамата Іова Борецкаго, митрополита Кіевскаго и Галицкаго).

„Вся наша церковь Россійская, не въ догматахъ вѣры (которые содержатся нерушимо), но въ обычаяхъ, относящихся къ молитвѣ и благочестивой жизни, весьма повреждена. На сіе то глядя смущеннымъ окомъ, съ сердцемъ скорбнымъ, мы всегда заботились о томъ, какъ бы все то могло быть исправлено и доведено до обычаевъ древнихъ предковъ нашихъ, при которыхъ и благочестіе возсіяло, а сего, по нашему разумѣнію, не чрезъ иное что достигнутъ можно, какъ только чрезъ соборъ“... (Памятн. Кіевск. Комисс. т. I, от. I, № 17, изъ граматы Петра Могилы, митрополита Кіевскаго и Галицкаго).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Всероссійскому Церковному Собору,

открывшемуся въ г. Москвѣ 15 августа 1917 г.

Москва.
21 ноября 1917 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе. Предметъ, задача, необходимость и планъ изслѣдованія. Примѣчаніе объ источникахъ, пособіяхъ и приложеніяхъ . . . . . Стр. 1—3

Часть первая.

Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ.
Виды западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ . 7—8

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Областные соборы.

I.

Обастные елекційные соборы . . . . . —9
Схема исторіи областныхъ елекційныхъ соборовъ . . . . . 10—14

A.

Областные елекційные соборы для избранія западно-русскихъ епископовъ въ 14 вѣкѣ . . . . . —14
Соборы, происходившіе въ маѣ мѣсяцѣ 1328 года . . . . . 14—15
Соборъ 6 декабря 1331 года . . . . . —15
Апрѣльскій соборъ 1332 года . . . . . —15
Соборъ 19 сентября 1335 года . . . . . —15
Августовскій соборъ 1345 года . . . . . —16
Соборы 1389—1390 годовъ . . . . . —16

Б.

Областные елекційные соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 15 вѣкѣ . . . . . —16
Соборы 1415 года, закончившіеся избраніемъ Григорія Цамблака на каѳедру западно-русской православной митрополіи . . . . . —16
Мартовскій соборъ 1415 года . . . . . —25
Августовскій соборъ 1415 года . . . . . —26
Ноябрьскій соборъ 1415 года . . . . . 26—27
Послѣдующіе соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 15 вѣкѣ . . . . . 27—29

В.

Областные соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 17 вѣкѣ . . . . . —29
Областной елекційный соборъ 1620 года . . . . . —30
Областной елекційный соборъ 1631 года . . . . . —31
Областной елекційный соборъ 25 февраля 1647 года . . . . —31
Областной елекційный соборъ 18 октября 1657 года . . . . 32—33

II.

Стр.

Областной елекційный соборъ 9—19 ноября 1663 года . . . 33—34
Областной елекційный соборъ 29 іюня 1685 года . . . . . —34
Областной елекційный соборъ 1—2 іюня 1690 года . . . . . 36—37
Областной елекційный соборъ 19 октября 1707 года . . . . —38

II.

Областные соборы о справахъ церковныхъ . . . . . —39
Схема исторіи областныхъ соборовъ справахъ церковныхъ . . —41

A.

Виленскіе соборы времени митрополита Іосифа Солтана 1508 и 1510 года . . . . . —42
Виленскій соборъ 1508 года „о церковныхъ вещехъ и о исправленіи дѣлъ духовныхъ“ . . . . . 42—58
Виленскій соборъ 1510 года о Супрасльскомъ монастырѣ . . —58

Б.

Малоизвѣстные областные соборы о справахъ церковныхъ отъ времени митрополита Іосифа Солтана до 80 годовъ 16 вѣка . . . —59
О Виленскомъ соборѣ 1514 года . . . . . —59
О Новогрудскомъ соборѣ 22 февраля 1540 года . . . . . —59
О соборахъ 1546 и 1558 года . . . . . 60—61

В.

Областные соборы во время пребыванія въ Западной Руси Константинопольскаго патріарха Іереміи II въ 1588 и 1589 г. . . —61
Виленскій соборъ 1588 года . . . . . 62—63
Виленскій соборъ 1589 года . . . . . 63—67
Супрасльскій соборъ 1589 года . . . . . —67
Берестейскій соборъ 1589 года . . . . . 67—68
Тарнопольско-Каменецкій соборъ 1589 года . . . . . 68—69

Г.

Очередные и чрезвычайные открытые областные соборы девяностыхъ годовъ 16 вѣка до провозглашенія уніи.

Белзскій соборъ 1590 года . . . . . 71—72
Берестейскій соборъ 1590 года . . . . . 71—83
Очередной Берестейскій соборъ 1591 года . . . . . 82—102
Очередной Берестейскій соборъ 1593 года . . . . . 102—111
Новогрудскій судебный соборъ 1594 года . . . . . —111

Д.

Покутные соборы девяностыхъ годовъ 16 вѣка . . . . . —112

Сокальскій покутный соборъ . . . . . —115
О Кобринскомъ покутномъ соборѣ . . . . . —115
Луцкій покутный соборъ . . . . . 115—116

III.

Е. Стр.

Областные открытые соборы 1595—1596 годовъ . . . . . —116
Львовскій соборъ 28 января 1595 . . . . . 116—117
Новогрудскій соборъ 25—27 января 1596 года . . . . . 117—120
Берестейскій соборъ „головный" въ октябрѣ 1596 года . . . 120—138

Ж.

Областные соборы времени пребыванія въ Западной Руси патріарха Ѳеофана . . . . . —138
Кіевскій соборъ 1620 года . . . . . 140—141
Бушскій соборъ 1621 года . . . . . 141—142

З.

Областные соборы времени митрополита Іова Борецкаго . . . —142
Кіевскій майскій церковно-народный соборъ 1621 года . . . 142—144
Житомірскій соборъ 1621 года . . . . . —145
„Совѣтованіе о благочестіи"—Кіевскій церковный соборъ времени митрополита Іова Борецкаго . . . . . 145—151

И.

Областные соборы времени уніонной попытки Мелетія Смотрицкаго . . . . . —151
Кіевскій соборъ 8 сентября 1628 года . . . . . —157
Гродекскій соборъ 1628 года . . . . . 157—159
Кіевскій соборъ 13—24 августа 1628 года . . . . . .
Кіевскій соборъ 29 іюня 1629 года . . . . . 168—171
Львовскій уніонный соборъ 1629 года . . . . . —171
Кіевскій майскій соборъ въ великій постъ 1629 года . . . . 171—181

І.

Кіевскій соборъ 1640 года . . . . . 181—213

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Епархіальные соборы (елекційные и о справахъ церковныхъ) . . —214
Схема исторіи епархіальныхъ соборовъ . . . . . 214—215

А.

Епархіальные елекційные соборы . . . . . —215
Львовскій соборъ 5 апрѣля 1641 года . . . . . —215
Люблинскій и Холмскій соборы 1650 года . . . . . 215—216

Б.

Епархіальные соборы о справахъ церковныхъ . . . . . —216
Львовскій соборъ 1539 года . . . . . 216—218
Львовскій соборъ въ январѣ 1586 года . . . . . —218
Берестейскій соборъ 28 января 1594 года . . . . . 218—219
Львовскій епархіальный соборъ для справы Требника, изданнаго епископомъ Гедеономъ Балабаномъ въ 1606 году . . . . . 219—223

IV.

Стр.
Белзско-Городищенскій соборъ 1626 года . . . . . —223
Соборы Могилянской эпохи (Кіевскій, Могилевскій, Луцкіе, Львовскій) . . . . . 223—224
Кіевскій соборъ 1 марта 1691 года . . . . . 224—226

Часть вторая.

Опытъ характеристики западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ со стороны ихъ устройства.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Устройство западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ.

I.

Устройство областныхъ соборовъ.

Право созыва (згромаженья, зложенья) собора . . . . . 229—232
Способъ созыва собора. Пригласительныя граматы и „приватные листы". Адресаты этихъ грамать и листовъ . . . . . 232—233
Предсоборная подготовка . . . . . 233—238
Составъ собора . . . . . 238—239
Обязанность участія въ областномъ церковномъ соборѣ . . . 239—241
Право участія въ областномъ соборѣ . . . . . —241
Основаніе полномочій участниковъ собора . . . . . 241—242
Идея представительства въ отношеніи къ участникамъ областного собора . . . . . 232—243
Характеристика „посольскихъ инструкцій", ихъ вліяніе на соборную дѣятельность, письменныя инструкціи безъ посольствъ . . 243—244
Предметъ собора . . . . . 244—248
Объемъ полномочій областного собора . . . . . 248—249
Время и мѣсто областныхъ соборовъ . . . . . 243—250
„Соборованіе", соборная „намова"—ходъ соборныхъ засѣданій и права участниковъ собора по отношенію къ отдѣльнымъ моментамъ дѣятельности собора . . . . . —250
Литургическій моментъ . . . . . —250
Размѣщеніе . . . . . 251—252
Открытіе собора. Выборъ должностныхъ лицъ . . . . . —252
Должностныя лица собора . . . . . —252
Должность предсѣдателя . . . . . 252—253
Маршалокъ собора . . . . . —253
Нотаріи . . . . . —253
Соборныя депутаціи и соборные депутаты . . . . . 253—254
Инстигаторъ . . . . . —254
Королевскіе легаты . . . . . 254—255
„Слушанье посольствъ" . . . . . —256
Соборная „намова", „трактованье" . . . . . 256—258
Соборная намова на елекційномъ соборѣ . . . . . —257
Соборная намова на судебномъ соборномъ засѣданіи . . . . 257—258
Принципъ, форма, право и порядокъ соборнаго голосованія . 258—262

V.

Названіе соборныхъ опредѣленій и ихъ характеръ со стороны содержанія и формы. Церковно-юридическія гарантіи дѣйственности соборныхъ опредѣленій . . . . . 262—264
Редактированіе и провозглашеніе соборныхъ опредѣленій. Соборныя граматы, право ихъ подписанія . . . . . 264—265
Закрытіе собора . . . . . —265
Утвержденіе соборныхъ опредѣленій. Гражданско-юридическія гарантіи ихъ дѣйственности. Способъ опубликованія соборныхъ опредѣленій . . . . . 265—266
Сеймовая борьба за гражданско-юридическія гарантіи соборныхъ оредѣленій . . . . . 266—257
Право протестаціи противъ соборныхъ опредѣленій. Идея рецепціи . . . . . 267—271

II.

Варіанты въ устройствѣ епархіальныхъ соборовъ.

Право созыва собора . . . . . —272
Способъ созыва собора . . . . . .
Предсоборная подготовка . . . . . .
Составъ собора . . . . . 272—273
Время и мѣсто собора . . . . . .
Предметъ собора. Объемъ полномочій собора . . . . . .
„Соборованіе". Утвержденіе соборныхъ опредѣленій . . . . . 273—274

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Основныя положенія идеологіи церковнаго собора по даннымъ западно-русской церковной исторіи . . . . . —275

I.

Жизненная цѣнность собора, какъ органа церковнаго управленія 275—277

II.

Основанія жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія . . . . . 278—279

III.

Идея соборности, какъ принципъ, обосновывающій необходимость соборныхъ органовъ церковной власти . . . . . 280—282

IV.

Идея соборности при свѣтѣ догмы православнаго Церковнаго права . . . . . 282—297
Примѣчаніе и приложенія . . . . . —299
I. Примѣчанія . . . . . —301
II. Указатель . . . . . —321
Errata . . . . . —325

ВВЕДЕНІЕ.

Предметъ, задача, необходимость и планъ изслѣдованія. Примѣчаніе объ источникахъ, пособіяхъ и приложеніяхъ.

Предметомъ настоящаго изслѣдованія служатъ соборы, происходившіе въ западно-русской православной церкви во время ея историческаго существованія въ качествѣ митрополичьяго округа (первоначально—нѣсколькихъ такихъ округовъ).

Территорія, въ предѣлахъ, которой происходили подлежащіе нашему разсмотрѣнію соборы, совпадаетъ съ территоріей православныхъ епархій, входившихъ въ составъ польско-литовскаго государства (современныя губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Смоленская, Могилевская, Минская, Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Люблинская, Холмская, а также Галиція). Этнографическій составъ этихъ епархій—преимущественно русскіе славяне: малороссы, бѣлоруссы, русины и потому этимъ епархіямъ съ полной справедливостью усвояется названіе западно-русской православной церкви въ отличіе отъ восточно-русскихъ епархій, входившихъ въ составъ митрополіи „всея Руси“, Московской митрополіи и Московскаго патріархата [1]).

Хронологическія грани, опредѣляющія періодъ времени, къ которому относятся подлежащіе нашему изслѣдованію соборы, совпадаютъ съ датой начала и датой конца исторической жизни западно-русскихъ православныхъ митрополій, существовавшихъ сначала повременно и даже параллельно, а затѣмъ составившихъ единый митрополичій округъ. Первая дата—начала исторической жизни западно-русскихъ православныхъ митрополій—1303 годъ, годъ открытія первой Галицкой митрополіи. Вторая дата 1721 годъ, годъ окончательнаго уравненія присоединенныхъ къ Мо-

сковскому патріархату западно-русскихъ православныхъ епархій въ правахъ съ остальными епархіями всероссійской помѣстной церкви [2]).

Задачу настоящаго изслѣдованія мы полагаемъ въ описаніи устройства интересующихъ насъ соборовъ, т. е. въ рѣшеніи вопросовъ о порядкѣ ихъ созыва, о подготовкѣ къ нимъ, объ ихъ времени и мѣстѣ, объ ихъ составѣ, предметѣ, порядкѣ ихъ дѣятельности и о способѣ проведенія ихъ опредѣленій въ жизнь.

Рѣшеніе этой задачи имѣетъ и научный и церковно-практическій смыслъ.

Православные западно-русскіе церковные соборы давно уже служатъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Не обходили ихъ и не могли обходить, по ихъ исторической цѣнности, ученые изслѣдователи церковной и гражданской исторіи. Удѣляли этимъ соборамъ свою долю вниманія представители церковно-юридической науки [3]). Но спеціальнымъ предметомъ историко-каноническаго изслѣдованія ихъ, во всей ихъ совокупности, не избиралъ никто [4]). Очевидна отсюда нужда въ такомъ изслѣдованіи.

Рѣшеніе нашей задачи имѣетъ и церковно-практическій смыслъ, освѣщая церковно-историческими и церковно-юридическими данными современный вопросъ объ устройствѣ церковныхъ соборовъ всероссійской православной церкви [5]).

Задачей настоящаго изслѣдованія опредѣляется его планъ. Первымъ моментомъ въ рѣшенія нашей задачи мы считаемъ раздѣленіе подлежащихъ нашему изслѣдованію соборовъ на виды и воспроизведеніе исторіи соборовъ, относящихся къ каждому изъ этихъ видовъ. Этому моменту мы и посвящаемъ первую, болѣе обширную, часть своей настоящей книги. Выдѣляя основные виды западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, мы въ первой части книги кратко воспроизводимъ историческія данныя о каждомъ въ отдѣльности соборѣ, относящемся къ каждому ихъ виду, и такимъ образомъ подготовляемъ фактическій матеріалъ для рѣшенія основной нашей задачи—описанія устройства этихъ соборовъ. Рѣшенію этой основной нашей задачи мы посвящаемъ вторую, меньшую по объему, часть настоящей книги. Въ этой

части мы, во—первыхъ, характеризуемъ западно-русскіе православные церковные соборы со стороны ихъ устройства, указывая его внѣшніе признаки, и, во—вторыхъ, излагаемъ основныя начала идеологіи собора, лежащія въ основѣ устройства характеризуемыхъ соборовъ, [6]) освѣщая эти начала догмою православнаго церковнаго права. [7])

Свѣдѣнія объ источникахъ и пособіяхъ, которыми мы пользовались при написаніи настоящаго изслѣдованія, излагаемъ въ особомъ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ настоящей книги послѣ примѣчаній въ видѣ перваго приложенія.

Приложенія, состоящія изъ указателей, дополнительныхъ примѣчаній и нѣкоторыхъ документовъ, предполагаемъ издать особымъ выпускомъ, при первой возможности. Одну изъ задачъ дополнительныхъ примѣчаній мы полагаемъ въ томъ, чтобы дать въ нихъ толкованіе (главнымъ образомъ—освѣщеніе фактическимъ матеріаломъ) соборныхъ опредѣленій, кодифицируемыхъ въ первой части настоящей книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ.

Виды западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ.

Существуетъ нѣсколько признаковъ, по которымъ различаются отдѣльные виды церковныхъ соборовъ [8]). Основнымъ изъ такихъ признаковъ необходимо считать *объемъ полномочій* собора [9]). По объему полномочій западно-русскіе православные церковные соборы дѣлятся на „соборы тоя области“ [10])—*областные* соборы митрополичьяго округа и соборы *епархіальные*. Первымъ историческими источниками иногда усвояется названіе „помѣстныхъ“, „генеральныхъ“, „головныхъ“ [11]), а вторымъ „діоцезыальныхъ“ [12]) соборовъ и синодовъ.

Какъ областные, такъ и епархіальные соборы въ православной Западной Руси различаются по многимъ признакамъ, являющимся основаніями дѣленія ихъ на виды. Самымъ важнымъ изъ такихъ признаковъ является *предметъ* соборной дѣятельности. По предмету изъ числа интересующихъ насъ областныхъ и епархіальныхъ соборовъ выдѣляются: соборы „*елекційные*“ [13]), или избирательные, и соборы „*о справахъ церковныхъ*“ [14]), или соборы по текущимъ вопросамъ церковнаго законодательства, администраціи и суда. Соборы „елекційные“ рѣзко отличаются отъ соборовъ „о справахъ церковныхъ“. Прежде всего „елекційные соборы“ характеризуются *единствомъ своего предмета*, своей задачи, тогда какъ соборы „о справахъ церковныхъ“ отличаются *крайнимъ разнообразіемъ своихъ задачъ*. Отличаются первые соборы отъ вторыхъ и *временемъ своего созыва*: „елекційные“ соборы—всегда „*чрезвычайные*“, тогда какъ областные и епархіальные соборы „о справахъ церковныхъ“—*иногда чрезвычайные, иногда очередные*. Наконецъ еще два вида соборовъ встрѣчаемъ въ исторіи западно-русской православной церкви: соборы *открытые* и соборы „*покутные*“ или тайные [15]).

Изложенною классификаціею подлежащихъ описанію соборовъ опредѣляется планъ настоящей части нашей книги. Именно: мы должны воспроизвести исторію *областныхъ соборовъ* А) *елекційныхъ* и Б) *о справахъ церковныхъ*, а также *епархіальныхъ соборовъ* А) *елекційныхъ* и Б) о *справахъ церковныхъ*, выдѣляя при этомъ соборы *открытые* и *покутные, очередные* и *чрезвычайные* изъ числа исторически-извѣстныхъ областныхъ и епархіальныхъ соборовъ о справахъ церковныхъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Областные соборы.

I.

Областные „елекційные соборы“.

„Листы елекційніи маемо, гдѣ князѣ и шляхта и духовенство Роское и Литовское обираютъ митрополита и електа при дворянину кролевскомъ“. „Палинодія“ Захаріи Копыстенскаго. (Р. И. Б. т. IV, столб. 1035).

Въ полемической литературѣ и историческихъ документахъ Западной Руси 17 вѣка не рѣдкость встрѣтить такія фразы, которыми ясно выражена увѣренность въ томъ, что соборное избраніе западно-русскихъ православныхъ іерарховъ—митрополита и епископовъ есть „старожитный обычай“, „старожитная вольность“, привиллегія, неизмѣнно принадлежавшая и неизмѣнно свойственная церковному укладу православной Западной Руси [16]). Ту же увѣренность не рѣдкость встрѣтить и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, затрогивающихъ вопросъ о способахъ избранія западно-русской православной іерархіи [17]). Можно утверждать, съ полной достовѣрностью, что въ православной Западной Руси соборная „вольная елекція“ *не была единственнымъ способомъ избранія высшей іерархіи.* Кромѣ вольной елекціи здѣсь примѣнялись и *другіе способы избранія* іерарховъ, нерѣдко такіе, которые постепенно вытѣсняли, и надолго, „вольную елекцію“ изъ мѣстной церковной практики, такъ что исторія западно-русскихъ областныхъ елекційныхъ соборовъ испещрена хронологическими пробѣлами и имѣетъ свою особую схему, несходную съ истори-

ческою схемою соборовъ о справахъ церковныхъ. Поэтому, приступая къ описанію западно-русскихъ областныхъ елекційныхъ соборовъ, необходимо установить предварительно схему ихъ исторіи.

Схема исторіи областныхъ елекційныхъ соборовъ.

Интересующая насъ схема выяснится и получитъ твердыя основы въ томъ случаѣ, если мы укажемъ съ возможной полнотой и обстоятельностью всѣ способы избранія іерарховъ, примѣнявшіеся въ западно-русской православной церкви, укажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и время примѣненія этихъ способовъ избранія.

Къ числу этихъ способовъ относятся: 1) *избраніе на областномъ елекційномъ соборѣ*, 2) *избраніе на епархіальномъ елекційномъ соборѣ*, 3) *королевское и великокняжеское избраніе іерарховъ*, *или „подаванье духовныхъ хлѣбовъ“*, 4) *избраніе іерархомъ своего преемника*, 5) *избраніе патріаршимъ соборомъ присутствующихъ въ Константинополѣ, въ Римѣ или въ предѣлахъ Западной Руси*, 6) *сеймовое избраніе* (избраніе западно-русскихъ православныхъ іерарховъ на польско-литовскомъ сеймѣ).

Когда примѣнялись эти способы избранія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего намѣчаемъ общую схему исторіи западно-русской православной церкви. Первоначально, на зарѣ своего историческаго самостоятельнаго существованія—въ 14 и первой половинѣ 15 вѣка западно-русская митрополія не была единою, не была постоянною. Періодически возникали и закрывались митрополіи Галицкія, Литовскія, Галицко-Литовскія, существовавшія иногда параллельно, иногда—смѣняя одна другую [18]). Со второй половины 15 вѣка до ½ 17 вѣка существовала единая западно-русская митрополія Кіевская и Галицкая на территоріи польско-литовскаго государства въ каноническомъ подчиненіи Константинопольскому патріарху [19]). Съ ½ 17 вѣка, со времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству, единая западно-русская митрополія до 1685—6 г.г. существовала на территоріи двухъ государствъ—московскаго и польско-литовскаго въ подчиненіи Константинопольскому патріархату [20]). Съ 1686 г.

православная западно-русская (малороссійская и заграничная) церковь подчиняется юрисдикціи Московскаго патріархата и, какъ митрополичій округъ, существуетъ до Петровской реформы, до 1721 года, когда, съ учрежденіемъ Святѣйшаго Синода, подчиненныя ему западно-русскія православныя епархіи уже не имѣли во главѣ себя Кіевскаго и Галицкаго митрополита, самый титулъ котораго измѣнился на титулъ архіепископа [21]).

Въ первый изъ указанныхъ періодовъ западно-русской церковной исторіи (XIV—½ XV в. в.) избраніе православныхъ западно-русскихъ *епископовъ* совершалось неизмѣнно однимъ способомъ на областномъ елекційномъ соборѣ, т. е. тѣмъ способомъ, который въ данное время былъ обычнымъ и въ Константинопольскомъ патріархатѣ вообще и въ митрополіи „всея Руси“ въ частности [22]). Избраніе *митрополитовъ* при открытіи временно-возникавшихъ западно-русскихъ православныхъ митрополій совершалось не одинаково: то Константинопольскимъ патріаршимъ соборомъ присутствующихъ [23]), то польскими королями и литовскими великими князьями [24]), то елекційными областными соборами Западной Руси [25]). Въ послѣдующіе періоды западно-русской церковной исторіи для избранія *митрополита* примѣнялись такіе способы: избраніе на патріаршемъ соборѣ присутствующихъ въ Константинополѣ, въ Римѣ, или Западной Руси [26]), избраніе на областномъ елекційномъ западно-русскомъ соборѣ [27]), королевское подаванье духовныхъ хлѣбовъ [28]), сеймовое избраніе [29]), а для избранія *епископовъ*--избраніе на областномъ елекційномъ соборѣ [30]), королевское подаванье духовныхъ хлѣбовъ [31]), избраніе епископами своихъ преемниковъ, путемъ особой юридической записи съ коммерческимъ оттѣнкомъ [32]), и избраніе епископовъ на епархіальномъ елекційномъ соборѣ [33]). Датировать примѣненіе этихъ способовъ можно приблизительно такъ. Во второй половинѣ 15 вѣка западно-русскіе митрополиты избрались преимущественно на областныхъ елекційныхъ соборахъ. Повидимому такъ именно были избраны митрополитъ Мисаилъ, князь Пеструцкій (1474 г.) [37]), митрополитъ Симеонъ (1477 г.) [38]), митрополитъ Іона Глезна (1488 г.) [39]), Митрополитъ св. Макарій (1495 г.) [40]). Повидимому такъ же, т. е. на областномъ елекційномъ соборѣ избирались въ эту эпоху и

западно-русскіе православные епископы. По крайней мѣрѣ нѣтъ основаній утверждать, чтобы этотъ способъ избранія, обычный въ первый періодъ, почему нибудь былъ отмѣненъ въ эту эпоху[41]). Но приблизительно съ начала 16 вѣка въ жизни западно-русской православной церкви, первоначально какъ норма обычнаго права, а потомъ какъ норма положительнаго права, какъ частное обнаруженіе права патроната, получило развитіе королевское и великo-княжское „подаванье духовныхъ хлѣбовъ“—королевское и велико-княжское назначеніе западно-русскихъ православныхъ іерарховъ, митрополитовъ и епископовъ, вытѣснившее обычай соборнаго ихъ избранія. На этотъ новый способъ избранія есть указаніе въ постановленіяхъ Виленскаго собора 1508 года „о церковныхъ вещехъ и о исправленіи дѣлъ духовныхъ“ [42]). Съ теченіемъ времени королевское подаванье духовныхъ хлѣбовъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ практикѣ западно-русской православной церкви, призывая къ жизни и другой аналогичный, тѣсно связанный съ подаваньемъ, способъ избранія іерарховъ: избраніе западно-русскими православными епископами своихъ преемниковъ [42]). Въ послѣдней четверти 16 вѣка происходили такіе случаи избранія іерарховъ въ Западной Руси, которые со всею очевидностью говорятъ о томъ, что „подавцы духовныхъ хлѣбовъ“—совершенно не считались съ каноническими требованіями, предъявляемыми кандидатамъ священства, совершали свое подаванье на всей своей волѣ [43]). Таковъ, напримѣръ, фактъ возведенія на митрополичью каѳедру Западной Руси второбрачнаго Онисифора Дѣвочки [44]). Не мало характерныхъ фактовъ продажи своихъ каѳедръ будущимъ своимъ преемникамъ старцами—епископами пестрятъ исторію западно-русской православной церкви этой эпохи [45]). Конечною хронологическою гранью, за которой сталъ уже невозможенъ неканоническій способъ королевскаго и великокняжскаго подаванья православныхъ западно-русскихъ митрополичей и архіерейскихъ каѳедръ и связанная съ этимъ способомъ избранія купля-продажа этихъ каѳедръ, былъ 1596 годъ, годъ признанія польскою государственною властью западно-русской православной церкви недозволенною и перенесенія всѣхъ ея привиллегій гражданско-юридическаго характера на латино-уніатскую западно-русскую

церковь [46]). Съ 1596 года до возстановленія западно-русской православной іерархіи Іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ было крайне тяжелое время для православной западно-русской церкви не только въ смыслѣ полнаго безправія съ государственной точки зрѣнія, но и ужаснаго оскудѣнія со стороны нормальныхъ условій внутренняго церковнаго устройства и нормальныхъ функцій внутренняго церковнаго управленія. Въ эту эпоху было невозможно избрать и поставить православныхъ преемниковъ епископамъ—„апостатамъ“, было невозможно замѣстить православными епископами овдовѣвшихъ западно-русскихъ каѳедръ, овдовѣвшихъ съ переходомъ большинства западно-русской православной іерархіи въ унію. Поэтому данная эпоха, за исключеніемъ только одного момента [47]), должна быть вычеркнута изъ исторіи подлежащихъ нашему разсмотрѣнію соборовъ.

1620 годъ долженъ быть признанъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи западно-русскихъ елекційныхъ соборовъ. Съ этого года (со времени возстановленія западно-русской іерархіи патріархомъ Θеофаномъ) до конца всего подлежащаго нашему разсмотрѣнію времени способомъ избранія западно-русскихъ православныхъ іерарховъ, за исключеніемъ одного момента, было соборное избраніе [48]). Въ частности, до 1632 года такое избраніе совершалось безъ опредѣленной санкціи польско-литовскихъ государственныхъ законовъ. Въ 1632 году принципъ соборнаго избранія западно-русскихъ православныхъ іерарховъ былъ нарушенъ единичнымъ случаемъ сеймоваго ихъ избранія, но въ то же время этотъ принципъ былъ зафиксированъ юридически и точно опредѣлены формы его примѣненія. Именно, съ этого года западно-русскіе православные митрополиты должны были избираться и избирались *на областныхъ елекційныхъ соборахъ*, а западно-русскіе православные епископы должны были избираться и избирались *на епархіальныхъ елекційныхъ соборахъ* [49]). Этотъ порядокъ избранія не нарушался въ западно-русской православной церкви до 1721 года—конечной хронологической грани подлежащихъ нашему изслѣдованію соборовъ.

На основаніи сказаннаго схема исторіи научно-извѣстныхъ

областныхъ елекційныхъ соборовъ западно-русской православной церкви можетъ быть представлена въ такомъ видѣ.

А. Областные елекційные соборы для избранія западно-русскихъ епископовъ въ 14 вѣкѣ.

Б. Областные елекційные соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 15 вѣкѣ.

В. Областные елекційные соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 17 вѣкѣ.

А.

Областные елекційные соборы для избранія западно-русскихъ епископовъ въ 14 вѣкѣ.

Сохранились интересныя свѣдѣнія о порядкѣ избранія западно-русскихъ православныхъ епископовъ въ 14 вѣкѣ. Разумѣемъ „Записки о поставленіи русскихъ епископовъ“, сохранившіяся въ Ватиканской библіотекѣ [50]). Содержащіяся въ этихъ запискахъ свѣдѣнія относятся къ тому времени, когда въ Западной Руси временно возникали и закрывались отдѣлявшіяся отъ митрополіи „всея Руси“ особыя митрополіи. И потому, хотя описываемые здѣсь соборы происходили подъ предсѣдательствомъ митрополита [51]) „всея Руси“ Ѳеогноста, тѣмъ не менѣе, какъ происходившіе на территоріи западно-русскихъ православныхъ епархій и состоявшіе изъ западно-русскихъ православныхъ епископовъ, эти соборы могутъ характеризовать жизнь весьма близкихъ имъ по времени западно-русскихъ митрополій. Въ „Запискахъ“ содержатся слѣдующія свѣдѣнія объ избирательныхъ (елекційныхъ) соборахъ.

Соборы, происходившіе въ маѣ мѣсяцѣ 1328 года.

Два майскихъ собора происходили непосредственно одинъ за другимъ. Нужно думать, что они представляли какъ бы два засѣданія одного и того же собора. Цѣлью ихъ было избраніе епископовъ на каѳедры Владимірскую и Галицкую. На соборѣ присутствовали епископы: Маркъ Перемышльскій, Григорій Холм-

скій, Θеодосій Луцкій и Стефанъ Туровскій. „Прочіе епископы выразили свое согласіе“, т. е. передали свои избирательныя полномочія участникамъ собора.

Въ дѣятельности собора можно отмѣтить два момента. Прежде всего на соборѣ были избраны путемъ подачи голосовъ (ψηφισθέντων—ψῆφος—камень для голосованія) три кандидата „достойныя лица по чину каноническому“: іеромонахъ Аѳанасій, іеромонахъ Θеодосій, іеромонахъ Петръ въ первомъ засѣданіи, а во второмъ засѣданіи—іеромонахи: Θеодоръ, Петръ и Антоній. Затѣмъ происходило вторичное и окончательное избраніе (предпочтеніе) одного изъ трехъ перечисленныхъ кандидатовъ. На первомъ засѣданіи предпочтеннымъ и избраннымъ оказался іеромонахъ Аѳанасій, а на второмъ засѣданіи—іеромонахъ Θеодоръ. Заключительнымъ моментомъ дѣятельности собора было поставленіе избранныхъ лицъ во епископа.

Соборъ 6 декабря 1331 года для избранія епископа Луцкаго. Соборъ происходилъ „въ присутствіи боголюбимѣйшихъ епископовъ: Аѳанасія Владимірскаго, Θеодора Галичскаго и Григорія Холмскаго“ съ согласія и прочихъ епископовъ. „На соборѣ были предызбраны три достойныя лица—іеромонахи: Трифонъ, Антоній и Петръ. Предпочтенный и избранный іеромонахъ Трифонъ былъ рукоположенъ въ Луцкѣ.

Апрѣльскій соборъ 1332 года—для избранія Черниговскаго епископа. Участниками собора были епископы: Аѳанасій Владимірскій, Θеодоръ Галичскій, Григорій Холмскій и Маркъ Перемышльскій „при согласіи прочихъ“. Избранъ былъ и рукоположенъ іеромонахъ Павелъ.

Соборъ 19 сентября 1335 года—для избранія Черниговскаго епископа. Соборъ происходилъ „въ присутствіи“ слѣдующихъ епископовъ: „киръ Аѳанасія Владимірскаго, киръ Θеодора Галичскаго, Григорія Холмскаго, Трифона Луцкаго, Іоанна Смоленскаго при согласіи и прочихъ епископовъ“. Предызбраны были іеромонахъ Іоаннъ, Максимъ—архимандритъ Печерскій и іеромонахъ Петръ, а избранъ и рукоположенъ „во епископа богоспасаемаго града Брянска“ іеромонахъ Іоаннъ.

Августовскій соборъ 1345 года—для избранія Смоленскаго епископа. Участниками собора были епископы: Брянскій Іоаннъ и Бѣлгородскій Кириллъ. Избранъ и рукоположенъ былъ іеромонахъ Евфимій.

Изложенныя свѣдѣнія не даютъ возможности точно опредѣлить составъ перечисленныхъ елекційныхъ соборовъ. Выраженіе „Записокъ“—„въ присутствіи“ епископовъ—глухо: его можно понимать и въ томъ смыслѣ, что на соборѣ присутствовали не одни только епископы, а и другія компетентныя и правоспособныя лица, можно понимать и такъ, что присутствующими на соборѣ съ правомъ голоса были только упоминаемые въ „Запискахъ“ епископы. Первое пониманіе этой фразы представляется болѣе правильнымъ въ виду крайне малаго числа епископовъ, присутствующихъ на соборѣ 1345 г. (всего два). Поэтому можно съ большой вѣроятностью допустить мысль объ участіи въ перечисленныхъ соборахъ кромѣ епископовъ и другихъ лицъ изъ клира или и изъ мірянъ.

Соборы 1389—1390 годовъ—для избранія двухъ епископовъ въ валашскія епархіи Галицкой митрополіи. Соборы эти нужно предполагать во время четвертой по счету Галицкой митрополіи, при Галицкомъ митрополитѣ Антоніи, который, по просьбѣ духовенства и мірянъ молдавской части своей митрополіи, поставилъ для нихъ двухъ епископовъ: Іосифа и Мелетія [52]).

Б.

Областные елекційные соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 15 вѣкѣ.

Соборы 1415 года, закончившіеся избраніемъ Григорія Цамблака на каѳедру западно-русской православной митрополіи. Въ исторической литературѣ существуютъ крайне разнорѣчивыя мнѣнія какъ относительно количества этихъ соборовъ, такъ и относительно ихъ хронологической послѣдовательности. Одни изслѣдователи полагаютъ, что этихъ соборовъ было четыре [53]), другіе-три [54]), третьи-два [55]), а четвертые-упоминаютъ только объ од-

Академия

номъ соборѣ [56]). Не менѣе разнорѣчивы взгляды и на хронологію этихъ соборовъ. Даже послѣдній изъ нихъ—соборъ для избранія и поставленія Григорія Цамблака на митрополичью каѳедру датируется неодинаково: одни относятъ его къ 1415 году, а другіе къ 1416 году [57]). Несмотря на такую неопредѣленность научныхъ воззрѣній по вопросу о количествѣ и точныхъ датахъ разсматриваемыхъ соборовъ, вопросъ этотъ можетъ быть подвинутъ къ рѣшенію путемъ возстановленія общей послѣдовательности событій въ современной этимъ соборамъ попыткѣ открытія западно-русской митрополіи, попыткѣ, относящейся къ 1406-1415 годамъ, и путемъ систематизаціи документальныхъ данныхъ о западно-русскихъ церковныхъ соборахъ, связанныхъ съ этою попыткою. Западно-русскіе церковные соборы 1415 года являются отдѣльными звеньями въ цѣлой цѣпи событій, изъ которыхъ складывается возникновеніе и недолгое существованіе пятой литовской митрополіи 1415-1419 г. въ составѣ десяти епархій (Черниговской, Полоцкой, Луцкой, Владимірской, Галицкой, Смоленской, Холмской, Червенской, Туровской и митрополичьей-новообразовавшейся). [58]).

Начальнымъ моментомъ въ исторіи этой литовской митрополіи нужно признать 1406 г., годъ смерти митрополита „всея Руси“ Кипріана. [59]). Въ этомъ году открылась вражда между Московскимъ и Литовскимъ великими князьями, приведшая къ войнѣ Литвы съ Москвой. Великій князь литовскій Витовтъ, не желая чтобы западно-русская церковь подчинялась митрополиту „всея Руси“, жившему въ Москвѣ, обратился къ Цареградскому патріарху съ просьбою поставить для западно-русской церкви отдѣльнаго митрополита—Полоцкаго епископа Ѳеодосія (грека). Просьба эта не была исполнена и преемникомъ Кипріану былъ поставленъ митрополитъ „всея Руси“-Фотій 1 сентября 1407 года. [60]). Къ этому первому моменту въ исторіи пятой литовской митрополіи относится прибытіе въ Западную Русь изъ Сербіи племянника митрополита Кипріана—Григорія Цамблака, болгарина, ученаго іеромонаха, даровитаго проповѣдника, бывшаго апокрисіарія Цареградскаго патріарха, прибытіе того лица, которое впослѣдствіи стало душой всей дальнѣйшей борьбы за открытіе пя-

той литовской митрополіи 1415-1419 года. Григорій Цамблакъ прибылъ на Русь изъ Сербіи по письменному вызову своего дяди—митрополита Кипріана, который хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ, но прибылъ слишкомъ поздно: когда онъ былъ въ предѣлахъ Литвы, на Нѣманѣ, къ нему пришло извѣстіе, что Кипріанъ умеръ. [61]). Дѣятельность Григорія по прибытіи на Русь (послѣ 1406 г.) и мѣсто этой дѣятельности до 1414 года можетъ быть только предметомъ различныхъ предположеній. Съ несомнѣнностью извѣстно только то, что къ 1414 году Григорій уже сблизился съ тѣми лицами, которые были главными дѣятелями при открытіи возникавшей въ это время западно-русской митрополіи.

Описанный выше первый моментъ въ исторіи открытія этой митрополіи (просьба о поставленіи на митрополію Ѳеодосія Полоцкаго) не имѣлъ положительныхъ результатовъ. Не получивъ удовлетворенія своей просьбы, Витовтъ вынужденъ былъ покориться волѣ патріарха. Но эта вынужденная покорность не положила конца начавшемуся дѣлу раздѣленія митрополій. Напротивъ, обстоятельства способствовали энергичному продолженію этого дѣла. Историческіе прецеденты церковаго сепаратизма западно-русскихъ епархій митрополіи „всея Руси“ не были выраженіемъ стремленій всего православнаго населенія этихъ епархій, всецѣло создаваясь государственною властью и тѣми или другими высшими мѣстными іерархами, домогавшимся митрополичьяго сана. [62]). Аналогичны и тѣ вліянія, которыми создавалась разсматриваемая попытка раздѣленія митрополій. На основаніи историческихъ данныхъ нельзя предполагать, чтобы въ разсматриваемое время стремленіе къ сепаратизму было въ сильной степени свойственно какъ духовенссву, такъ и мірянамъ западно-русскихъ епархій. Объ этомъ говоритъ уже отсутствіе протеста противъ поставленія Фотія на митрополію „всея Руси“ безъ выдѣленія изъ подъ его власти западно-русскихъ епархій. Объ этомъ же говоритъ и вторичное принятіе Фотія въ Западной Руси послѣ смерти Григорія Цамблака. [63]). Прямое подтвержденіе высказанной мысли о вліяніяхъ, создавшихъ успѣхъ разсматриваемой попыткѣ раздѣленія митрополій, находимъ въ восточно-русскихъ лѣ-

тописяхъ. По ихъ свидѣтельству, великій князь Витовтъ, *угрожая смертью, заставилъ* западно-русскихъ епископовъ написать грамату объ осужденіи Фотія, избрать и поставить на митрополію Западной Руси Григорія Цамблака. [64]). Безспорно справедлива мысль этого лѣтописнаго свидѣтельства, та мысль, что главною причиною, поднявшею и направлявшею разсматриваемое дѣло —открытіе западно-русской митрополіи въ 1415 году, было *личное вліяніе Витовта.*

Причины, побудившія Витовта стремиться къ открытію западно-русской митрополіи въ разсматриваемое время, раздѣляются на *внутреннія* (-воззрѣнія Витовта) и *внѣшнія* (-вліянія на него), при чемъ преимущественное значеніе принадлежитъ, несомнѣнно, послѣднимъ и въ томъ числѣ слѣдующему чисто случайному явленію. По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, митрополитъ Фотій, по прибытіи своемъ въ Москву, нашелъ въ большомъ небреженіи свои митрополичьи вотчины, свое митрополичье хозяйство и повелъ настойчивые суровые розыски расхищеннаго и борьбу съ виновниками хищеній. [65]). Слѣдствіемъ его суровой настойчивости было то, что нѣкоторые изъ преслѣдуемыхъ имъ виновниковъ хищеній, полные озлобленія на него и желанія отомстить ему, бѣжали изъ Москвы въ Литву въ 1313 году и здѣсь всѣми силами старались поссорить съ Фотіемъ великаго князя Витовта. Усилія этихъ враговъ Фотія не остались безплодными. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, въ 1414 году до Фотія дошла вѣсть изъ Кіева, „еже клеветы миоги сотвориша на него лукавіи человѣцы, иже бѣжаша отъ него съ Москвы, свои ему суще, къ черниговскому владыцѣ, а оттуду въ Литву къ Витовту“ и „тако ссориша его съ Витовтомъ и брань велію воздвигоша и св. Церкви Божіей смущеніе и мятежъ велій бысть“ [66]). Приведенное лѣтописное свидѣтельство ясно показываетъ виновниковъ ссоры Витовта съ Фотіемъ, указываетъ и средство, которымъ московскіе враги Фотія создали ссору. Это средство-клевета. Одно изъ лицъ, бывшихъ вмѣстѣ съ клеветниками Фотія, Никоновская лѣтопись называетъ по имени. Это—московскій гость Лазарь [67]). По свидѣтельству той же лѣтописи, успѣху клеветниковъ содѣйствовали московскіе бояре [68]). Содержаніемъ клеветы,

по свидѣтельствамъ источниковъ, было обвиненіе Фотія въ корыстолюбіи и небреженіи о западно-русскихъ епархіяхъ, а также „въ нѣкоторой тайной вещи“ [69]). Соборная грамата западно-русскихъ епископовъ къ Фотію, грамата тѣхъ же епископовъ къ западно-русской церкви и окружная грамата Витовта вполнѣ опредѣленно указываютъ эти недостатки Фотія. Во всѣхъ перечисленныхъ историческихъ документахъ главною причиною отверженія западно-русскими епископами власти Фотія выставляются его личныя „вины“, распространяемыя и на его предшественниковъ. Общую вину Фотія и его предшественниковъ по отношенію къ западно-русскимъ епархіямъ перечисленные исторические документы указываютъ въ невниманіи къ нуждамъ западно-русской церкви, въ „презрѣніи“ этой церкви. [70]). Соборная грамата упрекаетъ Фотія въ томъ, что онъ „пастырь именемъ, а не дѣломъ“ [71]). Грамата Витовта прилагаетъ этотъ упрекъ ко всѣмъ предшественникамъ Фотія „колико было за нашу память“ [72]), говоря, что они „церкви не строили, какъ было издавна“ [73]). Общій упрекъ въ презрѣніи „церкви кіевское“ въ обѣихъ грамотахъ непосредственно сопровождается болѣе реальнымъ частнымъ упрекомъ въ томъ, что Фотій и другіе митрополиты „всея Руси“ „приходы церковныа собирая, живяше индѣ и старая устроенія и честь кіевской церкви на ино мѣсто полагаше“ [74]), „но колико церковныхъ приходовъ, поемлючи, на иная мѣста носили и давали“ [75]). Но самымъ сильнымъ упрекомъ Фотію со стороны клеветниковъ былъ не корыстолюбіе его. Какъ видно изъ соборной граматы 1415 года, главнымъ упрекомъ была тайная „нѣкая вещь“, позорящая Фотія. „Извѣстно увѣдѣни быхомъ о нѣкоторой вещи, пишутъ въ своей граматѣ западно-русскіе епископы, яже не токмо есть не по правиломъ, но и подъ изверженіемъ и подъ проклятіемъ, яже и самъ, свою совѣсть испытавъ, познаеши. Мы бо ту не пишемъ, не хотяще посрамити тя; глаголемъ же къ тебѣ, яко не имамы тя епископа по правиламъ“ [76]). Если снести съ этими словами вышеприведенное свидѣтельство Никоновской лѣтописи о клеветѣ, то становится понятнымъ, откуда западно-русскіе епископы „извѣстно увѣдѣны быша о нѣкоей тай-

ной вещи". Таково первое *внѣшнее* обстоятельство, побуждавшее Витовта къ живому участію въ дѣлѣ раздѣленія митрополій. Это обстоятельство—*ссора Витовта съ Фотіемъ*.

Другимъ такимъ обстоятельствомъ необходимо признать присутствіе въ Западной Руси искателя митрополичьей каѳедры Григорія Цамблака, который, какъ ученый богословъ и знатокъ церковныхъ каноновъ, могъ дать направленіе всему этому дѣлу. Зерно ссоры, брошенное въ Литвѣ бѣглыми московскими клеветниками, направленное умѣлою рукою Григорія Цамблака, упало на благодарную почву. Такой именно почвой оказалось въ данномъ случаѣ *личное психологическое состояніе Витовта*. Витовтъ, какъ и большинство его предшественниковъ, всегда при удобномъ случаѣ дѣлалъ попытки открыть независимую отъ митрополита „всея Руси" западно-русскую митрополію [77]). Ссора съ Фотіемъ и была такимъ удобнымъ случаемъ. Въ исторической литературѣ существуетъ предположеніе, будто „тайнымъ" мотивомъ „ссоры" Витовта съ Фотіемъ было стремленіе Витовта привести западно-русскія православныя епархіи къ уніи съ латинскою церковію и что его заботы о раздѣленіи митрополіи „всея Руси" вызывались этимъ именно стремленіемъ [78]). Подтвержденіемъ этого предположенія, повидимому, можетъ быть фактъ посылки Витовтомъ Григорія Цамблака на Констанцкій соборъ. Но высказанное предположеніе не находитъ твердыхъ основаній въ историческихъ источникахъ и не признается многими изслѣдователями вопроса. На Констанцкій соборъ Григорій Цамблакъ былъ посланъ только „для виду" и открыто заявилъ что не думаетъ вводить унію въ своей митрополіи. По словамъ самаго Витовта, причиной его стремленія къ открытію западно-русской митрополіи была его забота о благѣ своихъ православныхъ подданныхъ. „Мы хотячи, чтобы ваша вѣра не меньшала, не угыбала, и церквамъ вашимъ бы строеніе было, учинили есмо такъ митрополита, зборомъ, на кіевскую митрополію, штобы русская честь стояла на своей землѣ" [79]). По словамъ одного изслѣдователя вопроса, Витовтъ нелицемѣрно былъ расположенъ къ православію и въ откровенной бесѣдѣ съ митрополитомъ Григоріемъ выражалъ желаніе принять снова вѣру, чуждую

политическихъ разсчетовъ [80]). Вѣское подтвержденіе своей искренности приводитъ самъ Витовтъ въ своей окружной граматѣ 1415 года: „занеже мы есмо не вашее вѣры, а коли быхмо хотѣли того, штобы въ нашей державѣ вѣра ваша меншалася и угыбала, а церкви ваши не строены, и мы быхомъ о томъ не печаловалися, воля намъ есть. Но коли митрополита нѣтъ или которы владыка умерлъ на которой епископьи, и мы быхомъ какова намѣстника дрьжати по нашей воли, а доходъ церковный митрополичій и епископскій, собѣ быхомъ имѣли“ [81]). Нельзя отрицать того, что Витовтъ имѣлъ въ своихъ рукахъ роковое оружіе, которое, при желаніи, могло быть направлено имъ на пользу уніи съ вѣрнымъ успѣхомъ. Это—„его воля“, его политическая власть. Витовтъ могъ употребить эту силу на пользу уніи, подобно тому, какъ это дѣлали съ громаднымъ, хотя и прискорбнымъ, успѣхомъ польскіе государи конца 16 и 17 в.в. Но Витовтъ обнаруживалъ совершенно другія стремленія. Признавая искренность заботъ Витовта о нуждахъ его православныхъ подданныхъ, можно уяснить его психологическое состояніе, сложившееся къ разсматриваемому времени. Витовтъ призналъ Фотія и принялъ его митрополитомъ по прибытіи на каѳедру, подчиняясь волѣ патріарха [82]). Въ лицѣ Фотія онъ встрѣтилъ человѣка, повидимому внимательнаго къ западно-русской церкви. Такъ, по прибытіи на Русь Фотій прожилъ въ Кіевѣ около мѣсяца. Въ 1410 году онъ прожилъ въ Литвѣ около шести мѣсяцевъ. Къ разсматриваемому времени начало больше и больше обнаруживаться со стороны Фотія обычное отношеніе митрополитовъ всея Руси къ западно-русской церкви: забота только о „соборѣ приходовъ“. „Витолтъ же не любляше сего, еже изъ его области дани во ину область износити, и разгнѣвася на Фотѣя“ [83]). Въ связи съ этимъ естественно возникало уже начинавшееся дѣло объ открытіи западно-русской митрополіи. Клевета бѣглыхъ московскихъ черноризцевъ была толчкомъ, вызвавшимъ гнѣвъ Витовта и побудившая его выступить на открытую борьбу съ Фотіемъ. Такъ началась „ссора“ и „брань велія“, приведшія къ соборамъ 1415 года.

Въ историческомъ развитіи этой „брани“ можно отмѣтить прежде всего слѣдующіе моменты: а) *начало „ссоры“* Витовта съ Фотіемъ (1413 годъ) вслѣдствіе клеветы бѣглыхъ московскихъ черноризцевъ, митрополичьихъ бояръ и слугъ и др. лицъ, враговъ Фотія [84]), б) *рѣшеніе Витовта* и *литовскихъ бояръ*, *„изгнать Фотія* съ митрополіи Кіевской“ (начало 1414 года) [85]), в) временная *конфискація* митрополичьихъ имуществъ въ Литвѣ, *перепись* имущества каѳедральной митрополичьей церкви св. Софіи Кіевской и *отправленія посольства* въ Царьградъ *„съ жалобами многими на Фотія“ и съ просьбой объ открытіи западно-русской митрополіи и о поставленіи на эту митрополію Григорія Цамблака*, отправившагося вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ (первая половина 1414 г.) [86]), г) *путешествіе въ Литву Фотія*, его *ограбленіе* здѣсь по приказанію Витовта и *возвращеніе* Фотія въ Москву (первая половина 1414 года) [87]), д) *посольство отъ Фотія въ Царьградъ* съ предостереженіемъ патріарха [88]) и е) *отлученіе Григорія Цамблака* патріархомъ (1414 годъ) [89]). На основаніи прямого, яснаго свидѣтельства главнаго дѣятеля всѣхъ этихъ событій Витовта, всѣ перечисленные моменты „великой брани“ необходимо поставить *внѣ* исторіи подлежащихъ нашему разсмотрѣнію соборовъ, необходимо отнести эти моменты ко времени *до начала* названныхъ соборовъ. Въ своей окружной граматѣ, изданной вскорѣ послѣ 15 ноября 1415 года, Витовтъ вполнѣ опредѣленно отмѣчаетъ чисто свѣтскій, политическій характеръ этихъ моментовъ своей борьбы съ церковною властью Фотія. Именно, перечисливъ вины Фотія, Витовтъ говоритъ: „про тожъ мы, не мога того терпѣти, церкви тоа не хотячи оскуденіа видѣти, митропольи кіевскоѣ, и згадавъ (т. е. *посовѣтывавшись*) съ нашею братьею, *съ князьями Рускыми* нашихъ Рускыхъ земель, того Фотѣя изгнали есмо со стола кіевское митропольи; и послали есмо въ Царьградъ къ царю и патріарху, жалуяся и вся тоя дѣла имъ являя о церкви кіевской; и просили есмо ихъ, штобы намъ поставили митрополитомъ Григорія; и ни того намъ не учинили“ [90]). Изъ приведенныхъ словъ ясно можно видѣть, кто „изгналъ Фотѣя“, кто жаловался на него въ Царьградъ и кто просилъ „поставить митрополитомъ Гри-

горія". Всѣ эти дѣйствія принадлежатъ не западно-русскому церковному собору, какъ думаютъ многіе изслѣдователи вопроса [91]), а литовской государственной власти. Такой соборъ по вопросу о раздѣленіи митрополіи „всея Руси" *былъ послѣ* отправленія въ Царьградъ Григорія Цамблака, даже послѣ его отлученія патріархомъ, когда явилась потребность „поставить митрополита зборомъ". Кромѣ яснаго свидѣтельства Витовта, чисто свѣтскій характеръ перечисленныхъ моментовъ въ процессѣ возникновенія западно-русской митрополіи 1415—1419 года оправдывается историческими прецедентами. Въ большинствѣ случаевъ Литовскіе и Галицкіе митрополиты посылались въ Царьградъ польскими и литовскими государями безъ соборнаго избранія [92]). Съ точки зрѣнія установленнаго положенія о характерѣ перечисленныхъ выше моментовъ „веліей брани" необходимо признать ошибочными мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что въ 1414 году въ Западной Руси происходили соборы для осужденія Фотія, для избранія Григорія Цамблака и для посольства его въ Царьградъ [93]).

Просьбы Витовта о поставленіи на западно-русскую митрополичью каѳедру Полоцкаго архіепископа Ѳеодосія (1406 г.) и Григорія Цамблака (1414 годъ) составляютъ два фазиса въ исторіи возникновенія литовской митрополіи 1415—1419 г. Третій и послѣдній фазисъ въ этомъ процессѣ составляютъ областные западно-русскіе церковные *соборы 1415 года*. Начальную грань въ исторіи этихъ соборовъ составляетъ отлученіе Григорія Цамблака въ Константинополѣ (во второй половинѣ 1414 г.), а конечную—его поставленіе на митрополію въ Новогрудкѣ соборомъ западно-русскихъ епископовъ (15 ноября 1415 года).

Въ историческихъ источникахъ количество западно-русскихъ областныхъ церковныхъ соборовъ 1415 года опредѣляется такъ: а) соборъ (въ мартѣ) 1415 года по вопросу о поставленіи западно-русскаго митрополита безъ воли патріарха, закончившійся отправленіемъ посольства къ патріарху, б) соборъ 15 августа 1415 г., составлявшійся въ ожиданіи патріаршаго отвѣта на просьбу, отправленную съ упомянутымъ выше посольствомъ, и в) соборъ 15 ноября 1415 года, избравшій и поставившій Григорія Цамблака [94]).

Мартовскій соборъ 1415 года. Окружная грамата Витовта въ діалогической формѣ описываетъ ходъ разсужденій на этомъ соборѣ, освѣщая его составъ и предметъ. „Про тожъ мы поговорили съ владыками нашими и съ архимандриты, и рекли есмо, што хочемъ учинити, занеже намъ того смотрячи жаль: хотя есмо не у вашей вѣрѣ, а иныи люди съ стороны ркуть: „осподарь не въ той вѣрѣ, того для церковь оскудѣла“: ино бы того слова отъ людей на насъ не было; а митрополичьи дѣла суть явна, штожъ отъ него не строеніа, но грабленіа церкви. И владыки намъ отвѣчали: „штожъ такъ есть не теперво слышимъ, но и видимъ, што церковь скудѣетъ, а царь и патріархъ строителя добраго намъ не дастъ: по правиломъ намъ годится митрополита зборомъ поставити, какъ и перво сего такожъ было; при великомъ Изъяславѣ Кіевскомъ сбъравшимся епископамъ зборомъ, и поставиша митрополита Кіеву и всея Руси, а то нашли есмо написано стоитъ въ лѣтописцѣхъ Рускыхъ, въ Кіевскомъ и въ Володимерскомъ и въ иныхъ“ [95]), Такимъ образомъ, созывъ собора и начало соборныхъ совѣщаній принадлежитъ Витовту, изложившему „што хощетъ учинити“. Затѣмъ слѣдуютъ мнѣнія владыкъ, соглашающихся съ мыслью о необходимости отдѣленія западнорусскихъ епархій отъ митрополіи „всея Руси“ и допускающихъ поставленіе митрополита „зборомъ“. Нельзя вполнѣ признать достовѣрной послѣднюю мысль приведеннаго свидѣтельства. Нужно думать: западно-русская іерархія съ неудовольствіемъ отнеслась къ мысли о самовольномъ поставленіи митрополита безъ воли патріарха. Объ этомъ ясно говоритъ вынесенное Витовтомъ на соборѣ рѣшеніе даннаго вопроса: „и потомъ, погадавъ, и рекли есмо: „еще пошлемъ въ Царьградъ къ царю и патріарху“ [96]). Такое рѣшеніе показываетъ, что самовольное поставленіе митрополита не нашло полнаго одобренія на соборѣ. Изложенныя документальныя данныя о разсматриваемомъ соборѣ устанавливаютъ его составъ, предметъ и рѣшеніе обсуждавшихся на немъ въ описанной послѣдовательности вопросовъ. Въ соборномъ совѣщаніи участвовали: Витовтъ, западно-русскіе епископы и архимандриты. Предметомъ соборнаго обсужденія были вопросы: а) о необходимости раздѣленія митрополіи „всея Руси“ и б)

о правѣ западно—русскихъ епископовъ поставитъ себѣ митрополита „зборомъ“. Первый вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно, а второй не получилъ окончательнаго рѣшенія: соборъ склонился къ мысли повторить посольство къ царю и патріарху съ просьбой объ открытіи западно-русской митрополіи безъ указанія опредѣленнаго кандидата на эту митрополію. Отправленіе этого посольства и было положительнымъ результатомъ разсматриваемаго собора. Посольству при этомъ было поручено выполнить свое порученіе настойчиво и въ опредѣленный, указанный соборомъ, срокъ. Посольству было поручено заявить въ Царьградѣ: „толко намъ какъ уже не дасте митрополита по правиломъ, и мы учинимъ такъ, какъ прьво сего было“ [97]), т. е. учинимъ поставленіе митрополита „зборомъ“. Посольству былъ назначенъ срокъ возвращенія: „и срокъ посламъ нашимъ учинили есмо, быти имъ у насъ на Ильинъ день, а послѣдній рокъ имъ, Успеніе Пресвятыя Богородица“ [98]).

Августовскій соборъ 1415 года. Не получая отвѣта къ послѣднему „року“, Витовтъ рѣшилъ привести въ исполненіе постановленіе мартовскаго собора, рѣшилъ приступить къ избранію и поставленію митрополита „зборомъ“. Слѣдствіемъ этого рѣшенія было созваніе Витовтомъ новаго собора (мнѣніе проф. Голубинскаго) [99]) для избранія и поставленія митрополита. Дѣятельность этого собора не могла начаться вслѣдствіе прибытія въ Литву патріаршаго и царскаго пословъ, возвращавшихся изъ Москвы. Эти послы—„царевъ-Дасипатъ и патріаршъ-архимандритъ Гаврило“ уговорили Витовта „о томъ дѣлѣ штобъ отложить до Филиппова дня“ (14 ноября) [100]).

Ко дню св. апостола Филиппа и собрался *ноябрьскій соборъ 1415 года.*

Ноябрьскій соборъ 1415 года. Соборная грамата 15 ноября 1415 года даетъ слѣдующія свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности этого собора. „И събра (Витовтъ) вси князи Литовскихъ и Рускыхъ земель и иныхъ странъ, елико суть ему покорени Богомъ, нашеа церкви, и бояръ, и вельможъ, архимандриты же и игумены, и благоговѣйные инокы и попы. И сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею и нашимъ избраніемъ и хотѣніемъ, сшедшеся въ

Новѣмъ граду Литовскомъ, въ святѣй церкви Пречистыя Богородица, по благодати, даннѣй намъ отъ Святаго Духа, поставихомъ митрополитомъ святѣй нашей церкви кіевской и вся Руси, именемъ Григоріа“ [101]). Такимъ образомъ въ составъ разсматриваемаго собора входили: западно-русскіе епископы, архимандриты, игумены, священники и иноки, а также Витовтъ и его князья и бояре. Соборная грамата сохранила подписи епископовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ. Это: „смиренніи епискупи Русскыхъ странъ и братья другъ ко другу по Духу Святому, Ѳеодосіе архіепископъ Полоцкый, Исакіе Черниговскый, Діонисіе Луцкый, Герасимъ Володимерскый, Галасей Перемышльскый, Савастьянъ Смоленскый, Харитонъ Хольмскый, Еуфиміе Туровскый“. [102]). Никоновская лѣтопись прибавляетъ еще двухъ епископовъ: Галицкаго и Червенскаго [103]). Ипатьевская лѣтопись даетъ основаніе предполагать, что клирики на этомъ соборѣ присутствовали въ большомъ количествѣ. „Въ лѣто 6923 (1415 г.) Витовтъ великій князь литовскій, видя, яко святая Софія, стольная церковь митрополяя, не имущи господаря, аки вдова осиротѣвшая красоты своея лишена есть... еще же размысли и се, да не умалится богатство въ земли Русской: и сего ради повелѣ собратися на соборъ всѣмъ епископамъ и всему ихъ освященному клиру“ [104]). Перечисленныя лица, бывшія на разсматриваемомъ соборѣ, участвовали въ его дѣятельности не съ одинаковыми полномочіями. Западно-русскіе епископы, выразили свое участіе въ соборной дѣятельности въ томъ, что формально заявили объ отреченіи своемъ отъ подчиненія Фотію, избрали и поставили Григорія и издали объ этомъ соборную грамату. Остальные участники собора, не участвуя въ церковно-іерархической дѣятельности епископовъ-избирателей, выразили только „совѣтъ и волю“, т. е. дали свою рекомендацію избранному. Витовтъ, созывавшій соборъ, кромѣ того издалъ окружную грамату объ избраніи и поставленіи Григорія.

Послѣдующіе соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 15 в.

Первый митрополитъ, начавшій непрерывный рядъ западно-русскихъ митрополитовъ 15 вѣка—Григорій I-й былъ присланъ изъ

Рима и насильно, вопреки желанію православныхъ, водворился въ Литвѣ. [105]). Его преемникъ-*Михаилъ Друцкій* (по Ярушевичу) [106]) или Петруцкій (по митр. Макарію) [107]), коренной западно-руссъ, принадлежавшій къ большой княжской фамиліи, былъ избранъ на митрополію изъ Смоленскихъ епископовъ (1475 г.) *областнымъ западно-русскимъ елекційнымъ соборомъ* [108]) и при томъ, какъ можно думать, безъ согласія и даже вопреки желанію Константинопольскаго патріарха, такъ что избравшіе его епископы нравственно обязаны были поддерживать своего избранника [109]). Вѣроятно еще при жизни митрополита Мисаила патріархъ прислалъ въ Западную Русь митрополита Спиридона, который не былъ здѣсь принятъ и бѣжалъ въ Москву въ началѣ 90-хъ годовъ XV в. [110]). Преемникъ митрополита Мисаила-Симеонъ былъ избранъ *елекційнымъ областнымъ западно-русскимъ соборомъ.* [111]). Въ 1481 году патріархъ прислалъ ему свой „благословенный листъ“ [112]). *Елекційнымъ западно-русскимъ областнымъ соборомъ* былъ избранъ на митрополію и преемникъ Симеона—*Іона.* О порядкѣ его избранія и о составѣ избиравшихъ его лицъ сохранились цѣнныя свѣдѣнія въ челобитной русскихъ князей великаго княжества литовскаго къ патріарху отъ средины іюня 1492 года. [113]) По смерти митрополита Симеона западно-русская митрополія „не мало“ вдовствовала. Православные упросили „господаря своего, да повелитъ избрать годнаго настоятеля на престолъ Кіевскій и всея Руси“. Когда господарь повелѣлъ, то происходило „взысканіе многое“ по всѣмъ странамъ его державы, пока не обрѣли мужа святаго, сугубо наказаннаго въ писаніяхъ, могущаго и иныхъ пользовать и „противящимся закону нашему сильно возбранителя“—Іону, архіепископа Полоцкаго. Составъ лицъ, избиравшихъ Іону, челобитная перечисляетъ, когда говоритъ о долгихъ отказахъ Іоны отъ митрополичьей каѳедры и о просьбахъ избирателей не отказываться отъ нея. Въ частности, челобитная упоминаетъ объ участіи въ дѣлѣ избранія митрополита слѣдующихъ лицъ: князей, всего духовенства и всего людства. Послѣ избранія Іона, съ соизволенія короля и съ его грамотами, отправилъ своего посла къ патріарху за благословеніемъ. [114]). Чрезъ избраніе *елекційнымъ соборомъ* вступилъ на

митрополичью каѳедру и преемникъ Іоны *св. священномученикъ Макарій.* [115]). Въ 1494 году совершилось его „возведеніе на митрополичье мѣсто“ и нареченіе [116]). Въ 1495 году архимандритъ Макарій былъ возведенъ въ санъ митрополита соборомъ западно-русскихъ епископовъ безъ предварительнаго благословенія патріарха [117]). „Собрались тогда, говоритъ мѣстный современный лѣтописецъ, епископы: Владимірскій Вассіанъ, Полоцкій Лука, Туровскій Вассіанъ и Луцкій Іона“. За благословеніемъ къ патріарху были отправлены нарочитые послы (между ними Іосифъ Болгариновичъ) [118]). Осенью 1496 года возвратилось посольство вмѣстѣ съ патріаршимъ посломъ и привезло патріаршіе „благословенные листы“, съ большими оловянными печатями, великому князю, княгинѣ, митрополиту, епископамъ, князьямъ, боярамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Патріаршій посолъ передалъ запрещеніе поставлять митрополита соборомъ безъ предварительнаго разрѣшенія патріарха [119]). Въ свое оправданіе епископы высказали мысль о законности своего поступка и о его необходимости. Мысль о законности соборнаго избранія и поставленія митрополита безъ воли патріарха епископы обосновываютъ церковно-историческими данными (соборъ 1415 года) и апостольскими правилами [120]).

B.

Областные соборы для избранія западно-русскихъ митрополитовъ въ 17 вѣкѣ.

Королевское подаванье духовныхъ хлѣбовъ, связаные съ нимъ другіе способы избранія западно-русской православной іерархіи въ доуніонный періодъ, почти полная невозможность примѣненія какихъ бы то ни было способовъ избранія со времени введенія уніи до прибытія въ Западную Русь патріарха Іерусалимскаго Ѳеофана были причиною того, что въ 16 и началѣ 17 вѣка въ практикѣ западно-русской православной церкви областные елекційные соборы не примѣнялись [121]).

Со времени возстановленія западно-русской православной іерархіи патріархомъ Ѳеофаномъ избраніе на елекційныхъ собо-

рахъ становится обычнымъ способомъ избранія западно-русскихъ православныхъ митрополита и епископовъ. Исключеніе составляетъ только одинъ случай не соборнаго-сеймового избранія Петра Могилы на каѳедру западно-русскаго митрополита при жизни его предшественника законно-поставленнаго митрополита Исаіи Копинскаго [122]).

До избирательнаго сейма 1632 года обычай соборнаго избранія православныхъ іерарховъ въ Западной Руси не имѣлъ санкціи со стороны государственной власти польско-литовскаго королевства, а на этомъ сеймѣ получилъ такую санкцію съ точнымъ разграниченіемъ способовъ избранія митрополита и епископовъ [123]).

Относительно областныхъ западно-русскихъ елекційныхъ соборовъ 1620—1632 года сохранились весьма скудныя свѣдѣнія, а о послѣдующихъ такихъ соборахъ 17 вѣка имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія, характеризующія не только основныя принципы, но и нѣкоторыя детали устройства такихъ соборовъ.

Областной елекційный соборъ 1620 года. Въ 1620 году, во время возстановленія западно-русской православной іерархіи Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, избраніе кандидатовъ на западно-русскія православныя архіерейскія каѳедры, совершилось на церковныхъ сеймикахъ тѣхъ епархій, для которыхъ избирались епископы. Это ясно видно изъ граматы патріарха Ѳеофана къ Перемышльской епархіи съ предложеніемъ избрать кандидата епископства [124]). Избраніе западно-русскаго православнаго митрополита совершилось на областномъ соборѣ, происходившемъ въ Кіевѣ и имѣвшемъ характеръ патріаршаго „собора присутствующихъ“. Въ „мирномъ, общемъ и единомысленномъ избраніи митрополита“ принимали участіе слѣдующія лица: „вся капитула митрополіи Кіевской и Галицкой“, „всѣ иные изъ монастырей Кіевскихъ пришедшіе“ (разумѣется священники и иноки), а также „иныхъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго и Русскаго повѣтовъ и градовъ присланные благочестивые, побожные и благородные мужи“. Принимали участіе въ этомъ соборѣ „велебные честные архіереи, архимандриты, игумены, іеромонахи и іереи“ [125]), въ частности: патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ, быв-

шіе при немъ экзархи другихъ восточныхъ патріарховъ и „велебные архіереи“ Неофитъ и Авраамій [126]). Можно съ увѣренностью указать мѣсто этого елекційнаго собора. Этимъ мѣстомъ былъ, несомнѣнно, Кіево-Братскій монастырь на Подолѣ—мѣстопребываніе патріарха Θеофана, находившагося здѣсь подъ охраною казаковъ Сагайдачнаго. По всей вѣроятности соборъ происходилъ въ Богоявленской церкви монастыря [127]). На митрополичью каѳедру соборъ избралъ игумена Златоверхаго Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ Іова Борецкаго [128]). Что касается времени разсматриваемаго собора, то онъ происходилъ послѣ 15 августа 1620 года и вѣроятно не задолго до 9 октября—времени поставленія новоизбраннаго митрополита [129]).

Областной елекційный соборъ 1631 года. 2 марта 1631 года умеръ Кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій [130]). Преемникомъ ему былъ избранъ на елекційномъ областномъ соборѣ Смоленскій и Черниговскій епископъ Исаія Копинскій [131]). Когда именно и какъ происходило это соборное избраніе съ точностью не извѣстно. Извѣстно только, что кандидатомъ на митрополію при этомъ избраніи былъ протопопъ Андрей Мужиловскій [132]). Къ 20 іюля 1631 года Исаія былъ уже поставленъ на митрополію соборомъ западно-русскихъ епископовъ при участіи Верейскаго митрополита Кирилла [133]).

Областной елекційный соборъ 25 февраля 1647 года. Въ ночь на первое января 1647 года умеръ Кіевскій митрополитъ Петръ Могила [134]). Извѣщая о его смерти, Кіевская митрополитанская капитула разослана по всей митрополіи листы къ православному духовенству и дворянамъ, приглашая ихъ къ 25 февраля 1647 года въ Кіевъ для избранія новаго митрополита [135]). Въ этотъ, назначенный капитулою, день въ Кіево-Софійскомъ храмѣ состоялся областной елекційный соборъ. На соборѣ присутствовали: Луцкій епископъ Аѳанасій Пузына, Печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, ректоръ Кіево-Братской коллегіи Иннокентій Гизель, Никольскій Кіевскій игуменъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, Выдубицкій игуменъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, Михайловскій Кіевскій игуменъ Іосифъ Кононовичъ Горбацкій и много другихъ настоятелей и намѣстниковъ монастырей, а также

протоіереи и священники. Изъ мірянъ присутствовали на соборѣ и подписали елекційный листъ слѣдующія лица: Кіевскій каштелянъ Адамъ Кисель, три князя Четвертинскихъ, Валашскій господарь Моисей Могила (братъ умершаго митрополита) и другіе [136]). Единодушно, единогласно и безъ всякаго противорѣчія избранъ былъ на этой елекціи Сильвестръ Коссовъ, епископъ Мстилавскій, Оршанскій и Могилевскій, „извѣстный древностію рода, высокими достоинствами, благочестіемъ, расторопностью, а вмѣстѣ горячностью и твердостью въ православной вѣрѣ". [137]).

Областной елекційный соборъ 18 октября 1657 года. По смерти митрополита Сильвестра Коссова (13 апрѣля 1657 года), [138]) гетманъ Богданъ Хмельницкій назначилъ мѣстоблюстителемъ митрополіи епископа, единственной въ то время въ предѣлахъ московскаго государства западно-русской епархіи (Черниговской) Лазаря Барановича и разослалъ граматы всѣмъ западно-русскимъ заграничнымъ епископамъ—Львовскому, Луцкому и Перемышльскому съ приглашеніемъ пріѣхать въ Кіевъ „на обранье митрополита по стародавнимъ правамъ, какъ искони вѣчныхъ лѣтъ было" [139]). Смерть Богдана Хмельницкаго (27 іюля 1657 года) и политическія интриги надолго задержали избирательный соборъ и оказали вліяніе на его составъ и дѣятельность. Новый гетманъ Выговскій поручилъ блюстителю митрополіи епископу Лазарю Барановичу назначить время елекційнаго собора (не позже 1 октября) и пригласить на него „коронныхъ"—заграничныхъ западно-русскихъ православныхъ епископовъ [140]). Пожеланіе гетмана о времени собора, принятое во вниманіе разсылавшимъ пригласительныя граматы мѣстоблюстителемъ митрополіи, не осуществилось. Соборъ состоялся только 18 октября, въ Кіевѣ, въ церкви св. Софіи [141]). На соборѣ присутствовали: епископъ Лазарь Барановичъ, Виленскій архимандритъ Іосифъ Тукальскій, Черниговскій архимандритъ Іосифъ Мещериновъ, намѣстники епископовъ Львовскаго и Перемышльскаго и гетманъ Выговскій со своею свитою [142]). Кіевскіе архимандриты и игумены на соборѣ не присутствовали. Относительно другихъ участниковъ собора не сохранилось свѣдѣній. Соборъ не пришелъ къ окончательному рѣшенію. „Мы выбрали, разсказываетъ объ этомъ соборѣ гетманъ

Выговскій, на Кіевскую митрополію Луцкаго епископа Балабана или Виленскаго архимандрита Іосифа Тукальскаго, а иные Львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились, а отложилили выборы до Николина дня осенняго“ [143]). На состоявшемся 6 декабря 1657 года елекційномъ соборѣ былъ избранъ преемникъ митрополита Сильвестра Коссова—Луцкій епископъ Діонисій Балабанъ, прибывшій въ Кіевъ 1 декабря и поставленный на митрополію 28 февраля 1657 года [144]). Подробности о его соборномъ избраніи и поставленіи неизвѣстны.

Областной елекційный соборъ 9—19 ноября 1663 года. Для избранія преемника митрополоту Діонисію (скончался 10 мая 1663 года) [145]) елекційный соборъ происходилъ въ городѣ Корсунѣ 9-19 ноября 1663 года [146]). Въ составъ собора входили епископы, клиръ и представители мірянъ заграничной части западно-русской церкви. Малороссійское духовенство и міряне (лѣвобережной украйны) на соборѣ не присутствовали [147]). Первое засѣданіе собора происходило 9 ноября, при чемъ соборъ раздѣлился на двѣ партіи: одна избрала на митрополію Мстиславскаго епископа Іосифа Нелюбовича Тукальскаго, а другая—Перемышльскаго епископа Антонія Винницкаго. Вслѣдствіе такого разногласія назначено было новое засѣданіе собора ва 19 ноября [148]). Кромѣ епископовъ: Гедеона Четвертинскаго (Луцкаго), Антонія Винницкаго (Перемышльскаго) и Аѳанасія Желиборскаго (Львовскаго) и представителей клира, изъ мірянъ на соборѣ присутствовалъ гетманъ правобережной украйны Павелъ Тетеря [149]). И на этотъ разъ соборъ не пришелъ къ единогласному избранію. Одна партія съ епископами и гетманомъ во главѣ, избрала Антонія Винницкаго, а другая партія—нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ лицъ со Слуцкимъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ Василевичемъ—избрала Іосифа Тукальскаго [150]). 19 ноября, по окончаніи собора, огорченные епископы обнародовали протестацію противъ избранія Іосифа Тукальскаго [151]). Не смотря на эту протестацію, король Янъ Казиміръ утвердилъ на митрополичьей каѳедрѣ обоихъ избранныхъ епископовъ. [152]). Управленіе Іосифа западно-русской митрополіей относится къ 1663-1675 г., а управленіе Антонія—

къ 1663—1679. Сфера юрисдикціи перваго органичивалась правобережной Украйной, Бѣлоруссіей и Литвой, а второго—Подоліей, Волынью и Галиціей [153]).

Областной елекційный соборъ 29 іюня 1685 года. Въ началѣ іюля 1658 года митрополитъ Діонисій Балобанъ удалился изъ Кіева въ свою заграничную епархію и управлялъ только заграничною частью западно-русской митрополіи, а остальная часть митрополіи, находившаяся въ предѣлахъ московскаго государства, не имѣла митрополитовъ до 1685 года [154]). Во главѣ ея стояли назначаемые государственною властью мѣстоблюстители митрополіи (Лазарь Барановичъ, Меѳодій Филимоновичъ) [155]). Во время этого „мѣстоблюстительства“ происходила усиленная подготовка присоединенія западно-русской митрополіи къ Московскому патріархату, закончившаяся областнымъ елекційнымъ соборомъ 29 іюня 1685 года. Историческій ходъ подготовки соединенія западно-русской митрополіи съ Московскимъ патріархатомъ создавался взаимноотношеніемъ внутреннихъ теченій въ западно-русской церкви и внѣшнихъ вліяній московскаго царя и патріарха, а также и Константинопольскаго патріарха. Въ западно-русской церкви по вопросу о подчиненіи Москвѣ было два теченія: одно-за, другое—противъ. Проявленія перваго начинаются со времени возстановленія западно-русской православной іерархіи патріархомъ Ѳеофаномъ. Таковы, напримѣръ, посольства митрополита Іова Борецкаго, отправлявшіяся имъ въ Москву [156]), таково же постановленіе одного изъ Кіевскихъ соборовъ 1629 года. [157]), Въ послѣдующее время желаніе подчиненія о Москвѣ то усиливалось, то угасало. Митрополитъ Петръ Могила не могъ быть сторонникомъ подчиненія, не были сторонниками этого подчиненія и Сильвестръ Коссовъ и Діонисій Балабанъ. [158]). Удаленіе Діонисія Балабана изъ Кіева въ предѣлы заграничной части митрополіи стоитъ въ связи съ его противодѣйствіемъ церковному подчиненію Москвѣ. [159]). Послѣ удаленія Діонисія Балабана изъ Кіева просьбы западно-русскаго православнаго духовенства и мірянъ, обращенныя къ московскому правительству, не могли быть удовлетворены. Причиною этого была тѣсная связь вопроса о подчиненіи западно-русской митрополіи Московскому патріархату

съ вопросомъ о новомъ митрополитѣ. Московское правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, не могло допустить подчиненія подданныхъ московскаго государя—западно-руссовъ митрополиту, жившему заграницей. Болѣе того, съ самаго начала политической зависимости Малороссіи отъ Москвы Московскій патріархъ (Никонъ) обнаружилъ стремленіе подчинить своей власти Кіевскую митрополію [160]). Впослѣдствіи всѣ усилія московской дипломатіи были направлены къ тому же. При этомъ главнымъ препятствіемъ присоединенія Кіевской митрополіи была для Москвы каноническая зависимость западно-русской митрополіи отъ Константинопольскаго патріархата. [161]). Сначала невозможность поставленія новаго митрополита на мѣсто удалившагося изъ Кіева Діонисія Балобана—до его смерти, а потомъ нежеланіе допустить въ Кіевѣ митрополита, независимаго отъ Московскаго патріарха, побуждали московское правительство оставлять митрополію подъ управленіемъ мѣстоблюстителей. [162]). И только въ 1685 г. могло совершиться избраніе западно-русскаго митрополита, зависимаго отъ Московскаго патріарха.

Историческія теченія, создававшія своимъ взаимоотношеніемъ ходъ подготовки соединенія Кіевской митрополіи съ Московскимъ патріархатомъ, къ 1685 году находились въ такомъ состояніи. Въ западно-русскомъ обществѣ значительно окрѣпла партія, стоявшая за подчиненіе западно-русской мотрополіи Москвѣ. Къ этой партіи принадлежали: гетманъ Самойловичъ и кандидатъ на митрополію Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель [163]). Московское правительство и гетманъ Самойловичъ продолжительными хлопотами добились граматы Константинопольскаго патріарха (отъ 7 февраля 1685 года), разрѣшавшей поставленіе западно-русскаго митрополита въ Москвѣ [164]). Главнымъ препятствіемъ могло быть теперь не столько противодѣйствіе противниковъ подчиненія Москвѣ, сколько отсутствіе, за смертью Иннокентія Гизеля, кандидата на митрополичью каѳедру, расположеннаго къ Москвѣ [165]). Съ прибытіемъ въ лѣвобережную Украйну Луцкаго епископа Гедеона Четвертинскаго (въ 1684 году) [166]) это препятствіе устранялось. Выразившій желаніе подчиниться Московскому патріарху, Гедеонъ Четвертинскій былъ избранъ

на западно-русскую митрополію Кіевскимъ соборомъ 29 іюня 1685 года.

Объявленіе о соборѣ гетманъ поручилъ сдѣлать Черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу [167]). Архіепископъ Лазарь разослалъ свои универсалы Кіевскому и Черниговскому духовенству, „приглашая особъ духовныхъ на вольную елекцію", имѣвшую совершиться въ св. Софіи Кіевской 29 іюня [168]). Гетманъ обратился съ универсаломъ о томъ же ко всему малороссійскому народу [169]).

Къ назначенному времени въ Кіевъ собрались выборные представители духовенства и мірянъ. Архіепископъ Лазарь и представители Черниговской епархіи на соборъ не явились. Отъ малороссійской войсковой старшины на соборѣ были четыре полковника (Черниговскій, Нѣжинскій, Переяславскій и Кіевскій), съ генеральнымъ эсауломъ Мазепой во главѣ [170]). Къ единогласно избранному на соборѣ Луцкому епископу Гедеону Четвертинскому была послана особая депутація во главѣ съ Кіево-Выдубицкимъ игуменомъ Ѳеодосіемъ Углицкимъ (Святитель Ѳеодосіи, Черниговскій Чудотворецъ) для увѣдомленія о совершившемся избраніи [171]). Въ своемъ отвѣтѣ депутаціи новоизбранный митрополитъ опредѣленно заявилъ о своемъ желаніи подчиниться Московскому патріарху. „Нареченный митрополитъ, опытно свѣдавъ слабость и медленность патріарховъ восточныхъ въ защищеніи православія, при первомъ же актѣ избранія своего изъявилъ желаніе принять жезлъ архипастырскій ни отъ кого другого, какъ отъ Московскаго патріарха" [172]). Протестъ противъ этой елекціи со стороны части западно-русскаго духовенства не имѣлъ послѣдствій [173]).

Областной елекційный соборъ 1—2 іюня 1690 года. Послѣ смерти митрополита Гедеона Четвертинскаго (8 апрѣля 1690 года) [174]), гетманъ И. С. Мазепа, сообщивши объ этомъ московскому правительству, „просилъ разрѣшенія малороссійскому духовенству вмѣстѣ съ представителями народа приступить къ избранію новаго митрополита, на основаніи установившихся въ Кіевѣ правилъ и обычаевъ" [175]). 30 апрѣля былъ данъ на имя гетмана

царскій указъ „всему духовенству и причту“ Кіевской митрополіи съ разрѣшеніемъ произвести „вольную елекцію“. 24 мая этотъ указъ былъ вновь подтвержденъ [176]).

Около этого времени елекційный соборъ уже составился въ Кіевѣ, хотя и не началъ своей дѣятельности. При этомъ былъ возбужденъ вопросъ о составѣ собора—именно вопросъ о приглашеніи на соборъ представителей заграничной части митрополіи. По настоянію Мазепы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно [177]). Къ 29 мая—празднику Вознесенія Господня—въ Кіевѣ были всѣ участники собора: архіепископъ Лазарь Барановичъ, архимандритъ Ѳеодосій Углицкій, архимандритъ Михаилъ Лежайскій, духовенство Кіевской епархіи, представители Кіевской коллегіи (Академіи) и войсковая старшина [178]). Въ теченіе нѣсколькихъ дней до открытія засѣданій собора происходили *предварительныя совѣщанія* относительно кандидатовъ на митрополію [179]).

Самый елекційный соборъ состоялся 1—2 іюня въ церкви св. Софіи [180]). Первое засѣданіе (1 іюня) началось послѣ литургіи и молебна. „Сѣдши въ церкви св. Софіи“, члены собора начали „елекцію“. Прежде всего при этомъ была выражена благодарность русскому правительству за сохраненіе „древнихъ вольностей“ западно-русской церкви, затѣмъ былъ избранъ маршалокъ собора—игуменъ Кіево-Кирилловскаго монастыря Иннокентій Монастырскій—и соборъ приступилъ къ выбору кандидатовъ на митрополію. Такихъ кандидатовъ было избрано четыре: Лазарь Барановичъ, Варлаамъ Ясинскій, Ѳеодосій Углицкій и Михаилъ Лежайскій. Затѣмъ соборъ приступилъ къ самой елекціи митрополита. Ее чинили власти духовныя во главѣ съ архіепископомъ Лазаремъ въ присутствіи войсковой старшины и „мѣщанскихъ людей“. Изъ числа четырехъ кандидатовъ теперь былъ избранъ „едиными усты и единолюбящими сердцы“ Печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій и „посаженъ“ на Кіевскомъ престолѣ, о чемъ „всѣ духовные и свѣтскіе чины возрадовались“. Въ тотъ же день была составлена соборная грамата—„елекційный листъ“ объ избраніи Варлаама Ясинскаго и о томъ, что поставленіе его должно совершиться въ Москвѣ [181]).

Областной елекційный соборъ 19 октября 1707 года—послѣдній изъ числа западно-русскихъ соборовъ, составлявшихся для избранія митрополита. Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ соборѣ не сохранилось. Извѣстно только, что преемникъ Варлаама Ясинскаго по митрополичьей каѳедрѣ Іоасафъ Кроковскій былъ избранъ на этомъ соборѣ „вольными голосами духовнаго и свѣтскаго чина“ [182]). Слѣдующій первосвятитель Кіевскій—Варлаамъ Ванатовичъ вступилъ на Кіевскую каѳедру чрезъ избраніе не областного западно-русскаго собора, а Всероссійскаго Святѣйшаго Синода, вступилъ на Кіевскую каѳедру съ титуломъ архіепископа [183]).

II.

Областные соборы „о справахъ церковныхъ".

„Намъ духовнымъ, ревнуючи апостолу Павлу, годно всегды скърбѣти и болѣти о справахъ церковныхъ".

(Дѣяніе Виленскаго собора 1508 года. Р. И. Б. т. 4, столб. 6).

„Почуваючи въ повинностяхъ нашихъ, а збѣгаючи такому нестроенію и своеволенству, и зъ неряду хотячи рядъ и справы наши духовныи въ стародавный добрый порядокъ привести, и размноженье хвалы милостиваго Бога вездѣ и повсюду водлугъ властное повинности нашее постановити и утвердити, также о справахъ церковныхъ обмышляти, о школахъ, о наукахъ, о шпиталехъ и о иншихъ добрыхъ справахъ святыхъ побожныхъ, по всѣмъ епископіямъ нашимъ, во всѣхъ панствахъ его королевской милости, абы ся всякій рядъ вездѣ установилъ, замоцнялъ и утвердилъ: съ тыхъ тогды причинъ ухвалили и постановили есмо и симъ листомъ нишимъ установляемъ соборы и синоды на насъ самихъ и на все духовенство Церкви святое нашее Восточное Каѳолическое". (Дѣяніе Берестейскаго собора 1590 года. А. З. Р. т. IV, № 34).

Болѣе широкія задачи, чѣмъ избраніе іерарховъ, осуществлявшееся описанными областными елекційными соборами, стояли предъ западно-русскими православными областными соборами „о справахъ церковныхъ". Елекція іерарховъ—только одна изъ такихъ справъ. Церковная жизнь неизмѣнно, всегда, вездѣ выдвигаетъ на очередь безчисленное множество другихъ справъ церковныхъ, т. е. такихъ явленій церковно-общественной жизни, которыя предполагаютъ воздѣйствіе на нихъ со стороны носителей церковной власти въ смыслѣ или созданія соотвѣтствующихъ нормъ церковнаго права (церковное законодательство), или при-

мѣненія существующихъ нормъ этого права (церковный судъ и администрація). Историческая жизнь западно-русской православной церкви протекла въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, которыми постоянно ставились на очередь все новыя и новыя справы церковныя, одна другой важнѣе, одна другой значительнѣе. Западно-русская православная церковь большую часть своей исторической жизни въ качествѣ митрополичьяго округа прожила въ польско-литовскомъ государствѣ. Польско-литовское право было проникнуто ярко выраженной тенденціей окатоличенія и полонизаціи западно-русскаго православнаго народа, особенно въ 16 и 17 вѣкахъ. Фактически эта тенденція находила еще болѣе яркія выраженія, чѣмъ въ нормахъ польско-литовскаго права вообще и права о церкви въ частности, создавши церковную унію и развивавшуюся въ связи съ ея введеніемъ церковно-народную многовѣковую борьбу [184]). Волна протестантизма, широко захлестнувшая въ 16 вѣкѣ польско-литовскую жизнь, грозила и православной Западной Руси, порождая и въ ней опасный процессъ зарожденія „мерзскихъ сектъ“, процессъ религіозныхъ сомнѣній и колебаній [185]).

Историческія условія жизни неизмѣнно звали православную Западную Русь на борьбу за вѣру и народность, на борьбу общецерковную, на борьбу всенародную. Эта борьба, въ смыслѣ внутренняго устройства церковной жизни, укрѣпленія ея внутреннихъ силъ и въ смыслѣ выработки активныхъ мѣръ противодѣйствія врагамъ, и была основною справою церковною въ православной Западной Руси на всемъ протяженіи ея исторической жизни. Неизмѣнно и неотступно стоя на очереди, какъ неотложная задача, какъ вопіющая нужда, эта справа церковная затрогивала жизненные интересы носителей церковной власти и ревнителей православія въ Западной Руси, призывая ихъ къ совмѣстному „обмышленью“ объ этой справѣ на областныхъ соборахъ. Науки, школы, благотворительность, справа церковно-богослужебныхъ книгъ, поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня іерархическихъ лицъ, способъ избранія іерархическихъ лицъ, права западно-русскихъ патроновъ, организація и дѣятельность православныхъ западно-русскихъ братствъ, западно-русскихъ

православныхъ монастырей, составленіе и изданіе православныхъ богословскихъ книгъ, особенно полемическихъ—вотъ нѣкоторыя изъ частныхъ справъ церковныхъ, стоявшія предъ этими соборами. Важнѣйшею изъ справъ церковныхъ, обсуждавшеюся на западно-русскихъ православныхъ областныхъ соборахъ, безспорно является унія, ея подготовка, провозглашеніе, введеніе и мѣры борьбы съ нею въ 16 и 17 вѣкахъ.

Схема исторіи областныхъ соборовъ „о справахъ церковныхъ".

Исторически извѣстные западно-русскіе православные соборы о справахъ церковныхъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ въ порядкѣ ихъ хронологической послѣдовательности. Группы эти таковы.

а) Виленскіе соборы времени митропополита Іосифа Солтана: 1508 и 1510 годовъ.

б) Малоизвѣстные соборы 16 вѣка отъ митрополита Іосифа Солтана до 80-хъ годовъ 16 вѣка.

в) Соборы, состоявшіеся подъ предсѣдательствомъ Константинопольскаго патріарха Іереміи II.

г) Очередные и чрезвычайные открытые соборы 90-хъ годовъ 16 вѣка до провозглашенія уніи.

д) Покутные соборы 90 годовъ 16 вѣка.

е) Областные соборы 1595—1596 годовъ.

ж) Соборы, состоявшіеся подъ предсѣдательствомъ Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана.

з) Соборы времени митрополита Іова Борецкаго—до уніонной попытки Мелетія Смотрицкаго.

и) Соборы времени уніонной попытки соглашенія, предпринятой Мелетіемъ Смотрицкимъ.

і) Кіевскій соборъ 1640 года.

А.

Виленскіе соборы времени митрополита Іосифа Солтана: 1508 и 1510 гг.

Виленскій соборъ 1508 года „о церковныхъ вещехъ и о исправленіи дѣлъ духовныхъ“. Сохранилось „дѣяніе“ этого собора [186]). „Дѣяніе“ состоитъ изъ предисловія митрополита Іосифа, соборныхъ постановленій и приложенія.

Въ предисловіи указываются побужденія къ созыву собора и излагаются свѣдѣнія о времени, мѣстѣ и составѣ собора.

Первымъ побужденіемъ къ созыву этого собора была пастырская забота новопоставленнаго митрополита о спасеніи его пасомыхъ. „Іосифъ милостію Божіею и Пречистое Его Матере, архіепископъ, митрополитъ отъ святѣйшое митрополіи Кіевское и всея Руси. Всяко дааніе благо и въсякъ даръ съвершенъ, свыше исходя отъ Отца свѣтомъ, Преблагый Богъ нашъ, иже вся творитъ промышлениемъ нашому спасенію и, по невѣдомымъ судбамъ Его и всему устроенію и ухищренію пресвятого Его и пречистаго Духа, все въ устроенную вещъ уводя, достойныя и дарованныя Его силы святительскія, якоже надежу имамы, еже и намъ реченное отъ Святителя нашего Бога: „дръзайте, Азъ побѣдихъ міръ“ Богу тако изволишу, достиже до мене нынѣ тотъ престолъ, имуща пастыря и учителя, богоспасаемое митрополіи Кіевское и всея Руси. Въньже день я, недостойный, въспріахъ пасти церковь Божію, пророческимъ послѣдующе глаголомъ, апостольскимъ же повинующеся ученіемъ и Святыхъ Отецъ зряженіемъ, повиновеніе имамы всякопреслушание и преступление закона нашое православное вѣры христіанское отсѣкати, утвержати же и исправляти, по древнему обычаю божественныя церкви уставы“ [187]).

Вторымъ побужденіемъ къ созыву собора предисловіе признаетъ современныя нравственныя несовершенства и недостатки церковной жизни, являющіеся, по мысли автора, причиною тяжкихъ народныхъ бѣдствій, въ частности—нашествія непріятелей. „Нынѣ убо многа видѣхъ видѣніемъ и слышахъ слышаніемъ неисправленіе и безъчиніе священническое: ово вѣданіемъ ово же

невѣданіемъ. Тѣмъ же иже невѣданіемъ, прочее Богъ да съхранитъ, а грѣхъ да проститъ. А еже вѣданіемъ, и до насъ достиже, и прежде насъ бѣ, подобаетъ намъ тое исправляти и очищати по правиломъ Святыхъ, якоже вселенскій учитель Павелъ глаголетъ: „истину глаголю о Христѣ, не лжу, спослушествующи ми съвѣсти моей Духомъ Святымъ, яко скърбъ ми есть велика и непрестающая болѣзнь сердцу моему“. И намъ, духовнымъ, ревнуючи апостолу Павлу, годно всегды скърбѣти и болѣти о справахъ церковныхъ, абыхмо держали по правиломъ Святыхъ, якоже тъйже апостолъ пишетъ: „бодръствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся, вся вамъ съ любовію да бываутъ“. Христосъ Богъ да просвѣтитъ и въразумитъ насъ: никакоже отеческыя заповѣди преступати намъ, оставльше Божіа правила, самовольному ученію послѣдовати, якоже сице умножися въ насъ. Кый убо прибытокъ себѣ наслѣдовахомъ за преумноженіе грѣхъ нашихъ? Не разсѣя ли насъ Богъ по лицу всея земли? Плѣненіемъ поганыхъ разведени сутъ сынове и дъщери наши въ многыя страны поморьскыя. Не взяты ли быша грады наши? Не падоша ли сильніи князи наши остріемъ меча. Не запустѣша ли святыя Божіа церкви? Не томими ли есмо на всякъ день отъ безбожныхъ поганыхъ Агарянъ? Сия вся бываютъ намъ, понеже не по правиломъ святыхъ апостолъ и не по заповѣдемъ святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ ходимъ“ [188]). Таковы побужденія для созыва собора. „Сего ради“ онъ былъ „вчиненъ“ митрополитомъ Іосифомъ.

Въ составъ собора, кромѣ митрополита Іосифа, по свидѣтельству описываемаго предисловія, входили: епископы—Владимірскій и Берестейскій Вассіанъ, Смоленскій Варсоноѳій, Луцкій и Острожскій Кириллъ, Полоцкій и Витебскій Евфимій, Туровскій и Пинскій Арсеній, Перемышльскій Антоній, Холмскій Филаретъ, архимандриты—Кіево-Печерской лавры Іона, Супрасльскій Пафнутій, Троицкій (Виленскій)—Зосима, Лаврашевскій Арсеній, Троицкій изъ Слуцка Іосифъ, Вознесенскій изъ Минска Сергій, св. Михаила Городецкій изъ Полоцка Антоній, игумены—Троицкій Пречистенскій Симонъ, Смоленскій Свято-Духовскій Аѳанасій, Полоцкій св. Іоанна на Островѣ Евфимій, а св. Петра Алексѣй,

Гольшанскій св. Николы Іона, изъ Лоска св. Николы Геронтій, протопопы: Виленскій Матѳей, Новогрудскій Іаковъ, Городенскій Антипа, Слуцкій Ѳеодоръ, Марковскій Лукіанъ, Слонимскій Косма, Волковыйскій Ѳеодоръ и другіе священники. Мѣстомъ собора была Вильна. Время собора: „при державѣ господаря великаго короля Жикгимона въ лѣто 7017, мѣсяца Декемъврія двадесять пятаго. О Рождествѣ Христовѣ, індикта три—на—десятого", т, е. 25 декабря 1508 январскаго года, а мартовскаго—1509 г. [189]).

Соборныя правила (1—15) посвящены слѣдующимъ вопросамъ: а) о способѣ избранія на священныя степени (1 пр.), б) объ условіяхъ сообщенія хиротоніи, относящихся къ ея совершителю (пр. 2), в) о качествахъ кандидата священства (пр. 3), г) о запрещеніи священнослужителей, скрывшихъ предъ полученіемъ хиртоніи грѣхи, препятствующіе ея полученію (пр. 4), д) о запрещенныхъ клирикахъ и о мірянахъ, находящихся подъ неблагословеніемъ (пр. 5), е) о запрещеніи вдовыхъ бѣлыхъ священниковъ и діаконовъ (пр. 6), ж) о наказаніи клириковъ отрѣшеніемъ отъ должности (пр. 7), з) о порядкѣ избранія клириковъ къ церквамъ, находящимся „въ подаваньи" князей и бояръ и о незаконномъ захватѣ князьями и боярами церковныхъ имуществъ (пр. 8—11), и) о порядкѣ отпусковъ изъ монастырей (пр. 12), і) о мірянахъ, имѣющихъ у себя сборники церковныхъ правилъ (пр. 13), к) о епископахъ уклоняющихся отъ участія въ областныхъ соборахъ и о кругѣ дѣлъ, подвѣдомыхъ епископамъ (пр. 14), и л) о мѣрахъ къ проведенію въ жизнь постановленнаго на соборѣ (пр. 15).

Перечисленныя правила естественно раздѣляются на четыре группы. Первая группа правилъ касается вопроса *о хиротоніи* (1—3), вторая группа—вопроса о церковныхъ *наказаніяхъ* запрещеніемъ, отрѣшеніемъ отъ должности, неблагословеніемъ (пр. 4—7), третья группа—*о правѣ патроната* (пр. 8—11), а четвертая (пр. 12—15) состоитъ изъ правилъ, необъединенныхъ по содержанію, при чемъ послѣднее (15) правило является заключеніемъ по отношенію ко всѣмъ предшествующимъ правиламъ.

Переходимъ къ анализу логическаго состава перечисленныхъ правилъ.

а).

Мысли первыхъ трехъ правилъ таковы. Первое правило. („О стадѣ пастырства Христовыхъ словесныхъ овецъ") осуждаетъ современный обычай „подкупаться" на епископскія каѳедры при жизни епископовъ, т. е. покупать у нихъ и у короля за деньги право на занятіе ихъ каѳедры послѣ ихъ смерти. Правило безусловно осуждаетъ такую покупку каѳедръ и занятіе ихъ „безъ съвѣта и воли митрополіи и епископовъ, безъ осмотрѣніа и събраніа князей и пановъ нашого закону Греческого", осуждаетъ примѣненіе такого порядка и при замѣщеніи архимандричьихъ и священническихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правило очевидно отѣняетъ законность нарушаемаго порядка избранія. Правило это читается такъ: „Напръвѣй обысканіе вчинихомъ о стадѣ пастырства нашого, еже не по закону нашему Греческому ходящихъ и отеческаго преданія презирающихъ и заповѣди преступающихъ; якоже нѣцыи въ нашемъ законѣ, славы ради мірскыя и властительства, еще живу сущу епископу и здраву, прежде преставленіа его, на тое епископъство подъкупаютъся и берутъ, безъ съвѣта и воли митрополіи и епископовъ и безъ осмотрѣніа и събраніа князей и пановъ нашого закону Греческого. Таковымъ по правилъному преданию (т. е. по каноническимъ правиламъ) завѣщаемъ и възбраняемъ: подъ живыми епископы и архимандриты и священникы, не подъкупатися никому на божественныя престолы, безъ съвѣта—воли митропліего, якоже изначала наша съборная великая церковъ, премудрость Божія, святыя Софіа, предръжитъ. Аще ли хто самоволіемъ своимъ на таковое дѣло дръзнетъ—архимандритъ, или игуменъ, или мірскій человѣкъ—таковіи да въспріймутъ на ся неблагословеніе и церковное отлученіе, донелѣже покаутся и престанутъ. Аще ли ни, тогда понесутъ клятву. Къ симъ же еще таковыхъ на епіскопъство и на всякій священническій санъ никакоже не поставляти намъ. Аще ли хто изъ насъ, епіскоповъ, въсхощетъ дръзнути такового безчинника съвръшати у священъство, тотъ самъ своего сана лишенъ будетъ". [190]).

Второе правило. „(О ставленіи поповъ“) запрещаетъ: епископамъ: а) поставлять клириковъ изъ чужихъ епархій въ священныя степени безъ порученія („безъ повеленое граматы“) епископовъ тѣхъ епархій, къ которымъ принадлежатъ эти клирики, б) запрещаетъ также выдавать ставленныя граматы съ припискою въ нихъ объ отпускѣ новопоставленнаго съ правомъ священнодѣйствія въ чужой епархіи, в) запрещаетъ отпускать въ чужія епархіи особо—достойныхъ священства клириковъ. Очевидно, что такой именно порядокъ обычно примѣнялся въ Западной Руси: въ обходъ апостольскаго правила, [191]) ограничивающаго юрисдикцію епархіальнаго архіерея предѣлами его епархіи, западно-русскіе епископы выдавали клирикамъ, поставляемымъ для другихъ епархій, особыя граматы: соединеніе „современной ставленной граматы“ съ древнею „представительною граматою“. Такой обходъ положительной канонической нормы и запрещается разсматриваемымъ правиломъ Виленскаго собора. Правило читается такъ: „А о ставленики у священъство о томъ заповѣдь покладаемъ: архіепископу и епископомъ съ чужихъ епископей дьяковъ, безъ повеленое граматы его, епископа, на священъство ихъ никакоже не ставити и отпустныхъ листовъ у ставленныя листы не писати намъ: отпустныя листы не писати особно достойнымъ іерейства, по древнему обычаю“ [192]).

Третье правило. („О поставленіи достойныхъ у священъство“) запрещаетъ поставлять въ священныя степени: а) такихъ кандидатовъ священства, которые, по „обысканіи“ ихъ на исповѣди, положенной предъ хиротоніей, окажутся недостойными поставленія, б) и даже такихъ недостойныхъ кандидатовъ священства, за которыхъ будетъ просить господарь—король [193]). Въ практикѣ западно—русской православной церкви свидѣтельство духовника, исповѣдывавшаго ставленника, о томъ, что нѣтъ каноническихъ препятствій къ посвященію этого ставленника, всенародно читалось предъ совершеніемъ хиротоніи въ церкви [194]). Поэтому поставленіе въ священныя степени кандидата, не удовлетворяющаго каноническимъ условіямъ полученія хиротоніи, въ западно-русской церкви, кромѣ нарушенія названныхъ условій, сопровождалось и нарушеніемъ литургическаго обычнаго по-

рядка совершенія хиротоніи, такъ какъ не могло соединяться съ публичнымъ свидѣтельствомъ духовника и безпрепятственности поставленія. Правило читается такъ: „О поставленіи епископовъ, и священниковъ, достойныхъ къ священству, съ обысканіемъ винъ, по свидѣтельству и по порученію отца духовного. Аще будетъ чистъ отъ всѣхъ винъ недостойныхъ, такого намъ и по насъ будучимъ епископомъ ставити у епископы и въ всякій степень священъства, а недостойныхъ никакоже не ставити. Аще и господарь присылати будетъ за недостойнымъ, намъ всѣмъ зъ митрополитомъ до господаря пойти и недостоинство того объявити и никакоже дрѣзнути имамы его поставити“. [195]).

б).

Четвертое правило („о утаеннѣй съвѣсти“) говоритъ о лицахъ, которыя на исповѣди предъ хиротоніей скрываютъ свои грѣхи, препятствующіе полученію хиротоніи, и такимъ образомъ получаютъ хиротонію, не имѣя качествъ, канонически—необходимыхъ для этого. Правило повелѣваетъ такихъ лицъ, въ случаѣ обнаруженія ихъ утаенныхъ грѣховъ, обличивши, отлучать „отъ божественныя службы“ т. е. запрещать имъ священнодѣйствіе. Правило читается такъ: „Аще ли который епіскопъ или священникъ, утаивъ свою съвѣсть винную отъ отца своего духовного, въспрійметъ святительство или священъство, напотомъ такового обличивши отлучити отъ божественныя службы.“ [196]).

Пятое правило („о непослушникохъ“) касается вопроса о клирикахъ и мірянахъ, находящихся подъ неблагословеніемъ епископскимъ. Мысли этого правила таковы: а) іерархическія лица, запрещенныя въ священнослуженіи епархіальнымъ архіереемъ, а также міряне, лишенные своимъ епископомъ благословенія церковнаго (т. е. отлученные отъ церковнаго общенія), не должны быть принимаемы въ другихъ епархіяхъ: первые въ клиръ съ разрѣшеніемъ священнодѣйствія, а вторые—въ общеніе церковное съ правомъ получать благословеніе; такихъ непослушниковъ должно „взыскивати и осмотряти во всѣхъ епархіяхъ“, б) отступленіе отъ этого требованія допустимо только съ вѣдома и со-

гласія епископа, наложившаго запрещеніе, в) чтобы не было повода къ нарушенію этого требованія, священнослужители не должны быть принимаемы въ чужихъ епархіяхъ „безъ отпустныя граматы“ (то же, что упоминавшіеся во 2 правилѣ „отпустные листы“), выдаваемой епископомъ оставляемой епархіи, г) „отпустная грамата“ должна выдаваться на мѣсячный срокъ, д) по прибытіи клириковъ въ чужую епархію ихъ „отпустную грамату“ хранитъ епископъ этой епархіи, е) а въ случаѣ ихъ ухода изъ этой епархіи выдаетъ имъ отъ себя новую „отпустную грамату“ [197]). Правило читается такъ: „Такоже и о непослушникохъ. Нѣкоторыи непослушницы уставы закона, священницы и міръскіи людие, въпадши въ нѣкоторыи вещи, отъ своего архіепископа или епископа въ неблагословеніи церковномъ буда, отходятъ въ иныи епископіи и тамо священъствуютъ и благословеніе пріемлютъ. Ино о таковыхъ заповѣдь нашу покладаемъ по правиломъ: въ митрополіи и по всѣмъ епископіамъ таковыхъ възыскивати и осмотряти и, безъ его, епископа, вѣданіа, никакоже дързнути его благословити и до церквей Божіихъ пустити. А священника, безъ отпустное граматы его епископа, ни одному зъ насъ у свой предѣлъ не пріймати. А грамата отпустная маетъ быти изъявлена отъ писаніа даты листа и прехоженіи его мѣсяць, чотыри недѣли. А тую отпустную грамату маетъ епископъ въ себе заховати, а если тому священнику не сподобается въ его предѣле жити, тогды вже тотъ епископъ маетъ свою грамату отпустную ему дати въ иный предѣлъ“ [198]).

Шестое правило („о попехъ неимущихъ женъ“) устанавливаетъ слѣдующія мысли о вдовыхъ „мірскихъ“ (разумѣется „бѣлое духовенство“) священникахъ и діаконахъ: а) вдовымъ священникамъ и діаконамъ безусловно запрещается священнослуженіе во всѣхъ епархіяхъ западно-русской митрополіи, б) епископы, нарушающіе это опредѣленіе, лишаются сана и устраняются съ своей каѳедры властью митрополита, в) митрополитъ, нарушающій это опредѣленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ и дозволяющій имъ священнодѣйствіе, отлучаются отъ своего сана соборомъ западно-русскихъ епископовъ. Первая изъ этихъ мыслей обосновывается кононическими данными [199]). Правило читается

такъ: „Такожде, съвъкупльшеся единоумно и единодушно, о семъ смотрѣхомъ: о іереохъ, мірьскихъ служителехъ церковныхъ, што, не имуще законна брака, священствуютъ, а некоторіи и наложници маутъ. Ино, по правилному завѣщанію вселеньского шестого събора, повелѣваетъ діакону и священнику цѣлу быти съжитію законъному браку. Аще ли же ни, таковіи да не священъствуутъ. Всякій же священникъ, прилѣпляяся другой женѣ или наложници, да уже не священъствуетъ. И святый Василій Кесарійскій о томъ жс свидѣтельствуетъ: „Съвъкупляяся не съ законною женою, да не священъствуетъ“. И ина многа правила о томъ възбранишя. А и царьскіи заповѣди повелѣваутъ: „аще священникъ не имаетъ жены своеѣ законного брака, святителю подобаетъ такового отъ сана отлучити и въ мірьскіа люди увести“. Якоже и нинѣ вселеньскаа великаа Константинополъскаа церковъ держитъ: вси тамо сущіи священници, не имуще женъ, не священствуутъ, или въ мнишескій чинъ да идутъ, и тогда священъствуутъ, аще ли ни, тогда къ простой чади причитаутъся. Сице же и по инымъ странамъ нашого православного христіанъства съдержатъ. Мы же не вѣмы, откуду сіа гнилость и смрадъ въ насъ обрѣтеся. За таковое же великое прегрѣшеніе Христосъ Богъ нашъ казни попущаетъ на насъ, наказуючи насъ, да быхомъ богомерзъское служеніе отъ церкви отринули. Простецъ съгрѣшивъ за свою душу токмо отвѣтъ дасть Богу, а попъ съгрѣшивъ многи съблазнитъ чловеки. Мы же, послѣдующе апостольскому ученію и заповѣдемъ Св. Отецъ, попомъ и діакономъ, неимущимъ женъ своихъ, не повелѣваемъ священъствовати въ всемъ предѣлѣ митрополіи Кіевъское и Галицкое и всея Руси. Луче бо единъ, служа божественную службу, нежели тисяща беззаконникъ. Аще ли митрополитъ или которій епископъ зъ насъ и по насъ будучій хотѣли бы сіе наше съборное уставленіе зрушити и священникомъ, неимущимъ женъ, дозволити священъствовати, таковый самъ своего сана лишенъ будетъ, а владыка митрополітъ Кіевъскій и всея Руси, кyръ Іосифъ, и по немъ будучіи, такового епископа моцне маетъ отъ престола извреши. Аще ли митрополітъ сіе уставленіе наше преступитъ, мы, вси епископи, съборнѣ съвъкупльшеся, того маемъ отъ сана

отлучити. Аще ли хто отъ мірянъ явиться противяся и непокаряяся сему правилу, тіи съборнѣ отъ всѣхъ насъ отлучени будутъ. Аще ли по первомъ и второмъ наказаніи не покаутся, тогда проклятію предани да будутъ“ [200]).

Правило седьмое („о отниманіи церквей“) указываетъ церковныя преступленія священниковъ, караемыя временымъ запрещеніемъ священнослуженія и изверженіемъ изъ сана, указываетъ при этомъ и органъ церковной власти, юридической компетенціи котораго подлежатъ эти преступленія. Мысли правила таковы: а) безвинно игумены и священники не должны отрѣшаться отъ должностей, б) священники, небрежно держащіе свой домъ, безчинствующіе, нарушающіе церковно-богослужебный уставъ, упивающіеся, лишаются своей должности и временно запрещаются въ священнослуженіи, в) а неисправившіеся послѣ такого наказанія извергаются изъ сана, г) изверженіе совершается по суду епископа, производимому соборнѣ съ „крылосомъ“ [201]). Правило читается такъ: „А отъ игуменовъ и священниковъ церквей намъ не отнимати, безъ винъ преступленіа заповѣдныхъ, еже въ херотоніи объявлени сутъ. Аще ли священникъ начнетъ домъ свой держати въ небреженіи, безъчинно, или церковное хвалы, божественное службы не будетъ полнити по уставу, или упиватися начнетъ, по правилному завѣщанію, въ такового безчинника маемъ церковъ отняти и отлучити его на время. Аще ли не престанетъ таковаго безчиніа творя, тогды намъ съборнѣ зъ нашимъ крылосомъ, съ священноиноки и попы, таковому безчиннику не велѣти священъствовати“ [202]).

в).

Правило съ восьмого по одиннадцатое нормируютъ полномочія князей и пановъ—„патроновъ“ [203]), имѣющихъ „право подаванья“ приходскихъ церквей.

Правило восьмое („О священникохъ князъскихъ и паньскихъ“), *правило девятое* „о църкважъ, которіи будутъ стояти безъ священниковъ и безъ пѣтія“), а также *одиннадцатое* („о отлученіи сана“) рѣшаютъ вопросъ о порядкѣ замѣщенія священниче-

скихъ вакансій въ приходскихъ храмахъ, находящихся въ подаваньи патроновъ—князей и пановъ. Мысли восьмого правила таковы: а) новопоставленные или перемѣщенные къ подаваемой патрономъ церкви священники послѣ полученія ими „листа“ отъ епископа о назначеніи къ церкви не могутъ быть до самой своей смерти устранены отъ должности патрономъ безъ вѣдома епископа, б) отрѣшеніе такихъ священниковъ отъ должности за преступленія должно совершаться по соборному суду епископа (разумѣется—съ участіемъ епархіальнаго „крылоса“), а не по единоличному суду патрона, в) церковь, священникъ который отрѣшенъ отъ должности патрономъ безъ суда епископскаго, остается безъ священника до выясненія виновности или невиновности отрѣшеннаго путемъ церковно-судебнаго „обысканія“ или слѣдствія. Мысль девятаго правила такова: князь или панъ—„патронъ“, въ теченіи двѣнадцати недѣль не позаботившійся о замѣщеніи священнической вакансіи въ подаваемой церкви, лишается права рекомендовать къ ней кандидата священства и епископъ самъ имѣетъ право, не ожидая рекомендаціи отъ патрона, прислать къ этой церкви священника. Мысль одиннадцатаго правила: избранные патронами священники, если вступятъ въ должность безъ благословенія епископа, то лишается сана.

Восьмое правило читается такъ: „А по которымъ мѣстомъ церкви нашого православіа, паствы и благословеніа—князи и панове, сынове нашого смѣреніа, подаутъ у своихъ имѣньехъ. Ино которого коли мы священника къ которому престолу съвершимъ, або съверщеного благословимъ пѣти и подтвердимъ листомъ нашимъ,—у того вже священника князе и панове никако цркви не маютъ отняти до его живота, безъ нашого вѣдома святительского. А если которій священникъ въ чомъ провинитъ, ино имъ тую вину узъявити намъ своимъ писаніемъ, а намъ съборнѣ того обыскати; и аще достоинъ будетъ отлученіа, тогда мы маемъ его отъ церквп отдалити и иному церковъ подати нашимъ благословеніемъ. А княземъ и паномъ самѣмъ у поповъ цркввей не отнимати. Аще ли князь или бояринъ у священника цръковь отойметъ, безъ его вины и безъ вѣданья святительского, намъ къ той церкви священника другого не давати, поки ся тому справедливость станетъ“.

Правило девятое читается такъ: „А который князь или бояринъ у своихъ имѣньехъ цръковъ будетъ держати въ небреженіи безъ священника три мѣсяцѣ, дванадцать недѣль, ино намъ отъ себе попа къ той цръкви послати, для хвалы Божей и исправленія вѣры православныхъ христіанъ живыхъ и мертвыхъ“.

Правило одиннадцатое читается такъ: „А который священникъ, по повелѣнію князя или боярина учнетъ въ церкви священствовати безъ нашого благословеніа, таковый попъ, по правиломъ, да будетъ чюжь своего сана“. [204]).

Десятое правило. („Аще князь или бояринъ отъ церкви что отыйметъ„) акасается вопроса о незаконномъ захватѣ церковнаго имущества князьями и боярами. Повидимому, правило относится прежде всего къ патронамъ. Въ текстѣ правила нѣтъ прямого указанія на это, но необходимо предположить прежде всего такое именно пониманіе терминовъ правила „князь и бояринъ“. Такое предположеніе можно обосновать тѣмъ обстоятельствомъ, что разсматриваемое правило въ „Дѣяніи“ помѣщено среди правилъ, относящихси несомнѣнно къ вопросу о патронатѣ. Въ тоже время данное правило относится и ко всей вообще самовластной аристократіи Польши и Литвы. Мысли *десятаго* правила таковы. а) Если князь или бояринъ отниметъ церковное имущество (разумѣется—движимое или недвижимое) безъ суда и даже вопреки судебному постановленію, то епархіальный архіерей долженъ послать къ такому лицу „листъ“ съ просьбой возвратить церкви отнятое имущество, б) лица, не оказавшіе послушанія такому листу, отлучаются отъ церкви, в) отчужденіе церковнаго имущества недопустимо безъ церковнаго суда, г) всѣ нарушители этого правила подлежатъ отлученію, налагаемому соборомъ епископовъ. *Правило читается такъ:* „Аще князь или бояринъ отойметъ церьковное имѣніе или ино што церковное, правомъ не зыскавши, или што будетъ съ права къ церки присужено у чіимъ ли предѣле буди, намъ того листомъ нашимъ съ благословеніемъ обослати, штобы церковное церкви Божіей отдалъ или очистилъ. А которое дѣло будетъ мѣти до церковного имѣнія, и онъ нехай правомъ поискиваетъ передъ митрополітомъ.

Аще ли листа нашого и благословенїа не будетъ послушонъ, намъ на такового отлученіе церковное послати. Аще ли сынове нашого смиренїа, въ чіемъ ли предѣле буди, сему нашому законоположеному уставу противитися учнутъ, тіи отъ всѣхъ насъ съборнѣ отлучени да будутъ". [205]).

г).

Двънадцатое правило („о отходящихъ черньцохъ") устанавливаетъ опредѣленный порядокъ отпуска иноковъ изъ монастырей. Мысль правила такая: безъ игуменской „отпустное граматы" священноиноки и иноки не могутъ уходить изъ монастыря, въ противномъ случаѣ ихъ нигдѣ нельзя принимать и допускать до священнослуженія безъ святительскаго благословенія. Правило читается такъ: „Такъже и о священноиноцехъ и о мнихохъ, решке о чернъцохъ, которыи зъ монастырей исходятъ безъ воли и отпустное граматы игуменъское. Ино о томъ заповѣдь положихомъ: священноиноци и калугери, мниси зъ манастырей своихъ, безъ воли игуменъское, никакоже да не исходятъ и безъ отпусное граматы его нигдѣ ихъ да не пріймаутъ и не священствуутъ безъ благословенїа святительского". [206]).

Тринадцатое правило. („О божественыи правила") касается вопроса о церковныхъ полномочіяхъ мірянъ. Этимъ правиломъ запрещается мірянамъ имѣть у себя сборники церковныхъ правилъ („Кормчую книгу"). Правило читается такъ. „Правилъ божественныхъ мірьскимъ людемъ не подобаетъ въ себе держати, занеже, держаще ихъ, мірьскіи люди невкоторыхъ дѣлехъ законъ презираутъ и пастырей своихъ преслушаютъся. Ино таковыи, по святому апостолу глаголющу, „сами собѣ законъ бываютъ". Сице же мы повелѣваемъ отъ мірьскихъ людей правилъ божественныхъ никому въ себе мѣти. Аще ли хто будетъ ихъ держати, таковыи да будутъ въ отлученіи церковномъ, донелѣже ихъ оставятъ". [207]).

Четырнадцатое правило. („О непослущенствѣ епископъскомъ") касается вопросовъ а) объ областномъ соборѣ, б) и о кругѣ дѣлъ, подвѣдомыхъ епархіальнымъ архіереямъ. Первая по-

ловина правила посвящена вопросу о епископахъ, уклоняющихся отъ посѣщенія областныхъ соборовъ. Такимъ епископамъ правило повелѣваетъ, кромѣ исключительно-неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безпрекословно собираться на областные соборы. Первая половина правила читается такъ: „Нѣкоторыи єпіскопи, не хотяще великой Божіей церкви повиноватися и послушаніа къ ней имѣти и уутвержденіи православныя вѣры и закона нашего съ нами въ едино съвѣщаніе на съборъ збиратися и о паствинѣ своей Христовыхъ словесныхъ овецъ попеченіе имѣти,—и мірьски деи и справы на себе берутъ, и тыми дѣлы отмовляютъся. Сицевымъ же, кромѣ нѣкоторіа великіа нужда, по правильному завѣщанію и преданію завѣщаемъ: безъ всякого прекословіа на съборъ всѣмъ збиратися, по св. апостолу Павлу, глаголющему: „на што есмы звани, въ томъ да пребываемъ“, а по пророку. глаголющему: „кръвь погибшихъ отъ рукъ пастырей възыщу“. Аще хто, мірьскихъ ради дѣлъ и справъ, отъ священънъныхъ съборъ удалятися будетъ и паствину свою презирати и о ней попеченія не имѣти, мы же о сицевыхъ да будемъ безотвѣтни предъ Богомъ“. [208]).

Вторая половина правила, содержитъ упоминаніе о томъ, что на соборѣ обсуждались и другіе, кромѣ рѣшенныхъ въ его правилахъ, вопросы совре́менной церковной жизни, но что эти вопросы переданы соборомъ на разсужденіе епархіальныхъ архіереевъ. Изъ числа такихъ вопросовъ въ текстѣ правила упоминаются вопросы о современномъ „развращеніи“ и современныхъ нарушеніяхъ церковныхъ законовъ. Вторая половина правила читается такъ:„ И тежъ накоторіи и иныи дѣла о законѣ нашемъ разъсуждали есмо съ въсѣмъ нашимъ освященнымъ съборомъ, которіи жъ подъ нуждею въ нынѣшняа времена на насъ приходятъ нѣкоторіи развращеніа и отъ закона нашего преступленіа. Ино таковыи дѣла по разъсужденію да справуютъ епископи, и великаа Божіи церкви по святыхъ апостолъ и божественныхъ отецъ преданію съ всякимъ дръзновеніемъ непостыднымъ“. [209]).

Пятнадцатое правило, заключительное („о твердости уставленіа“), касается всѣхъ вышеизложенныхъ правилъ и устанавливаетъ мысль объ ихъ неизмѣнной и безусловной обязательности

для всѣхъ епископовъ западно-русской церкви, какъ современныхъ собору, такъ и епископовъ послѣдующихъ временъ, подъ угрозою лишенія сана. Устанавливая эту мысль, правило въ то же время указываетъ мѣру противъ свѣтскихъ лицъ—нарушителей изложенныхъ соборныхъ постановленій. Эта мѣра—созывъ чрезвычайнаго областного собора, въ случаѣ нарушенія кѣмъ бы то ни было соборныхъ правилъ, и соборное ходатайство епископовъ предъ королемъ о защитѣ церкви отъ нарушителей ея законовъ. Правило читается такъ: „Аще ли отъ господаря или отъ которыхъ вельможъ или властелей у сихъ предъреченъныхъ дѣлехъ, нами съборнѣ положеныхъ и записаныхъ, хотя въ единой изъ нихъ, до митрополита или епископа присыланіе будетъ—сію заповѣдь, по правиламъ святымъ нами утвержденую, хотя зрушити и ихъ волю вчинити—намъ ни единому на то не дързнути никакоже. Всѣмъ намъ зъехатися до митрополіта, безъ всякого вымовенья и замешканья, кажный подъ своимъ накладомъ и шкодою, и о томъ господарю чоломъ бити и непоколѣблемо стояти, абы, Богомъ и святыми Его апостолы и преподобными отци правилы святыми положеный и утвръженый, законъ нашое православное вѣры христіанъское не былъ порушонъ. Сия же вся по правильному завѣщанію, съборнѣ вси единоумно и единодушно положихомъ и записахомъ и печатьми нашими утверъдихомъ, яко да сия вся дѣла намъ и по насъ будучимъ митрополітомъ и епископомъ брепци и държати намъ то непорушно. Аще ли хто зъ насъ или по насъ будучіи пастыри церковныи сію заповѣдь положеную и утвержденую своимъ нераденіемъ или скупостію усхотятъ преступити и о томъ не пострадати, тіи да будутъ сана своего лишени“ [210]).

Кромѣ предисловія и соборныхъ правилъ, въ научно-извѣстномъ [211]) „дѣяніи“ есть приписка о премени его написанія и о внѣшнемъ видѣ подлиннаго „дѣянія“, а также приложеніе—выписка изъ Кормчей книги—текстъ 2 правила Сардикійскаго собора съ толкованіемъ. (Правило осуждаетъ переходъ епископовъ съ одной каѳедры на другую.) По свидѣтельству вышеупомянутой приписки соборное „дѣяніе“ написано въ Вильнѣ „лѣта текущого седмое тысящи седмоенадесять, мѣсяца генвара 18 дня, індиктіона 13“. Очевидно, такимъ образомъ, что начавшійся 25 декабря того же

мартовскаго года, соборъ закончился въ январѣ этого мартовскаго года, или—переводя на январскій годъ—начался 25 декабря 1508 года, а закончился, или по крайней мѣрѣ закончено написаніе и подписаніе его „дѣянія“ 18 января 1509 года [212]). О внѣшней формѣ „дѣянія“ въ припискѣ находимъ указанія, что оно было написано на пергаментѣ, „писмомъ стардавнымъ“ и на немъ было восемь вислыхъ („завѣшеныхъ“) печатей—„митрополітова и епископскые“ [213]).

Обращаясь къ краткой характеристикѣ изложенныхъ соборныхъ постановленій, нельзя не отмѣнить слѣдующихъ двухъ ихъ особенностей: согласія съ требованіями положительнаго и обычнаго права вселенской и русской церкви и соотвѣтствія запрсамъ мѣстной западно-русской церковной жизни.

Время собора было тяжелое время военныхъ бѣдствій для Западной Руси, бѣдствій, такъ ярко очерченныхъ въ предисловіи—словами, сходными съ рѣчью, произнесенно предъ Владимірскимъ соборомъ 1274 года. На фонѣ этихъ бѣдствій еще ярче вырисовывались для ревностнаго архипастыря—митрополита Іосифа и его современниковъ западно-русскихъ епископовъ несовершенства мѣстнаго церковнаго управленія, недостатки „справъ церковныхъ“ и слѣдствія этихъ недостатковъ—„церковныя вещи“, т. е. церковныя преступленія, понижающія религіозно-нравственный уровень паствы, привлекающія на нее праведный гнѣвъ Божій. Задача собора, такъ благовременно созваннаго ревностнымъ архипастыремъ, состояла въ томъ, чтобы освѣтить каноническими источниками „церковныя вещи“ и непорядки „справъ церковныхъ“. Этими источниками и освѣщаются они въ правилахъ разсматриваемаго собора. Главная мысль первыхъ шести правилъ—это мысль о томъ, чтобы при поставленіи въ священныя степени не были нарушаемы каноническія требованія о дефектахъ, препятствующихъ полученію хиротоніи. А эта мысль является основною мыслью и всего вселенскаго церковнаго законодательства по данному вопросу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта мысль является живымъ откликомъ на самую острую нужду, на самую опасную болѣзнь времени, уже начавшую разъѣдать церковный организмъ и давшую впослѣдстіи горькіе результаты

въ лицѣ „епископовъ-апостатовъ“ времени Берестейской уніи. Эта болѣзнь—поставленіе на священныя степени такихъ лицъ, которые, не удовлетворяя каноническимъ требованіямъ, пріобрѣтали право на поставленіе, пользуясь вліяніемъ „мірскихъ начальниковъ“ (ап. пр. 30, I вс. 4) или покупая это право за деньги (ап. прав. 29, VII вс. 2), или скрывая свои дефекты, препятствующіе полученію хиротоніи, скрывая ихъ на исповѣди предъ поставленіемъ, скрывая ихъ предъ епископами чужихъ епархій, къ которымъ такія лица обращались за поставленіемъ. Разсмотрѣнныя соборныя правила не только отмѣчаютъ такія ненормальныя явленія современной церковной жизни, не только осуждаютъ ихъ при свѣтѣ каноническихъ источниковъ, но и указываютъ практически осуществимыя и согласныя съ духомъ церковныхъ каноновъ мѣры пресѣченія, какъ напр. уничтоженіе обычая вписывать „отпустные листы“ въ ставленныя граматы, запрещеніе купли-продажи іерархическихъ должностей и т. п.

Слѣдующія правила, касающіяся вопросовъ о вдовыхъ священникахъ и объ епитимійцахъ, затрогивая острые вопросы 214) современности рѣшаетъ ихъ въ согласіи съ нормами права, дѣйствовавшаго тогда въ православныхъ помѣстныхъ церковахъ, напр. въ восточно-русской церкви. Такъ же близки къ церковнымъ запросамъ и такъ же вѣрны духу православнаго церковнаго законодательства и правила, относящіяся къ вопросу о правѣ патроната. Право подаванья духовныхъ хлѣбовъ, право патроновъ принимать участіе въ управленіи церковнымъ имуществомъ покровительствуемой церкви не могло не сопровождаться злоупотребленіями при своемъ примѣненіи на практикѣ 215). Эти злоупотребленія въ значительной степени парализуются вышеизложенными соборными правилами. Соотвѣтствуютъ духу церковнаго законодательства и запросамъ современности и всѣ остальныя изъ этихъ правилъ, именно правила, ограничивающія произволъ мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, бродяжничество-иночествующихъ, уклоненіе епископовъ отъ участія въ дѣятельности областныхъ соборовъ 216). Живымъ откликомъ на жизненныя церковныя нужды было и то обстоятельство, что разсматриваемый соборъ подчеркнулъ въ своемъ послѣднемъ правилѣ современное ему „раз-

вращеніе". Въ современной собору западно-русской церкви было очень много членовъ, заслуживавшихъ упрека въ „развращеніи" —въ крайнемъ увлеченіи развратомъ и пьянствомъ. Сохранились достовѣрныя историческія свидѣтельства объ этомъ, относящіяся ко времени, близкому къ собору. Въ 1474 году Контарини, иностанецъ, проѣжавшій тогда чрезъ Луцкъ, свидѣтельствуетъ, что при его проѣздѣ весь городъ оказался пьянымъ по случаю какой то свадьбы [217]). 10 февраля 1509 года польскій король Сигизмундъ принужденъ былъ послать дворянина Ивана Черкаса забирать и представлять на духовный судъ тѣхъ, кого укажетъ митрополитъ Іосифъ, которой жаловался королю: „штожъ дей многи люди Русь въ тыхъ мѣстѣхъ незаконнѣ мѣшкаютъ, жоны поймуючи не вѣнчаются, и дѣтей крестить не хотятъ и не ходятъ". Въ 1512 году король писалъ обывателямъ Слонимскаго повѣта: „писалъ до насъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси Іосифъ о томъ, штожъ дей вы его въ дѣлѣхъ духовныхъ не слушаете и зъ жонами своими незаконно живете". [218])

Виленскій соборъ 1510 года о Супрасльскомъ монастырѣ. Сохранилась грамата митрополита Іосифа отъ 5 февраля 1510 г., писанная „у Вильни на соборѣ" и излагающая соборныя постановленія о правахъ Супрасльскаго монастыря. Въ составъ февральскаго Виленскаго собкра 1510 года входили, кромѣ митрополита, патріаршій екзархъ и три епископа „со архимандриты и честнымъ клиромъ". Именно, на соборѣ были епископы: „Смоленскій Варсонофій, Володимерскій и Берестейскій Пафнотій и Туровскій и Пинскій Арсеній", патріаршій екзархъ—намѣстникъ вселенскаго патріарха-Цареградскаго „священноинокъ Филиппосъ", Лаврашовскій игуменъ Іона, Виленскій („двора нашего") архимандритъ Антоній, игуменъ Ефросинъ (Полоцкій—монастыря св, Іоанна на Островѣ), Новогрудскій протопопъ Іаковъ Никольскій, „попъ Іоаннъ Каша-Михайловскій, попъ Аѳанасій Масло-Юрьевскій и попъ Романъ Пятницкій". На соборѣ были опредѣлены права Супрасльской обители со стороны имущественной и со стороны отношеній къ высшей церковной власти. [219]).

Б.

Малоизвѣстные областные соборы о справахъ церковныхъ отъ времени митрополита Іосифа Солтана до 80-хъ годовъ 16 вѣка.

Къ числу этихъ соборовъ относятся: *Виленскій 1514 года, Новогрудскій 22 февраля 1540 года, Виленскій 1546 года и Виленскій 1558 года.*

О Виленскомъ соборѣ 1514 года можно говорить только предположительно, предположительно можно указать и предметъ его дѣятельности—рѣшеніе вопроса о церковномъ прославленіи праведнаго Елисея Лаврашовскаго [220]).

О Новогрудскомъ соборѣ 22 февраля 1540 года сохранились болѣе опредѣленныя свѣдѣнія. Этотъ соборъ состоялся для опредѣленія церковно-правительственныхъ отношеній новопоставленнаго на возстановленную Львовскую каѳедру епископа Макарія къ западно-русскому митрополиту. На соборѣ присутствовали западно-русскій митрополитъ Макарій и всѣ тогдашніе западно-русскіе епископы: Симеонъ Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій, Геннадій Владимірскій и Берестейскій, Арсеній Луцкій и Острожскій, Вассіанъ, Туровскій и Белзскій и представители отъ мірянъ: князь Юрій Семеновичъ Олельковичъ—Слуцкій, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, староста Берестейскій, маршалокъ короля, панъ Иванъ Горностей, воевода Троцкій и еще одно знатное свѣтское лицо. На соборъ былъ приглашенъ и новопоставленный епископъ Галицкій Макарій. Дѣятельность собора по отношенію къ епископу Макарію выразилась въ слушаніи и утвержденіи его присяжной граматы митрополиту Макарію. Въ этой граматѣ онъ обѣщается за себя и за своихъ преемниковъ: а) въ дѣлахъ церковнаго управленія руководиться правилами и преданіемъ свв. Апостоловъ и свв. отецъ, быть „подъ благословеніемъ и наукою“ митрополита и, не стремиться къ отдѣленію своей епархіи отъ митрополіи („у свою власть не превлащати“), и б) кромѣ того, отдавать Кіевскому митрополиту половину своихъ архіерейскихъ доходовъ. Присяжную грамату епископа Макарія всѣ участники собора утвердили своими подписями и печатями [221]).

На основавіи граматы короля Сигизмунда **отъ 13 февраля 1546 года, можно предполагать, что въ этомъ году состоялся областной западно-русскій церковный соборъ.** Въ этой граматѣ говорится, что король, „услышавши отъ многихъ князей и пановъ о нерядности и несправѣ межи духовенства греческаго закона, такожъ межи князей и пановъ и простыхъ людей и что епископы поступаютъ не по правиламъ святыхъ отецъ“, предложилъ созвать соборъ, на который и „позвать кого бы вѣдали не въ законѣ мѣшкающихъ“. Такимъ образомъ, по желанію короля, предметомъ соборной дѣятельности должно было быть судебное разбирательство („позовъ“) надъ тѣми членами клира и мірянами западно-русской православной церкви, которые „не въ законѣ мѣшкаютъ“, т. е. нарушаютъ церковные законы. Мѣстомъ для собора была назначена Вильна, а временемъ—день Вознесенія Господня. Король обѣщалъ по пріѣздѣ митрополита въ Вильну ближе узнать, „што маете межи собою справовати“. Былъ ли созванъ этотъ соборъ и что на немъ было постановлено—неизвѣстно [222]).

При слѣдующемъ Кіевскомъ митрополитѣ—Сильвестрѣ Бѣлькевичѣ, нужно думать, также былъ **областной западно-русскій церковный соборъ въ 1558 году.** Иниціатива созыва этого собора принадлежитъ митрополиту, который назначилъ временемъ собора первую недѣлю великаго поста, а мѣстомъ—Вильну, и просилъ короля объявить о соборѣ православной іерархіи. Король своими листами оповѣстилъ всѣхъ епископовъ, архимандритовъ и остальное высшее духовенство („преложоныхъ духовнаго сану“), чтобы они съѣхались въ Вильну на соборъ къ назначенному времени („въ часъ первый“). Затѣмъ, узнавъ о тяжелой болѣзни и дряхлости Супрасльскаго архимандрита Сергія Кимбара, самъ увѣдомилъ митрополита (2 февраля 1558 года), о томъ что Сергій не можетъ явиться на соборъ „про великую старость и зошлость вѣку его“, а пришлетъ вмѣсто себя уполномоченнаго человѣка духовнаго, ученаго и богобоязненнаго. При этомъ король выразилъ пожеланіе, чтобы на соборѣ, который созывается „стараниемъ митрополита ку постановенью вѣры и закону хрестьянского“ все окончилось хорошо, согласно съ сло-

вомъ и повелѣніемъ Божіимъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній, относящихся къ этому собору, не сохранилось. [223]).

В.

Областные соборы во время пребыванія въ Западной Руси Константинопольскаго патріарха Іереміи II въ 1588 и 1589 годахъ.

Іеремія II былъ первымъ Константинопольскимъ патріархомъ, посѣтившимъ западно-русскую православную церковь. Самая вѣсть о его предстоявшемъ прибытіи вызвала среди православныхъ западно-руссовъ и среди католиковъ мысль о созывѣ собора, который могъ бы состояться въ присутствіи патріарха. Такой соборъ было предположено созвать во время перваго посѣщенія Западной Руси патріархомъ Іереміей въ 1588 году, при чемъ было назначено и мѣсто собора—Вильна и время собора—праздникъ Рождества Богородицы [224]). Какъ видно изъ письма Луцкаго бискупа къ Неаполитанскому арцыбискупу Аннибалу, такой соборъ былъ уже назначенъ патріархомъ [225]). Изъ того же письма видно, что ожидавшійся соборъ былъ весьма желателенъ и для православныхъ и для католиковъ. Первые возлагали на соборъ надежды въ смыслѣ исправленія недостатковъ мѣстной церковной жизни, а вторые надѣялись использовать этотъ соборъ въ цѣляхъ пропаганды католичества и назрѣвавшей тогда уніонной программы, именно: надѣялись устроить на этомъ соборѣ публичное состязаніе о вѣрѣ съ патріархомъ Іереміей, побѣдить его въ спорѣ, подорвать такимъ образомъ его авторитетъ и этимъ открыть широкую дорогу православнымъ къ переходу подъ власть римскаго папы [226]). Относительно мѣста предполагавшагося собора въ это время высказывалось предложеніе созвать соборъ не въ Вильнѣ, а въ Берестьи Литовскомъ—для болѣе удобнаго съѣзда туда православныхъ [227]). Но предполагавшійся областной соборъ не состоялся, такъ какъ патріархъ спѣшилъ въ Москву и въ іюлѣ 1588 года былъ уже тамъ [228]). Но къ первому посѣщенію патріархомъ Іереміей Западной Руси относится соборъ—именно судебный соборъ, „соборъ присутствующихъ,“ по жалобѣ Меглинскаго епископа Ѳеофана на Львовскаго епископа Гедеона Балабана.

Виленскій соборъ 1588 года. На пути въ Москву патіархъ Іеремія пробылъ въ Вильнѣ 12 дней, начиная съ 3 іюня 1588 года [228]). Въ это время (іюня индикта I) и состоялся упомянутый судебный соборъ. „Въ Вильнѣ предсталъ предъ патріархомъ епископъ Меглинскій Θеофанъ и жаловался на Львовскаго епископа Гедеона за то, что послѣдній насильно отнялъ у него Жидичинскій монастырь и не возвращаетъ, хотя далъ письменное обязательство предъ Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ возвратить отнятый монастырь Θеофану“ [229]). Эта жалоба и была предметомъ соборнаго обсужденія. Въ составъ собора, какъ видно изъ подписей на соборной граматѣ [230]), кромѣ патріарха, входили его спутники—„Моновасійскій Іероѳей митрополитъ и смиренный архіепископъ Демонитскій и Елассонскій Арсеній“. Соборное рѣшеніе было таково: „Тѣмже заповѣдуемъ соборнѣ: аще убо не помиритъ ли ся (епископъ Гедеонъ) со епископомъ (Θеофаномъ) водлугъ реченнаго писанія и еднанія, на которомъ былъ предсталъ предъ святѣйшимъ патіархомъ Антіохійскимъ и не вернетъ ли монастырь (Жидичинскій) епископу Мегленьскому, яко обѣщась добрѣ, аще же инако сотворитъ, преслушникъ и непокоривъ явится суду нашого сказу, водлугъ своего властнаго еднанья, праздный да будетъ всего своего священническаго дѣйства и чину, уничтоживъ же сіе учрежденіе, отлученъ да будетъ отъ Бога Вседержителя, и по смерти не разрѣшенъ, яко достойный изверженія“ [231]). Подписанная участниками собора грамата съ соборнымъ рѣшеніемъ была отправлена православноиу духовенству и мірянамъ въ Львовъ, Каменецъ и Галичъ [232]).

Ко времени второго посѣщенія патріархомъ Іереміей Западной Руси (равно чрезъ годъ послѣ отъѣзда въ Москву) относится нѣсколько областныхъ соборовъ западно-русской православной церкви. Эти соборы были однимъ изъ выраженій оффиціально разрѣшенной (15 іюля 1589 года) польскимъ королемъ церковно-правительственной дѣятельности патріарха Іереміи въ Западной Руси [234]). Дѣятельность эта была откликомъ патріарха на современныя церковныя нужды Западной Руси и на усиленныя просьбы ея православнаго населенія (въ лицѣ его выдающихся представителей) [235]). „Безпорядки въ западно-русской

церкви въ послѣдніе годы царствованія Баторія сдѣлались очень явными и потребовали рѣшительныхъ мѣръ“ [236]). Князья К. К. Острожскій, Ѳеодоръ Скуминъ—Тышкевичъ и Василій Скуминъ—Тышкевичъ просили патріарха исправить церковныя дѣла и „помогали ему въ томъ“ [237]). При содѣйствіи этихъ и другихъ „пановъ радъ“, хотя и „съ большимъ трудомъ“, патріархъ получилъ „привилей“ отъ Баторія (привилей датированъ 7 іюля), „абы во всемъ епископове зъ митрополитомъ и зо всѣмъ духовенствомъ его, яко пастыря своего, слухали, и порядковъ и справъ вшелякихъ чрезъ него постановленныхъ ведлѣ старыхъ правъ, послушными были“ [238]).

Виленскій соборъ 1589 года. Церковный соборъ въ Вильнѣ составился уже ко времени второго пріѣзда патріарха Іереміи въ предѣлы Западной Руси [239]). Въ виду того, что церковный соборъ въ Западной Руси предполагался еще въ первое посѣщеніе ея патріархомъ Іереміей, нужно полагать, что необходимыя для патріарха свѣдѣнія могли быть уже тогда подготовлены и потому онъ могъ непосредственно послѣ своего вторичнаго прибытія въ Вильну начать соборныя совѣщанія.

Виленскій соборъ 1589 года сдѣлалъ нѣсколько постановленій. Постановленія эти вынесены въ нѣсколькихъ разновременно состоявшихся соборныхъ засѣданіяхъ.

а) Первое постановленіе относится къ 21 іюля--объ іерархическихъ лицахъ—двоеженцахъ и троеженцахъ [240]).

б) Затѣмъ слѣдуетъ, „декретъ на изверженіе Онисифорово“, подписанный участниками собора (декретъ этотъ, если его не нужно отождествлять съ вышеупомянутою граматою 21 іюля, исторически не извѣстенъ полностью и потому нѣтъ возможности точно установить время его изданія) [241]), а также поставленіе Михаила Рагозы на западно-русскую митрополію [242]).

в) Наконецъ къ дѣятельности разсматриваемаго собора относится изданіе граматы о запрещеніи иностранному духовенству посѣщать западно-русскую митрополію [243]).

Относительно состава Виленскаго собора 1589 года находимъ указанія въ окружной патріаршей граматѣ отъ 1 августа того же года, данной митрополиту—о недопущеніи греческаго духовенства въ Западную Русь. Въ началѣ этой граматы патрі-

архъ свидѣтельствуетъ, что во время еяизданія (въ Вильнѣ) при немъ „были архіепископъ, епископы и весь причтъ церковный". Въ подобной же граматѣ, данной Луцкому епископу Кириллу отъ 6 августа того же года, патріархъ свидѣтельствуетъ, что съ нимъ въ это время были въ Вильнѣ „архіепископъ Кіевскій, епископы, архимандриты, игумены, протопопы и весь причтъ церковный" [244]).

Обращаясь къ дѣятельности Виленскаго патріаршаго собора „присутствующихъ" 1589 г., прежде всего останавливаемся на его постановленіи о двоеженцахъ и троеженцахъ—іерархическихъ лицахъ. Соборъ постановилъ извергнуть такихъ лицъ изъ священнаго сана и обнародовалъ это постановленіе окружною патріаршею граматою 21 іюля [245]). Грамата излагаетъ патріаршее повелѣніе извергать изъ сана двоеженцевъ, указываетъ нѣсколькихъ лицъ, подлежащихъ изверженію, и угрожаетъ церковнымъ наказаніемъ тѣмъ епископамъ, которые „таковыхъ въ епископіи своей утаили". Члены Львовскаго ставропигіальнаго братства въ своемъ объявленіи, изданномъ въ 1600 году, указываютъ размѣры того церковнаго преступленія, противъ котораго направлено разсматриваемое постановленіе. „Въ духовномъ сословіи умножились безпорядки при худомъ пастырствѣ Кіевскаго и Галицкаго митрополита Онисифора Дѣвочки, двоеженца и человѣка вѣры сомнительной. Онъ дозволилъ епископамъ быть двоеженцамъ, а инымъ епископамъ жить съ женами, не смотря на монашескіе обѣты, и намножилъ нѣсколько тысячъ поповъ двоеженцевъ и троеженцевъ, подозрѣваемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ" [246]).

Соборное постановленіе о двоеженцахъ прежде всего касалось самаго Кіевскаго митрополита Онисифора и могло быть поводомъ къ его удаленію съ митрополичьей каѳедры. По взгляду проф. Кояловича, митрополитъ Онисифоръ не былъ низложенъ патріархомъ или соборомъ, а *самъ оставилъ каѳедру* [247]). Въ такомъ случаѣ причиной его ухода съ каѳедры нужно было бы признать вышеупомянутое общее соборное постановленіе о двоеженцахъ. Думать, что онъ ушелъ по болѣзни, нельзя, въ виду того, что, по оставленіи митрополіи, Онисифоръ долго управлялъ

Виленскимъ Свято-Троицкимъ монастыремъ и Лаврашевскимъ монастыремъ, именно—до 1592 года [248]). Основанія для своего мнѣнія проф. Кояловичъ указываетъ въ граматахъ короля отъ 27 іюля 1589 года а) къ новому митрополиту Михаилу Рагозѣ и б) ко всѣмъ обывателямъ польско-литовскаго государства [249]). Въ этихъ граматахъ не говорится о низложеніи митрополита Онисифора, а говорится только о „запустѣніи" Кіевской митрополіи „отъ митрополита Онисифора". Но если такое выраженіе мысли объ оставленіи митрополитомъ каѳедры не даетъ права говорить о его соборномъ низложеніи, то равнымъ образомъ оно не даетъ права говорить и о добровольномъ уходѣ митрополита Онисифора на покой. Прямое свидѣтельство о такомъ именно „по своей волѣ" уходѣ его можно видѣть въ другихъ словахъ короля, гдѣ прямо говорится, что митрополитъ Онисифоръ оставилъ митрополію „по своей доброй волѣ въ облегченіе своей старости и болѣзни" [250]). Приведенныя слова короля находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи со многими строго-опредѣленными свидѣтельствами, утверждающими противоположное мнѣніе. Одни изъ такого рода свидѣтельствъ утверждаютъ ту мысль, что митрополитъ Онисифоръ низложенъ, другіе даютъ основаніе полагать, что низложеніе было соборнымъ, а третьи указываютъ и самое время соборнаго „декрета" о низложеніи Онисифора съ митрополіи. Самымъ виднымъ свидѣтельствомъ по первому вопросу нужно признать свидѣтельство „Перестроги", которая прямо выражается, что „святѣйшій патріархъ, видячи митрополита Кіевскаго Онисифора двоеженца, съ простола зложилъ" [251]). Не менѣе опредѣленно слѣдующее свидѣтельство Львовскаго братства: „вселенскій патріархъ отецъ Іеремія, находясь въ Вильнѣ, митрополита низложилъ" [252]). Что низложеніе митрополита Онисифора было совершено патріархомъ „соборнѣ", утверждаетъ „Перестрога", когда говоритъ о патріаршемъ *декретѣ на изверженіе Онисифорово*, подписанномъ западно-русскими епископами [253]). Нѣкоторое указаніе по данному вопросу находимъ въ патріаршей граматѣ отъ 1 августа 1589 года, свидѣтельствующей о присутствіи *при патріархѣ собора* во время подписанія граматы, т. е. около того времени, когда совершился уходъ Они-

сифора съ митрополіи [254]). Участіе собора въ низложеніи становится несомнѣннымъ, если установить, хотя приблизительно, время этого событія. Нельзя думать, что низложеніе Онисифора совершилось во время перваго посѣщенія Западной Руси патріархомъ Іереміей. Оставивши Литву въ іюлѣ 1588 года, патріархъ Іеремія пробылъ въ Москвѣ до мая 1589 года [255]), а митрополитъ Онисифоръ продолжалъ въ это время управлять митрополіей и успѣлъ испросить у короля Сигизмунда весьма важный „привилей“ объ охраненіи церковнаго достоянія, данный „у Варшавѣ на соймѣ вальномъ“ 23 апрѣля 1589 года [256]). Отсюда очевидно, что низложеніе Онисифора относится ко времени второго посѣщенія Западной Руси патріархомъ Іереміей (время соборовъ подъ его предсѣдательствомъ). Можно указать границы того времени, къ которому относится соборное низложеніе Онисифора. Церковно-правительственная дѣятельность патріарха Іереміи во время вторичнаго его пребыванія въ Западной Руси могла начаться только послѣ королевскаго разрѣшенія 7—15 іюля 1589 года. Низложеніе Онисифора могло совершиться не позднѣе 27 іюля, когда была дана королевская грамата преемнику Онисифора митрополиту Михаилу. Слѣдовательно низложеніе могло совершиться между 15 и 26 іюля.

Кромѣ постановленія объ іерархическихъ лицахъ-двоеженцахъ, кромѣ декрета на низложеніе Онисифорово, а также кромѣ участія въ поставленіи митрополита Михаила Рагозы, Виленскій соборъ 1589 года вынесъ еще постановленіе о заграничномъ православномъ духовенствѣ, посѣщавшемъ Западную Русь. Сохранилась грамата (1 и 6 авг.) [257]), содержащая это постановленіе. Издана она патріархомъ, несомнѣнно, не единолично, а вмѣстѣ съ соборомъ присутствующихъ, или, какъ говоритъ патріархъ, „будущу при насъ архіепископу Кіевскому, епископамъ, архимандритамъ и всему причту церковному“ [258]). На соборѣ патіарху были „донесены вѣдомости отъ многихъ, послухъ“ [259]) о безчиніяхъ пріѣзжаго иноземнаго духовенства. Можно думать, что въ числѣ этихъ свидѣтелей или „послуховъ“ были и многіе члены собора. Предметъ соборнаго обсужденія описывается въ граматѣ такъ: „Здавна и понынѣ, приходяще по нужди дѣйствъ своихъ, изъ странъ нашихъ

области всихъ четырехъ патріарховъ, изъ монастырей, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и прочіи калугеры . . . и вшодши въ парфію области нашее, мѣнятся быти овый митрополитомъ, иный епископомъ, иный архимандритомъ и игуменомъ, за чимъ въ парафіи нашей сихъ панствъ, коруны Польское и великаго князства Литовского ростяганье владости дѣйствъ церковныхъ чинятъ межи архіепископомъ, епископами, архимандритами, игуменами, протопопами и иными людьми церковными, и у нихъ литоргисаючи, и овыхъ благословляючи, иныхъ же анаѳематствуючи и отлучаючи“ [260]. Характернымъ примѣромъ такихъ безчиній является слѣдующій случай въ Супрасльскомъ монастырѣ. Сюда оъ 1582 году прибылъ архіепископъ Охридскій Гавріилъ, титуловавшій себя патріархомъ первой Юстиніаны, Болгаріи, Сербіи, Молдавіи и проч., и не только литургисалъ здѣсь, но и написалъ на имя ктиторовъ монастыря Ходкевичей грамату, въ которой извѣщалъ ихъ, что, по дарованной ему свыше власти, онъ благословилъ настоятеля монастыря, архимандрита Тимоѳея Злобу, „человѣка почетнаго и святого“, носить по примѣру другихъ святительную шапку или митру [261]. По поводу такого рода явленій соборъ вынесъ слѣдующее опредѣленіе: не разрѣшать („недопущать и боронить“) иноземному духовенству церковной административной и литургической дѣятельности въ предѣлахъ западно-русской православной церкви [262].

Супрасльскій соборъ 1589 года. Послѣ 1 августа, не позже 5-го, патріархъ оставилъ Вильну и, въ сопровожденіи митрополита и епископовъ, отправился въ Супрасльскій монастырь, а къ 6 августа прибылъ въ „Берестье“ (Брестъ) [263]. Ко времени пребыванія патріарха въ Супрасльскомъ монастырѣ (приблизительно —3 или 4 августа) относится патріаршій судебный соборъ по дѣлу архимандрита Тимоѳея Злобы. Патріархъ и соборъ нашли Тимоѳея виновнымъ въ убійствѣ и низложили его и „на его мѣстцу иного поставили“ [264].

Берестейскій соборъ 1589 года. Къ 6 августа 1589 года относится патріаршій соборъ въ „ Берестьи Литовскомъ“ (Брестъ) для „благословенія“ и возведенія въ санъ патріаршаго экзарха Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго [265]. Какъ видно изъ под-

писей на соборной граматѣ, въ составъ этого собора входили, кромѣ патріарха, митрополитъ Михаилъ Рагоза и епископы: Владимірскій—Мелетій Хрептовичъ Богуринскій, Пинскій—Леонтій Пельчицкій, Холмскій-Діонисій Збируйскій, и Львовскій-Гедеонъ Балабанъ. Отсутствовали только два западно-русскихъ епископа: Полоцкій—Аѳанасій Терлецкій и Перемышльскій—Арсеній Брылинскій, которые, вѣроятно по старости и болѣзнямъ, не могли явиться на соборъ и вскорѣ скончались [266]). Совершивши избраніе и возведеніе Кирилла въ санъ экзарха, соборъ издалъ объ этомъ двѣ граматы [267]).

Тарнопольско-Каменецкій соборъ 1589 года. Въ концѣ октября и первой половинѣ ноября 1589 года происходилъ послѣдній западно-русскій областной соборъ съ участіемъ патріарха Іереміи. Дѣятельность этого собора началась въ Тарнополѣ, а закончилась въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ было подписано соборное опредѣленіе 13 ноября 1589 года [268]). Въ концѣ октября 1589 года для прощанья съ патріархомъ Іереміей собрались въ Тарнополѣ митрополитъ Михаилъ Рагоза и пять западно-русскихъ епископовъ [269]). Ко времени этого прощальнаго съѣзда западно-русскихъ епископовъ патріархъ пріурочилъ областной соборъ для рѣшенія суднаго дѣла, возникшаго между Львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и братствами его епархіи. Это дѣло, поднимавшееся неоднократно Львовскимъ братствомъ во время пребыванія въ Западной Руси патріарха Іереміи, [270]) не могло получить окончательнаго рѣшенія патріарха до времени разсматриваемаго собора. Патріархъ откладывалъ дѣло до своего личнаго прибытія въ Львовъ, а потомъ перенесь это дѣло на разсматриваемый соборъ. Онъ вызвалъ сюда братскаго Львовскаго священника Андрея для объясненія враждебныхъ дѣйствій этого священника по отношенію къ братству. Сюда же прибыли епископъ Гедеонъ и обвиняемые имъ братчики [271]). Кромѣ того, на соборъ прибыли защитники интересовъ братства—уполномоченные отъ мѣщанъ Краковскаго предмѣстья, во главѣ съ ученымъ братскимъ дидаскаломъ—Кирилломъ Транквилліономъ [272]). Уполномоченные явились на соборъ съ инструкціею, въ которой описывалось тяжелое положеніе братства, созданное преслѣдованіями со стороны

епископа Гедеона, и давался фактическій матеріалъ для соборнаго сужденія. За то, что „мы при братствѣ Львовскомъ стоимо и его честно хвалимо и преимуемо, говорится въ инструкціи, отъ отца Гедеона и отъ его поповъ, нашихъ отцовъ духовныхъ: Іосифа Ѳедоровскаго, Матѳея Никольскаго и Гавріила Спасскаго, маючи отъ нихъ презъ часъ не малый, презъ колко лѣтъ нагабане, бите, кровопролите, лаяніе лютрами (т. е. лютеранами), проклинане въ церкви и отъ закону христіанскаго вѣры греческое отъ всѣхъ святостей невинне безъ всякаго права и суда отлученье и иныхъ кривдъ и тяжкостей незносныхъ терпѣти и до сего часу терпимъ и подыймуемъ, которыхъ кривдъ ани выписать, ани вымовить всѣхъ не можемъ“ [273]). Сохранились свѣдѣнія о самомъ ходѣ соборнаго совѣщанія и о соборномъ рѣшеніи. На соборѣ была произнесена рѣчь въ защиту братства. Эту рѣчь произносилъ на греческомъ языкѣ Кириллъ Транквилліонъ [274]). Соборное рѣшеніе было таково: братство не подлежитъ власти Львовскаго владыки, имѣетъ право управлять Онуфріевскимъ монастыремъ, который издавна признается ставропигіальнымъ—независимымъ отъ власти мѣстнаго епископа, братство имѣетъ право избирать для своей церкви священниковъ, равно какъ и удалять ихъ, исключать изъ своей среды недостойныхъ членовъ, содержать школу и типографію и обязано помогать бѣднѣйшимъ ученикамъ своей школы [275]). 13 ноября 1589 года въ Каменецъ-Подольскѣ соборное рѣшеніе было подписано патріархомъ, митрополитомъ и пятью бывшими на соборѣ епископами [276]). Тогда же была издана патріаршая грамата Львовскому братству. Эта грамата подтверждала всѣ права братства и его уставъ и ограждала анаѳемою отъ всякихъ покушеній со стороны мѣстнаго епископа и другихъ лицъ. Сверхъ того, въ своей граматѣ патріархъ опредѣлялъ, чтобы во Львовѣ, кромѣ братскаго училища не открывалось никакой другой (общественной, православной) школы и чтобы родители, если пожелаютъ имѣть для своихъ дѣтей особаго дидаскала, не допускали обучаться съ ними стороннихъ дѣтей, а приходскіе священники имѣли каждый при своей церкви только по одному или по два ученика „для послуги“ [277]).

Г.

Очередные и чрезвычайные открытые областные соборы девяностыхъ годовъ 16 вѣка до провозглашенія уніи.

Девяностые годы 16 вѣка въ исторіи западно-русской православной церкви отмѣчены особеннымъ обиліемъ областныхъ соборовъ: очередныхъ, чрезвычайныхъ, открытыхъ и „покутныхъ“.

Белзскій соборъ 1590 года. Тарнопольско-Каменецкій соборъ-послѣдній изъ числа западно-русскихъ областныхъ соборовъ, состоявшихся при участіи патріарха Іереміи II. Во время своего пребыванія въ Молдавіи патріархъ Іеремія отправилъ въ Литву своего экзарха—архіепископа Діонисія съ граматами къ Берестейскому епископу Михаилу и митрополиту Михаилу. Этими граматами патріархъ поручалъ митрополиту созвать областной соборъ для суда надъ епископомъ и экзархомъ Кирилломъ Терлецкимъ, виновнымъ въ избіеніи патріаршаго протонатарія Григорія и во многихъ другихъ преступленіяхъ [278]). Этотъ соборъ не могъ состояться, такъ какъ епископъ Кириллъ Терлецкій похитилъ у Діонисія патріаршую грамату во Владимірѣ, и пригласивъ его затѣмъ въ близлежащее свое имѣніе, продержалъ здѣсь, пока экзархъ Діонисій не уѣхалъ отъ митрополита ни съ чѣмъ [279]). Тѣмъ не менѣе пожеланіе патріарха Іереміи о созывѣ собора вскорѣ осуществилось. Осуществилось оно въ 1590 году, когда были созваны два областныхъ собора—Белзскій и Берестейскій [280]). О первомъ изъ этихъ соборовъ можно судить главнымъ образомъ на основаніи граматы послѣдняго собора. Изъ этой граматы видно, что на Белзскомъ соборѣ присутствовали „нѣкоторые“ изъ западно-русскихъ епископовъ. О другихъ участникахъ этого собора грамата не упоминаетъ. Не упоминаютъ о нихъ и другіе историческіе источники, вообще очень мало сохранившіе данныхъ о разсматриваемомъ соборѣ. [281]). О соборной дѣятельности епископовъ, съѣхавшихся въ Белзъ въ 1590 году, на основаніи той же граматы, можно сказать только то, что въ Белзѣ было вынесено епископами постановленіе о ежегодномъ созывѣ областныхъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ и что мѣстомъ этихъ соборовъ былъ назначенъ Белзъ [282]). Это Белзское соборное

постановленіе было пересмотрѣно на Берестейскомъ соборѣ 1590 года [283]). На основаніи той же граматы можно утверждать также, что Белзскій соборъ происходилъ въ началѣ 1590 года. По свидѣтельству епископа Гедона, на соборѣ было постановлено жаловаться королю на вмѣшательство мірянъ въ дѣла церковнаго управленія [284]). По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, на этомъ соборѣ была составлена первая уніонная грамата о подчиненіи западно-русской церкви Риму и подписана четырьмя епископами—участниками собора. [285]). Ясныхъ доказательствъ этого мнѣнія его защитники не могутъ привести, ограничиваясь предположеніями и догадками. Несомнѣнно только то, что Белзскій соборъ, кромѣ постановленія объ очередныхъ соборахъ, вынесъ и еще какія то, неизвѣстныя исторически, постановленія, быть можетъ, только раскрывавшія болѣе детально смыслъ того же постановленія объ очередныхъ соборахъ. [286]).

Берестейскій соборъ 1590 года. Созывъ Берестейскаго собора 1590 года необходимо поставить въ связь съ предшествовавшимъ ему крупнымъ церковно-историческимъ событіемъ—церковно-правительственною дѣятельностью патріарха Іереміи въ предѣлахъ Западной Руси. Патріархъ Іеремія подалъ западно-русской іерархіи „примѣръ соборнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ, совѣщаясь объ этихъ дѣлахъ съ митрополитомъ, епископами и другимъ духовенствомъ (въ Вильнѣ, Берестьѣ, Тарнополѣ) [287]). Патріархъ Іеремія своими граматами и опредѣленіями возглавлявшихся имъ областныхъ соборовъ поставилъ на очередь соборное обсужденіе многихъ больныхъ вопросовъ современности. Къ этимъ вопросамъ и подходили соборы 1590 и послѣдующихъ годовъ. Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и самая церковная жизнь Западной Руси требовала соборнаго обсужденія ея нуждъ. „Ижъ на церковь святую восточную пренагабанье и частые гоненія, преслѣдованіе великое и тяжары нигды незвыклые а неслыханные отъ становъ разныхъ на насъ находятъ, читаемъ въ „дѣяніи“ разсматриваемаго собра, такожъ великія нестроенія межъ духовенствомъ, и зъ нашихъ нѣкоторыхъ хрестьянъ развращенія, несогласія, непослушанія, безчинства и на многихъ мѣстцахъ не по дѣйству изменьшенія хвалы Божія оказуются“ [288]).

Справедливость этихъ словъ подтверждается несомнѣнными фактическими данными. [289]). Тѣмъ не менѣе, созывъ собора 1590 года обусловливался не столько несомнѣнными запросами современной западно-русской церковной дѣйствительности, сколько дѣятельностью патріарха Іереміи въ предѣлахъ Западной Руси. Церковныя нестроенія были въ западно-русской митрополіи и до пріѣзда патріарха Іереміи. А между тѣмъ тогда—въ шестидесятыхъ—восьмидесятыхъ годахъ 16 вѣка соборы здѣсь были большой рѣдкостью, если только они созывались въ это время. Учрежденіе патріархомъ постоянной должности его экзарха, утвержденіе западно-русскихъ братствъ, патріаршая грамата „о ересяхъ", воспроизводимая въ своей резолютивной части разсматриваемымъ соборомъ 1590 года—все это, въ связи съ примѣромъ соборной патріаршей дѣятельности, было важнымъ побужденіемъ къ созыву этого собора.

Разсматриваемый соборъ состоялся въ Берестьи Литовскомъ въ іюнѣ 1590 года. Одна грамата, содержащая дѣяніе этого собора и подписанная его участниками, датирована 20 іюня, [290]), двѣ граматы этого собора датированы 22 іюня и одна 23 іюня [291]). Кромѣ того, на соборѣ издана еще одна грамата за подписью митрополита [292]). Въ составъ собора входили слѣдующія лица: митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы: Владимірскій—Мелетій Хрептовичъ, Луцкій и Острожскій—Кириллъ Терлецкій, подписавшійся съ титуломъ экзарха, затѣмъ—Туровскій и Пинскій епископъ Леонтій Пельчицкій (или Полчицкій), Холмскій и Белзскій Діонисій Збируйскій, Львовскій и Каменца Подольскаго Гедеонъ Балабанъ. Перечисленные владыки подписали соборныя граматы. Кромѣ этихъ владыкъ, на соборѣ присутствовали и другія духовныя и свѣтскія лица. Соборная грамата, перечисливъ владыкъ—участниковъ собора, прибавляетъ: „и съ всѣми духовными іереи священными, и его милость панъ Адамъ Патѣй, каштелянъ Берестейскій, и многыи зацныи свѣцкыи станы" [293]).

На основаніи соборныхъ граматъ, предметъ соборныхъ сужденій можно опредѣлить такъ: а) распространенная въ западно-русской церкви и осужденная граматой патріарха Іереміи (отъ ноября 1589 года) „ересь" церково-обрядоваго характера,

б) вопросъ о созывѣ очередныхъ областныхъ соборовъ, в) постановленіе Белзскаго собора г) вопросъ о монастыряхъ, д) вопросъ о епархіальномъ устройствѣ и управленіи, е) соборъ 1591 года, ж) спорное дѣло Львовскаго епископа Гедеона Балабана и Львовскаго братства изъ за Онуфріевскаго монастыря, з) жалоба Львовскаго братства на нѣкоторыхъ противодѣйствовавшихъ ему Львовскихъ мѣщанъ, и) спорное дѣло епископа Гедеона Балабана съ Меглинскимъ епископомъ Θеофаномъ изъ за Жидичинскаго монастыря.

а).

Литургическія опредѣленія разсматриваемаго собора воспроизводитъ мысли, выраженныя въ граматѣ патріарха Іереміи отъ ноября 1589 года. Прежде всего эти постановленія касаются пасхальныхъ обрядовъ, распространенныхъ тогда въ Западной Руси. По отношенію къ этимъ обрядамъ и соединеннымъ съ ними догматическимъ заблужденіемъ соборъ вынесъ слѣдующія постановленія: осудилъ взглядъ на пасхальные хлѣбы („паски“), какъ на равноцѣнныя съ Евхаристическими Дарами, запретилъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія „носить до церкви хлѣбы и мясы освящати“. Осуждаемое явленіе церковной жизни Западной Руси соборная грамата описываетъ такъ: „обрѣтеся нѣкая соблазна, вымышленная паска злыхъ еретическихъ наукъ, яко въ день Воскресенія Христова носятъ до церкви хлѣбы и мяса посвящати, и взявши въ домы своя, съ набоженствомъ великимъ уживаютъ, яко бы нѣкую святость законную, ругаючися Господу нашему Іисусу Христу, истинной пасцѣ нашей, Которой за всѣхъ вѣрныхъ далъ Себе поживати, Тѣло и Кровь Свою, а не такъ, якъ сіи, уподобившеся невѣрнымъ жидомъ, паску себѣ отъ хлѣба и мяса съставляютъ“[294]). Далѣе, разсматриваемое постановленіе касается рождественскихъ обрядовъ, осуждаетъ празднованіе „полога“ Пресвятой Богородицы. „И тыжъ на завтріе Рождества Христова носятъ пирогы, мнятъ въ честь Богородицы пологъ навѣжаючи, еже есть великое нечестіе и наука нечестивыхъ еретикъ: Дѣвая же Богородица, паче слова и разума, нетлѣнно и несказанно роди“ [295]). Наконецъ, литургическое постановленіе разсматриваемаго собора касается празднованія

пятницы. „Такожде и пятницу празднуютъ безъ роботы: но подобаетъ христіяномъ пятокъ постити и дѣлати весь день, а недѣлю празнуючи святити и вси праздники Господскія и угодниковъ Божіихъ, и все по уставу церковному по святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданію творити“ [296]). Почитаніе пасхальныхъ хлѣбовъ и пасхальное освященіе мясъ, въ настоящее время благословляемое церковью, разсматриваемый соборъ, на основаніи вышеупомянутой патріаршей граматы осуждаетъ, какъ и празднованіе „полога“ Пресвятой Богородицы, и празднованіе пятницы. Непокорныхъ этому соборному опредѣленію соборъ отлучаетъ и предаетъ проклятію (отлучаетъ не отъ церкви, а „отъ Отца и Сына и Святаго Духа“—отъ Бога) [297]).

б).

Берестейскій соборъ 1590 года вынесъ замѣчательное постановленіе по вопросу *объ очередныхъ областныхъ соборахъ*, опредѣленіе, узаконивавшее созывъ такихъ соборовъ въ западно-русской православной церкви. Постановленіе по этому вопросу излагается въ соборномъ дѣяніи такъ. „Чого мы единостайнѣ ужалившися (раньше говорилось о нестроеніяхъ въ западно-русской церкви) и почуваючи въ повинностяхъ нашихъ, а забѣгаючи такому нестроенію и своеволенству, и зъ неряду хотячи рядъ и справы наши духовныи въ стародавный добрый порядокъ привести, и размноженье хвалы милостиваго Бога вездѣ и повсюду водлугъ властное повинности нашее постановити и утвердити, также о справахъ церковныхъ обмышляти, о школахъ, о наукахъ, о шпиталехъ и о иншихъ добрыхъ справахъ святыхъ побожныхъ, по всѣмъ епископіямъ нашимъ, во всѣхъ панствахъ его королевской милости, абы ся всякій рядъ вездѣ установилъ, замоцнялъ и утвердилъ: съ тыхъ тогды причинъ ухвалили и постановили есмо и симъ листомъ нашимъ установляемъ соборы и синоды на насъ самихъ и на все духовенство церкви святое нашее Восточное Каѳолическоѣ кождый рокъ разъ имѣти и зьѣзджатися намъ всѣмъ и всему духовенству на певный рокъ и часъ, на мѣсце отъ всѣхъ насъ единостайнѣ обраное, въ мѣстѣ его королевской милости въ Берестьи Литовскомъ, въ кождомъ року мѣсяца іюня 24 дня

водлугъ старого календару“ [298]). Изложеннымъ соборнымъ постановленіемъ узаконяются въ западно-русской православной церкви очередные областные соборы 24 іюня въ Берестьи Литовскомъ при непремѣнномъ участіи всѣхъ западно-русскихъ епископовъ и духовенства для сужденія объ упорядоченіи мѣстной церковной жизни вообще и для сужденія о церковномъ просвѣщеніи и благотворительности въ частности. Изложенная мысль объ участіи въ этихъ соборахъ всего духовенства ограничивается въ дальнѣйшихъ словахъ дѣянія: „А и маемъ всѣхъ архимандритовъ и игуменовъ, протопоповъ и иншихъ презвитеровъ, въ писмѣ Божомъ наученыхъ, завжды на кождый рокъ каждый зъ епископства своего съ собою мѣти“ [299]). Очевидно, такимъ образомъ, что не всему духовенству вмѣнялось съ обязанность присутствовать на устанавливавшихся соборахъ, а только наиболѣе образованному духовенству и, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, по выбору епископовъ. Узаконяя очередные ежегодные соборы, данное опредѣленіе устанавливаетъ спеціальныя мѣры противъ тѣхъ епископовъ и духовенства, которые будутъ уклоняться отъ посѣщенія этихъ соборовъ. „А если бы который зъ насъ тому постановленью нашему добровольному досыть не учинилъ и на тотъ рокъ, якоже вышей помѣнило, самъ особою своею не пріѣхалъ: тогды маетъ таковый каждый зъ насъ непослужный пятьдесятъ грошей литовскихъ до скрынки на рѣчь нашу посполитую духовную заплатити, ни чимъ же вымовляючися“ [300]). Такимъ образомъ, за единичный случай уклоненія отъ участія въ очередныхъ областныхъ соборахъ на епископовъ даннымъ опредѣленіемъ налагается штрафъ въ пользу особой казны духовной въ размѣрѣ пятидесяти литовскихъ грошей. За повторившійся такой случай соборъ постановилъ лишать епископовъ каѳедры, если не представятъ „значной причины“. „А гды бы и на другой рокъ который зъ насъ не прибылъ и присяги вчинити не хотѣлъ, таковый кождый безъ милосердія зъ столицы скиненъ быти маетъ, кромѣ, если бы того омѣшканья своего оказалъ значную причину; а иншіи вымовы и причины жадные никому зъ насъ ити не маютъ“ [301]). Аналогично постановленіе относительно епархіальнаго духовенства. „А который бы архимандритъ, або игуменъ, або протопопъ не мѣлъ

быти на тотъ соборъ зъ епископомъ своимъ, таковый каждый также за первшимъ непріѣханьемъ зъ достоенства своего скиненъ быти маетъ“ [302]).

в).

Относительно Белзскаго собора 1590 года дѣяніе содержитъ слѣдующія постановленія. Прежде всего, Берестейскій соборъ 1590 года, не воспроизводя постановленія, вынесеннаго на соборѣ въ Белзѣ, утвердилъ это постановленіе. „А што которое постановленіе учинили и списалися епископи нѣкоторые зъ насъ у Белзѣ въ року теперешнемъ тысяча пять сотъ девятдесятомъ: то постановленье при зуполной моцы зоставуемъ и тымъ листомъ нашимъ ствержаемъ“ [303]). Далѣе, Берестейскій соборъ 1590 года опредѣлилъ на очередные соборы каждый годъ собираться не въ Белзъ, какъ это, повидимому, было постановлено на Белзскомъ соборѣ, а въ Берестье Литовское. „Подъ тымъ способомъ и тамошній нашъ зъѣздъ штожъ мы ся мѣли зъѣзджати въ Белзѣ, тогды тотъ зъѣздъ прекладаемъ на тоежъ мѣстце до Берестья Литовскаго“ [304]). Наконецъ, разсматриваемый соборъ постановилъ не измѣнять остальныхъ постановленій Белзскаго собора о предстоящемъ „съѣздѣ“. „А во иншихъ во всѣхъ пунктѣхъ въ своей моци отъ всѣхъ насъ заховань быти маетъ“ [305]).

г).

Постановленіе разсматриваемаго собора *о монастыряхъ* сводится къ слѣдующей мысли. Соборъ постановилъ: „монастырей святыхъ простымъ людемъ держати и вживати не маемъ позволяти“ [306]). Подъ „простыми“ людьми здѣсь разумѣются свѣтскіе люди, получавшіе отъ короля монастыри, какъ „духовные хлѣбы“, и правившіе ими, не принимая монашества [307]).

д).

По отношенію къ епархіальному управленію соборъ вынесъ слѣдующія постановленія. Онъ строго распредѣлилъ, воспроизводя общеизвѣстную мысль каноническихъ источниковъ [308]), сферу дѣятельности епархіальныхъ архіереевъ и приходскихъ священниковъ, ограничилъ ее предѣлами только подвѣдомственной епар-

хіи или прихода и запретилъ епископамъ и пресвитерамъ вмѣшиваться въ дѣла „чужой парафѣи". „Каждый въ парафѣи своей, жаденъ зъ насъ въ парафѣю другого ничимъ вступоватися, въ пресвитеры, въ діяконы и въ подьяки, въ чужую парафѣю посвящати ихъ и становити, церквей святити, антиминсовъ давати не маемъ; также и на потребы ѣздити, вѣнчати, крестити и ни жадныхъ справъ дѣйствовати отнюдь въ чужомъ предѣлѣ не маемъ и поповъ чужихъ предѣловъ пріймовати не будемъ безъ отпустныя грамоты и благословенія звыклаго, въ правилахъ святыхъ онисаннаго" [309]). Кромѣ этого постановленія, относительно епархіальнаго управленія соборъ вынесъ еще одно, болѣе частное, постановленіе—по вопросу о совершеніи таинства хиротоніи. Именно соборъ постановилъ: „а любезные пресвитеры отнюдь ставити и совершати не маемъ, подъ виною до скринки на рѣчь посполитую духовную, подъ стома копами грошей Литовскихъ" [310]). Какое качество, служащее препятствіемъ къ посвященію во пресвитера, обозначается словомъ—„любезные"—сказать трудно. Въ западно-русскомъ нарѣчіи прилагательное „любезный" и существительное „любезникъ" иногда означаетъ блудника, любодѣя, а выраженіе „хороба любезна" означаетъ дурную болѣзнь [311]). Поэтому въ данномъ выраженіи можно видѣть указаніе на распутныхъ людей, добивающихся священства. Можно допустить и другую догадку—предположить, что подъ „любезными" въ данномъ случаѣ разумѣются лица, близкія къ епископамъ и домогающіяся отъ нихъ посвященія своею любезностью и угодливостью.

е).

Относительно предстоявшаго очередного собора 1591 года разсматриваемый соборъ опредѣлилъ, чтобы всѣ епископы, являясь на соборъ 1591 года, привезли съ собою всѣ граматы, касающіяся имущественныхъ и другихъ правъ западно-русской церкви и для ознакомленія собора съ содержаніемъ этихъ граматъ и для рѣшенія вопроса о способѣ ихъ храненія. „А ѣдучи теперь на близко—пришлый соборъ первый, который будетъ въ року тысяча девять сотъ девятьдесятъ первомъ, маемъ всѣ привилеи и фундуши листы на всякія подаванья и вольности съ собою каждый

зъ насъ взяти и оказати на соборѣ и о томъ обмыслити и постановити, гдѣ то ховано быти маетъ“ [312]). Однимъ изъ мотивовъ, по которымъ, вынесено это постановленіе, безспорно, былъ тотъ фактъ, что храненіе вышеупомянутыхъ граматъ въ церквахъ стало ко времени собора 1590 года ненадежнымъ. А что это такъ, показываютъ случаи уничтоженія дарственныхъ записей на церковное имущество, внесенныхъ въ напрестольныя Евангелія. Эти записи неоднократно уничтожались насильственно врагами церкви [313]).

Соборное дѣяніе, излагающее приведенныя соборныя постановленія, заканчивается обѣщаніемъ участниковъ собора исполнять все постановленное и ограждать его нерушимость подъ угрозой изверженія изъ сана на очередномъ „соборѣ нашомъ“ [314]). Содержащая приведенныя постановленія соборная грамата датирована 20 іюня 1590 года, подписана и утверждена печатями митрополита и епископовъ—участниковъ собора [315]).

Соборныя граматы 22 іюня 1590 года воспроизводятъ дальнѣйшія постанавленія разсматртваемаго собора. Къ ихъ числу относится.

ж).

Постановленіе по поводу жалобы Львовскаго ставропигіальнаго братства на епископа Львовскаго Гедеона Балабана. Братство жаловалось собору, что по порученію епископа Гедеона было сдѣлано нападеніе на Онуфріевскій монастырь, бывшій въ вѣдѣніи братства. Нападеніе это, по порученію Гедеона, было сдѣлано братьями епископа Адамомъ и Иваномъ [316]). Львовское братство жаловалось также на то, что епископъ Гедеонъ предавалъ братство анаѳемѣ [317]). Соборъ, выслушавъ обѣ стороны, подтвердилъ опредѣленіе прежняго собора, бывшаго въ Тарнополѣ при патріархѣ Іереміи, что Онуфріевскій монастырь долженъ принадлежать братству, а само братство должно быть свободно отъ власти Львовскаго епископа. Кромѣ того, соборъ опредѣлилъ, чтобы Львовское братство могло распространяться по всей епархіи т. е., чтобы по образцу его всюду устроялись одинаковые братства. Послѣднее особенно важное опредѣленіе

Берестейскаго собора 1590 года передается въ лѣтописи Львовскаго братства такъ: „доспѣвшу священному собору въ великомъ градѣ Берестейскомъ, року тысяча пятсотъ деветдесятаго мѣсяца 1 іюня, преосвященный архіепископъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Россыи и всѣ освещенные и честные епископы, привелейнымъ писаніемъ своимъ соборно утвердиша и во всей епархіи быть братству сему повелѣша, зоставуючи кождое слово взуполной моцы, да вездѣ еднакіе братства будутъ“ [318]).

3).

На разсматриваемомъ соборѣ были вынесены также постановленія относительно *„противниковъ и ненавистниковъ“ Львовскаго братства.* Эти противники братства послали на соборъ чрезъ двухъ своихъ уполномоченныхъ „писаніе“, въ которомъ показывали слѣдующее, „единомысленно со всѣми пишучи“. Показывали авторы этого „писанія“, что многіе „парафеяны“ Львовскихъ приходскихъ храмовъ—„мѣщане Львовскіе“ недовольны дѣятельностью Львовскаго ставропигіальнаго братства „храма Успенія Пресвятыя Богородицы“. Во главѣ такихъ недовольныхъ лицъ стояли „парафеяны церкве святого Богоявленія, предмѣщане Львовскіе—Галицкое брамы“, впослѣдствіи получившіе соборное признаніе и утвержденіе своего особаго братства, отдѣльнаго отъ братства ставропигіальнаго. Затѣмъ слѣдуютъ парафеяны церкви святого Благовѣщенія, предмѣщане Краковскаго предмѣстья, парафеяны церкви святого Ѳеодора и, наконецъ, парафеяны церкви святого Николая „съ иными помощниками“. Описывая „урядъ“ дѣятельности противниковъ братства, соборная грамата 22 іюня 1590 года говоритъ, что они устраиваютъ „многіе соборища“, привлекаютъ къ себѣ „единомышленниковъ на злое“, „противъ братству себе нетчемнѣ застанавливаютъ“ и тѣмъ приносятъ вредъ обществу и смущеніе церкви. Противники ставропигіальнаго братства не только показывали собору о своемъ противодѣйствіи этому братству, но и просили соборъ „покрѣплять“ основываемое ими особое, независимое отъ ставропигіальнаго, братство. Разсмотрѣвши „писаніе“ противниковъ ставропигіальнаго Львовскаго братства, соборъ вынесъ слѣдующее постановленіе: стремленія авто-

ровъ этого „писанія“ соборъ назвалъ „пустотами“, дѣятельность ихъ осудилъ, какъ безстыдную и безчестную и „возмущающую церковь“, а самихъ авторовъ „писанія“, скрѣпившихъ его своими подписями, всѣхъ поименно отлучилъ отъ церкви впредь до примиренія ихъ съ ставропигіальнымъ братствомъ. Свое опредѣленіе соборъ изложилъ въ граматѣ отъ 22 іюня 1590 года, подписанной митрополитомъ и адресованной „мещаномъ Львовскимъ, которые суть противницы и ненавистницы св. братства“ [319]).

и).

Послѣднее исторически извѣстное опредѣленіе разсматриваемаго собора было вынесено *по поводу жалобы „Феофана Грека епископа Меглинскаго“ на епископа Гедеона Балабана и его племянника Григорія Балабана*, управлявшаго, съ дозволенія короля, Жидичинскимъ монастыремъ. Сохранилась соборная грамата, излагающая соборное дѣяніе по поводу этой жалобы. Грамата подписана 28 іюня 1590 г. [320]). Грамата излагаетъ какъ содержаніе жалобы, такъ равно и ходъ соборнаго обсужденія этой жалобы и соборное опредѣленіе. Содержаніе жалобы граматой передается такъ. Епископъ Θеофанъ—грекъ ѣхалъ „зъ Волыни до Кіева зъ листами его милости, светейшого отца Киръ Иеремея, Божью милоостью архіепископа Костентинополя Новаго Рима“. „Ехалъ и въ потребахъ своихъ до Мелетія Хрептовича Литаворовича Богуринскаго, прототронія, епископа Владимірскаго и Берестейскаго. . . У войменью его милости пана Есифа Немерича, судьи земскаго Кіевского, въ месте и замку его милости Чернехове“ Θеофанъ остановился и „ночевати почалъ“. Въ это время „безъ вѣсти наѣхавши моцно, кгвалтомъ тотъ панъ Григорей Балобанъ, за росказаньемъ того поименнаго Феофана Грека, епископа окрутне збилъ, змордовалъ и окрутне зранилъ чеканомъ, у колко мѣстцахъ, и маетность его о колко сотъ червонныхъ золотыхъ и рухомыхъ рѣчей не мало и коштовныхъ побралъ“. Свои убытки епископъ Θеофанъ оцѣнивалъ въ 1000 золотыхъ. Изложивъ все это предъ соборомъ, епископъ Θеофанъ продолжаетъ: „И на томъ еще мало дей маючи, вжо збитого змордованного чеканомъ и ледве (едва) живого, кровью зошлаго

отъ тыхъ ранъ, привелъ дей мене во дворъ до самаго его милости пана судьи, тамъ въ Чернехове, просечи его милости, абы мене до везенья замку своего посадити росказалъ, менуючи на мене ниякое спаленье гумна въ монастырѣ Жидичинскомъ“ [320]). Выслушавъ жалобу епископа Ѳеофана, соборъ обратился къ другой сторонѣ—обвиняемой. Епископъ Гедеонъ отрицалъ всякое свое участіе въ обидахъ, нанесенныхъ Ѳеофану и „вымовлялся“ слѣдующимъ образомъ: „же то въ невѣдомости моей и безъ росказанья моего, тое чинилъ братаничъ мой, панъ Григорей Балабанъ, и той дей тамъ гонилъ у Чернехове, а я дей о томъ не ведалъ“. Выслушавъ такое заявленіе обвиняемой стороны, соборъ опредѣлилъ: епископу Гедеону подтвердить присягою свою непричастность къ обидамъ, нанесеннымъ Ѳеофану, а на третій день послѣ присяги удалить („зложить“) отъ завѣдыванія Жидичинскимъ монастыремъ виновнаго Григорія Балабана. Тогда епископъ Гедеонъ, „не хотечи присегнути, перепросилъ и поедналъ и погодилъ приятельски черезъ насъ и иншихъ зацныхъ людей, на томъ синодѣ (соборѣ) нашомъ будучихъ въ Берестью“ . . . Именно: Гедеонъ отказался отъ обвиненія Ѳеофана въ „спаленьи гумна жидичинскаго“, обѣцался объ этомъ „вечне молчати самъ отъ себе и отъ братанича своего Григорія“ и, кромѣ того, заплатилъ Ѳеофану полтораста золотыхъ. Соборъ подтвердилъ это мировое соглашеніе и соборная грамата объ этомъ примиреніи была занесена 3 января 1591 года въ гродскія Владимірскія книги [321]).

Извѣстна характерная подробность, касающаяся *опубликованія опредѣленій*, вынесенныхъ на разсмотрѣнномъ соборѣ. Въ началѣ 1591 года митрополитъ Михаилъ Рагоза посѣтилъ свою Галицкую епархію, чего, сколько извѣстно, доселѣ ни разу не дѣлали Кіевскіе митрополиты. [322]). 17 января онъ прибылъ во Львовъ и здѣсь занялся упорядоченіемъ церковныхъ дѣлъ. [323]). Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій здѣсь было распоряженіе о томъ, чтобы въ братской типографіи были напечатаны опредѣленія Берстейскаго собора о пасхальныхъ и рождественскихъ обрядахъ, а также и о празднованіи пятницы, и были разосланы по всей Львовской епархіи къ неизмѣнному руководству. „А нынѣ

року 91 Генуаріа 17 дня, мы смиренный Михаилъ, архіепископъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руссіи во Львовѣ намъ на сей часъ будучимъ, сей листъ нашъ друковати есмы росказали, и всѣмъ до вѣдомости послали, абы ни единъ иначей не дерзнулъ учинити, подъ клятвою вышереченной непрощенно". 23 января „во Львовѣ, въ друкарни братской" была напечатана грамата съ вышеупомянутыми соборными опредѣленіями. [324]).

Очередной Берестейскій соборъ 1591 года. Очередной областной соборъ 1591 года состоялся въ Берестьѣ не въ іюнѣ, какъ опредѣлено было на Берестейскомъ соборѣ 1590 года, а въ октябрѣ. Сохранилось дѣяніе этого собора (недавно открытое) и три изданныя этимъ соборомъ граматы. [325]).

Соборное дѣяніе датировано 26 октября 1591 года. Начало соборныхъ засѣданій было назначено на 18 октября. На соборѣ присутствовали: тѣ же іерархи, что и на Берестейскомъ соборѣ 1590 года, т. е. митрополитъ Михаилъ Рагоза и всѣ западно-русскіе епископы, за исключеніемъ двухъ—больныхъ старцевъ. Владыки—участники собора „имѣли при себѣ" архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, іереевъ и „всякаго священническаго чина людей" [326]), какъ и было предписано соборомъ 1590 года. Соборъ происходилъ въ присутствіи („при бытности") знатныхъ свѣтскихъ пановъ и шляхты. [327]). Перечисленіемъ владыкъ-участниковъ собора и упоминаніемъ объ остальныхъ присутствовавшихъ на немъ лицахъ и начинается соборное дѣяніе. Кромѣ того, въ началѣ дѣянія содержится указаніе на поводъ къ созыву собора. По словамъ дѣянія, участники собора съѣхались „ведлугъ постановенья" своего т. е. исполняя постановленіе объ очередныхъ областныхъ соборахъ, вынесенное на соборѣ 1590 года. Въ началѣ дѣянія (послѣ перечня участниковъ собора) есть также указаніе на побужденіе къ созыву собора—пастырскую обязанность заботиться о церковныхъ справахъ и очищать церковь отъ всякихъ нестроеній. Выразивши готовность до смерти исполнять эту свою пастырскую обязанность, участники собора подписавшіе его дѣяніе, приступаютъ къ изложенію вынесенныхъ на соборѣ постановленій. [328]).

1).

Первое постановленіе касается вопроса объ избраніи западно—русскихъ епископовъ и митрополита. Постановленіе направлено противъ укоренившагося въ западно—русской митрополіи порядка полученія епископскихъ каѳедръ свѣтскими людьми („люди посполитые“) отъ короля, помимо порядка, устанавливаемаго каноническими правилами. Мысли правила таковы: а) въ случаѣ смерти епархіальнаго архіерея, его крылошане (члены епархіальнаго „крылоса“) принимаютъ въ свое вѣдѣніе все церковное имущество и б) какъ можно скорѣе разсылаютъ пригласительныя граматы на елекційный соборъ, который долженъ всегда быть въ Берестьи Литовскомъ, в) на этомъ соборѣ избираются четыре „електа“ изъ людей „побожныхъ и годныхъ“, преимущественно вдовцовъ или неженатыхъ изъ свѣтскихъ лицъ, или годныхъ людей изъ „духовныхъ становъ“, г) утвержденіе одного изъ електовъ совершается королемъ, д) при замѣщеніи митрополичьей каѳедры сохраняется тотъ же порядокъ, только пригласительныя граматы на елекційный соборъ разсылаются прототроніемъ—епископомъ Владимірскимъ и Берестейскимъ, котораго митрополитанскіе крылошане должны извѣстить о кончинѣ митрополита, е) лицъ, получившихъ „безъ обранья“, т, е. безъ избранія на елекційномъ соборѣ, королевскіе „листы“ на право занятія архіерейской или митрополичьей каѳедры, не должно посвящать и крылошане не должны допускать такихъ лицъ къ управленію церковнымъ имуществомъ, подъ угрозою проклятія и лишенія сана. Текстъ перваго постановленія таковъ. „Ктому понеже люди посполитые звыкли на епископства упрежать и до его королевское милости пана нашого милостиваго прозбами утекать, стараючисе о достоенства духовные, затымъ непорядне и не водлугъ правилъ светыхъ отецъ не тые станы духовные наступуютъ, а про то постергаючи и забегаючи тымъ блудомъ, которые за лакомъствомъ людскимъ въ церковь божую увошли, постановляемъ: гдебы который епископъ з того света смертью зшолъ, маютъ тогожъ часу и чимъ набордзей крылошане того епископьства, то есть протопопъ и почая, взявши добра церьковные водлугъ привилею

короля его милости въ заведане свое, послати и дати знати о смерти зошлаго епископа, и писати, абы зьехали на часъ въ листе описаный на местце певное до берестья, тамже зъехавшисе спольне межи собою обрати маемъ на епископъство вакуючое чотырохъ елекътовъ, которые бы были побожными и годными на тотъ степень, меновите вдовцовь або нежонатыхъ, альбо тежъ и межы духовныхъ становъ людей годныхъ, и до его королевское милости писати въ причине, абы конфирмовати и преложити оного на епископъство рачилъ. Тымъ же способомъ разумено быти маетъ и по смерти архиепископа митрополита кіевского, по которомъ тежь крылошане его давати знаты мають прототронію епископу володиерьскому и берестейскому, а онъ такимъ же вышей описанымъ порадкомъ справоватисе и обсылатп епископовъ маетъ. А гдебы хто мимо сесь порядокь и постановенье наше до его королевской милости, не будучи електомъ, утекьсе и то собе безъ ведомости и обранья такового што упросилъ, таковаго, бы тежь листы его королевское милости на то мелъ, отецъ митрополитъ становить и посвещать не маеть, также крылошане таковому добръ церьковныхъ поступовать и послушенства ему жадного чинити не маютъ, заховуючусе во всемъ водлугъ сего арыкулу подъклятвою и отпаданьемъ стану". [329]).

2.

Второе постановленіе касается вопроса о хиротоніи во пресвитера. Мысли постановленія таковы: а) запрещается епископомъ ставить въ священныя степени за деньги--„по мздѣ" б) разрѣшается принимать только доброхотныя приношенія ставленниковъ, в) вмѣняется въ обязанность склонять годныхъ кандидатовъ священства къ принятію сана, г) запрещается ставить въ священныя степени по наслѣдству и по родству, д) признается необходимымъ побуждать кандидатовъ священства къ образованію и поставлять только годныхъ во пресвитеры, е) годнымъ кандидатамъ священства—дѣтямъ священнослужителей отдавать преимущество предъ годными свѣтскими кандидатами священства. Постановленіе изложено такъ. „По мздѣ тежь никого на священъство ставити не маемъ, одно хто з доброе воли што дастъ,

а упатровать, штобы годныхъ не токмо што взяти, але и уживати ихъ на то, абы станъ духовный на себе брали. По дедицтвахъ и по близкостяхъ нихто поповства и церквей доходити не маютъ и отнюдь то отсекаемъ, толко годнымъ давати а затымъ тежь чуйнейшими тые, которые хотятъ быти у презвитерехъ, до науки потщатся. А еслижъ пакъ поповскій сынъ будетъ къ тому степени годнымъ, теды близши ему до церькви будетъ, а нижли обчому". [330])

3).

Третье постановленіе касается вопроса о перемѣщеніи епископовъ съ одной каѳедры на другую. Такое перемѣщеніе, или „прескаканіе отъ престола на престолъ" безъ достаточной причины, запрещается даннымъ постановленіемъ. „Отъ престола на престолъ безъ причины прескакатели абы не были, а то се разумети маетъ о всякомъ чинѣ светительскомъ, заховуючисе по правиломъ светыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ [331]).

4).

Четвертое постановленіе рѣшаетъ вопросъ о совмѣщеніи должностей епископа и настоятеля монастыря. Разсматриваемое постановленіе запрещаетъ такое совмѣстительтсво на будущее время, разрѣшая только современнымъ собору епископамъ, состоящимъ настоятелями монастырей по королевскимъ привилеямъ, воспользоваться до своей смерти этимъ правомъ, даннымъ свѣтскою властью. „Архіепископъ и епископи, которые въ держанью теперь суть архимандриты и манастыре, таковыи водлугъ привилею короля его милости маютъ выдержати свое доживотье, а напотомъ абы вжо такового блуду не было, але каждый на своемъ достоеньствѣ маетъ преставати водлугъ правилъ светыхъ апостолъ" [332]).

5).

Пятое постановленіе касается вопроса о церковныхъ наказаніяхъ. Мысли постановленія таковы: а) запрещается епископамъ примѣнять внѣшне-принудительныя мѣры взысканія—тюремное заключеніе, тѣлесныя наказанія, вообще—насилія по от-

ношенію къ клирикамъ, б) епископы должны примѣнять къ виновному духовенству канонически-дозволенныя наказанія, въ томъ числѣ—запрещеніе, в) священнослужители, запрещенные въ священнодѣйствіи, если нарушатъ это запрещеніе и будутъ литургисать, то подлежатъ изверженію изъ сана, хотя бы запрещеніе на нихъ было наложено и безвинно. „Епископъ подъ собою имущихъ чинъ церьковный светительский игуменовь, протопоповъ, ереевъ и дьяконовъ вензенемъ ниякимъ за выступьки муками томити не маютъ и ихъ насиловати чрезъ то, не толко по правиломъ светыхъ отецъ и апостоловъ ихъ карати отлученіемъ, а естлибы пакъ таковыи отлученъ будучи, противилсе власти, хоть бы былъ и невиновенъ и литоргисалъ предсе и иные надъ заповѣдь и отлученье дѣла справовалъ, таковый за самое толко таковое непослушеьство за певнымъ и достовѣрнымъ показаньемъ и свидѣтельствомъ соборне скиненъ быти маетъ“ [333]).

6).

Шестое постановленіе касается вопроса объ избраніи кающимися духовныхъ отцовъ. Даннымъ постановленіемъ такое избраніе предоставляется свободной волѣ каждаго. „Споведника водлугъ уподобанья каждого, хто кому правителемъ лѣпшимъ ся найдеть то вольно кождому“ [334]).

7).

Седьмое постановленіе говоритъ о благоговѣйномъ совершеніи, по чину церковному, таинствъ крещенія, исповѣди и брака и запрещаетъ совершать чинъ обрученія ночью и надъ пьяными, чтобы не было нарушено основное условіе дѣйствительности брака—добровольное согласіе брачущихся. „У книзе требнику крещенье, споведь, венчанье абы достаточьне маючы, поважне и вельми чинно отправовали и обручали непьяныхъ, тежь и не въ ночи, постерегаючы того, абы съ произволеньемъ обое стороны тое венчанье отправовало се“ [335]).

8).

Восьмое постановленіе, какъ и второе, относится къ совершенію таинства хиротоніи. Даннымъ постановленіемъ опредѣляется порядокъ возведенія низшихъ клириковъ—„дьяковъ“ въ

санъ пресвитера. Именно, постановленіе запрещаетъ поставлять во пресвитера тѣхъ „дьяковъ“, которые не имѣютъ „листовъ причинныхъ и свидѣтельствъ протопопьскихъ“, т. е. свидѣтельствъ о безпорочной жизни отъ духовника и отъ протопопа. Какъ извѣстно, свидѣтельство духовника объ отсутствіи каноническихъ препятствій къ поставленію избраннаго кандидата священства читалось въ западно-русской митрополіи непосредственно предъ самымъ совершеніемъ таинства хиротоніи [336]). Нарушеніе такого мѣстнаго порядка сопровождалось дурными послѣдствіями: лица получавшіе хиротонію, не имѣя „причинныхъ листовъ“, оказывались впослѣдствіи несвободными отъ каноническихъ препятствій къ полученію хиротоніи. Постановленіе изложено такъ: „Дьяковъ епископове, не маючихъ за собою листовъ причинныхъ и свидѣтельствъ протопопьскихъ абы на презвитере не ставили, бо украдуютъ тымъ, а розные пороки меваютъ“ [337]).

9).

Девятое постановленіе говоритъ о порядкѣ полученія приходскими священниками освященнаго мира. Порядокъ устанавливается такой: приходскіе священники ежегодно получаютъ миро отъ протопоповъ, а протопопы отъ архіепископа или епископовъ. „Миро великое до крещенія що рокь або попы отъ епископовъ или отъ протопоповъ брали, а протопопове отъ архіепископа или отъ епископовь“ [338]),

10).

Десятое постановленіе запрещаетъ священникамъ, въ случаѣ необходимости суднаго дѣла съ другими священниками, обращаться къ свѣтскимъ судебнымъ установленіямъ. „Попы до врядовъ свецкихъ абы одинъ з другимъ не утекалисе и предъ ними не отказовали и не отповедали“ [339]).

11).

Одиннадцатое постановленіе касается Виленскаго и Львовскаго церковныхъ братствъ. Въ своемъ постановленіи соборъ требуетъ, чтобы, для предотвращенія возможнаго вреда церкви

Божіей, братства не устанавливали бы ничего новаго и не издавали бы книгъ безъ благословенія митрополита и епископовъ. Постановленіе читается такъ: „Братства теперешние церьковные виленское, львовьское, ачколвѣкъ слушне и пожиточне постановилисе и идуть, однакже постерегаючы, абы што противного церкви божое не выходило, постановляемъ, абы безъ волѣ и благословения пастырей своихъ, то есть архиепископа и епископовъ своихъ, ничого не становили и книгъ новыхъ зъ вымысловъ своихъ не друковали, толко якъ вселенскии патриархъ у привилею братьства львовского уписалъ“ [340]).

12).

Двънадцатое постановленіе касается вопроса о двоеженцахъ—священникахъ и подверждаетъ прежнее рѣшеніе вопроса объ ихъ правѣ на священнодѣйствіе, то именно рѣшеніе, которое было вынесено на патріаршемъ Виленскомъ соборѣ 1589 года. „Двоженьцы попы водле постановенья патріархи его милости зоставуемь“ [341]).

13).

Тринадцатое постановленіе, одно изъ самыхъ интересныхъ постановленій разсматриваемаго собора, касается вопроса о печатаніи церковно-богослужебныхъ книгъ въ западно—русской митрополіи. Мысли постановленія таковы. а) Церковно—богослужебныя книги должно печатать въ строгомъ соотвѣтствіи съ уставомъ и порядками православной восточной каѳолической Церкви, б) средства на типографскіе расходы по изданію церковно-богослужебныхъ книгъ даютъ архіепископъ—митрополитъ и епископы, каждый-въ размѣрѣ, устанавливаемомъ соборомъ, в) разрѣшеніе печатанія типографскаго набора церковно-богослужебныхъ книгъ дается соборомъ, за подписью и печатями участниковъ собора, которые будутъ цензоровать издаваемыя книги, г) корректорами предположенныхъ изданій соборъ назначаетъ трехъ лицъ: Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, эконома Кіево—Печерской Лавры Никифора Тура и Городенскаго протопопа Нестора, д) предположенное изданіе должно быть выполнено двумя избранными

соборомъ типографіями—братскими: Львовскою и Виленскою, е) безъ вѣдома митрополита и епископовъ никакія западно-русскія типографіи не имѣютъ права выпускать въ свѣтъ никакихъ церковныхъ книгъ, ж) взносы на предположенныя изданія должно представлять епископу Кириллу Терлецкому, который выдаетъ квитанціи въ полученіи ихъ и вноситъ поступающія деньги въ „реверсалы“, а когда соберетъ всѣ взносы, то половину собранныхъ денегъ отсылаетъ въ Вильну митрополиту для Виленской типографіи, а другую половину—во Львовъ для Львовской типографіи, з) взнесенныя на предположенное изданіе деньги епископы имѣютъ право взыскать съ монастырей 15 августа 1592 года. Текстъ постановленія таковъ: „Книги церьковные друковать по правиломъ святыхъ и богоносныхъ отець, также, книги чину церьковъному служебники, требники водле порядку кафтолическія великия божия церькви греческого православия, и на друкованья работы книжое увесь накладь архіепископъ и вси епископове зь его милостью дати повинни каждый водлугъ уфалы собору нашого, а зводъ книгъ повинни спробовавши съ подписами рукъ своихъ и с печатьми до друку отдати, на што нынѣ з сего собору на корыгованье тыхъ книгъ особь ихъ милости братью отца Кирила епископа луцкого и острозского, отца никифора тура иконома монастыря печерьскаго а отца нестора протопопу городеньского, и друкарни двѣ уфаляемь, одну въ братствѣ виленскомъ, а другую ве львовѣ въ братьстве. А зъ друку безь ведомости архіепископа митрополита и епископовъ выдаваны быти не маютъ ниякие книги. А што ся дотычетъ накладу, на который ся есмо вжо змовили, на друкованье тыхъ книгъ, тые всѣ пенязи отдаваны и отсылаемы быти маютъ до епископа луцкого, который взявши пенязи квитовати ихъ и отъ нихъ реверъсалы брати маетъ и кгды всѣ пенязѣ выберетъ, тогда маетъ половину тыхъ пенязей отослати до отца митрополита, а то для друку виленьского, а другую половину для друку львовского, а з монастыреи каждыи въ своей епископѣи выбирати маютъ, и тые всѣ пенязи отдаваны быти маютъ на рокъ певный успенія пресвятыя богородицы въ року приидучомъ девятьдесять второмъ“. 342).

14).

Четырнадцатое постановленіе—о западно-русскихъ православныхъ школахъ. Мысли постановленія: а) двѣ школы братскія—Львовскую и Виленскую постановленіе удостоиваетъ названія „соборнѣйшихъ школъ греко—славенскаго езыка", б) вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ западно-русскимъ епископамъ постановить и утвердить школы въ своихъ епархіяхъ. Текстъ постановленія: „Школы две соборнейшые греческаго словенскаго езыка, одну у вилни въ братстве при церкви святое троицы, а другую ве львове въ братстве при церкви успения пресвятыя богоматере, также и по всѣхъ епископѣяхъ епископы школы повинни постановить и утвердить" 343).

15).

Пятнадцатое постановленіе, касается одного частнаго вопроса относительно замѣщенія пресвитерскихъ вакансій и устанавливаетъ законный способъ избранія приходскихъ священниковъ вообще. Соборъ предусматриваетъ такой случай, когда приходскій священникъ купить въ собственность отъ свѣтской власти свою церковь и пожелаетъ сдѣлать наслѣдственнымъ священническое мѣсто при этой церкви, такъ, чтобы его сынъ былъ его преемникомъ по должности 344). Разсматриваемое постановленіе запрещаетъ поставлять во пресвитеры такихъ лицъ, пытающихся занимать священническія вакансіи по праву не только наслѣдства, но и по праву собственника, субъекта имущественнаго права, опирающагося на свѣтскіе законы о куплѣ и продажѣ. По мысли разсматриваемаго постановленія, посвященіе такихъ лицъ и опредѣленіе ихъ къ принадлежащей имъ церкви было бы насиліемъ надъ прихожанами и потому оно запрещается подъ угрозою лишенія епископа его сана. Лишеніемъ сана караются и священники, успѣвшіе занять мѣсто описаннымъ способомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваемое постановленіе указываетъ законный способъ замѣщенія пресвитерскихъ вакансій. Этотъ способъ—избраніе прихожанами. Избранныхъ ими епископъ, по испытаніи и по полученіи рекомендаціи отъ протопопа, и долженъ посвящать. Текстъ постановленія таковъ. „Попъ, ко-

торы бы церковь купилъ отъ мирское власти и дедицтвомъ на свои потомки собѣ привлащалъ, зневоляючи церковь и люди, такового попа, по отцы свемъ светьскимъ правомъ и обычаемъ зневоляючаго и купуючого не маетъ его епископъ соверьшати, ани на люди силою накидати подь зверженьемъ сану епископьского, одно котораго сами парафияне оберуть того маеть имь епископъ со испытаньемъ и за писаньемъ за нимъ протопопьскимъ посветити, а если бы пакъ свещенникъ то удѣлалъ, таковый зверженью подьлежить“ 345).

16).

Шестнадцатое постановленіе о соборномъ разбирательствѣ дѣлъ духовенства, мірянъ и церковныхъ братствъ. Мысль постановленія такова: на церковныхъ соборахъ каждому просителю, какъ духовному, такъ и мірянину, а равно и посламъ церковныхъ братствъ должно оказывать „совершенную справедливость“ и внимательно рѣшать ихъ дѣла по канонамъ. Постановленіе изложено такъ. „На соборахъ нашихъ духовныхъ ерею кождому и всимъ мирскимъ людемъ и посломъ ихъ милости братьскимъ справедливость скутечную и отправу вчинити ведле порядку правилъ светыхъ и богоносныхъ отець, кому бы до кого што было“ 346).

17).

Семьнадцатое постановленіе—о взаимоотношеніи церковноіерархическихъ лицъ и о порядкѣ аппелляціи духовенства на неправильныя постановленія своихъ начальниковъ. Мысли постановленія таковы: а) каждое духовное лицо должно быть послушно своимъ духовнымъ начальникамъ—митрополитъ патріарху, епископы митрополиту, архимандриты епископамъ, игумены архимандритамъ, священники протопопамъ и такъ далѣе, б) на неправильныя рѣшенія владыкъ аппелляція должна подаваться митрополиту, а на рѣшеніе митрополита—генеральному, т. е. областному или помѣстному собору. Текстъ постановленія: „Послушенство по прежнему водлугъ степеней одинъ ко другому меншии ку старшому, то есть архиепископъ митрополитъ патриарху все-

ленскому, епископи архиепископу, архимандрыти епископомъ, игумени архимадритомъ, и прочая протопопи презвитере и все по ряду, вцале заховати, толкожь аще бы ся кривда дѣла въ чомъ кольвекъ меньшимъ станомъ отъ болшихъ, то есть отъ епископовъ, тогды апеляцыя до архиепископа по сказанью головнъное речи передь епископомъ ити маетъ, и отъ ариепископа до собору енералного“ 347).

18).

Восемьнадцатое постановленіе о монастыряхъ, имѣющихъ ктиторовъ, или патроновъ, и о монастыряхъ, подчиненныхъ свѣтскимъ людямъ вообще.

Мысли постановленія: а) соборъ опредѣляетъ возбудить усердное ходатайство предъ королемъ о томъ, чтобы имъ была ограничена власть свѣтскихъ людей въ тѣхъ монастыряхъ, которые, по праву патроната или по другимъ какимъ нибудь юридическимъ основаніямъ, управляются такими людьми, особенно иновѣрцами, управляются чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ—урядниковъ, отстраняющихъ духовныя власти отъ всякаго участія въ управленіи монастыремъ, заботящихся только о матеріальныхъ выгодахъ, приносимыхъ монастыремъ, незаботящихся и неспособныхъ сдѣлать что либо полезное для церкви Христовой и ея чадъ, б) возстановить въ такихъ монастыряхъ обычный порядокъ управленія, свойственный монастырямъ православной церкви, в) принять мѣры къ возвышенію уровня религіозности и нравственности между обитателями такихъ монастырей—монахами, г) особенно заботиться объ искорененіи въ такихъ монастыряхъ пьянства, раздоровъ, клеветничества и за эти пороки неотступно карать иночествующихъ, д) запретить подъ угрозою анаѳемы, чтобы въ монастыряхъ не было школъ для обученія дѣтей. Текстъ постановленія таковъ: „О манастыри тые, которые в людей свецъкихъ, якь въ ихъ ктиторей, такъ и въ иныхъ людей недуховныхъ, а наболей у иновѣрныхъ, которые разоривъше чинъ манастырскии и власть манастырьскую на себе взявшы мимо духовныхъ тамошнихъ сами держать или врядниками своими осажають и у черньцевъ справы манастырские отнявшы вряд-

никомъ своимъ вручають, а которые за упрошеньемъ своимъ и даниною господаръскою монастыръ упросившы и в духовеньство скоро не вступують, овецъ Хрыстовыхъ словесныхъ не пасутъ, отъ тыхъ всѣхъ кривдъ и нестроении манастыри всѣ у его королевское милости маемь и обецуемсе пилно старати о вызволенье и на свой ихъ чинъ привести, въ манастырехъ господарскихъ и всякихъ обителяхъ такъ князскихъ панскихъ межы черньцами порядного жития черьнеческого постерегати, а велико а пилно отъ пьянствъ ихъ гамовать, также отъ сваровь, клеветь ихъ манастырскихъ и ихъ неотступно карати, а до того еще пилно варовати и боронити, абы въ манастырехъ светыхъ и и обителяхъ школъ для науки детиное не было подъ анафтемою“ [348]).

19).

Девятнадцатое постановленіе—по вопросу о пасхальныхъ западно-русскихъ обычаяхъ, осужденныхъ патріархомъ Іереміей II и на Берестейскомъ соборѣ 1590 г. Мысли постановленія таковы: а) пасхальныя приношенія (собственно пасхальные хлѣбы, какъ сороменные куличи или пасхи) соборъ признаетъ узаконенными отъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ и всегда обычными въ церкви въ день Свѣтлаго Праздника Воскресенія Христова и разрѣшаетъ ихъ освященіе отъ іерея по чину церковному, но б) запрещаетъ называть эти великоденные хлѣбы пасхою и в) повелѣваетъ, чтобы непосредственно послѣ освященія іерей разламывалъ эти хлѣбы и часть ихъ раздавалъ „убогимъ“—нищимъ чтобы этимъ хлѣбамъ не усвоялось значенія святыни. г) соборъ предоставляетъ волѣ каждаго вѣрующаго приносить, или неприносить пасхальные хлѣбы въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія и запрещаетъ вѣрующимъ укорять другъ друга какъ за исполненіе, такъ и за неисполненіе этого обычая, назначая за укоризны суровое наказаніе—отлученіе отъ церкви. Текстъ постановленія таковъ: „Абы приношенья узаконеныя по правиломъ светыхъ апостолъ и богоносныхъ отець всегда бывали на самый день празнику воскресенья Христова, толькожь тое приношение великоденьное и потребованье отъ ерея надъ хлебы посвещенья

не маетъ быти звано и розумено пасхою, бо тое имя произвоито господу нашому Исусу Христу есть, але такимъ способомъ, абы по благословенью тыхъ приношении хлѣбъ ломанъ и даванъ былъ ереемъ'и убогимъ, и того абы за святость не мѣли, ведже то на произволенью каждаго есть и будетъ приносити або и не приносити, а за то нихто такъ того, хто приносить, яко и того, хто не приносить, укаратисе межы себе не маютъ подъ анафтемою“ [349]).

20).

Двадцатое постановленіе о патріаршихъ граматахъ по жалобамъ на западно-русскую іерархію, подаваемымъ безъ ея вѣдома и о церковно-юридическомъ значеніи такихъ граматъ. Мысль постановленія такова: многіе современные собору члены западно-русской православной церкви, по свей злобѣ, по привычкѣ къ клеветничеству и сутяжничеству подавая патріарху жалобы безъ вѣдома и согласія митрополита и епископовъ, получаютъ отъ него громаты осуждающія западно-русскихъ іерарховъ на лишеніе сана, неблагословеніе и проклятіе. Такія патріаршія граматы не имѣютъ юридической силы до разсматрѣнія вызвавшихъ эти граматы и жалобы дѣлъ на областномъ соборѣ. Текстъ постановленія таковъ: „Ку тому тежь забегаючи злости и превратьности людьской подъ теперешними часы, ижъ звыкли заочне одинъ другого оклеветати и бегати з жалобами до светеишого патриархи кромѣ воли и вѣдомости апрхиепископское, за чимъ и листы выносятъ до архиепаскопа и епископовь, тые извергаючи з достоенства и въ неблагословенья и в клятвы вкладаючы, тогды такъ постановляемъ: хто колвекъ вынесъ такие листы отъ патриархи его милости такъ до митрополита, якъ и до епископовъ на заочную повесть, таковые листы жадное моцы мѣти не маютъ, хочбы хто ихъ собе одержалъ, и никому шкодити ни въ чомъ не маютъ, безъ очевистое и ясное передь соборомъ росправы“ [350]).

21).

Двадцать первое постановленіе—объ очередныхъ ежегодныхъ областныхъ западно-русскихъ церковныхъ соборахъ вообще и предстоявшемъ такомъ соборѣ въ частности.

Мысли постановленія таковы: а) подтверждается прежнее постановленіе (1590 г.) о ежегодномъ созывѣ такихъ соборовъ, б) въ виду того, что до назначеннаго срока такихъ соборовъ (24 іюня) въ слѣдующемъ году (1592) остается немного времени, созвать слѣдующій очередной соборъ не въ 1592 году, а въ 1593 году—24 іюня. Текстъ постановленія таковъ: „Постановенье наше такь рочне около зьездовь нашихъ на сенотъ во всемъ при моцы заховываемъ, а вдже ижъ въ прошломъ року девять десять второмъ часъ назначоный день рожества святого Иоана крестителя близько приходитъ, а не бачечи на сесь часъ потребы того зьезду нашого, и гдыжь ся теперь все чого потреба была постановило, тогды вжо ажь на пришлый рокъ, то есть в году девятьдесять третемъ на день рожества святого Иоана крестителя знову на сенотъ зьехатись маемъ, а отъ того тамь року въ рокъ завъжды таковыя сенотъ непременъне быти маетъ“ [351]).

Въ заключеніи дѣянія приводится его дата 26 октября 1591 года, указывается мѣсто собора—Берестье, и помѣщаются подписи и печати участниковъ собора—митрополита и епископовъ, въ томъ числѣ и епископа Гедеона Балабана.

Кромѣ вошедшихъ въ соборное дѣяніе постановленій, разсматриваемый соборъ вынесъ нѣсколько постановленій *по частнымъ вопросамъ и частнымъ жалобамъ*. Можно думать, что осужденіе послѣднихъ происходило паралельно съ обсужденіемъ вопросовъ болѣе общаго характера, разрѣшенныхъ вышеизложенными соборными постановленіями.

Къ числу соборныхъ постановленій по частнымъ вопросамъ относится прежде всего *постановленіе о „шкодахъ“ Львовскаго епископа Гедеона Балабана*, которыми почти непрерывно сопровождалась его борьба съ Львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ. Ближайшими ко времени собора такими „шкодами“ были *безчинія посланцевъ* епископа Гедеона въ церкви Онуфріевскаго монастыря „въ день недѣльный въ часъ проповѣди слова Божія“. Обсуждая вопросъ объ этихъ безчиніяхъ, соборъ обратился къ „декретамъ“ патіарха Іереміи о Львовскомъ братствѣ и на основаніи этихъ декретовъ призналъ отношенія епископа Гедеона къ ставропигіальному Львовскому братству не-

правильными и преступными и постановилъ лишить епископа Гедеона не только каѳедры, но и священнаго сана—„всякаго святительского чина обнажити и со простыми чернъцы вочинити“ [352]). Такое постановленіе произвело на епископа Гедеона, присутствовавшаго на соборѣ, весьма сильное впечатлѣніе. Потрясенный тяжкимъ обвинительнымъ приговоромъ собора, онъ „обещался со плачемъ каятися и мирно жити и нѣкогдѣ нагородити“. Поэтому соборъ отложилъ окончательное утвержденіе своего „декрета“—„до собору близко приплого въ року 93 мѣсяца июня 24 дня“. Данное постановленіе относится къ 20 октября 1591 года [353]).

Слѣдующее исторически извѣстное постановленіе разсматриваемаго собора по частнымъ вопросамъ относится къ 26 октября Это—постановленіе *по дѣлу Гологорскаго священника Василія съ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и по вопросу о Гологорскомъ братствѣ.* Сохранились нѣкоторыя данныя о порядкѣ соборнаго обсужденія этого дѣла. „Ставъ съ очей на очи“ съ епископомъ Гедеономъ, священникъ Василій оправдывался предъ соборомъ въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя анаѳематствовалъ его епископъ Гедеонъ. „Преступленія“ священника Василія состояли въ томъ, что онъ исполнялъ постановленія Берестейскаго собора 1590 года о пасхальныхъ и рождественскихъ обрядахъ и о празднованіи пятницы. „Онъ же (епископъ Гедеонъ) нѣкій хлѣбъ на Воскресеніе Христово, называемый пасхою, по старому еретичеству, приказываетъ освящать на соблазнъ церкви; святятъ также и пятницу въ каждую седмицу, и на другой день Рождества Христова приносить въ церковь пироги къ униженію Богородицы. Все это велитъ епископъ держать по старому“ [354]). Дѣйствія священника Василія соборъ призналъ согласными съ „декретомъ“ патріарха Іереміи и съ постановленіями Берестейскаго собора 1590 года, освободилъ его отъ клятвы и благословилъ священствовать [355]). Относительно Гологорскаго братства соборъ сдѣлалъ два постановленія: а) преподалъ ему благословеніе, т. е. призналъ его законно-существующимъ и б) повелѣлъ ему принять и сохранять чинъ и уставъ Львовскаго ставропигіальнаго братства [356]).

26 октября на соборѣ разбиралось также *дѣло монаха Уневскаго монастыря Іоны.* „Чернецъ“ Іона просилъ митрополита и соборъ простить его за то, что онъ, по подстрекательству Львовскаго епископа Гедеона Балабана, внесъ въ Львовскія земскія книги заявленіе о предоставленіи этому послѣднему братіею Уневскаго монастыря Онуфріевскаго монастыря. Соборъ простилъ Іону и разрѣшилъ его отъ грѣха [357]).

27 октября соборъ разсматривалъ *жалобу уполномоченныхъ Львовскаго братства мѣщанъ Іоанна Красовскаго и Юрія Рогатинца на Львовскаго епископа Гедеона Балабана,* клятвенными граматами своими нарушившаго декретъ патріарха Іереміи и постановленіе Берестейскаго собора 1590 года [358]). Соборъ оставилъ епископа Гедеона подъ „декретомъ“, а братство нерушимо въ полной силѣ при всѣхъ его правахъ [359]). Кромѣ того соборъ призналъ, что Онуфріевскій монастырь принадлежитъ братству, что братскіе священники подчинены митрополиту. Уставъ Львовскаго братства соборъ рекомендовалъ принять всѣмъ церковнымъ братствамъ во всѣхъ западно-русскихъ епархіяхъ, Львовское и Виленское братства онъ объявилъ главными братствами, состоящими подъ властью митрополита и подъ защитою всего собора. Соборъ также утвердилъ существовавшія при Львовскомъ и Виленскомъ братствахъ школы греческаго и славянскаго языка (сравн. дѣяніе собора) и братскія типографіи и воспретилъ существованіе въ Львовѣ и Вильнѣ иныхъ—„покутныхъ“ т. е. частныхъ школокъ во вредъ („къ уничтоженію“) главнымъ школамъ. За нарушеніе привиллегій Львовскаго братства, подтвержденныхъ патріархомъ Іереміей, соборомъ 1590 года и митрополитомъ Михаиломъ, соборъ постановилъ карать изверженіемъ изъ сана духовныхъ лицъ и проклятіемъ свѣтскихъ лицъ. Эти свои постановленія соборъ изложилъ въ особой граматѣ [360]).

Таковы исторически извѣстныя постановленія очереднаго Берестейскаго собора 1591 года. Разсматривая эти постановленія, нельзя не отмѣтить ихъ основной, голубокоцѣнной особенности—соотвѣтствія ихъ содержанія дѣйствительнымъ запросамъ современной собору жизни западно-русской православной церкви, а также и духу православнаго церковнаго права. Нельзя также не

отмѣтить другой особенности изложенныхъ соборныхъ постановленій—ихъ всесторонности. Изложенными постановленіями затронуты всѣ наиболѣе важные вопросы устройства и управленія западно-русской православной церкви, поставлявшіеся на очередь современною собору дѣйствительностью.

Безспорно важнѣйшимъ вопросомъ церковной жизни всегда былъ и будетъ вопросъ о замѣщеніи церковныхъ должностей достойными и способными кандидатами. Въ западно-русской православной церкви разсматриваемаго времени этотъ вопросъ получилъ особую остроту вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ для церкви государственныхъ условій ея бытія и жизни, въ частности—вслѣдствіе крайняго искаженія церковныхъ порядковъ избранія іерархическихъ лицъ. Право королевскаго подаванья духовныхъ хлѣбовъ, право подаванья духовныхъ хлѣбовъ панами—патронами, различные виды симоніи, купля—продажа церковныхъ должностей самими носителями ихъ, купля-продажа самыхъ прихдоскихъ храмовъ, а въ мѣстѣ съ ними и гражданскихъ юридическихъ правъ на положеніе при этихъ храмахъ, перескаканіе съ одной должности на другую по матеріальнымъ и честолюбивымъ соображеніямъ—все это, вмѣстѣ взятое, совершенно исключало возможность осуществленія каноническихъ требованій относительно полученія и сообщенія хиротоніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ создавало вопіющія правонарушенія въ дѣлѣ замѣщенія церковныхъ должностей. Архіерейскія каѳедры получались женатами людьми, продолжавшими брачное сожитіе и послѣ хиротоніи во епископа. Хиротонію получали двоеженцы. Свѣтскіе люди, получивши королевское утвержденіе въ церковныхъ должностяхъ, не принимали сана долгое время. Распространился и укоренился взглядъ на церковныя должности, какъ на средство полученія церковныхъ доходовъ безъ всякаго труда, направленнаго къ цѣлямъ церкви. Уровень религіозно-нравственной жизни и пастырской ревности западно-русскаго духовенства неизмѣнно понижался, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ доходя до нетерпимаго минимума [361]). Соборъ своими изложенными выше постановленіями (1, 2, 8, 15) устанавливаетъ, на основаніи требованій православнаго церковнаго права, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ церковной жизни,

опредѣленный порядокъ замѣщенія церковныхъ должностей, въ значительной степени гарантирующій отъ многихъ перечисленныхъ выше, обычныхъ въ западно-русской церкви, правонарушеній. Мѣры противъ такихъ правонарушеній указываемыя соборомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ характеръ минимальнаго согласія съ обычаями вселенской церкви. Такъ напримѣръ, относительно кандидатовъ на архіерейскія и митрополичью каѳедры въ постановленіяхъ разсматриваемаго собора встрѣчаемся съ мыслью о томъ, что преимущественно предъ духовными лицами такая кандидатура принадлежитъ свѣтскимъ лицамъ. О духовныхъ „станахъ“ въ постановленіи говорится, что и среди нихъ „также“ нужно искать кандидатовъ епископства. Обычно въ православной церкви, особенно со времени Трулльскаго собора 692 года, преимущественными кандидатами епископства всегда были „духовные станы“, и главнымъ образомъ монашествующіе. Въ западно-русской православной церкви отступленія отъ этого общецерковнаго обычая было неизбѣжно подъ вліяніемъ мѣстныхъ гражданско-юрдическихъ нормъ, ограничивавшихъ кругъ кандидатовъ епископства только людьми шляхетскаго происхожденія. Такъ напр. особыми привилеями, данными на Люблинскомъ сеймѣ 1596 года и внесенными въ Volumia legum, подтверждено было исключительное право шляхты Волынской и Кіевской земель на занятіе епископскихъ должностей [362]). Пресѣкая ненормальныя послѣдствія такого порядка вещей, разсматриваемый соборъ ограничиваетъ кругъ шляхичей-кандидатовъ епископства преимущественно вдовыми, неженатыми, непремѣнно религіозными, безупречными въ нравственномъ отношеніи людьми и предоставляетъ возможность избранія на епископскія каѳедры не только шляхтѣ, но и „духовномъ станамъ“. Соборныя постановленія относительно кандидатовъ священства изъ чужихъ епархій, относительно причинныхъ листовъ и протопопскихъ свидѣтельствъ также были безспорно жизненною мѣрою, направленною къ той же цѣли—къ поднятію религіозно-нравственнаго уровня клира въ западно-русской православной церкви. Къ этой же цѣли направлены и соборныя постановленія о способѣ избранія епископовъ и пресвитеровъ. Подавцы духовныхъ хлѣбовъ не могли быть до-

статочно освѣдомлены въ вопросѣ о каноническихъ условіяхъ полученія хиротоніи, не могли быть и заинтересованы въ строгомъ исполненіи этихъ условій на практикѣ. Соборное избраніе епископовъ давало возможность представителямъ западно-русской іерархіи внимательно слѣдить на елекційныхъ соборахъ какъ за исполненіемъ каноническихъ требованій, такъ и за тѣмъ, насколько дѣятельность этихъ соборовъ соотвѣтствуетъ церковнымъ нуждамъ и цѣлямъ. Равнымъ образомъ, избраніе пресвитеровъ „парафіянами", не исключая права епископовъ утверждать или не утверждать выборы кандидатовъ священства, давало возможность путемъ свидѣтельства избирателей болѣе или менѣе твердо установить: пригоденъ ли избранный къ прохожденію пастырскаго служенія. Сравнивая подаванье духовныхъ хлѣбовъ съ одной стороны и соборное избраніе епископовъ и выборы приходскихъ священниковъ прихожанами съ другой стороны, нельзя не придти къ тому заключенію, что Берестейскій соборъ 1591 года разсматриваемыми своими постановленіями пошелъ навстрѣчу одной изъ наиболѣе острыхъ нуждъ мѣстной церковной жизни и для удовлетворенія этой нужды принялъ цѣлесообразную и канонически правильную мѣру [363]).

Не менѣе цѣны соборныя постановленія (3, 4, 5, 12, 10, 16, 17, 20, 11, 18,) относительно устройства органовъ помѣстнаго епархіальнаго, приходскаго и монастырскаго управленія. Мысль о соборѣ, какъ высшемъ органѣ власти въ помѣстной церкви, мысль, принятую къ неотложному руководству еще на предшествовавшемъ—Берестейскомъ соборѣ 1590 года, разсматриваемый соборъ освѣщаетъ частнѣе, рѣшая вопросъ о взаимоотношеніи канонической власти патріарха и собора (мысль о недѣйствительности патріаршаго рѣшенія судебныхъ дѣлъ, выносимаго безъ соборнаго разбирательства такихъ дѣлъ), а также о взаимоотношеніи власти собора и мѣстной государственной власти (мысль о правѣ собора хлопотать предъ правительствомъ объ утвержденіи соборныхъ постановленій гражданскими законодательными актами). Подробнѣе, въ дополненіе къ постановленіямъ предшествовавшаго собора 1590 года ,раскрывается разсматриваемыми постановленіями и мысль о судебныхъ функціяхъ областного собора, о его

значеніи какъ апелляціонной инстанціи, о принципѣ справедливости и вниманія собора, какъ органа церковнаго суда, къ нуждамъ низшаго духовенства и мірянъ, а равно и къ нуждамъ церковныхъ обществъ—братствъ. По вопросу объ устройствѣ помѣстнаго церковнаго управленія разсматриваемыя постановленія раскрываютъ также мысль принципіальнаго характера, относящуюся одинаково какъ къ центральному, такъ и къ епархіальному и приходскому, и монастырскому управленію. Это--мысль о чинопочитаніи въ порядкѣ іерархическихъ степеней, въ порядкѣ степеней священства и въ порядкѣ церковно-административныхъ должностей. Эта мысль разскрывается въ разсматриваемыхъ соборныхъ постановленіяхъ въ томъ смыслѣ, что чинопочитаніе по отношенію къ церковно-іерархическимъ лицамъ не оправдываетъ административнаго произвола, а предоставляетъ возможность апелляціи въ опредѣленномъ порядкѣ на неправильныя дѣйствія церковно-административныхъ должностныхъ лицъ. Вопросъ объ устройствѣ органовъ епархіальнаго управленія также затронутъ разсматриваемыми постановленіями. Вышеизложенная мысль о чинопочитаніи относится, въ частности, и къ епархіальному управленію и воспроизводитъ идею 39 апостольскаго правила о власти епископа, какъ высшаго правителя мѣстной церкви. Разсматриваемыя постановленія освѣщаютъ вопросъ о принципахъ епархіальнаго устройства и тѣми своими мыслями, которыя касаются взаимоотношенія власти епископа и привиллегій церковныхъ братствъ. Соборомъ устанавливается каноническая зависимость братствъ отъ архіерейской власти, въ частности—братствъ ставропигіальныхъ отъ власти митрополита, остальныхъ—отъ власти епархіальнаго епископа. По вопросу объ устройствѣ прихода и монастырей разсматриваемыми постановленіями изложены мысли, наиболѣе соотвѣтствующія современной собору эпохѣ. Это—мысли объ ограниченіи власти патроновъ, какъ по отношенію къ замѣщенію церковныхъ должностей, такъ и по отношенію къ дѣламъ приходской и монастырской жизни вообще. Насколько современны были мѣры, направленныя къ такой цѣли, показываютъ уже тѣ черты изъ современной собору жизни приходовъ и монастырей, какія отмѣчены въ самомъ текстѣ соборныхъ постановленій [364]).

Разсматриваемыми постановленіями освѣщаются также вопросы о церковномъ управленіи—о церковномъ учительствѣ (пост. 13, 14), священнодѣйствіи (6, 7, 9, 19) и церковномъ судѣ (цит. пост. 5, 12) и администраціи (пост. 19). Таковы постановленія объ изданіи церковныхъ книгъ, о братскихъ школахъ, о совершеніи таинствъ, о пасхальныхъ обрядахъ, вышеупомянутыя постановленія о соборномъ судѣ и о порядкѣ апелляціонныхъ жалобъ, о перемѣщеніи епископовъ съ одной каѳедры на другую. Очевидны цѣли собора, намѣченныя во всѣхъ этихъ постановленіяхъ. Цѣли эти вполнѣ совпадаютъ съ нуждами и дѣйствительными интересами церкви. Въ частности, рѣшеніе вынесенное соборомъ о пасхальныхъ обрядахъ, углубляетъ мысль соотвѣтствующихъ постановленій Берестейскаго собора 1590 года, устраняя вмѣстѣ съ тѣмъ нежелательныя съ точки зрѣнія церковныхъ интересовъ тренія, вызванныя прямолинейнымъ проведеніемъ въ жизнь прежнихъ соборныхъ постановленій по этому вопросу. [365]).

Очередной Берестейскій соборъ 1593 года. Программа занятій очередного Берестейскаго собора 1593 г. была предметомъ заботливаго вниманія не только представителей западно-русской православной іерархіи, но и выдающагося представителя западно-русскихъ православныхъ мірянъ—князя К. К. Острожскаго. Въ программу дѣятельности этого собора долженъ былъ войти, для открытаго и всесторонняго обсужденія, самый больной, назрѣвшій въ то время вопросъ мѣстной церковной жизни—вопросъ *объ уніи*, западно-русской православнной церкви съ Римомъ.

Идея уніи, или, какъ она называется на западно-русскомъ нарѣчіи, „згоды“, появилась иногда впервые далеко за предѣлами Западной Руси, задолго до времени разсматриваемыхъ соборовъ [366]). Но вслѣдствіе мѣстныхъ особенностей церковной жизни эта идея всегда была угрожающе—близка западно-русской церкви съ самаго начала ея самостоятельнаго историческаго существованія. Унія, въ смыслѣ подчиненія православной восточной церкви римскому папѣ, была завѣтной мечтой католическаго духовенства въ польско-литовскомъ государствѣ, была завѣтной мечтой многихъ польскихъ королей и попытки осуществленія этой идеи на территоріи польско-литовскаго государства были и въ 14, и въ 15,

и въ 16 вѣкѣ, когда, наконецъ, одна изъ такихъ попытокъ увѣнчалась печальнымъ, кровавымъ, но дѣйствительнымъ успѣхомъ, повлекшимъ за собою неисчислимыя бѣдствія и для православной церкви, и для польско-литовскаго государства [367]). Въ 16 вѣкѣ идея уніи стала предметомъ усиленной пропаганды іезуитовъ. Не считаясь со средствами, не задумываясь надъ этическою дозволенностью этихъ средствъ, іезуиты неуклонно, въ теченіи десятилѣтій, шагъ за шагомъ подготовляли провозглашеніе церковной уніи въ польско-литовскомъ государствѣ, выработавъ программу подготовки уніи, неотступно выполняли эту программу.

До 16 вѣка уніонныя попытки въ Западной Руси неизмѣнно терпѣли крушеніе, не находя опоры въ широкихъ массахъ западно-русскаго народа, вѣками и аторитетами воспитаннаго въ крайне отрицательномъ отношеніи къ латинству. Православная русская іерархія съ древнѣйшихъ временъ прививала своей паствѣ тотъ взглядъ, что латиняне „всѣхъ языкъ поганѣйши и и злѣйши суть“ . . . , что „егоже жидове не творятъ, то они творятъ“ . . , что „нѣсть жизни вѣчной живущимъ въ вѣрѣ латынской“, что это—„татіе и разбойницы“ евангельской притчи и что поэтому не слѣдуетъ „вѣрѣ латинской ни прилучатися, ни обычая ихъ держати, и комканья ихъ бѣгати, и всякаго ученья ихъ не слушати и всего обычая и норова ихъ гнушатися и блюстися . . . своихъ дщерей не давать за ня, ни поймати за себе у нихъ, не братитися съ ними, ни кумитися, ни цѣловати ихъ, не ясти, не пити съ ними изъ единаго сосуда, ни брашна ихъ пріимати“ . . . [368]). Такія воозрѣнія на отношенія къ латинянамъ сохранили свою силу отъ временъ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго до 16 вѣка, какъ видно ихъ свидѣтельства Краковскаго каноника Сакрана (1500 г.), сохранили силу и въ позднѣйшее время, какъ видно изъ исторіи борьбы православнаго Западно-русскаго народа съ уніей въ 16 и 17 вѣкахъ [369]).

Іезуитская программа подготовки и введенія уніи въ Западной Руси предусматривала отрицательное отношеніе къ идеѣ этой уніи со стороны православнаго западно-русскаго народа, предусматривала и тѣ мѣры, какія смогли привести къ провозглашенію и введенію уніи, не смотря на живое и беззавѣтное

противодѣйствіе ей со стороны защитниковъ православія. Съ прибытіемъ въ предѣлы Западной Руси іезуитовъ 370) постановка уніонной дѣятельности получила здѣсь такой характеръ. Около іезуитовъ сгруппировалось польско-латинское духовенство, національно-латинская политическая партія, склонные къ ренегатству представители православія. Главною цѣлью дѣятельности іезуитовъ была теперь активная борьба съ „ересью и схизмою", т. е. съ протестантскими сектами и съ православіемъ, или активная защита католичества. Наиболѣе важною чертою сложныхъ мѣръ этой борьбы является ихъ приспособленность къ объекту борьбы. Этою же чертою характеризуется и іезуитскій планъ церковной уніи, выработанный во второй половинѣ 16 вѣка и тогда же начавшій осуществляться. Средства, какими прививалась западно-русскому православному народу чуждая его душѣ идея уніи съ латинскою церковью раздѣляются на а) средства нравственнаго воздѣйствія и б) средства юридическаго воздѣйствія и связанныя съ послѣдними мѣры насилія. Изначальными являются средства послѣдняго рода. Наиболѣе древнимъ и наиболѣе сильнымъ изъ этихъ средствъ нужно признать гражданско-юридическое притѣсненіе православія. Это несомнѣнное историческое явленіе выражалось въ двухъ основныхъ формахъ: а) въ притѣсненіяхъ, направленныхъ противъ всей западно-русской православной церкви и б) въ притѣсненіяхъ, направленныхъ противъ отдѣльныхъ лицъ-членовъ этой церкви. Примѣрами притѣсненій перваго рода являются насилія надъ православными западно-руссами, связанныя съ введеніемъ новаго календаря 370). Примѣромъ притѣсненій второго рода являются преслѣдованія епископа Кирилла Терлецкаго Сѣмашкомъ 371).

Наряду съ юридическими стѣсненіями и произволомъ внѣзаконной борьбы, средствами уніонной подготовки, примѣнявшимися въ это время въ Западной Руси, были мѣры нравственнаго воздѣйствія на православныхъ со стороны латинянъ, особенно—іезуитовъ. Выраженія такого воздѣйствія вылились въ три самостоятельныхъ формы. По отношенію къ православной западно-русской іерархіи и богословски—образованымъ мірянамъ такою формою была печатная и устная полемика. По отношенію къ широкимъ массамъ

православнаго западно-русскаго народа такою формою были школы, проповѣди, фиктивные диспуты, религіозныя театральныя представленія, организованная медицинская помощь и т. п.[372]). По отношенію къ православной русской аристократіи, кромѣ двухъ первыхъ формъ—придворныя интриги, обиды и помощь, а также личное вліяніе ревнителей уніи[373]). Во всеоружіи перечисленныхъ средствъ, осложнявшихся при нуждѣ и нѣкоторыми другими мѣрами пропаганды, начала свою дѣятельность чуждая западно-русскому православному міру іезуитская уніонная партія, сформировавшаяся во второй половинѣ 16 вѣка. Ея усиліями совершалась подготовка уніи, повозглашенной впослѣдствіи на Берестейскомъ уніонномъ соборѣ 1596 года.

Историческій процессъ подготовки уніи складывается, во первыхъ, изъ дѣятельности вышеописанной уніонной партіи и, во вторыхъ, изъ появленія отвѣтныхъ теченій, вызванныхъ этой дѣятельностью въ западно-русской православной церкви.

Вслѣдствіе дѣятельности іезуитской уніонной партіи въ западно-русской православной церкви возникли отвѣтныя, сочувственныя идеѣ уніи теченія. Тикихъ теченій можно отмѣтить два. Представители перваго (напр. кн. К. К. Острожскій) понимали унію, какъ возстановленіе древняго единства церквей, нарушеннаго раздѣленіемъ вселенской церкви на восточную-православную и западную-католическую. Сущность уніонной программы представителей этого теченія сводится къ мысли о созывѣ вселенскаго собора для устраненія догматическихъ и обрядовыхъ разногласій между православною и католическою церквами. Причинами появленія этого теченія въ пользу уніи были, съ одной стороны—внѣшній мотивъ—крайне тягостное состояніе западно-русскаго православнаго народа, создававшееся вѣроисповѣдными разностями. Съ другой стороны, былъ и чисто внутренній мотивъ разсматриваеваго теченія въ пользу уніи. Это, прежде всего, мысль о незначительности вѣроисповѣдныхъ разностей „всходной и заходной церквей“ и о возможности ихъ устраненія. Насколько широко было это теченіе въ пользу уніи, сказать трудно. Несомнѣнно только, что оно широко захватывало западно-русскую аристократію. Къ нему одно время примыкали такіе вы-

дающіеся ея представители, какъ кн. К. К. Острожскій и Скуминъ Тышкевичъ [374]). Другое уніонное теченіе представляетъ собою постепенное формированіе партіи ренегатовъ. Унія понималася здѣсь, какъ полное подчиненіе православія латинству съ сохраненіемъ только обрядовъ восточныхъ. Догматическія особенности православія признавались не настолько важными, чтобы изъ за нихъ можно было отказаться отъ тѣхъ выгодъ, какія сулила унія въ смыслѣ правового и матеріальнаго положенія ея послѣдователей. Къ этому теченію примыкли епископъ Кириллъ Терлецкій, Адамъ (впослѣдствіи Ипатій) Потѣй другіе ренегаты православія—епископы-апостаты, а впослѣдствіи и митрополитъ. Важнѣйшимъ мотивомъ такого отношенія къ уніонной идеѣ для представителей этого теченія было дѣйствительно невыносимое стѣсненіе ихъ со стороны поляковъ (Кириллъ Терлецкій и Сѣмашко), а также затруднительное положеніе этихъ лицъ, созданное дѣятельностью братствъ (епископъ Гедеонъ и Львовское братство) и церковныхъ соборовъ. Епископы—„апостаты“ въ періодъ подготовки уніи жили подъ страхомъ соборнаго суда, подъ страхомъ всенароднаго обличенія со стороны братствъ и православныхъ патроновъ, имѣя на своей совѣсти не мало церковныхъ и даже уголовныхъ преступленій [375]).

Было и третье теченіе, вызванное дѣятельностью уніонной партіи. Это—чисто оппозиціонное теченіе противъ уніи. Представителями этого теченія были, прежде всего, церковныя западнорусскія братства, а затѣмъ—большая часть западно-русскихъ патроновъ и почти вся масса западно-русскаго православнаго духовенства и народа. Въ періодъ уніонной подготовки представители этого теченія стояли въ сторонѣ отъ увлеченія идеей уніи. Отъ нихъ скрывалась тайная подготовительная работа уніонной партіи. Только немногіе изъ ихъ среды могли, какъ кн. К. К. Острожскій, мечтать объ истинной уніи восточной и западной церкви, не на началахъ подчиненія, а на началахъ дѣйствительнаго соединенія. Дѣятельность представителей этого теченія была направлена на цѣли, далекія отъ уніи, на возвращеніе и укрѣпленіе православной церкви въ Западной Руси. И, какъ только имъ стала извѣстна назрѣвшая іезуитская программа уніи, они

выступили на открытую борьбу съ этой программой и ея исполнителями, путемъ соборовъ, сеймовой дѣятельности, полемики и т. п. [376]).

До времени разсматриваемаго Берестейскаго собора 1593 года въ Западной Руси была одна неудачная попытка поставить уніонный вопросъ на открытое обсужденіе соборовъ. Такая попытка пріурочивалась къ несостоявшемуся собору 1588 г. [377]). Ко времени Берестейскаго собора 1593 года относится другая такая же неудачная попытка, именно—попытка князя К. К. Острожскаго поставить на обсужденіе этого собора выработанной самимъ княземъ планъ подготовки дѣйствительнаго соединенія восточной и западной церквей, дѣйствительной ихъ уніи, безъ умаленія достоинства обоихъ этихъ церквей [378]). Но попытка князя не увѣнчалась успѣхомъ. Епископъ Ипатій Потѣй, которому князь передалъ свои артикулы по уніонному вопросу, для представленія собору, не исполнилъ порученія князя, скрылъ артикулы и такимъ образомъ уніонный вопросъ не былъ предметомъ обсужденія на этомъ соборѣ. [379]). Относительно этого очередного областного собора сохранилось очень мало историческихъ данныхъ. Извѣстно только, что на этомъ соборѣ, какъ и на предшествующихъ Берестейскихъ соборахъ, обсуждался вопросъ о Львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ. [380]) Послѣдній добился отъ короля признанія своей канонической власти надъ церковными братствами его епархіи. [381]) Этимъ нарушалось опредѣленіе предыдущихъ соборовъ по данному вопросу [382]). Епископу Гедеону, который за свою дѣятельность еще до собора 1593 года былъ уже осужденъ патріархомъ, митрополитъ Михаилъ Рагоза отправилъ „позовъ“ явиться на судъ соборный [383]). Гедеонъ не явился, соборъ судилъ его заочно и 28 іюня 1593 года осудилъ на отлученіе (разумѣется временное запрещеніе въ священнослуженіи [384]). Рѣшеніе собора вручено было епископу Гедеону вознымъ при двухъ свидѣтеляхъ изъ шляхты, но не произвело на владыку никакого дѣйствія, несмотря на то, что вмѣстѣ съ соборнымъ рѣшеніемъ митрополитъ послалъ Гедеону и патріаршее осужденіе [385]).

Очередной Берестейскій соборъ 1594 года. Ко времени этого собора существованіе уніонныхъ происковъ среди западно-русской

іерархіи стало извѣстно представителямъ интересовъ православія, въ частности—братствамъ. Они сообщили объ этомъ Константинопольскому патріарху, сообщили ему и о тѣхъ преслѣдованіяхъ, какія терпѣли отъ Львовскаго епископа Гедеона Балабана [386]). Патріархъ прислалъ, въ отвѣтъ на это сообщеніе и жалобы, двѣ своихъ граматы [387]). Въ одной изъ этихъ граматъ патріархъ требовалъ низложенія епископа Гедеона Балабана, а въ другой осуждалъ самаго митрополита Михаила Рагозу на временное запрещеніе за недостаточно внимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ [388]). При такихъ обстоятельствахъ очередные вопросы мѣстной церковной жизни, въ частности—вопросъ о епископѣ Гедеонѣ, должны были встрѣтить внимательное отношеніе, со стороны митрополита. Митрополитъ своевременно разослалъ пригласительныя граматы на соборъ, приглашая на соборъ не только духовенсто, но и мірянъ [389]). Епископу Гедеону митрополитъ снова отправилъ „позовъ“ явиться на соборный судъ [390]). Наиболѣе горячо откликнулись на митрополичьи пригласительныя граматы православныя западно-русскія братства. На соборъ явились „послове зъ братствъ церковныхъ Виленскаго, Львовскаго, Берестійскаго, Галицкаго, Бѣльскаго и прочихъ многихъ“ [391]). Менѣе горячо откликнулись на пригласительныя граматы митрополита западно-русскіе іерархи и духовенство. Внѣшнею и оффиціальною причиною такой холодности было слѣдующее случайное обстоятельство. Во время разсматриваемаго собора польскій король находился въ Швеціи, а сеймовою конституціею были запрещены всякіе съѣзды и соборы въ отсутствіе короля [392]). Созывая соборъ на 24 іюня 1594 года, митрополитъ надѣялся на возвращеніе короля по этому времени, „злагалъ“ соборъ „въ надѣи къ тому часу щастливаго пріѣханья его королевской милости“ [393]). А такъ какъ король „прибыти не рачилъ“ [394]), то епископы, за исключеніемъ самаго митрополита, а также мѣстнаго—Владимірскаго и Берестейскаго епископа Ипатія Потѣя и Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, не прибыли на соборъ [395]). Кромѣ употянутыхъ трехъ владыкъ, а также представителей отъ мірянъ въ частности—братствъ, на соборѣ были: Климентъ Огинскій, архимандритъ Городенскій, Гедеонъ Бролинскій, архимандритъ

Лаврашовскій, Василій, игуменъ Дубенскій, Паисій, игуменъ Бытенскій, Исаія, іеромонахъ и екклесіархъ монастыря Супральскаго, Іоаннъ, протопопъ Кіевскій „великія церкви Софійскія", Несторъ Козминичъ, „протопопъ Подгаецкій, нареченный игуменъ монастыря Миненскаго" и много „прочихъ священническаго и иноческаго причту" [396]).

Собравшись въ описанномъ составѣ, соборъ поставилъ своею цѣлью широкое удовлетвореніе „потребъ Христовой церкви належачихъ", но осуществить эту цѣль онъ не имѣлъ возможности, какъ вслѣдствіе отсутствія многихъ западно-русскихъ епископовъ, такъ и въ виду неизбѣжности нарушить своею дѣятельностью сеймовую конституцію 1593 года о съѣздахъ и соборахъ въ отсутствіе короля. Объ этой конституціи напомнили собору два лица: епископъ Кириллъ Терлецкій (предъ началомъ соборныхъ засѣданій) [397]) и Гнѣзненскій арцыбискупъ (непосредственно послѣ открытія собора). Послѣдній прислалъ митрополиту письмо, напоминая о сеймовой конституціи 1593 года [398]). Въ виду такихъ обстоятельствъ соборъ отложилъ церковно-правительственныя дѣла до слѣдующаго очередного собора, не прекративъ тѣмъ не менѣе своей дѣятельности. На письмо примаса-арцыбискупа митрополитъ отвѣтилъ, что сеймовая конституція 1593 года не запрещаетъ судебныхъ разбирательствъ [399]). Судебнымъ дѣламъ и посвятилъ свою дѣятельность разсматриваемый соборъ, подготовляя въ то же время матеріалъ для дѣятельности слѣдующаго очередного собора по вопросу о братствахъ. Судебныя рѣшенія собора получили силу съ момента ихъ подписанія, а рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ устройству церковныхъ братствъ, въ значительной степени сходныя съ постановленіями предшествующихъ соборовъ, въ томъ числѣ Берестейскаго собора 1591 года, имѣли значеніе подготовительныхъ матеріаловъ для опредѣленій слѣдующаго очередного областного собора.

Изъ судебныхъ опредѣленій Берестейскаго собора 1594 года извѣстно только одно—*по дѣлу Львовскаго епископа Гедеона съ Львовскимъ и Рогатинскимъ братствами.* Декретъ собора отъ 1 іюля осуждаетъ епископа Гедеона за нарушеніе правъ братствъ на низложеніе послѣ „суда со всѣми посреде церкви и съ

омофоромъ при святой литургіи въ церкви всему народу взгласивши [400]). Освѣдомившись объ этомъ декретѣ, епископъ Гедеонъ опротестовалъ его предъ государственною властью [401]).

Соборныя постановленія объ устройствѣ братствъ и отношеніи ихъ къ правамъ митрополита и епархіальныхъ владыкъ таковы: а) соборъ призналъ законно-существующими, согласно съ прежнимъ соборнымъ опредѣленіемъ (1591 г.), только братства, получившія благословеніе патріарха или собора, а всѣ остальныя братства, даже открытыя мѣстнымъ епископомъ, соборъ не призналъ законными б) и постановилъ, чтобы священники ставропигіальныхъ братствъ Львовскаго и Виленскаго были подчинены митрополиту, а священники всѣхъ остальныхъ братствъ—мѣстнымъ епископамъ, в) соборъ разрѣшилъ Виленскому братству начать постройку своей братской церкви, согласно съ королевскимъ разрѣшеніемъ, въ виду притѣсненій, какія встрѣчали братчики при отправленіи богослуженія въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, который находился въ завѣдываніи Виленскихъ бурмистровъ, притѣснявшихъ священниковъ, г) соборъ подтвердилъ прежнія соборныя опредѣленія о братскихъ школахъ и д) типографіяхъ (постановленія собора 1591 года) и е) вынесъ новое опредѣленіе по вопросу объ избраніи кандидатовъ на архіерейскія каѳедры: призналъ необходимымъ добиваться („зычачи“) королевскаго разрѣшенія на право епархіальныхъ архіереевъ участвовать въ повѣтовыхъ сеймикахъ при избраніи этихъ кандидатовъ [402]). Изъ архіереевъ подписались подъ граматою, содержащею эти соборныя постановленія, только митрополитъ и Ипатій Потѣй, а Кириллъ Терлецкій уѣхалъ съ собора, не подписавшись подъ соборною граматою [403]).

Изъ постановленій разсматриваемаго собора самымъ замѣчательнымъ безспорно является послѣднее. Сравнивая это постановленіе съ постановленіемъ Берестейскаго собора 1591 года, по вопросу объ избраніи кандидатовъ на епископскія каѳедры, нельзя не видѣть рѣзкаго различія между способами этого избранія, устанавливаемыми соборомъ 1591 года и соборомъ 1594 года. По опредѣленію собора 1591 года кандидатовъ на епископскія каѳедры долженъ избирать областной елекційный соборъ, а въ разсматри-

ваемомъ постановленіи 1594 года говорится объ избраніи на повѣтовыхъ сеймикахъ, при чемъ о правѣ участія епископовъ въ дѣятельности такихъ сеймиковъ соборъ только признаетъ нужнымъ ходатайствовать. Очевидно такимъ образомъ, что въ 1594 году избраніе на повѣтовыхъ сеймикахъ, безъ участія епископовъ, могло имѣть законную силу, т. е. могло быть утверждено королемъ. Отсюда вытекаетъ то заключеніе, что вышеупомянутое соборное постановленіе 1591 года объ избраніи кандидатовъ архіереества на областныхъ елекційныхъ соборахъ не получило королевскаго утвержденія и потому не вошло въ практику западно-русско православной церкви даннаго времени [404]).

Новогрудскій судебный соборъ 1594 года. Епископъ Гедеонъ Балабанъ, осужденный соборнымъ декретомъ 1 іюля 1594 года, не призналъ этого декрета законнымъ, какъ вынесеннаго соборомъ, состоявшимся въ отсутствіи короля т. е. незаконнымъ соборомъ [405]). Быть можетъ для того, чтобы воспроизвести вышеупомянутый декретъ въ такое время, когда соборъ могъ функціонировать безъ нарушенія сеймовыхъ конституцій, или же для того, чтобы буквально выполнить смыслъ декрета 1 іюля 1595 года о „провозглашеніи“ осужденія Гедеона, митрополитъ Михаилъ Рагоза созвалъ судебный соборъ въ своемъ каѳедральномъ городѣ Новогрудкѣ Литовскомъ 28 сентября 1594 года. Засѣданіе этого собора происходило („судовне намъ засѣдати“) въ Новогрудской соборной церкви [406]). На соборѣ были: митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископъ Кириллъ Терлецкій и епископъ Ипатій Потѣй, а также „благочестивые архимандриты, игумены, протопопы и благоговѣйные священники и весь причтъ церковный“ [407]). Соборъ подтвердилъ опредѣленіе собора 1 іюля 1594 года о низложеніи епископа Гедеона на степень „простого чернца“ [408]). И это опредѣленіе собора не произвело впечатленія на епископа Гедеона. Онъ продолжалъ протестовать въ свѣтскомъ судѣ противъ этого опредѣленія, а въ февралѣ 1595 года былъ возстановленъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою въ своихъ правахъ [409]).

Д.

Покутные соборы девяностыхъ годовъ 16 вѣка.

Историческіе документы упоминаютъ о „*покутныхъ соборищахъ*“—о тайныхъ соборахъ западно-русскихъ епископовъ времени, предшествовавшаго провозглашенію церковной уніи и посвященныхъ подготовкѣ этой уніи въ Западной Руси. Изслѣдователи эпохи неодинаково освѣщаютъ вопросъ объ этихъ соборахъ: неодинаково рѣшаютъ вопросъ о количествѣ этихъ соборовъ, неодинаково датируютъ ихъ, а нѣкоторые изслѣдователи совершенно отрицаютъ самый фактъ созыва такихъ соборовъ [410]). Излагаемъ, прежде всего, историческія свидѣтельства о томъ, что вообще „покутные соборища“ дѣйствительно были въ разсматриваемую эпоху въ западно-русской православной церкви, а затѣмъ приводимъ сохранившіяся историческія данныя объ отдѣльныхъ такихъ „соборищахъ“. Исторически несомнѣнно, что дѣло подготовки уніи до 1595 года велось уніонно-ренегатскою партіею „таемнѣ“, „потиху“. Даже не всѣ западно-русскіе епископы, склонные къ уніи и впослѣдствіи ставшіе „апостатами“, въ это время были освѣдомлены въ подробностяхъ, и даже важнѣйшихъ подробностяхъ, осуществлявшагося плана уніонной подготовки. Только часть западно-русскаго епископата съ начала 90 годовъ 16 вѣка рѣшительно склонилась къ мысли объ уніи и совмѣстно съ латинянами вырабатывала и осуществляла детали ранѣе выработанной въ общихъ чертахъ уніонной программы [411]). Вотъ эта то часть епископата, эти „владыкове“, по свидѣтельству историческихъ источниковъ, и творили въ 90 годахъ 16 вѣка „покутные соборища“. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ посланіе Виленскаго духовенства (ноябрь 1595 года) къ Ѳеодору Скумину: „владыкове, покинувши мѣстцѣ и часъ певный въ Берестью для соборовъ всему духовенству нашому зостановленный, иные собѣ соборища покутные, и праве подступные намъ всѣмъ духовнымъ чинятъ“ . . . „И съ тыхъ тогды причинъ, ижъ владыкове и отецъ митрополитъ то таемнѣ учинили . . . ажъ до сойму явнѣ голосити не хочутъ . . . люде православія грѣческаго проразумѣвши, же то они подступъ и вѣчное зневоленье

нашего набоженства, безъ вѣдомости своихъ старшихъ и насъ меньшихъ и всего духовенства и безъ вѣдомости вашихъ милостей, нашихъ милостивыхъ пановъ,и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами только четыре альбо пять особъ тое справуютъ“ [412]). Приведенное свидѣтельство ясно утверждаетъ мысль о томъ, что въ разсматриваемое время въ Западной Руси были „покутные“ т. е. тайные епископскіе „соборища“, тайные соборы, посвященные уніоннымъ вопросамъ.

Когда же, и гдѣ, и какъ происходили „покутные соборища“ западно-русскихъ епископовъ, „списавшихся на унію“? Новѣйшіе изъ числа изслѣдователей разсматриваемой эпохи полагаютъ, что первымъ такимъ соборомъ былъ вышеупомянутый Белзскій соборъ епископовъ 1590 года, полагаютъ, въ частности, что на этомъ соборѣ была составлена и подписана четырьмя западно-русскими епископами первая уніонная грамата [413]). Трудно обосновать такое мнѣніе, опирающееся только на предположенія и догадки. Какъ на неопровержимое основаніе этого мнѣнія, указываютъ на свидѣтельство соборной граматы Берестейскаго собора 1590 года о постановленіи Белзскаго собора епископовъ, полагая, что это постановленіе совпадаетъ съ первою уніонною граматою. Но такое предположеніе не можетъ быть признано справедливымъ. Первая уніонная грамата была подписана четырьмя епископами [414]). Это не противорѣчитъ и выраженію соборной граматы 1590 года, о томъ, что списавшихся въ Белзѣ епископовъ было нѣсколько— „нѣкоторіи зъ насъ“ [415]). Но Белзское постановленіе 1590 года въ томъ же году въ Берестьѣ было утверждено *большинствомъ* [416]) *(всѣми, кромѣ двухъ) западно-русскихъ епископовъ.* А утвердить его они могли только—зная его содержаніе. Если-бы Белзское постановленіе совпадало съ уніонной граматою, то послѣ 1590 года не было бы нужды скрывать ея отъ всѣхъ западно-русскихъ епископовъ, а имъ не было бы смысла, послѣ утвержденія ими Белзскаго постановленія на Берестейскомъ соборѣ 1590 года, уклоняться въ 1591 году отъ подписи уніонной граматы. А между тѣмъ извѣстна такая грамата отъ 1591 года, подписанная только четырьмя западно-русскими епископами—„апостатами“ [417]). Извѣстно, что митрополитъ Михаилъ Рагоза подписалъ уніонную

грамату еще позже [413]). *Нѣтъ* также твердыхъ основаній полагать что Белзскій соборъ былъ *покутнымъ* соборомъ. Если его постановленіе обсуждалось и принято *на открытомъ, не покутномъ Берестейскомъ соборѣ 1590 года*, на которомъ присутствовали не только епископы, но и духовенство и міряне, *то трудно допустить, чтобы это постановленіе касалось уніи и совершенно нельзя думать, что оно осталось тайнымъ*. Выраженіе соборной граматы 1596 года о „заховываніи“ пунктовъ этого постановленія можно понимать въ смыслѣ не сокрытія этихъ пунктовъ, а въ смыслѣ ихъ сохраненія въ силѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ твердыхъ основаній полагать, что первымъ покутнымъ соборомъ разсматриваемой эпохи былъ Белзскій соборъ, а не другой какой-то послѣдующій западно-русскій церковный соборъ.

Въ посланіи Виленскаго православнаго духовенства къ Новогрудскому воеводѣ Ѳеодору Скумину [419]) упоминается о четырехъ тайныхъ съѣздахъ владыкъ-апостатовъ. Съѣзды эти перечисляются въ такомъ порядкѣ: *Сокальскій, Красноставскій*—безъ обозначенія времени, *Кобринскій* и *Берестейскій*, бывшіе въ 1595 году [420]). Къ числу такихъ же съѣздовъ нужно отнести—*Луцкій 27 августа 1595 года*, оставившій выработанную на немъ грамату епископовъ—апостатовъ [421]). Можно также съ полной увѣренностью утверждать, что во время описанныхъ выше областныхъ Берестейскихъ соборовъ 1590-хъ годовъ, а также и подлежащихъ разсмотрѣнію послѣдующихъ до—уніонныхъ Берестейскихъ соборовъ, параллельно съ оффиціальною соборною дѣятельностью развивалась тайная дѣятельность „покутныхъ соборищъ“ съѣзжавшихся въ Берестье епископовъ—апостатовъ. Такъ, несомнѣнно, или на Белзскомъ, или на Берестейскомъ соборѣ 1590 г. составлена, только не въ оффиціальныхъ соборныхъ засѣданіяхъ, первая уніонная грамата четырехъ западно-русскихъ епископовъ—апостатовъ. Но относительно большинства покутныхъ соборовъ, перечисленныхъ выше, не сохранилось точныхъ и обстоятельныхъ данныхъ [422]). Отъ Берестейскихъ покутныхъ соборныхъ засѣданій 1590 г. извѣстна только уніонная грамата [423]). *О Красноставскомъ* покутномъ соборѣ ничего неизвѣстно [424]). Неизвѣстно, какой именно *Берестейскій покутный соборъ* имѣется въ виду цитируемымъ

документомъ. Повидимому это—*соборъ 12 іюня 1595 года, т. е.* тотъ соборъ, на которомъ были окончательно выработаны артикулы уніи и посланіе западно-рускихъ епископовъ къ Римскому папѣ о принятіи ихъ со всею ихъ паствою подъ главенство папы. Извѣстны только эти артикулы и это посланіе, но неизвѣстно, какъ происходила соборная дѣятельность, если она была, по выработкѣ данной редакціи названныхъ документовъ [425]). Болѣе свѣдѣній сохранилось о слѣдующихъ покутныхъ соборахъ.

Сокальскій покутный соборъ происходилъ одновременно съ Берестейскимъ очереднымъ соборомъ 1594 года—въ концѣ іюня этого года. По свидѣтельству Потѣя, на этомъ соборѣ были епископы: Кириллъ Терлецкій, (уѣхавшій, какъ извѣстно, съ собора изъ Берестья), Гедеонъ Балабанъ, Діонисій Збируйскій и Михаилъ Копыстенскій [426]). По свидѣтельсту Діонисія Збируйскаго, на этомъ соборѣ участниками его были выработаны какія то постановленія относительно митрополита Михаила Рагозы, еще не принимавшаго тогда участія въ уніонной подготовкѣ, и выработаны артикулы уніи [427]). Можно съ увѣренностью полагать, что это—тѣ же артикулы, какіе сохранились въ позднѣйшей редакціи (2 декабря 1594 г.) за подписью Потѣя и Терлецкаго. Впослѣдствіи эти артикулы были подписаны остальными епископами—участниками Сокальскаго покутнаго собора и представлены королю Кирилломъ Терлецкимъ въ 1595 году [428]).

О Кобринскомъ покутномъ соборѣ есть упоминаніе въ письмѣ Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго къ митрополиту Михаилу Рагозѣ отъ 20 мая 1595 года [429]). Изъ этого письма видно, что оба эти епископа приглашали митрополита въ Кобринъ на недѣлю о Самаряныни, но не дождавшись митрополита, чрезъ три дня уѣхали изъ Кобрина и вновь приглашали митрополита поскорѣе пріѣхать въ Берестье для переговоровъ объ уніи.

Луцкій покутный соборъ, какъ видно изъ составленной на немъ граматѣ [430]), былъ 27 августа 1595 года. Какъ видно изъ подписей на этой граматѣ, на немъ были епископы: Кириллъ Терлецкій, Михаилъ Копыстенскій, Гедеонъ Балабанъ и Діонисій Збируйскій, которые единодушно подтвердили ранѣе принятое рѣшеніе принять унію. „Що ся вторицею ствержаючи, знесшеся

нижей подписанные епископы до своихъ приблизшихъ епископій, сей списокъ нашъ добровольный учинили есмо, дей того святого соединенія не маемъ до смерти отступовати".

Трудно сказать что либо болѣе опредѣленное о дѣятельности перечисленныхъ покутныхъ соборовъ западно-русскихъ епископовъ-апостатовъ, опираясь на документальныя данныя. Тѣмъ не менѣе не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такіе соборы были въ Западной Руси въ разсматриваемую предуніонную эпоху и имѣли очень большое значеніе въ дѣлѣ подготовки уніи. Именно, на этихъ соборахъ были подготовлены оффиціальные документы (уніонныя граматы, артикулы) о принятіи уніи западно-русскими православными іерархами, документы, на основаніи которыхъ дѣло введенія уніи въ Западной Руси получило политическую санкцію королевское утвержденіе, а также санкцію католической высшей церковной власти въ лицѣ папы и было окончательно подготовлено къ фактическому осуществленію. Берестейскій уніонный соборъ 1596 года только формально закончилъ это дѣло—провозгласилъ уже признанную польскимъ королемъ и Римскимъ папою унію.

Е.

Областные открытые соборы 1595—1596 годовъ.

Львовскій соборъ 28 января 1595 года. Ко времени этого собора уніонная подготовка подходила къ концу. Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй въ это время заканчивали переговоры съ польскимъ правительствомъ, какъ представители епископовъ-апостатовъ [431]). Предстоявшее введеніе уніи въ Западной Руси потеряло свой изначальный характеръ тайнаго дѣла. „Публичнымъ оказательствомъ" этого дѣла былъ и разсматриваемый Львовскій соборъ [432]). Въ составъ этого собора входили: епископъ Гедеонъ Балабанъ, Лука митрополитъ Бѣлградскій, Паисій епископъ Викрасскій, Никифоръ Туръ, архимандритъ Кіево-Печерскій, Иларіонъ Масальскій. архимандритъ Супрасльскій, Несторъ Козминичъ, „маршалокъ кола духовнаго" и „экзархъ митрополіи Кіевскоѣ", Аѳанасій, архимандритъ одного Аѳонскаго монастыря, Геннадій, архимандритъ Дерманскій, Василій, архимандритъ

Дубенскій, Сергій Елнухъ, игуменъ „Смольницки“, Никонъ старецъ Выдубицкаго монастыря, священноинокъ Иларіонъ, Герасимъ, протопопъ Скальскій, Кириллъ, протопопъ Ратенскій, священникъ Берестейскаго братства Павелъ, нѣсколько другихъ священниковъ изъ Рогатина, Перемышля, изъ Луцка, изъ Минска и монахъ Варсонофій архидіаконъ. Соборъ принялъ Флорентійскую унію и постановилъ „прилѣжно просить“ митрополита Кіевскаго Михаила Рагозу и западно-русскихъ епископовъ „абы тое дѣло едности святой съ престоломъ Римскимъ безъ отволоки кончили и святѣйшему папи Римскому и сердечное вызнанье и союзное рукописанье доносли“ [433]).

Новогрудскій соборъ 25—27 января 1596 года. Въ концѣ 1595 года вопросъ о введеніи церковной уніи, въ Западной Руси былъ уже бозповоротно рѣшенъ въ утвердительнымъ смыслѣ не только польско-литовскимъ правительствомъ и епископами—апостатами, но и Римскимъ папою, принявшимъ у себя Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя и утвердившимъ унію въ такомъ видѣ, въ какомъ она оказалась пріемлемою для этихъ пословъ—ренегатовъ Огласившееся дѣло уніонной подготовки вызвало цѣлую бурю негодованія среди православныхъ западно-руссовъ во главѣ съ К. К. Острожскимъ и братствами [434]). Осуждая всю дѣятельность епископовъ—апостатовъ, осуждая унію, они требовали созыва областного западно-русскаго собора для всенароднаго открытаго обсужденія вопроса объ уніи и о ея дѣятеляхъ. Такой соборъ не разрѣшался польско-литовскимъ правительствомъ до октября 1596 года, до того времени, когда въ такомъ соборѣ стала ощущаться нужда для цѣлей уніи, именно—для ея провозглашенія [435]). Ко времени борьбы православныхъ западно-руссовъ съ провозглашеніемъ уніи относится Новогрудскій судебный соборъ 25—27 января 1596 года по дѣлу Виленскаго братскаго дидаскала и проповѣдника Стефана Зизанія и его единомышленниковъ. Первоначально, какъ видно изъ пригласительной граматы митрополита (28 октября), этотъ соборъ предполагался для другихъ цѣлей и въ другомъ составѣ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Предполагался большой соборъ съ участіемъ всей западно-русской іерархіи, ду-

ховенства и многихъ мірянъ для обсужденія вопроса объ уніи [436]). На дѣлѣ это былъ только судебный соборъ, не коснувшійся вопроса объ уніи, соборъ—небольшой по составу. Въ составъ собора вошли три владыки: митрополитъ Михаилъ Рагоза, Германъ —архіепископъ Полоцкій и епископъ Гедеонъ Балабанъ, четыре архимандрита, шесть протопоповъ и одинъ священникъ изъ епархіи митрополита. Свѣтскихъ лицъ на соборѣ не было. Не было на соборѣ и обвиняемыхъ: Стефана Зизанія и его единомышленниковъ [437]). Порядокъ соборной дѣятельности по документальнымъ даннымъ представляется такъ. По свидѣтельству соборной граматы [438]), *собору* былъ „поднесенъ позовъ", именемъ митрополита, на „урожоннаго Стефана Васильевича, зовомаго Зизанія, казнодѣя". Позовъ былъ поднесенъ „чрезъ инстигатора", „обраннаго на соборѣ", т. е. чрезъ обвинителя, какъ бы прокурора. Въ позовѣ излагаются обвиненія, которыя и долженъ былъ разобрать соборъ. Зизаній обвинялся въ своевольствѣ, въ противленіи церкви, въ томъ, что „запустившеся въ великое еретичество", училъ людей, „ижъ дей Господь нашъ Іисусъ Христосъ ходатаемъ нашимъ до Отца Бога не есть, аргументуючи далѣй не письмомъ щирого слова Божого и апостольскаго и учителей церковныхъ, въ книжицѣ своей, выданной на Римскій костелъ, а только силлогизмою". Самому Зизанію, какъ видно изъ его протестаціи, поданной послѣ соборнаго опредѣленія въ Нововгрускій городовой судъ, „позовъ" на соборный судъ не былъ посланъ митрополитомъ. Поднесеніе собору „позова" состоялось 25 января въ самомъ началѣ соборной дѣятельности, или, какъ выражается соборная грамата, „кгды ся есмо на одно мѣстце собрали". Въ томъ же соборномъ засѣданіи, послѣ поднесенія „позова", была „достаточнѣ читана" соборомъ книжка Зизанія на Римскій костелъ и „прекладана всему духовенству" (т. е. истолкована). Затѣмъ „инстигаторъ" „доводилъ" предъ соборомъ православное ученіе о томъ, что Господь Іисусъ Христосъ „откупеньемъ и ходатаемъ и спасеніемъ и очищеніемъ за насъ и за весь міръ". На этомъ и закончилось соборное засѣданіе 25 января. Затѣмъ въ теченіе двухъ дней соборъ „великоразмыслнѣ" „обмовлялся со всею братіею", а 27 января со-

стоялся соборный „декретъ“. Соборъ призналъ Зизанія „преступникомъ закону и началомъ еретичеству съ единомысленными съ нимъ Василіемъ и Герасимомъ попами братскими Виленскими и съ ними колко особъ свѣцкихъ“. Зизанія соборъ „отлучилъ“, „вылучидъ“ и „отсѣкъ“ отъ тѣла Церкви Христовой, запретилъ ему не только проповѣдывать, читать и пѣть за богослуженіемъ, но и входить въ церковь, чтобы онъ „внѣ церкви стоялъ съ оглашенными“. Единомысленныхъ Зизанію священниковъ соборъ запретилъ въ священнослуженіи, а „свѣцкихъ особъ“—отлучилъ отъ церкви, какъ и самаго Зизанія. Декретъ на Зизанія и осужденныхъ священниковъ былъ записанъ въ соборную грамату, а декретъ на „свѣцкихъ особъ“ —въ „универсаловые листы“ [439]). Осужденные не подчинились соборному декрету, не признали его законнымъ. Около 25 января 1596 года въ Вильну прибыли какія то лица, сообщившія Зизанію, что въ Новогрудкѣ будетъ скоро соборъ по вопросу объ уніи. Получивъ это извѣстіе, Зизаній и его послѣдователи—братскіе священники, „радостны будучи“, 26 января выѣхали „зъ Вильна до Новогродка“. Въ двухъ миляхъ отъ Новогрудка „въ мѣстѣ Вселюбье“ они узнали, что ожидавшійся соборъ не состоялся, а состоялся „декретъ духовный, якобы соборный“ объ отлученіи Зизанія. Тогда Зизаній и его спутники, „чрезъ братскаго дьякона Олексѣя Блажковича“ подали протестацію въ Новогрудскій городовой судъ. Въ этой протестаціи разсмотрѣнный соборъ подвергается критикѣ со стороны его состава и порядка судебнаго производства, западно-русскій епископатъ обвиняется въ ереси отщепенства и приводятся доказательства православія Зизанія и его сообщниковъ (ссылка на книгу „Маргаритъ“) [440]). Не смотря на протестацію, король осудилъ Зизанія и его единомышленниковъ на „банницію“, на изгнаніе изъ отечества. Въ окружной королевской граматѣ, датированной 28 мая 1596 года, говорится, что Зизаній и его „помочники“, осужденные соборомъ за богохульство („блюзнерство“), оказали „большое сопротивенство“ соборному опредѣленію. Поэтому „духовенство религіи Греческой“ обратилось къ королю съ просьбой изгнать осужденныхъ изъ отечества, „на выволанье до насъ господаря

отослали"). Король исполнилъ эту просьбу и приказалъ „помененныхъ выволанцевъ" „гдѣ бы ся патрафило до везенья заключить" [441]).

Въ томъ же 1596 году Зизаній и его сподвижники были оправданы православнымъ областнымъ западно-русскимъ церковнымъ соборомъ.

Берестейскій соборъ „головный" въ октябрѣ 1596 года. Берестейскій соборъ „головный" [442]) былъ результатомъ того состоянія, въ которомъ находились уніонно-ренегатское и православно-оппозиціонное теченія къ 1596 году. Съ того времени, какъ уніонныя происки епископовъ—апостатовъ потеряли свою таинственость и открылись во всей наприглядности отступничества, православная западно-русская церковь сплотилась въ одномъ желаніи. Этимъ желаніемъ былъ гласный соборъ для суда надъ отступниками и для борьбы съ созданною ими уніею.

Не для обсужденія какихъ бы то ни было уніонныхъ плановъ нуженъ былъ теперь такой соборъ православнымъ западно-руссамъ. У нихъ уже безповоротно сложилось убѣжденіе, что унія есть погибель православія, а епископы—апостаты—Іуды, волки въ овечьей шкурѣ, еретики отщепенства [443]).

Нуженъ былъ судебный соборъ для церковно-канонической борьбы съ уніей и ея представителями. Для этого они и просили у короля разрѣшить соборъ [444]). Король долго отказывалъ [445]). Это обстоятельство сплотило православныхъ западно-руссовъ и побудило сформироваться не только для церковной, но и для политической борьбы съ уніей. Не имѣя возможности приступить къ соборному разбирательству дѣла объ уніи и осудить ее на соборѣ, православные западно-руссы въ разсматриваемую эпоху сосредоточили свои силы на томъ, чтобы не только добиться разрѣшенія на созывъ собора, но и укрѣпить свои силы до собора. Къ этому времени относятся особенно усиленныя ихъ просьбы о помощи съ православнаго востока. Откликомъ на эти просьбы было то, что восточные патріархи не только прислали свое благословеніе на созывъ собора, но прислали и своихъ экзарховъ для участія въ предстоявшемъ соборѣ [446]). Къ этому же времени относятся характерныя выступленія православныхъ

западно-руссовъ на сеймикахъ и на сеймѣ [447]). Особенно цѣнны были первыя выступленія. Результатомъ ихъ были посольства на предстоявшій соборъ отъ западно-русской православной шляхты, объединившейся съ нѣкоторыми представителями и инославной шляхты (напр. протестантской), съ опредѣленными противоуніонными инструкціями. Несомнѣнно глубокое, если не юридическое, то моральное значеніе имѣли также такія противоуніонныя выступленія православныхъ западно-русскихъ сеймовыхъ дѣятелей, какъ протестаціи противъ уніи и владыкъ-апостатовъ (—протестаціи кн. К. К. Острожскаго, протестація кн. Друцкого-Горскаго . .) [448]).

Нуженъ сталъ соборъ и уніонно—ренегатской партіи. Самъ король Сигизмундъ III писалъ папѣ Клименту VIII о необходимости созыва собора для провозглашенія уніи. Бреве отъ 7 февраля папа поручилъ митрополиту—отступнику созвать такой соборъ—„обычный провинціальный синодъ“ и пригласить на него подчиненныхъ епископовъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ въ публичномъ собраніи исповѣдалъ католическую вѣру по той же формулѣ, по которой исповѣдали ее въ Римѣ епископы—послы Кириллъ и Ипатій [449]). Оставалось немного времени и до королевскаго разрѣшенія собора и до его созыва митрополитомъ.

Чрезъ пять дней послѣ Варшавскаго сейма 1596 года, 12 мая король издалъ грамату митрополиту съ разрѣшеніемъ созвать соборъ въ Берестьѣ послѣ праздника св. Михаила. Разрѣшая созывъ собора, король въ то же время писалъ, чтобы митрополитъ не спѣшилъ назначать время собора и объявлять о немъ [450]). 14 іюня 1596 года король издалъ универсалъ о созывѣ собора для провозглашенія уніи [451]). На соборъ должны были являться только желающіе принять унію. 21 августа митрополитъ въ Новогрудкѣ подписалъ окружное посланіе о созваніи „собора головнаго“ на 6 октября 1596 года въ Берестьѣ [452]). Посланіе было адресовано князьямъ воеводамъ, каштелянамъ, маршалкамъ, старостамъ и всѣмъ благовѣрнымъ людемъ греческаго закона. Кто лично не могъ прибыть на соборъ, тѣхъ митрополитъ просилъ прислать на соборъ своихъ пословъ. Всѣ адресаты посланія приглашались на соборь для „прислуханья и обмышливанья“.

Папскимъ бреве, королевскимъ универсаломъ и митрополичьею пригласительною граматою ясно намѣчались уніонныя цѣли собора и потому православные западно-руссы приняли новыя мѣры противодѣйствія этимъ цѣлямъ, приняли мѣры къ тому, чтобы на соборѣ можно было съорганизовать достойный отпоръ провозглашенію уніи. За нѣсколько дней до собора князь К. К. Острожскій и Волынская шляхта отправили посольство къ королю Сигизмунду. Чрезъ своихъ пословъ Матѳея Малинскаго и Лаврентія Древинскаго они благодарили короля за разрѣшеніе собора и высказывали слѣдующія пожеланія относительно его устройства: чтобы никто не пріѣзжалъ на соборъ съ вооруженными отрядами, чтобы на соборъ допускались всѣ безъ различія исповѣданій, чтобы предсѣдателемъ собора былъ экзархъ Константинопольскаго патріарха Никифоръ и чтобы въ случаѣ разногласія на соборѣ можно было апеллировать генеральному сейму [453]). Король удовлетворилъ только первую просьбу. Мало того, король еще раньше принялъ мѣры противъ исполненія нѣкоторыхъ изъ этихъ пожеланій, принялъ мѣры и къ тому вообще, чтобы ослабить силы защитниковъ православія—борцовъ за него противъ уніи: запретилъ допускать на соборъ „постороннихъ“, объявилъ недѣйствительною свою жалованную грамату Виленскому Троицкому братству (22 мая 1696 года) [454]), осудилъ на банницію Стефана Зизанія и двухъ священниковъ того же братства (28 мая) [455]), предписалъ граматою Виленскому магистрату „не дозволять братству разрушать святое дѣло уніи“ и, въ частности, строить на новоприобрѣтенномъ участкѣ земли свою особую церковь „для большаго расширенія ереси и бунтовъ“ (28 августа) [456]), другою граматою (12 сентября) строжайше запретилъ православнымъ виленцамъ устраивать бунты и тайныя сходки противъ митрополита, котораго они должны слушать, какъ овцы своего пастыря [457]), граматой 19 августа запретилъ Кіевскому воеводскому управленію принимать жалобы на митрополита по имущественнымъ дѣламъ [458]).

Предсоборная борьба православныхъ и уніатской партіи была перенесена и въ Берестье явившимися на соборъ представителями православія и уніи и привела къ тому, что 8 октября созван-

ный соборъ окончательно раздѣлился на два собора: православный и уніатскій.

Еще задолго до срока, назначеннаго для открытія собора, начали съѣзжаться въ Берестье православные и уніаты. Изъ уніатовъ на соборъ прибыли во главѣ съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозой епископы: Ипатій Владимірскій, Кириллъ Луцкій, Германъ Полоцкій, Іона Пинскій, Діонисій Холмскій, три архимандрита: Брацлавскій, Лаврашевскій и Минскій, послы папы: Львовскій арцыбискупъ Янъ Соликовскій, бискупы: Луцкій—Б. Мацеевскій и Холмскій—С. Гомолицкій, четыре іезуита: Скарга, Робъ, Латерна и Нагай и послы короля: князь Радзивилъ и староста Галецкій со многими вельможами и шляхтой [459]). Прибыли всѣ эти лица на соборъ съ цѣлью провозгласить унію и привлечь на ея сторону православныхъ. Такая цѣль диктовалась имъ папскимъ бреве и королевскимъ универсаломъ.

Совсѣмъ не въ такомъ составѣ [460]), не съ такими инструкціями и не отъ лица такихъ представителей церковной жизни, какъ Римскій папа и польскій король, явились въ Берестье со всѣхъ уголковъ Западной Руси и съ далекаго Востока представители православія. Съ полномочіями отъ Цареградскаго патріарха прибылъ на соборъ великій протосинкелъ патріархіи, бывшій замѣстителемъ патріаршей каѳедры, архидіаконъ Никифоръ. Съ полномочіями отъ Александрійскаго патріарха прибылъ въ Берестье патріаршій протосинкелъ экзархъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи—патріархъ Цареградскій. Кромѣ того, изъ разныхъ странъ православнаго Востока и славянскаго запада прибыло нѣсколько іерархическихъ лицъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ явились съ полномочіями отъ епископовъ своихъ странъ: Лука митрополитъ Бѣлградскій, два Аѳонскихъ ахимандрита, ихъ которыхъ Макарій имѣлъ полномочія отъ Паисія епископа Венацкаго, а Матѳей имѣлъ порученіе оть Мукацкаго епископа Пантелеймона, два западно-русскихъ епископа: Гедеонъ Балабанъ—Львовскій и Михаилъ Копыстенскій—Перемышльскій, девять русскихъ архимандритовъ: [461]) Кіевопечерскій, Дерманскій, Супрасльскій, Пинскій, Дубенскій, Дорогобужскій, Лаврашовскій, Пересопницкій, Степанскій, одинъ игуменъ—Смольницкій, шестнад-

цать протопоповъ и намѣстниковъ [462]), болѣе двухсотъ пресвитеровъ [463]) и одинъ архидіаконъ. Не менѣе многочисленны были и представители отъ мірянъ. Во главѣ этихъ представителей стоялъ Кіевскій воевода квязь К. К. Острожскій, съ сыномъ Александромъ, воеводой Волынскимъ [464]). Князь прибылъ на соборъ въ сопровожденіи вооруженной силы: съ татарами, съ гайдуками, съ казаками, даже съ пушками [465]). По свидѣтельству „Антиррисиса", эта свита была такъ многочисленна, „же бы могли всихъ яко мухи подавити" [466]). Кромѣ двухъ сенаторовъ—князей Острожскихъ на соборъ явился и третій сенаторъ Новогрудскій каштелянъ Александръ Полубенскій [467]). Явились также послы [468]) православной шляхты: трое отъ Кіевскаго воеводства (хорунжій Бутовичъ, шляхтичи Корчовскій и Абдула), отъ Волынскаго—десять (судья Чапличъ, подсудокъ Хренецкій, стольникъ Боговитинъ, шляхтичи: Гулевичъ, Малинскій, Гостскій, Яловицкій....), отъ Брацлавскаго—двое (князь Юрій Друцкій-Горскій и хорунжій Шашкевичъ), отъ Русскаго воеводства двое (Григорій Балабанъ и Прокопъ Литинскій), отъ Перемышльской земли двое (Мих. Литинскій и Лука Боярскій), отъ Пинскаго повѣта одинъ (Діонисій Слободскій). Всѣ перечисленные шляхтичи явились на соборъ въ качествѣ представителей отъ своихъ избирателей и съ точными инструкціями отъ нихъ. Литовскій главный трибуналъ прислалъ на соборъ особыхъ пословъ (Лимонта и Цивинскаго). Кромѣ того были особые представители отъ шляхты многихъ повѣтовъ. Явились также послы отъ православныхъ мѣщанъ: отъ Вильны (Боровикъ и Курыанъ), отъ Львова, Пинска, Бѣльска, Берестья, Подгаецъ, Галича, Кіева, Скалы, Брацлава, Каменца Подольскаго, Владиміра, Минска, Слуцка, Луцка и др. [469]) Послы отъ мѣщанъ прибыли на соборъ также съ инструкціями. Особыхъ пословъ на соборъ прислало Виленское братство (Дашковича, Василовича, Кононовича, Здановича, Карповича, Стрыдовича, Ивановича и Андреевича) и Львовское братство (Красовскаго, Юрія и Андрея Рогатинцевъ и Николая Добренскаго) [470]).

Цѣлью православныхъ, явившихся на соборъ, было соборное провозглашеніе своей твердой вѣрности православію и осужденіе всѣхъ отступниковъ отъ него. Особенно ясно эта цѣль была

поставлена многочисленнымъ посламъ отъ мірянъ въ данныхъ имъ избирателями инструкціяхъ. Во всѣхъ этихъ инструкціяхъ „тры найпреднѣйше были пункты и артикулы“—первый: чтобы духовные, отступившіе отъ подчиненія Константинопольскому патріарху, понесли наказаніе „чрезъ скиненье съ тыхъ урадовъ, которые имъ служили“, пока не обратятся къ единенію съ православною церковью; второй: чтобы на столь мало оглашенномъ партикулярномъ синодѣ, безъ патріарховъ и всей восточной церкви, безъ основательнаго устраненія всѣхъ разностей въ вѣрѣ не устанавливать („будовано и чинено не было“) уніи („зъединоченье зъ Римскимъ окцидентальнымъ костеломъ“), а напротивъ, чтобы послы требовали сохраненія правъ православной церкви; третій: чтобы православнымъ было предоставлено право держаться стараго календаря [471]). Для болѣе частнаго уясненія содержанія и формы посольскихъ инструкцій можно остановиться на „посланіи Львовскаго братства чинамъ Берестейскаго собора отъ 26 сентября 1596 года“ [472]). Въ своемъ посланіи братчики сообщаютъ собору о томъ, кого они послали отъ себя на соборъ, въ чемъ сущность данныхъ ими посольскихъ полномочій и на какихъ основаніяхъ братство признаетъ себя въ правѣ участвовать въ церковномъ соборѣ. „Зуполная моцъ“, данная братствомъ посламъ состояла въ томъ, „абы во всемъ церковномъ преданіи восточныя вселенскія церкви крѣпко и неподвижно стояли, нѣ въ чемъ не отлучалися послушенства и власти Константинопольскаго патріарха“ . . и „нѣ за отступниками вдаючися послушенства церкви папежскія“. Основанія для своего участія въ соборѣ братчики указываютъ въ нравственномъ долгѣ членовъ единаго тѣла Христова—церкви. „Якъ есмы ся съ початку вѣры во Христа крестили отъ восточныя церкви Константинопольскія и приведени есмо отъ темноты въ свѣтъ и отъ области сатанины ко области Христу Богу нашему, видимому Пастыру Сыну человѣческому прилучилисмося и члонкомъ тѣла Его сталисмося, и якъ Онъ есть въ насъ, такъ и мы въ Немъ; и якъ Тѣло Его правдивое поживаемъ и Кровь Его піемъ, такъ тѣло и кровь свою за Него офѣруемъ, и якъ Онъ за насъ Кровь Свою проливалъ и Плотію умиралъ и душу Свою положилъ,

такъ и мы о Немъ и за Него готови есмо всегды умирати и душу свою положити нѣгды не отступаючи".

Представители православія и уніи явились на соборъ съ заранѣе опредѣленными цѣлями и точными инструкціями--уніаты отъ папы и короля, а православные отъ патріарховъ и широкихъ массъ западно-русскаго православнаго общества. Неизмѣнная преданность православныхъ и уніатовъ своимъ цѣлямъ и инструкціямъ привела къ тому, что Берестейскій соборъ 1596 года въ самомъ началѣ своихъ засѣданій раздѣлился на два собора: православный и уніатскій. Предъ началомъ собора православными была сдѣлана попытка привлечь уніатовъ на засѣданія православнаго собора. Съ этою цѣлью, а также для принесенія привѣтствія митрополиту, православные, собравшись въ Берестьи, отправили къ митрополиту посольство, освѣдомляясь, какъ будутъ вестись соборныя дѣла [473]). Посольсто было принято недружелюбно [474]). 5 октября, наканунѣ собора, патріаршіе экзархи отправили митрополиту грамату, приглашая его къ себѣ для того, чтобы посовѣтываться относительно предстоящаго собора. И это посольство не имѣло успѣха [475]). Не была удовлетворена и просьба князя К. К. Острожскаго о разрѣшеніи ему видѣться съ митрополитомъ [476]). 6 октября, не извѣстивъ православныхъ, уніаты во главѣ съ митрополитомъ открыли соборъ въ Берестейской церкви св. Николая: прослушали литургію, прочитаны были молитвы, обычно читавшіяся предъ началомъ собора. Такимъ образомъ соборъ былъ открытъ. Актъ объ открытіи собора приказано было записать публичному нотарію. Этимъ и закончилась у уніатовъ соборная дѣятельность 6 октября [477]).

Не получая приглашенія отъ митрополита на открывавшійся имъ соборъ, православные рѣшили собраться отдѣльно въ какой нибудь церкви. Но всѣ церкви оказались затворенными по распоряженію мѣстнаго епископа (Потѣя) [478]). Тогда православные собрались въ удобномъ для многолюднаго собранія домѣ („каменица") протестантскихъ пановъ Райскихъ и отправили къ арцыбискупу Соликовскому и митрополиту посольство [479]). Посольство состояло изъ шести лицъ и было снабжено „паранагностикомъ" или пригласительною граматою на соборъ: чтобы митрополитъ не могъ

„ся невѣдомостью вымовляти, владыцѣ Пинскому тое посельство оповѣдали, и абы оное митрополитови нашедши отдалъ жадали "[480]). Въ ожиданіи возвращенія этого посольства православные рѣшили открыть соборныя засѣданія. При этомъ члены собора раздѣлились на два „кола" (или громады): духовное и свѣтское [481]). Первое коло выбрало двухъ примикиріевъ или маршалковъ. Несторъ, протопопъ Заблудовскій, былъ избранъ для наблюденія за порядкомъ въ засѣданіяхъ кола, а Игнатій, пресвитеръ Острожскій—для руководства соборными нотаріями [482]). Свѣтское коло выбрало одного маршалка —Волынскаго посла Демьяна Гулевича [483]). Предсѣдатель собора и de jure—по порученію патріарха и желанію шляхты и de facto—по своей церковно-правительственной опытности былъ протосинкелъ Никифоръ. Послѣ избранія примикиріевъ былъ освященъ залъ соборныхъ засѣданій и прочитаны молитвы, обычно читавшіяся предъ началомъ собора. Оба кола размѣстились отдѣльно и между ними былъ поставленъ аналой съ Евангеліемъ [484]). Первую рѣчь, открывшую соборныя засѣданія, сказалъ Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ. Сказалъ онъ о неизмѣнной преданности православію всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ и о неправильности, незаконности дѣйствій митрополита Михаила Рагозы, неявившагося къ патріаршимъ экзархамъ. Это противозаконное уклоненіе епископъ Гедеонъ и предлагалъ обсудить на соборѣ [485]). Затѣмъ говорили Кириллъ Лукарисъ и Никифоръ. Отмѣчая противозаконность того же поступка митрополита, Никифоръ приглашалъ соборъ во всемъ слѣдовать канонамъ. Рѣчи были одобрены всѣми членами собора [486]). Послѣ рѣчей нѣкоторые послы хотѣли заявить собору о содержаніи своихъ инструкцій и полномочій, но за позднимъ временемъ это было отложено до слѣдующихъ засѣданій [487]).

7 октября пріѣхали въ Берестье королевскіе послы на соборъ [488]). Уніатскій соборъ въ этотъ день не сдѣлалъ никакихъ новыхъ постановленій [489]). Послы просили князя К. К. Острожскаго принять мѣры, чтобы не было нарушено спокойствіе, что князь и обѣщалъ [490]). Въ засѣданіи православнаго собора 7 октября выступилъ съ рѣчью Лука, митрополитъ Бѣлградскій [491]). Онъ говорилъ о несомнѣнности отступничества митрополита

Михаила Рагозы. Не смотря на то, что соборъ согласился съ рѣчью митрополита Луки, предсѣдатель отложилъ судъ надъ уніатами-апостатами и предложилъ отправить новое посольство къ митрополиту Михаилу Рагозѣ [492]). Посольство состояло изъ трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ и нотарія [493]). Чрезъ посольство передавался новый „паранагностикъ“ съ приглашеніемъ на соборъ. Кромѣ отправленія посольства, на православномъ соборѣ въ этотъ день не было предпринято ничего [494]).

Изъ дѣйствій уніатскаго собора, относящихся къ 8 октября, извѣстно только одно—отправленіе депутаціи изъ королевскихъ пословъ и двухъ іезуитовъ на православный соборъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ этотъ день была составлена соборная уніонная грамата, но по мнѣнію другихъ изслѣдователей время ея составленія точно неизвѣстно [495]). Извѣстно только, что она была составлена не позднѣе 9 октября [496]).

Засѣданіе православнаго собора 9 октября началось выраженіемъ общаго недовольства на митрополита Михаила Рагозу, на то, что онъ не обратилъ вниманія на два посланные ему паранагностика и на граматы, посланныя ему патріаршими экзархами [497]). Игнатій, пресвитеръ Острожскій доложилъ собору, что копіи посланныхъ митрополиту граматъ сохранились, а Кіево-Печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ добавилъ, что имѣются и русскіе переводы этихъ граматъ [498]). Соборъ постановилъ прочитать эти граматы (отъ 13 сентября грамата Никифора и отъ 5 октября грамата обоихъ экзарховъ). [499]). По прочтеніи граматъ, экзархъ Никифоръ сказалъ рѣчь, въ которой объяснилъ, почему митрополитъ уклоняется отъ прибытія на соборъ. „Какъ сдѣлавшій зло ненавидитъ добро“, такъ и митрополитъ со своими епископами-апостатами „не можетъ явиться сюда“, боясь понести наказаніе [500]). Затѣмъ соборъ, по предложенію Никифора, отправилъ третье посольство къ митрополиту Михаилу Рагозѣ, чтобы исполнить каноническое требованіе о троекратномъ призывѣ епископа на соборный судъ. Въ третьемъ паранагностикѣ митрополиту сообщалось, что если онъ не явится на соборъ и не оправдается отъ обвиненій въ отступничествѣ, то соборъ поступитъ съ нимъ по канонамъ церковнымъ [501]). Митрополитъ отвѣтилъ:

„что сдѣлано, то уже сдѣлано; иначе теперь быть не можетъ; хорошо или дурно мы поступили, только мы отдались западной церкви“ [502]). Послѣ такого отвѣта соборъ приступилъ къ суду надъ апостатами.

Обсужденіе установленнаго теперь отступничества митрополита и западно-русскихъ епископовъ началъ обширною рѣчью протосинкелъ Никифоръ [503]). Онъ обличалъ отступниковъ въ небреженіи къ восточной церкви, въ измѣнѣ ея ученію, въ потрясеніи церковной жизни Западной Руси. Примѣрами изъ ветхозавѣтной исторіи онъ доказывалъ, что измѣнившіе православію іерархи должны быть замѣнены новыми, похвалялъ твердую преданность православію, обнаруженную членами собора, обосновалъ свое право присутствовать на соборѣ и, наконецъ, предложилъ первый вопросъ судебнаго соборнаго слѣдствія объ отступникахъ: какъ давно митрополитъ принялъ унію? На этотъ вопросъ отъ лица собора отвѣтилъ архимандритъ Никифоръ Туръ. Его рѣчь переводилъ на греческій языкъ іеродіаконъ Кипріанъ. Отвѣтивъ на вопросъ предсѣдателя собора, Никифоръ Туръ засвидѣтельствовалъ преданность православію всѣхъ членовъ собора и тѣхъ лицъ, которыми они уполномочены. Для удостовѣренія этого онъ сослался на посольскія инструкціи [504]). Соборъ приступилъ къ разсмотрѣнію инструкцій и судъ надъ отступниками былъ поэтому отложенъ. Разборъ инструкцій занялъ много времени. Ихъ было „килку десять“—нѣсколько десятковъ, такъ что онѣ „часу не мало взяти мусили и одного дня преслухани быть не могли“ [505]). Въ то время „кгды посельства такіе артикулы въ собѣ маючые слухаемо, описываетъ синодальный универсалъ дальнѣйшій ходъ засѣданія, послове его королевской милости прислали до насъ, оповѣдаючесе съ посельствомъ отъ его королевской милости и жадаючи, абысмы до прислуханія того посельства, депутаты спородку себе до ихъ милости послали“ [506]). Королевскіе послы, явившіеся къ православнымъ, прибыли вмѣстѣ съ двумя іезуитами: Скаргою и Робомъ. Православные въ отвѣтъ на просьбу пословъ отправили къ нимъ для переговоровъ съ засѣданій собора депутатовъ отъ свѣтскаго и духовнаго кола. Послы обратились къ депутатамъ съ рѣчью, убѣждая православныхъ принять

унію. Въ это время Скарга, вызвавши князя К. К. Острожскаго съ сыномъ въ отдѣльную комнату, склонялъ ихъ къ тому же. Старанія іезуитовъ были прерваны замѣчаніемъ экзарха Никифора, а предложенія пословъ получили надлежащій отвѣтъ отъ собора [507]). Участники собора благодарили короля за заботу объ уніи, но не признали ея безъ согласія всей восточной церкви. Такой отвѣтъ былъ выработанъ соборомъ послѣ ухода королевскихъ пословъ и послѣ доклада бесѣдовавшихъ съ ними уполномоченныхъ собора, сообщившихъ о содержаніи своей бесѣды съ послами [508]). Выборы уполномоченныхъ, ихъ докладъ собору, выработка отвѣта королю и заполнили почти все время засѣданія послѣ разсмотрѣнія инструкцій. Только одно судное дѣло было еще разсмотрѣно въ этомъ засѣданіи. Это—дѣло Стефана Зизанія и его единомышленниковъ. Всѣ эти лица, осужденныя на январскомъ Новогрудскомъ соборѣ 1596 года, теперь были оправданы [509]). Въ концѣ засѣданія обсуждались также нѣкоторые вопросы, поднятые участниками собора, напр. вопросъ о папской власти. О дѣятельности собора на этомъ засѣданіи сдѣлана была запись въ соборные акты [510]).

Центральнымъ днемъ и православнаго и уніатскаго разсматриваемыхъ соборовъ было 9 октября 1596 года.

Королевскіе послы напомнили въ этотъ день іерархамъ-апостатамъ и папскимъ посламъ о цѣли собора и потребовали приступить къ осуществленію этой цѣли. Уніатскій соборъ исполнилъ это требованіе. Облачившись въ ризы, католическіе и уніатскіе іерархи съ архимандритами, протопопами и священниками, при колокольномъ звонѣ и большомъ стеченіи народа, отправились въ церковь св. Николая. Совершивши здѣсь молебенъ о соединеніи христіанъ, уніаты и католики заняли въ церкви мѣста одни по одну, а другіе по другую сторону. Взошелъ на амвонъ Полоцкій епископъ Германъ и, держа въ рукахъ подписанную уніонную грамату, прочелъ ее. Уніонная грамата была вручена папскимъ посламъ въ присутствіи пословъ короля. Облобызавшись другъ съ другомъ, католики и уніаты отправились въ костелъ св. Маріи и здѣсь пропѣли „Te Deum laudamus“ [511]). Уніонный актъ митрополитъ приказалъ вывѣсить въ нѣсколькихъ мѣстахъ

города. Затѣмъ уніатскій соборъ низложилъ епископа Гедеона Балабана и архимандрита Никифора Тура, оставшихся вѣрными православію и послалъ имъ объ этомъ соборныя граматы 512).

Засѣданіе православнаго собора 9 октября было посвящено суду надъ епископами—апостатами. Съ обвинительною рѣчью выступилъ экзархъ Никифоръ. Онъ перечислялъ преступленія митрополита и епископовъ—апостатовъ, обвиняя ихъ въ слѣдующемъ: они преступили присягу о повиновеніи патріарху, нарушили постановленія древнихъ соборовъ, запретившихъ епископамъ одного округа относиться въ другой округъ вмѣсто своего, преступая соборныя постановленія, своею властью безъ разрѣшенія патріарха приняли унію, что можетъ быть сдѣлано только вселенскимъ соборомъ, не смотря на троекратное предложеніе не явились на соборъ 513). Послѣ этой рѣчи соборъ потребовалъ, чтобы немедленно былъ вынесенъ приговоръ надъ отступниками. Тогда Никифоръ, ставъ на возвышеніи и держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой Евангеліе, произнесъ приговоръ: „обиженная святая Восточная Церковь повелѣваетъ намъ и настоящему собору, чтобы митрополитъ и епископы (отступники) лишены были архіерейскаго достоинства, власти и епископскаго названія и всякаго нашего духовнаго сана“. Соборъ выразилъ свое согласіе съ такимъ приговоромъ, былъ составленъ соборный декретъ о низложеніи отступниковъ, теперь же подписанъ всѣми членами духовнаго и свѣтскаго кола и отправленъ осужденнымъ 514).

Нужно было принять мѣры къ тому, чтобы соборный декретъ объ отступникахъ получилъ политическую санкцію. Выработка этихъ мѣръ православными и заняла послѣднюю часть заключительнаго соборнаго засѣданія 9 октября. Разграничивая выработанныя на этомъ засѣданіи мѣры, можно отмѣтить въ нихъ три момента: обращеніе къ городскому суду, къ королю и къ православнымъ сеймовымъ дѣятелямъ. Православные на соборѣ 1596 г. выработали протестацію для внесенія ея въ Берестейскія городскія книги 515). Въ этой протестаціи православные „сенаторове, дыгнитаре, урадники и рыцерство“, а также и духовенство религіи Греческой заявили гражданской власти, что будутъ всѣми силами противиться Берестейской уніи, а соборное постановленіе о низ-

ложенія апостатовъ, напротивъ, будутъ всѣми силами и средствами, особенно просьбами предъ королемъ, поддерживать и защищать. Протестація эта не была принята [516]). Одновременно съ этимъ соборъ постановилъ отправить къ королю особыхъ пословъ съ просьбою о томъ, чтобы онъ утвердилъ соборное опредѣленіе о низложеніи апостатовъ и возведеніи на ихъ мѣста новыхъ лицъ, „которые бы были сбственно нашей Греческой религіи“ [517]). На соборѣ были избраны члены этого посольства и выработана имъ точная инструкція. Послами къ королю соборъ избралъ двухъ лицъ: Матвѣя Малинскаго (королевскаго секретаря) и Волынскаго чашника, сеймоваго борца за православіе—Лаврентія Древинскаго. Инструкція опредѣляла дѣятельность пословъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, послы должны были поблагодарить короля за присылку имъ своихъ пословъ на соборъ и указать два главныхъ препятствія къ принятію уніи: догматическія разности православія и латинства, особенно въ вопросѣ о церковной власти (главенство папы), и невозможность примирить эти разности на мѣстномъ соборѣ безъ патріарховъ, да еще при содѣйствіи такихъ скомпроментировавшихъ себя лицъ, какъ владыки—отступники. Затѣмъ послы должны были просить короля объ утвержденіи соборнаго низложенія владыкъ-апостатовъ, подкрѣпляя свою просьбу ссылкой на привилеи (Варшавскую конфедерацію 1573 года, конституціи Люблинскаго сейма 1569 года и др.) и стародавніе обычаи, а также просить о разрѣшеніи возвести новыхъ епископовъ на мѣста осужденныхъ соборомъ 1596 г. Сверхъ того, послы должны были реабилитировать предъ королемъ предсѣдателя собора экзарха Никифора, противъ котораго выставлялись обвиненія въ самозванствѣ и шпіонствѣ. Послы должны были сослаться на патріаршія граматы, съ которыми Никифоръ прибылъ на соборъ, опровергавшія первое обвиненіе и засвидѣтельствовать, что члены собора всегда будутъ признавать Никифора за посланника патріарха. Второе обвиненіе, возведенное на Никифора Молдавскимъ воеводой, экзархъ обѣщался опровергнуть предъ королемъ самъ на будущемъ сеймѣ [518]). На успѣхъ соборнаго посольства нельзя было надѣяться, да оно, какъ видно изъ послѣдующей исторіи, и не имѣло успѣха. Предвидя это,

свѣтскіе члены собора постановили: „въ случаѣ если бы ихъ просьба королю „сейчасъ“ не получила удовлетворенія, поддержать и отстаивать ее на будущемъ сеймѣ [519]).

Кромѣ этого постановленія, соборъ предпринялъ въ указанномъ направленіи и болѣе рѣшительныя мѣры—именно—мѣры предсеймовой агитаціи. Еще до разсматриваемаго собора, подъ вліяніемъ наболѣвшихъ нуждъ внѣшней (австрійская лига, взятіе Агры и т. п.) и внутренней политики, возникъ вопросъ о созывѣ короннаго сейма. „Осенью 1596 года король уже спрашивалъ оффиціально у сенаторовъ совѣта по этому вопросу“ [520]). На совѣщаніи короля съ сенаторами, въ большомъ числѣ собравшимися въ Краковѣ по случаю похоронъ вдовствующей королевы, рѣшено было созвать сеймъ на 10 февраля 1597 года, предсеймовые сеймики были назначены на 30 декабря 1596 года, а главный литовскій съѣздъ на 22 января 1597 года [521]). Вотъ къ этимъ предсеймовымъ повѣтовымъ сеймикамъ, имѣвшимъ собраться въ 1596 году въ декабрѣ, и была обращена главная и самая сильная мѣра, выработанная Берестейскимъ соборомъ для проведенія въ жизнь своихъ постановленій. Соборъ разослалъ на эти сеймики особыя граматы, призывая сеймиковыхъ депутатовъ —избирателей внести въ посольскія инструкціи требованіе о политической легализаціи соборныхъ постановленій. „На сеймики тежъ вси близко пришлые повѣтовые, говорится въ соборномъ универсалѣ, до братьи листы написалисмося, жедаючи, абы намъ до того помогли на сеймѣ близко пришломъ“ [522]).

Заключительнымъ моментомъ дѣятельности разсматриваемаго православнаго собора было составленіе синодальнаго универсала, постановленіе внести этотъ универсалъ въ трибунальный литовскій судъ и выборъ лицъ „депутированныхъ“ для этого отъ собора [523]). Такими лицами оказались шляхтичи Кевличъ и Зміевскій. Содержаніе универсала, изданнаго соборомъ 9 октября, таково. Здѣсь излагается ходъ дѣятельности православнаго собора и обнародываются соборныя постановленія объ осужденіи уніи и о выработанныхъ мѣрахъ противодѣйствія ей. Универсалъ заканчивается торжественнымъ обѣщаніемъ членовъ собора не признавать уніи и всѣми мѣрами противиться ей [524]).

Уніатскій соборъ закончился на слѣдующій день—10 октября —въ воскресенье. Въ этотъ день уніаты служили литургію вмѣстѣ съ католиками. Въ этотъ же день была издана ими грамата объ осужденіи оставшихся вѣрными православію епископа Михаила Копыстенскаго, архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, священниковъ.

Причины Берестейскаго собора 1596 г., его раздѣленіе на два собора—уніатскій и православный, ходъ засѣданій обоихъ соборовъ и содержаніе соборныхъ постановленій ясно опредѣлили острое противорѣчіе двухъ противоположныхъ группъ историческихъ явленій, которыя необходимо должны были послѣдовать за этимъ соборомъ. Одну группу составляютъ политическія мѣры насильственнаго введенія уніи, другую группу—проявленія церковной и политической борьбы православныхъ западно-руссовъ съ вводимою уніею. Эта двойственность со всею рѣзкостью сказалась на отношеніи политическихъ силъ Западной Руси къ вопросу о государственной легализаціи постановленій уніоннаго и православнаго Берестейскихъ соборовъ 1596 года.

Посольство отъ православнаго собора къ королю не имѣло успѣха. Окружною граматою 15 декабря 1596 года король утвердилъ постановленія Берестейскаго уніатскаго собора о принятіи уніи и о низложеніи епископовъ Гедеона Балабана и Михаила Копыстенскаго и „иныхъ товарышовъ и помочниковъ ихъ“ [525]). Въ то же время король въ своей граматѣ высказалъ полное осужденіе православнаго Берестейскаго собора и призналъ всѣ его постановленія недѣйствительными. Король объявилъ этою граматою во всеобщее свѣдѣніе, что на православномъ Берестейскомъ соборѣ заставляли силою подписывать чистые листы бумаги, на которыхъ уже потомъ что то было написано, и приказывалъ не давать никакой вѣры сообщеніямъ и документамъ православнаго собора, Кромѣ такого рѣзкаго общаго осужденія православнаго собора, король примѣнилъ рядъ репрессій къ отдѣльнымъ защитникамъ православія—участникамъ собора. Никифоръ Туръ и Елисей Плетенецкій были лишены монастырей королевскими граматами [526]). Предсѣдатель собора Никифоръ, по приказу короля, былъ объявленъ арестованнымъ у князя К. К. Острожска-

го, который взялъ Никифора на поруки и далъ обязательство представить его на будущій сеймъ подъ угрозою двойного штрафа въ двѣсти тысячъ червонныхъ [527]).

Политическое содѣйствіе уніи вызвало одну группу историческихъ явленій. Другую группу создала православная противоуніатская сеймовая борьба. Девизомъ православной оппозиціонной сеймовой дѣятельности было теперь заключительное постановленіе Берестейскаго православнаго собора 1596 года: добиваться политическаго осужденія уніи и замѣны митрополита и епископовъ—апостатовъ новыми православными митрополитомъ и епископами.

Сеймовую дѣятельность, направленную къ этой цѣли, можно разграничить на три момента: дѣятельность на повѣтовыхъ сеймикахъ, на литовскомъ съѣздѣ въ Слонимѣ и на Варшавскомъ коронномъ сеймѣ 10 февраля 1597 года.

Соборныя граматы сеймиковымъ избирателямъ были предметомъ обсужденія на декабрьскихъ сеймикахъ великаго княжества литовскаго. На трехъ сеймикахъ эти граматы нашли вполнѣ сочувственный откликъ. Минскій, Слонимскій и Полоцкій сеймики внесли въ сеймиковыя инструкціи порученіе своимъ посламъ требовать низложенія митрополита и владыкъ-апостатовъ [528]). Менѣе рѣшительно выразилъ свое сочувствіе присланной отъ Берестейскаго собора граматѣ еще одинъ сеймикъ—Виленскій, постановившій просить короля обратить вниманіе на отступничество западно-русскаго епископата. [529]). Напротивъ, Волковыскій, Новогрудскій и Витебскій сеймики сдѣлали постановленія, благопріятныя для уніи [530]). Косвенную помощь православнымъ въ ихъ борьбѣ съ уніей оказали протестанты. Протестантская шляхта, съ Виленскимъ воеводой Христофоромъ Радивиломъ во главѣ, энергично дѣйствовала на сеймикахъ въ пользу установленія „процесса экзекуціи и конфедераціи“ т. е. конституцій (постановленій) о свободѣ совѣсти. Эти конституціи давали бы права самоуправленія православной церкви и тогда самъ собою падалъ бы планъ насильственнаго введенія уніи [531]). За конфедерацію высказались сеймики въ Вилькомірѣ, Витебскѣ, а также сеймики Оршанскій, Ошмянскій, на Жмуди, въ Полоцкѣ, въ Ново-

грудкѣ и Мозырѣ [532]). „На главномъ литовскомъ съѣздѣ въ Слонимѣ, объединявшемъ дѣйствія и постановленія отдѣльныхъ литовскихъ сеймиковъ, пунктъ о нарушеніи правъ православной вѣры брестскою церковною уніею внесенъ былъ въ общую инструкцію, данную съѣздомъ литовскимъ посламъ на сеймъ“ [533]).

На сеймѣ 1597 года вопросъ о легализаціи постановленій Берестейскаго православнаго собора противъ уніи разсматривался двумя инстанціями: сенаторами и посольской избой. Еще наканунѣ Берестейскаго собора 1596 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до сейма, король категорически отказался удовлетворить просьбу православной депутаціи, явившейся благодарить короля за разрѣшеніе собора, просьбу о томъ, чтобы въ случаѣ несогласія на соборѣ между православными и уніатами вопросъ объ уніи былъ поставленъ на обсужденіе сейма [534]). Поэтому никто изъ сенаторовъ прямо не касался вопроса объ уніи во время сеймоваго голосованія. „Въ теченіе всѣхъ трехъ дней подачи сенаторами мнѣній самое слово унія не было произнесено“ [535]). Только нѣкоторые сенаторы косвенно касались этого вопроса. Духовные сенаторы касались этого вопроса въ цѣляхъ латино-уніонной партіи (Краковскій епископъ Юрій Радивилъ). Свѣтскіе сенаторы—Абрамовичъ, Зеновичъ и канцлеръ Замойскій, касаясь этого вопроса, отстаивали идею Варшавской конфедераціи. „Изъ южно-русскихъ сенаторовъ только одинъ князь Острожскій подавалъ на сеймѣ мнѣніе. И только онъ одинъ болѣе опредѣленно поставилъ на сеймѣ вопросъ о правахъ православной церкви, нарушенныхъ введеніемъ уніи. „Онъ прямо заявилъ, хотя и въ умѣренныхъ выраженіяхъ, о нарушеніи Сигизмундомъ стародавнихъ правъ русскихъ людей православной вѣры, указавши на измѣну этой вѣрѣ русскихъ владыкъ, покровительствуемыхъ королемъ“ [536]). Это было на третій день голосованія сенаторовъ—22 февраля.

Въ посольской избѣ вопросъ объ уніи былъ поднятъ 1 марта по поводу посланія Виленскаго братства [537]). Затѣмъ онъ былъ поднятъ оффиціально 4 марта земскими послами Кіевскаго воеводства [538]). 7 марта была отправлена къ королю депутація земскихъ пословъ для представленія требованій православныхъ

депутатовъ (мысли Берестейскихъ соборныхъ постановленій противъ уніи) и полученъ письменный отказъ короля. Вечеромъ 7 марта кн. К. К. Острожскимъ было получено требованіе короля о представленіи на сеймовый судъ экзарха Никифора. 11 марта, въ присутствіи почти всѣхъ пословъ, открылся сеймовый судъ надъ Никифоромъ за его дипломатическую дѣятельность въ Молдавіи и за предсѣдательствованіе на Берестейскомъ православномъ соборѣ [539]). 12 марта кн. К. К. Острожскій уѣхалъ съ сейма изъ Варшавы. [540]). Этотъ отъѣздъ былъ символомъ пораженія православныхъ сеймовыхъ дѣятелей. Послѣ 11 марта „православные послы по всей вѣроятности и не считали уже нужнымъ возобновлять своихъ ходатайствъ предъ посольской избой, убѣдившись въ несочувствіи ихъ дѣлу пословъ латинской партіи“ [541]). 22 марта сеймъ рѣшилъ составить списокъ частныхъ просьбъ воеводствъ и представить его королю. [542]). Въ этотъ списокъ вошло и требованіе православныхъ пословъ о легализаціи постановленій православнаго Берестейскаго собора 1596 года [543]). 23 марта маршалокъ посольской избы вручилъ списокъ королю, а 24 марта былъ полученъ отвѣтъ короля. Просьба православныхъ оказалась неудовлетворенною въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ просьбъ, разсмотрѣніе которыхъ король отложилъ до будущаго сейма [544]). 25 марта сеймъ закрылся [545]). Чрезъ нѣсколько дней послѣ закрытія сейма, въ силу королевскаго декрета отъ 28 марта, былъ отправленъ въ Маріенбургскую крѣпость предсѣдатель Берестейскаго собора экзархъ Никифоръ [546]).

Варшавскій сеймъ 1597 года тѣсно связанъ съ исторіей Берестейскаго собора 1596 года. Этотъ сеймъ былъ той послѣдней инстанціей, къ которой соборъ постановилъ обратиться для проведенія своихъ постановленій въ жизнь—для ихъ утвержденія политическою властью. Исполняя это соборное постановленіе, православные сеймовые дѣятели приняли всѣ доступныя имъ мѣры на предсеймовыхъ сеймикахъ и на сеймѣ 1597 года, но встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны короля и не нашли сочувствія среди сенаторовъ и земскихъ пословъ, сочувствія, достаточнаго для успѣха въ предпринятой сеймовой борьбѣ

съ уніей. Постановленія Берестейскаго православнаго собора не были утверждены ни королемъ, ни сеймомъ 1597 года. Напротивъ, этотъ сеймъ вполнѣ опредѣленно высказался за унію, осуждая ея противниковъ въ лицѣ экзарха Никифора. Такимъ образомъ права уніатской церкви были признаны политическою властью польско-литовскаго государства. Православная западно-русская церковь потеряла свои политическія права.

Ж).

Областные соборы времени пребыванія въ Западной Руси патріарха Θеофана.

Самымъ существеннымъ измѣненіемъ въ положеніи западно-русской православной церкви, произведеннымъ уніей, было перенесеніе „старожитныхъ“ правъ „Грецкой религіи“ съ православной церкви на уніатскую. Съ провозглашеніемъ уніи на Берестейскомъ соборѣ 1596 года и съ признаніемъ ея на сеймѣ 1597 года права, принадлежавшія западно-русскимъ православнымъ іерархамъ по законамъ польско-литовскаго государства, права, опредѣлявшія положеніе западно-русской православной церкви въ польско-литовскомъ государствѣ, всецѣло перешли къ уніатской церкви. Низложенные уніатскимъ соборомъ 1596 года западно-русскіе іерархи, оставшіеся вѣрными православію—епископы Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстенскій потеряли свои права церковно-гражданскаго характера. Избраніе новыхъ православныхъ іерарховъ на мѣсто епископовъ—апостатовъ было теперь невозможно: „подавецъ духовныхъ хлѣбовъ“—польскій король не разрѣшалъ этого. Поколебались въ корнѣ имущественныя права православной западно-русской церкви. Какъ вселенская церковь въ первые вѣка христіанства, православная церковь въ Польшѣ и Литвѣ стала теперь недозволенной.... Началась для этой церкви „эпоха гоненій“, ужасныхъ преслѣдованій, издѣвательствъ надъ православіемъ со стороны его враговъ-католиковъ и уніатовъ, эпоха мученичества, исповѣдничества западно-руссовъ, вѣрныхъ православію, эпоха появленія въ ея средѣ „падшихъ“—отступниковъ отъ вѣры отцовъ. Самою суще-

ственною задачею этой эпохи для вѣрныхъ православію западно-руссовъ была защита ими предъ гражданскою властью своей св. церкви въ смыслѣ возстановленія (юридическаго и фактическаго) ея церковно-гражданскихъ правъ. Въ осуществленіи этой задачи западно-русская православная церковь явила могучія внутреннія силы, встрѣтила могучую поддержку и извнѣ. Западно-русскія православныя братства, какъ ранѣе возникшія, такъ и вновь народившіяся, напр. Кіевское Богоявленское, православные патроны, напр. князь К. К. Острожскій, были могучею внутреннею силою, которая въ тѣсномъ единеніи съ выдающимися по твердости вѣры іерархами и духовенствомъ бѣлымъ и чернымъ съ первыхъ годовъ борьбы съ провозглашенною уніею осмыслила и направила на вѣрный путь борьбу за православіе, вынесенную на своихъ трудовыхъ плечахъ православнымъ народомъ Западной Руси. Изъ среды народа въ эту эпоху вышла на защиту православія еще одна сила, могучая не только по твердости своей вѣры, но и по своей военной доблести. Эта сила—казачество, въ частности—запорожское казачество. Запорожская Сѣчь, войско запорожское дали теперь возможность говорить съ врагами православія—представителями государственной власти въ Польшѣ и Литвѣ не только на жалобномъ языкѣ протестацій, но и на языкѣ тѣхъ рѣшительныхъ требованій, за которыми стоитъ вооруженная рука. Неравныя величины—Запорожская Сѣчь и польско литовское государство. Не могла казацкая сабля окончательно побѣдить враговъ западно-русской православной церкви. Но и польско-литовское государство, узнавши, какъ силенъ ударъ казацкой сабли, не могло не считаться съ требованіями казаковъ. А среди этихъ требованій на первомъ мѣстѣ всегда стояли требованія о возстановленіи нарушенныхъ уніей „старожитныхъ правъ“ православной западно-русской церкви. Вотъ почему въ эпоху, подлежащую нашему разсмотрѣнію, большинство, если не всѣ наиболѣе выдающіяся событія въ исторической жизни православной западно-русской церкви совершились въ связи съ дѣятельностію западно-русскаго казачества. Въ своей борьбѣ съ уніей православная западно-русская церковь получала въ данную эпоху существенно цѣнную помощь и извнѣ: отъ православныхъ восточ-

ныхъ патріарховъ, съ Аѳонской горы и изъ Москвы. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій этой помощи было посѣщеніе Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ Западной Руси въ 1620 году.

Патріархъ Ѳеофанъ въ 1620 году [547]), подъ охраной казаковъ, прибылъ въ Кіевъ, возвращаясь изъ Москвы. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли въ Кіевъ экзархи двухъ другихъ восточныхъ патріарховъ: съ граматою отъ Константинопольскаго патріарха Тимоѳея—экзархъ архимандритъ Арсеній и отъ Александрійскаго патріарха Кирилла Лукариса—протосинкелъ іеромонахъ Іосифъ [548]). Пріѣздъ патріарха Ѳеофана и экзарховъ вызвалъ усиленное стеченіе въ Кіевъ ревнителей православія [549]). Около патріарха сплотилась капитула митрополіи Кіевской и Галицкой—Кіевское православное духовенство [550]). Со всѣхъ концовъ Западной Руси, вмѣстѣ съ богомольцами къ патріарху стали прибывать представители православныхъ братствъ, представители епархій, „присланные отъ повѣтовъ и градовъ“ благочестивые мужи, архимандриты, игумены, іеромонахи, іереи. При патріархѣ, кромѣ экзарховъ Арсенія и Іосифа, были въ это время также и архіереи съ православнаго востока—Софійскій митрополитъ Неофитъ и Стрягонскій епископъ Авраамій [551]). Церковно-правительственная дѣятельность патріарха въ Кіевѣ въ это время не могла носить открытаго характера—она совершалась вопреки желанію польско-литовскаго правительства и протекала безъ публичнаго оказательства. Самая возможность этой дѣятельности создавалась вооруженной охраной и защитой казаковъ [552]).

Не подлежитъ сомнѣнію соборный характеръ этой дѣятельности, несомнѣнно, что въ Кіевѣ въ 1620 году былъ соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Ѳеофана [553]).

Кіевскій соборъ 1620 года. Участниками этого собора были, несомнѣнно, патріаршіе экзархи и перечисленные выше іерархи съ православнаго востока, а также вышеупомянутые представители братствъ, городовъ и повѣтовъ. Быть можетъ, составъ участниковъ этого длительнаго собора мѣнялся, постепенно пополняясь новыми, прибывавшими представителями православныхъ городовъ, братствъ и повѣтовъ. Несомнѣнно только, что посто-

янно при патріархѣ въ это время была митрополитанская капитула, экзархи, поименованные выше іерархи [554]). Исторически извѣстны два существенно важныхъ церковно-правительственныхъ дѣйствія Кіевскаго собора 1620 года: *осужденіе Берестейской уніи 1596 года и избраніе православнаго западно-русскаго митрополита.* О послѣднемъ изъ этихъ дѣйствій рѣчь была выше [555]). О первомъ сохранились слѣдующія данныя. Патріархъ соборнѣ „подписался на правило на соборѣ Берестейскомъ сотворенное на апостаты изверженіе и проклятство“ [556]), а также „внесъ и наложилъ изверженіе и проклятство“ свое и трехъ прочихъ восточныхъ патріарховъ—Тимоѳея Константинопольскаго, Кирилла Александрійскаго и Аѳанасія Антіохійкаго на уніатскаго митрополита Рутскаго и на всю уніатскую церковь [557]). Литургическими дѣйствіями этого собора было поставленіе западно-русскаго православнаго митрополита и 2-хъ епископовъ [558]).

Бушскій соборъ 1621 года. 7 января 1621 года патріархъ Ѳеофанъ оставилъ Кіевъ и, въ сопровожденіи святителей, духовенства и множества народа, подъ охраною казаковъ, направился къ Молдавской границѣ [559]). На пути (въ Трехтеміровскомъ монастырѣ и въ Бѣлой Церкви) совершена была патріархомъ хиротонія еще 3 епископовъ [560]). Въполовинѣ января патріархъ прибылъ въ пограничный городъ Бушу [561]). Здѣсь происходилъ патріаршій соборъ, разсматривавшій „уставъ, чинъ и обычаи“ западно-русской православной церкви [562]). Въ составъ собора, кромѣ патріарха Ѳеофана, входили патріаршіе экзархи, митрополитъ Софійскій Неофитъ, Страгонскій епископъ Авраамій, „купно съ поданною патріархомъ святыней“, т. е. всѣ новопоставленные іерархи западно-русской православной церкви,—митрополитъ Іовъ Борецкій, епископы: Владимірскій Іезекіиль—Іосифъ, Полоцкій Мелетій, Перемышльскій Исаія, Луцкій Исаакій, Холмскій Паисій „со многими иными пречестными божественными архимандриты, игумены, іеромонахи, іереами“ [563]). Патріархъ съ соборомъ, „во уставъ и чинъ церкве смотрѣвше“, нашли, что въ западно-русской православной церкви есть нѣсколько обычаевъ, противныхъ благочестію и постановили „изнести ихъ изъ церкве Христовы“ [564]). Первый обычай: при совершеніи причащенія

мірянъ „троекратное податіе съ отдѣленіемъ именъ Божіихъ: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ„ вмѣсто единократнаго преподанія Св. Таинъ съ произнесеніемъ словъ: „Тѣло и Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа дается рабу Божію, імярекъ, во отпущеніе грѣховъ и въ жизнь вѣчную". Второй обычай: „причащеніе частьми изъ иныхъ просфоръ, а не самаго точію Агнца частей". Третій обычай: празднованіе десятой пятницы. Четвертый обычай: „поминовеніе преводней недѣли (около церкви) на гробѣхъ христіанскихъ съ музыкою и корчмами" вмѣсто молитвеннаго поминовенія въ церкви. Пятый обычай: „напоеніе новобрачныхъ какимъ либо питіемъ" съ пѣніемъ киноника: „Тѣло Христово пріимите". Всѣ эти обычаи соборъ осудилъ [565]). Кромѣ того, на соборѣ была написана и вручена патріархомъ грамата митрополиту Іову Борецкому съ описаніемъ дѣятельности патріарха въ Западной Руси, съ изложеніемъ соборнаго постановленія и патріаршаго завѣщанія новопоставленнымъ іерархамъ, чтобы они „единомысленно утѣшалися, промышляли и совѣтывались о добромъ и спасеномъ церкви Христовой" [566]). 12 марта патріархъ Ѳеофанъ былъ уже въ Валахіи [567]).

3).

Областные соборы времени митрополита Іова Борецкаго до 1627 года.

Кіевскій майскій церковно-народный соборъ 1621 года. Въ 1621 году польско-литовское государство переживало тяжелыя испытанія. Самымъ тяжелымъ изъ нихъ были военныя невзгоды [568]). Военная мощь казацкаго войска была въ это время особенно дорога польско-литовскому государству. Поэтому, подъ защитою казаковъ, новопостановленные западно-русскіе православные іерархи не только могли чувствовать себя въ относительной безопасности, но могли даже составлять церковные соборы. Однимъ изъ такихъ соборовъ является Кіевскій майскій соборъ 1621 года. „Королевское правительство, писали уніаты о митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ, прибиваетъ по городамъ королевскіе универсалы о томъ, чтобы его (Борецкаго) хватать, а онъ тамъ же прибиваетъ свои грозные универсалы о томъ, чтобы попы

ѣхали къ нему на соборъ“ [569]). Разсматриваемый „синодъ Кіевскій“ происходилъ въ дни праздника Св. Троицы, приходившагося тогда 20 мая по старому стилю и 30 мая по новому стилю [570]). На этомъ соборѣ присутствовали „почти все духовенство и люди греческой религіи, которыхъ praesidium составляютъ казаки“ [571]). Подробныхъ историческихъ данныхъ объ этомъ соборѣ не сохранилось. Можно однако съ увѣренностью полагать, что „главнымъ предметомъ совѣщаній на этомъ соборѣ былъ вопросъ о достиженіи новопосвященной іерархіей правомѣрнаго положенія въ государствѣ“ [572]), вопросъ о возвращеніи западно-русской православной іерархіи старожитныхъ правъ и вольностей, утерянныхъ ею съ введеніемъ уніи. Можно думать, что совѣщанія этого собора затянулись надолго. „Послѣднее совѣщаніе“ соборное, по свидѣтельству современника, должно было произойти уже не въ Кіевѣ, а въ Сухой Дубравѣ [573]).

Продолженіемъ описаннаго майскаго собора 1621 года было соборное участіе западно-русской іерархіи въ казацкой радѣ, происходившей въ полозинѣ іюня 1621 года, повидимому въ Сухой Дубравѣ. Въ разсматриваемое время между польско-литовскимъ правительствомъ и запорожскими казаками происходили переговоры по вопросу объ участіи казацкаго войска въ военныхъ дѣйствіяхъ совмѣстно съ польскими войсками противъ турокъ [574]). Отъ лица правительства переговоры велъ королевскій секретарь Обалковскій [575]). Заключительнымъ моментомъ этихъ совѣщаній въ половинѣ іюня 1621 года и была вышеупомянутая казацкая рада. Продолжалась она три дня. Присутствовали на ней, кромѣ казаковъ, митрополитъ Іовъ Борецкій, епископъ Іезекіиль Курцевичъ, триста священниковъ и пятьдесятъ чернецовъ [576]). Во главѣ казаковъ на радѣ присутствовали гетманъ запорожскаго войска Бородавка и бывшій гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный [577]). Одинъ изъ современниковъ такъ описываетъ эту раду:

„Въ первый день митрополитъ Іовъ Борецкій въ сильномъ возбужденіи жаловался собранію на короля и правительство вообще за то, что въ польскомъ государствѣ древняя православная вѣра угнетается—попирается. Митрополитъ Іовъ прочелъ полученное имъ изъ Вильны письмо и представилъ списокъ пострадавшихъ за

вѣру виленскихъ православныхъ братчиковъ, изъ которыхъ одни умерщвлены, другіе посажены въ заключеніе, третьи брошены въ клоаки. Вслѣдъ за тѣмъ Сагайдачный представилъ собранію письмо патріарха Θеофана. Прежде чѣмъ прочесть его, Сагайдачный поцѣловалъ его. Послѣ прочтенія положилъ на макушку головы своей. Тогда поднялся вдругъ общій шумъ: всѣ клялись, что свою древнюю вѣру будутъ защищать до смерти.

На другой день приведенъ былъ въ средину казацкаго круга королевскій посолъ. Для него разостланъ былъ на землѣ коверъ. Посолъ обратился къ собранію съ нѣсколькими привѣтственными словами. Гетманъ Бородавка приказалъ вывезти пушки и мортиры. Это продолжалось два часа. По окончаніи смотра казаки клялись въ вѣрности своей королю и въ настоящемъ крайне тяжеломъ положеніи государства выражали свою полную готовность помочь ему, если они получатъ то, о чемъ просятъ.

На третій день назначены были для предстоящаго похода сотники, полковники, атаманы, эсаулы. Тогда же избраны особые послы къ королю—Сагайдачный, епископъ Курцевичъ и двое другихъ. Главною цѣлью посольства было добиться отъ короля, чтобы онъ утвердилъ въ званіи митрополита и владыкъ всѣхъ тѣхъ, кого посвятилъ патріархъ. Въ случаѣ отказа короля въ этомъ, казаки грозили захватить всю шляхту („какъ совѣтовалъ Борецкій“, прибавляетъ повѣствователь). Затѣмъ разсуждали о томъ, кто изъ казаковъ имѣетъ право получить деньги, присланныя королемъ. Рѣшено было, что деньги получатъ только тѣ казаки, которые имѣютъ хорошее вооруженіе и которые уже нѣсколько разъ ходили въ море противъ турокъ (при этомъ одинъ золотой пришолся на двухъ казаковъ). Всего казаковъ, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ оказалось сорокъ тысячъ человѣкъ. Наконецъ, назначены были города и села для стоянокъ, установлены правила и наказанія за нихъ. Казаки мирно разошлись. Въ ту же ночь они уже выступили въ походъ. Три тысячи ихъ пришли въ Бѣлую Церковь“ [578]). Посланное описаннымъ собраніемъ посольство было принято королемъ, но полнаго успѣха оно не имѣло [579]). Признанія правительствомъ правъ новопосвященныхъ іерарховъ пришлось ждать еще нѣсколько лѣтъ.

Житомірскій соборъ 1621 года. Одинъ изъ уніатскихъ писателей разсматриваемаго времени упоминаетъ о „соборѣ Борецкаго со шляхтою въ Житомірѣ“ 580). Собраніе шляхты въ Житомірѣ въ 1621 году происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ это время здѣсь былъ предсеймовый сеймикъ шляхты Кіевскаго воеводства. По аналогіи съ описаннымъ выше совмѣстнымъ собраніемъ западно-русской православной іерархіи и духовенства съ казаками, можно думать, что митрополитъ Іовъ Борецкій ко времени предсеймоваго іюльскаго Житомірскаго сеймика 1621 года созвалъ въ Житомиръ церковный соборъ для совмѣстнаго съ шляхтою обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ о церковной жизни. Самымъ важнымъ изъ этихъ вопросовъ былъ и теперь, несомнѣнно, вопросъ о правительственномъ признаніи новопосвященной западно-русской православной іерархіи. Можно, на основаніи косвенныхъ свидѣтельствъ, предполагать, что на Житомірскомъ соборѣ обсуждался, въ частности, вопросъ о выступленіи на предстоявшемъ сеймѣ съ ходатайствомъ объ утвержденіи правъ новопоставленной іерархіи и что, по совѣту шляхты, на соборѣ было рѣшено, въ виду крайне тяжелаго состоянія государства, въ виду угрожавшей ему великой опасности, въ виду военныхъ бѣдствій, не поднимать на предстоявшемъ сеймѣ вопроса о церковныхъ дѣлахъ 581).

„Совѣтованіе о благочестіи“—Кіевскій церковный соборъ времени митрополита Іова Борецкаго. Два описанныхъ выше собора времени митрополита Іова Борецкаго были посвящены вопросу о мѣрахъ воздѣйствія на польско-литовское правительство для востановленія правъ православной церкви, нарушенныхъ имъ съ введеніемъ уніи. „Совѣтованіе о благочестіи“ было посвящено *вопросамъ внутренняго церковнаго устройства и управленія и преимущественно—вопросамъ пасторологическаго характера.* Относительно времени этого собора извѣстно, что онъ состоялся послѣ Хотинской битвы 1621 года. Повидимому данный соборъ происходилъ въ томъ же 1621 году 582). Мѣстомъ собора былъ Кіевъ. Составъ собора точно неизвѣстенъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на этомъ соборѣ были митрополитъ, священники и иноки. Содержаніе соборныхъ постановленій даетъ право утверждать, что на соборѣ, кромѣ митрополита, были и другіе западно-русскіе право-

славные іерархи. Такъ нужно думать потому, что соборъ дѣлаетъ постановленія объ отношеніи высшаго духовенства къ низшему. Принимая во вниманіе высокое настроеніе современныхъ собору западно-русскихъ пастырей, естественно предполагать, что въ отсутствіи своихъ епископовъ они не рѣшились бы вырабатывать постановленія, регламентирующія дѣятельность послѣднихъ. Трудно также допустить, чтобы на этомъ соборѣ не было представителей Кіевскаго Богоявленскаго братства [583]).

Основнымъ вопросомъ, обсуждавшимся на этомъ соборѣ, былъ вопросъ о томъ, какъ „заховати и ростити въ народѣ россійскомъ вѣру и догматы церкви всходной". Главнымъ условіемъ этого соборъ призналъ *сохраненіе православной іерархіи и ея нормальную дѣятельность*.

24 постановленія разсматриваемаго собора излагаютъ мысли о сущности мѣрахъ и принципахъ пастырскаго воздѣйствія на жизнь, о мѣрахъ, необходимыхъ для сохраненія іерархіи и о способахъ приближенія ея пастырской дѣятельности къ православному идеалу пастырской дѣятельности вообще.

Сущность пастырства и основную мѣру пастырскаго воздѣйствія на жизнь соборъ опредѣляетъ какъ „привлеченіе пастырями Бога и людей достойнымъ хожденіемъ предъ Богомъ и предъ людьми." [584]). Христіанизующее воздѣйствіе на жизнь—вотъ сущность пастырства, по мысли собора. Нравственный характеръ этого воздѣйствія съ особенною настойчивостью подчеркивается соборомъ, подчеркивается уже въ приведенномъ выраженіи о „привлеченіи Бога и людей достойнымъ хожденіемъ предъ Богомъ и людьми". По смыслу этого выраженія, основною мѣрою пастырскаго воздѣйствія на жизнь пасомыхъ должна быть чистая, достойная жизнь пастырей, иначе говоря воспитывающее—вліяніе примѣра жизни пастырей.

Соборомъ указываются слѣдующія принципы, осуществленіемъ которыхъ пастырскому воздѣйствію можетъ быть сообщена желательная нравственная сила. Это—„очищеніе себя отъ грѣховъ, искорененіе ихъ и насажденіе добрыхъ дѣлъ чрезъ соблюденіе заповѣдей Божіихъ" [585]). Отрицательный примѣръ пастырства соборомъ указывается въ дѣятельности епископовъ—уніатовъ. Нравствен-

ный характеръ пастырскаго воздѣйствія, по мысли соборныхъ постановленій, долженъ выражаться также въ томъ, чтобы церковно-іерархическія лица не гнушились выслушивать совѣты своихъ подчиненныхъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ церковнаго управленія. „Не гнѣваться на младшихъ, постановилъ соборъ, и нисшихъ степенью, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что нибудь напомнили, или отъ отъ чего предостерегали; напротивъ, позволять имъ сіе дѣлать“ (начальныя слова 20 постановленія). Устанавливаемый этими словами принципъ взаимоотношенія высшихъ и нисшихъ церковно-іерархическихъ лицъ обосновывается соборомъ (дальнѣйшія слова того же 20 постановленія). Обоснованіе этого принципа ведется двумя путями: положительнымъ (церковно-историческіе примѣры и другія данныя изъ преданія) и отрицательнымъ (критика католическаго принципа папскаго абсолютизма). Примѣры, указываемые разсматриваемымъ правиломъ таковы: а) примѣръ вселенскихъ патріарховъ, у которыхъ въ каталогѣ патріаршихъ сановниковъ положена особая должность „ὑπομίμνημος“, „чтобы тайно напоминать святителю“, б) повелѣніе св. Василія Великаго „напоминать настоятелю“ (монашеское правило), в) примѣръ Іосифа, „который наставлялъ своего зятя Моисея“, г) примѣръ Соломона, который „пользовался совѣтами Хирама при сооруженіи храма“, д) примѣръ Маріи Египетской, которая „чрезъ Засиму напомянула игумену и предостерегла его“ и, наконецъ, е) примѣръ преподобнго Іоанникія, который напомянулъ патріарху Меѳодію, говоря, чтобы еретиками гнушались, а между собою жили въ согласіи и любви“. Кромѣ примѣровъ, подтверждающихъ необходимость общенія іерарховъ „съ низшими себе“ въ дѣлахъ церковнаго управленія, разсматриваемое соборное правило основывается на свидѣтельствѣ „Божественныхъ словесъ“. Такихъ свидѣтельствъ приводится два: а) слова Апостола— „аще ли иному откроется сѣдящу, первый да молчитъ“, б) слова Ангеловъ о томъ, что „Богъ уставилъ людямъ исправлять людей“. Устанавливаемый разсматриваемымъ правиломъ принципъ обосновывается не только положительно, но и путемъ критики противоположнаго принципа, характеризующаго церковную жизнь католичества. Разсма-

триваемымъ правиломъ осуждается „безбожное папское правило“, „что хотя бы папа тму людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: стой, что ты дѣлаешь“[586]). *Практическимъ выводомъ* по отношенію къ церковному устройству, вытекающимъ изъ 20 правила разсматриваемаго собора, является *мысль 12 правила* этого собора—мысль о необходимости „учреждать сообразно съ церковными правилами свои соборы“ [587]).

Принципіальный пасторологическій и церковно-юридическій тезисы, выраженные въ 20 и 12 правилахъ „Совѣтованія о благочестіи“ раскрываются въ остальныхъ правилахъ „Совѣтованія“. Въ нихъ можно намѣтить слѣдующія три самостоятельныя группы: а) постановленія, касающіяся личныхъ нравственныхъ качествъ пастырей, б) постановленія о мѣрахъ пастырскаго нравственнаго воздѣйствія, необходимыхъ для усиленія воспитывающаго воздѣйствія, оказываемаго примѣромъ жизни пастырей, и в) постановленія о мѣрахъ, необходимыхъ для сохраненія іерархіи и совершенствованія ея дѣятельности. Важнѣйшія правила первой группы: 1-4, 7-9, 11 и 24, второй группы—правила 5, 6, 12, 13, 16, а третьей группы—12 и 22.

„Совѣтованіе“ отмѣчаетъ слѣдующія *качества,* необходимыя для пастырей церкви: незлобіе (правила 1 и 8), цѣломудріе (правило 2), постоянство молитвеннаго подвига и поста (правило 3), преданность православной вѣрѣ (правило 4), прилежаніе въ изученіи церковныхъ догматовъ (правило 24), готовность къ исповѣдничеству, мученичеству за православіе (правило 11) и покаянное настроеніе (правило 7), скромность въ одеждѣ и „поѣздѣ“, по правилу 7 вс. собора. [588]).

Мѣры пастырскаго нравственнаго личнаго и организованнаго воздѣйствія на жизнь, отмѣчаемыя „Совѣтованіемъ, таковы: пастырскія визитаціи епископовъ—посѣщеніе ими городовъ своей епархіи и домовъ своихъ пасомыхъ (правило 5), проповѣдническія путешествія образованныхъ и способныхъ къ церковному учительству „учениковъ“ епископскихъ по городамъ (правило 5), обязательная проповѣдь въ церкви каждое воскресенье, (правило 13), школы (правило 6), братства (правило 16), полемическая литература (правило 12).

„Совѣтованіе“ указываетъ и мѣры, необходимыя для сохраненія православной іерархіи и совершенствованія ея дѣятельности. Эти мѣры таковы: подготовка достойныхъ кандидатовъ священства и правильное ихъ избраніе (запрещеніе епископамъ назначать себѣ преемниковъ), обращеніе къ восточнымъ патріархомъ за помощью въ дѣлахъ церковныхъ и приглашеніе съ Аѳона въ Западную Русь „преподобныхъ мужей Русскихъ и въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна прозваніемъ Вишенскаго и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и благочестіемъ и посылать на Аѳонъ, какъ въ школу духовную, другихъ лицъ, расположенныхъ къ добродѣтельной жизни (правило 22), открытіе новыхъ епархій (постановленіе объ учрежденіи епископской каѳедры въ Черкасахъ).

Церковная жизнь Западной Руси времени разсматриваемаго собора не отличается обиліемъ историческихъ свѣдѣній, сохранившихся для науки. Поэтому трудно установить историческіе результаты названнаго собора, какъ невозможно установить и ходъ дѣятельности самаго собора. Отрывочныя упоминанія о немъ въ западно-русской полемической литературѣ 17 вѣка показываютъ, что объ этомъ соборѣ знали враги православія и боялись вліянія вынесенныхъ на этомъ соборѣ постановленій [589]). Содержаніе соборнаго „совѣтованія“ о благочестіи—православіи —глубокая идеологія православнаго пастырства, какъ важнѣйшаго орудія христіанизаціи жизни въ духѣ православія, призывъ къ „возвращенію“ православія, къ мученичеству за него, если бы жизнь потребовала этого, призывъ къ церковному единенію православной высшей іерархіи съ низшею и съ „низшими“ вообще, т. е. мірянами, призывъ къ свѣту богословскаго знанія, къ школьному просвѣщенію, къ полемической литературной дѣятельности, къ апостольскимъ проповѣдническимъ путешествіямъ іерарховъ и ихъ представителей, призывъ къ живому единенію западно-русской православной церкви съ православнымъ востокомъ и, въ частности, съ Аѳонскою горою, все это не могло пройти безслѣдно въ исторіи западно-русской православной церкви, устанавливая глубоко-цѣнныя, забытыя въ предуніонную эпоху многими членами западно-русской церкви, начала и формы церковной жизни.

И можно сказать съ полной увѣренностью, на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ, что эти начала и формы *получили* практическое осуществленіе въ послѣдующей исторіи Западной Руси. Святой священномученикъ Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ Берестейскій, принявшій мученическую кончину за православную вѣру буквально осуществилъ *призывъ разсматриваемаго собора къ мученичеству* за православіе [590]). Среди страшныхъ испытаній, подъ ужасными ударами гонителей, *путемъ мученичества* шелъ послѣ разсматриваемаго собора, не годъ и не десятилѣтія, а цѣлые вѣка и весь православный западно-русскій народъ [591]). Не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и призывъ „Совѣтованія“ къ содѣйствію школьному церковному дѣлу. Гетманъ Петръ Конашевичъ—Сагайдачный, скончавшійся въ 1622 году, въ своемъ завѣщаніи удѣляетъ не мало вниманія Кіевской братской школѣ, впослѣдствіи выросшей въ знаменитую, первую на Руси высшую школу, Академію, [одаряя ее щедрою матеріальною жертвою [592]). Это типичный фактъ. Любовь къ этой школѣ, любовь къ церковной школѣ вообще не умирала и впослѣдствіи въ православной Западной Руси [593]). Постановленіе „Совѣтованія“ о старцахъ Кипріанѣ и Іоаннѣ—выраженіе заботы о западно-русскомъ православномъ монашествѣ попреимуществу. Духъ св. Аѳонской горы, видимъ, живетъ въ западно-русскихъ православныхъ монастыряхъ послѣдующаго времени, давшихъ преподобнаго Іова Почаевскаго, Святителя Ѳеодосія Черниговскаго (оба—участники послѣдующихъ соборовъ), Святителя Димитрія Ростовскаго, Святителя Іоасафа Бѣлгородскаго и др. „Совѣтованіе“ призываетъ къ полемической литературной дѣятельности на защиту православія. Уже сами его авторы—митрополитъ Іовъ Борецкій и православные западно-русскіе іерархи были въ то же время и авторами полемическихъ сочиненій, появившихся почти одновременно съ разсматриваемымъ соборомъ, какъ напримѣръ „Протестація и благочестивая юстификація. Впослѣдствіи появляется множество крупныхъ и мелкихъ православныхъ западно-русскихъ полемическихъ сочиненій, какъ напримѣръ „Палинодія“, „Лиѳосъ“ [594]) и мн. др. „Епископы должны проповѣдывать правую вѣру и покаяніе, обходя домы и навѣщая жилища благородныхъ. Также

посылать и учениковъ своихъ способныхъ учить въ церквахъ, подобно Апостоламъ обходить города, которые ихъ избрали, а не въ суетѣ и праздности провождать дни свои“ (5 прав.). Эти слова „Совѣтованія“, несомнѣнно, нашли яркое отраженіе въ жизни западно-русской православной церкви послѣдующаго времени, давшей цѣлый сонмъ архипастырей, пастырей и мірянъ, усердно и плодотворно потрудившихся на нивѣ проповѣдничества [595]). Исполнялись и другія постановленія разсматриваемаго собора, въ томъ числѣ и постановленіе о созывѣ церковныхъ соборовъ. Если невозможно установить непосредственную генетическую связь историческаго осуществленія идей „Совѣтованія“ съ самымъ фактомъ его соборнаго изданія, то во всякомъ случаѣ, нѣтъ ровно никакихъ основаній отрицать идейную преемственность соборныхъ постановленій, выраженныхъ въ „Совѣтованіи“, и соотвѣтствующихъ имъ послѣдующихъ фактовъ изъ исторіи православной западно-русской церкви.

И.

Областные соборы времени уніонной попытки Мелетія Смотрицкаго.

Въ двадцатыхъ годахъ 17 вѣка въ западно-русской православной церкви происходилъ рядъ областныхъ соборовъ „о справахъ церковныхъ“. Соборы эти, описываемые ниже, находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ, современнымъ имъ, уніоннымъ теченіемъ въ Западной Руси, душою котораго былъ Мелетій Смотрицкій, сначала православный Полоцкій архіепископъ, а потомъ отступникъ, отрекшійся отъ православія и перешедшій въ унію

Дѣятельностью латино-уніонной партіи при митрополитахъ—уніатахъ Михаилѣ Рагозѣ, Ипатіи Потеѣ и Рутскомъ было достигнуто осуществленіе заключительной части іезуитскаго уніоннаго плана, постепенно раскрывавшагося съ начала второй половины 16 вѣка, плана іерархической уніи и ея насильственнаго насажденія. До Берестейскаго собора 1596 года этотъ планъ постепенно уяснялся, постепенно формировался и постепенно подготовлялось его осуществленіе. Это была эпоха подготовки уніи. На Берестейскомъ уніатскомъ соборѣ 1596 года унія была

оффиціально провозглашена и началась съ этого времени новая эпоха, эпоха ожесточеннаго насильственнаго введенія уніи. Уже въ началѣ этой эпохи, въ первой четверти 17 вѣка, для уніонныхъ дѣятелей въ Западной Руси стало ясно, что важнѣйшая цѣль, къ которой стремились организаторы уніи, не достигнута. Политическіе дѣятели польско-литовскаго государства, во главѣ съ королемъ, содѣйствуя уніи, стремились къ укрѣпленію государственнаго единства. Уже въ первой четверти 17 вѣка нельзя было не видѣть этимъ дѣятелямъ, что унія вела къ противоположной цѣли. Политическій гнетъ, составляющій отличительную особенность введенія уніи въ Западной Руси, затронулъ глубочайшую и ранѣе почти неприкосновенную область правоотношеній членовъ польско-литовскаго государства—область религіозную. Этимъ безконечно осложнились задачи политической партійной борьбы. Внутренній, нравственный характеръ религіозныхъ переживаній сообщилъ этой борьбѣ крайнюю напряженность и широкое распространеніе. „Унія проклятая такъ потурбовала панство тое спокойное, говоритъ одинъ изъ современниковъ разсматриваемой эпохи—св. Аѳанасій Филипповичъ, же не тылко въ краинахъ, въ князствахъ, въ повѣтахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ, и въ селахъ мѣщанъ зъ мѣщанами, жолнеровъ зъ жолнерами, (бо и зъ козаками внутренняя непотребная война о томъ была), пановъ зъ подданными, родичовъ зъ дѣтками, а и духовныхъ зъ духовными, на остатокъ монаховъ зъ монахами—до гнѣву непогомованнаго (неукротимаго) приводила, приводитъ и нещастливѣ разжариваетъ“ [596]). Такимъ образомъ, унія, вмѣсто укрѣпленія политическаго единства Польши, создала крайнее раздѣленіе среди подчиненнаго ей западно-русскаго народа, не говоря уже о крайне обострившихся подъ вліяніемъ уніи отношеній между послѣднимъ и пригнетавшимъ его уніей польскимъ народомъ. Это раздѣленіе начало упорно подтачивать внутреннюю жизнь польско-литовскаго государства, „турбовать“ея спокойное теченіе, ослаблять вмѣстѣ съ тѣмъ и военную мощь Польши и Литвы. Въ первой четверти 17 вѣка польско-литовское государство нѣсколько разъ оказывалось въ самомъ критическомъ положеніи. Въ такомъ положеніи оно было, напримѣръ, предъ Хотинскою

битвой. Въ этомъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ крайне пагубно сказывалось внутреннее разложеніе государства, вызванное уніей. И если въ виду внѣшней опасности это раздѣленіе сглаживалось, то сглаживалось временно, подъ условіемъ уклона правительства къ возстановленію „старожитныхъ правъ“ церкви православной.

Такое положеніе вещей съ несомнѣнностью утверждало въ сознаніи уніонныхъ дѣятелей увѣренность въ томъ, что планъ насильственнаго введенія уніи неосуществимъ въ его прежней конструкціи, что необходимо измѣненіе этого плана. Стойкая борьба православныхъ западно-руссовъ съ ренгатствующимъ епископатомъ закончилась возстановленіемъ православной іерархіи Іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ. Попытки преслѣдованія новопоставленныхъ іерарховъ гражданскими мѣрами встрѣтили сильное противодѣйствіе казаковъ и потерпѣли крушеніе. Такимъ образомъ парализовалось исключительное значеніе уніатской западно-русской іерархіи и стало невозможнымъ осуществленіе основного пункта плана іерархической уніи. Въ силу этого во второй четверти 17 вѣка совершилась трансформація уніоннаго плана. Если раньше существенною чертою уніоннаго плана было насильственное обращеніе въ унію всей епархіи владыки—апостата, то теперь характерной чертою уніоннаго плана становится стремленіе къ *соглашенію* православныхъ съ уніатами по тѣмъ вопросамъ, которые неодинаково рѣшаются католическою и православною церквами. По сравненію съ прежнимъ новый уніонный планъ (попытки соглашенія) представляется компромиссомъ, на который латино-уніонная партія должна была пойти подъ вліяніемъ стойкаго противодѣйствія защитниковъ православія, но компромиссомъ тактическимъ, за которымъ скрывалась все та же тенденція—подчиненіе православной западно-русской церкви латинской церкви. Новый уніонный планъ встрѣтилъ сочувствіе среди нѣкоторыхъ православныхъ западно-руссовъ. „Изнуренные продолжительною борьбою съ латинянами и уніатами, на сторонѣ которыхъ было правительство, до крайности стѣсненные въ своихъ правахъ, всюду терпя обиды и униженія,—нѣкоторые представители православной южно-русской церкви,

изыскивая средства къ улучшенію своего положенія, одною изъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ тому признавали сближеніе съ уніатами, склоняясь къ почетному главенству папы, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы оно не повлекло за собою въ православное исповѣданіе латинскихъ особенностей“ [597]). Уніонныя стремленія воплотившіяся въ форму попытокъ соглашенія, получили особенно острый характеръ во время церковной дѣятельности двухъ слѣдующихъ лицъ: Архіепископа Мелетія Смотрицкаго и епископа Іосифа Шумлянскаго [598]). Ко времени уніонной дѣятельности перваго относятся нѣсколько подлежащихъ нашему разсмотрѣнію соборовъ.

Предпринятыя имъ попытки соглашенія относятся къ 1627—1629 годамъ. Историческими прецедентами его попытокъ соглашенія являются двѣ раннѣйшія попытки: одна—въ 1623 году, а другая—въ 1626 году. Первая попытка имѣла мѣсто на Варшавскомъ сеймѣ 1623 года. Она выразилась въ созваніи королемъ, по просьбѣ земскихъ депутатовъ особой комиссіи соглашенія изъ православныхъ и уніатовъ, въ предложеніи со стороны уніатовъ созвать общій церковный соборъ для соглашенія и, наконецъ, въ проектѣ соборнаго избранія особаго патріарха для православныхъ и уніатовъ. Всѣ эти уніатскія начинанія не имѣли успѣха вслѣдствіе несочувствія имъ со стороны православныхъ [599]). Вторая попытка имѣла мѣсто на Варшавскомъ сеймѣ 1626 года. Православные депутаты представили на этомъ сеймѣ просьбы отъ лица всѣхъ православныхъ западно-руссовъ—просьбы о возстановленіи правъ православной западно-русской церкви. Въ отвѣтной рѣчи депутатамъ король предложилъ православнымъ и уніатамъ собраться на синодъ и здѣсь братски обсудить способы взаимнаго соглашенія. Синодъ былъ назначенъ на 26 сентября 1626 года. Мѣстомъ его былъ назначенъ Кобринъ. „Православные, сначала было согласившіеся принять участіе въ совѣщаніяхъ съ латино-уніонною партіею, вскорѣ отказались отъ своего намѣренія“ и синодъ состоялся безъ ихъ участія [600]). Третьею попыткою соглашенія была уніонная дѣятельность Мелетія Смотрицкаго въ 1627—1629 годахъ.

Особенностью этой попытки является то обстоятельство,

что она создалась преимущественно внутренними теченіями въ православной западно-русской церкви. По сравненію съ этими внутренними теченіями вліяніе латино-уніонной партіи на ходъ событій, вызванныхъ этою попыткою, было гораздо менѣе сильнымъ. Къ разсматриваемому времени въ православной западно-русской церкви ясно опредѣлилось два противоположныхъ теченія по вопросу объ устройствѣ церковнаго управленія: одно—въ направленіи принципа централизаціи, а другое—въ направленіи принципа децентрализаціи. Естественно, что первое теченіе въ рѣшеніи вопроса о церковномъ устройствѣ внутренно примыкало къ католичеству, а второе находило ревностную поддержку въ православныхъ западно-русскихъ братствахъ и среди казаковъ-защитниковъ православія. Такимъ образомъ, независимо отъ внѣшняго вліянія латино-уніонной партіи, представители обоихъ теченій внутренно опредѣляли свое отношеніе къ уніи и къ попыткамъ соглашенія. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей централизаціоннаго теченія былъ архіепископъ Мелетій Смотрицкій. Къ нему примыкали митрополитъ Іовъ Борецкій, ректоръ Кіевской коллегіи Кассіанъ Саковичъ и выступавшій на поприще церковной дѣятельности будущій митрополитъ Петръ Могила. Представителями противоположнаго теченія были братства, особенно ставропигіальныя, и монастыри, напримѣръ Кіево-Печерская лавра во главѣ со своимъ архимандритомъ Захаріей Копыстенскимъ, а также западно-русское казачество [601]). Ближайшею задачею централизаціонной партіи было уничтоженіе привиллегій, которыми ставропигіальныя братства и монастыри освобождались отъ подчиненія епархіальнымъ архіереямъ [602]). Самой выдающейся мѣрой, примѣненной представителями централизаціоннаго теченія для достиженія этой цѣли было полученіе патріаршихъ граматъ (Мелетіемъ Смотрицкимъ во время его путешествія на Востокъ) объ отмѣнѣ вышеупомянутыхъ привиллегій братствъ [603]). Вслѣдствіе противодѣйствія братствъ эта мѣра оказалась недѣйствительною и новая грамата Константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса возстановила прежнія привиллегіи, уничтожавшіяся граматами полученными, Мелетіемъ [604]). Для разсматриваемой попытки соглашенія централизаціонное те-

ченіе имѣло двоякое значеніе: а) укрѣпляло католическій духъ въ главномъ ея дѣятелѣ Мелетіи Смотрицкомъ и б) идейно сближало послѣдняго съ выдающимися представителями православной западно-русской церковной власти.

Первымъ толчкомъ къ католичеству для Мелетія было его недовольство порядками, господствовавшими въ Виленскомъ братствѣ [605]). Подъ вліяніемъ этого недовольства начинаются его сношенія съ латино-уніонною партіею [606]). Но этотъ толчекъ былъ скоро парализованъ [607]). Дальнѣйшимъ моментомъ въ исторіи отступничества Мелетія были его богословскія сомнѣнія [608]). Затѣмъ слѣдуетъ его борьба съ братствами изъ за отмѣны ихъ привиллегій ставропигіи (поѣздка его на Востокъ) и, наконецъ, окончательное усвоеніе католическаго міровоззрѣнія и соборная уніонная дѣятельность—попытка соглашенія 1627—1629 годовъ [609]).

Въ названной попыткѣ выступаетъ три группы дѣятелей: а) латино-уніонная партія и въ ней уніатъ Смотрицкій, б) централизаціонная партія западно-русской православной іерархіи и в) широкія массы православнаго духовенства и мірянъ—западно-руссовъ. Объ уніонномъ планѣ Смотрицкаго сказано выше. Централизаціонная партія во время данной попытки соглашенія обнаружила дѣятельность двойственнаго характера. Сначала представители этой партіи примыкали къ уніоннымъ стремленіямъ Мелетія. Петръ Могила смотрѣлъ „на разности между церквами восточными и западными весьма снисходительно“, такъ что Мелетій возлагалъ на него большія надежды [610]). Митрополитъ Іовъ тоже былъ на сторонѣ соглашенія [611]). Оба эти лица допускали почетное главенство папы надъ западно-русскою православною церковію [612]). Ко времени областного Кіевскаго собора 1628 года воззрѣнія и дѣятельность названныхъ лицъ рѣзко измѣнилась въ направленіи антіуніонномъ [613]). Что касается широкихъ массъ православнаго западно-русскаго духовенства и мірянъ, то онѣ сначала не принимали никакого участія въ попыткѣ соглашенія, а потомъ, со времени Кіевскаго собора 1628 года, выступили съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ этой попыткѣ [614]).

Наряду съ внутренними теченіями въ православной западно-русской церкви, разсматриваемая попытка соглашенія въ своемъ

историческомъ ходѣ опредѣлялась и внѣшними вліяніями. Такое вліяніе оказывали, съ одной стороны, перечисленные выше историческіе прецеденты попытокъ соглашенія, а съ другой стороны —постоянное содѣйствіе латино-уніонной партіи настоящей попыткѣ соглашенія.

Областные соборы, относящіеся ко времени этой попытки, раздѣляются на двѣ группы: „*покутные*“ (Кіевскій 1627 года и Гродекскій 1628 года) и *открытые*—остальные, перечисляемые ниже, областные соборы даннаго времени. Первые имѣли положительное значеніе для соглашенія, а вторые—отрицательное. Первые создавались уніонными тенденціями централизаціонной партіи. Вторые—борьбой съ этими тенденціями, предпринятой защитниками православія.

Кіевскій соборъ 8 сентября 1627 года въ праздникъ Рождества Богородицы [615]). Изъ состава этого собора извѣстно только нѣсколько лицъ: митрополитъ Іовъ Борецкій, архіепископъ Мелетій Смотрицкій, Петръ Могила, въ то время еще непосвященный въ санъ архимандрита („еще человѣкъ свѣтскій“) [616]). „Иніе епископове на тотъ синодъ не прибыли“ [617]). Тѣмъ не менѣе, кромѣ перечисленныхъ, на соборѣ были другія лица, по свидѣтельству Смотрицкаго [618]). Иниціатива созванія собора принадлежала Смотрицкому [619]). Цѣлью собора было *выработать уніонный катихизисъ* [620]). Относительно хода соборныхъ засѣданій подробныхъ свѣдѣній не сохранилось. Извѣстны только самыя общія свѣдѣнія. Участники собора просили Мелетія Смотрицкаго по возможности скорѣе и „представить для цензуры церковникамъ“ составленный имъ катихизисъ, такъ какъ отсутствіе въ православной церкви краткой символической книги составляло существенный недостатокъ. Смотрицкій изъявилъ на это согласіе, но просилъ у собора позволенія предварительно издать свои разсужденія о разностяхъ между церквами восточною и западною. Это, по его словамъ, необходимо было для того, чтобы цензура катихизиса прошла легче и благополучнѣе. Присутствовавшіе на соборѣ согласились [621]).

Гродекскій соборъ 1628 года. Слѣдующій соборъ по вопросу о соглашеніи происходилъ „якобы полрока потымъ“—на шестой

недѣлѣ великаго поста въ 1628 году въ Гродекѣ на Волыни [622]). Въ началѣ февраля 1628 года Петръ Могила путешествовалъ въ Перемышльскій повѣтъ. На пути въ этотъ повѣтъ и обратно Могила видѣлся съ Мелетіемъ Смотрицкимъ „и есть основаніе предполагать, что тогда же, въ виду заявленій Смотрицкаго о необходимости совѣщаній по вопросу о соглашеніи съ уніатами, предположено было собраніе южно-русскихъ іерарховъ въ Гродекѣ“ [623]). На соборъ прибыли: митрополитъ Іовъ Борецкій, епископы: Луцкій Исаакій Борисковичъ и Холмскій Паисій Ипполитовичъ, Петръ Могила, „уже въ санѣ духовномъ“ и Мелтій Смотрицкій [624]). Относительно другихъ участниковъ этого собора свѣдѣній не сохранилось. Предметомъ соборныхъ сужденій были „церковныя духовныя справы“ [625]), именно—на соборѣ были разсмотрѣны шесть пунктовъ о разностяхъ между восточною и западною церквами. Эти пункты были представлены собору Смотрицкимъ (по постановленію предшествующаго собора). Въ представленныхъ разсужденіяхъ Смотрицкій останавливалъ вниманіе собора на четырехъ католическихъ догматахъ: объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о чистилищѣ, о полномъ блаженствѣ праведныхъ по разлученіи души съ тѣломъ и о главенствѣ папы, и на двухъ литургическихъ особенностяхъ: объ опрѣснокахъ и о причащеніи мірянъ подъ двумя видами. Всѣ разсужденія Смотрицкаго представляютъ полную апологію латинства. Въ обоснованіи Смотрицкимъ перечисленныхъ католическихъ догматическихъ и литургическихъ особенностей можно отмѣтить два момента: съ одной стороны, онъ доказываетъ ихъ состоятельность ссылками на ученіе древней восточной церкви (до раздѣленія церквей), когда они будто бы были предметомъ общецерковнаго ученія и потому ихъ нельзя считать препятствіемъ куніи, съ другой стороны, Смотрицкій обосновываетъ право папъ дѣлать нововведенія въ церкви. Приводя примѣръ гражданской уніи Литвы съ Польшей, уніи состоявшей, въ признаніи верховной власти короля, Смотрицкій выводитъ изъ этого историческаго примѣра мысль о необходимости церковнаго подчиненія Западной Руси верховной церковной власти папы. Законность латинскихъ нововведеній въ церкви Смотрицкій обосновываетъ церковно-историческими при-

мѣрами: измѣненіями въ чинѣ Литургіи, произведенными свв. Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ, противорѣчивыми каноническими постановленіями о брачной жизни епископовъ и проч. Общій выводъ изъ всѣхъ разсужденій Смотрицкаго—необходимость уніи для православной церкви. Заключительный мотивъ, указываемый Смотрицкимъ—политическія выгоды отъ уніи 626). Участники собора признали доводы Мелетія Смотрицкаго „не безосновательными и порѣшили для всестороннаго обсужденія этого вопроса созвать новый помѣстный соборъ, пригласивъ на него представителей отъ всѣхъ сословій—духовнаго и свѣтскаго, шляхты и мѣщанъ“ 627). Кромѣ того, соборъ опредѣлилъ, чтобы Смотрицкій, для подготовки православнаго общества къ предстоявшему собору написалъ и опубликовалъ особое объявленіе, какъ о причинахъ созываемаго собора и его цѣляхъ, такъ и о разностяхъ между церковію восточною и западною, разностяхъ, которыя были признаны на соборѣ Гродекскомъ несущественными. Цѣлью этого объявленія было обезпечить спокойствіе и ясность соборнаго обсужденія 628).

Гродекскій соборъ точно установилъ цѣль предположеннаго областного собора. Такою цѣлью было „найти какой нибудь способъ, чтобы безъ нарушенія правъ и привиллегій вѣры православной создать единеніе Руси съ Русью, т. е. неунитовъ съ унитами“ 629). Гродекскій соборъ опредѣлилъ и способъ созванія предположеннаго собора. Именно: о соборѣ долженъ былъ „написать листы приватно“ митрополитъ Іовъ Борецкій 630).

Кіевскій соборъ 13-24 августа 1628 года. „Зъ монастыря Михайловскаго церкве златоверхое въ Кіевѣ, мѣсяца мая 26 дня 1628 року“ 631) митрополитъ Іовъ Борецкій, исполняя опредѣленіе Гродекскаго собора, издалъ пригласительную грамату на слѣдующій областной Кіевскій соборъ—15 августа 1628 года. Митрополитъ, отъ лица епископовъ, архимандритовъ, духовенства и мірянъ, „сколько при немъ найтися могло“, „запарашивалъ“ и „преписывалъ всѣмъ до вѣдомости“ и „вызвалъ повагою столицы митрополитанской“ явиться „до Кіева“ на соборъ „зо всѣхъ побожностей высшихъ духовныхъ и свѣцкихъ пановъ, шляхты и посполитыхъ зъ братствъ и зъ повѣтовъ избранныхъ мужей“ 632).

Приглашая своихъ пасомыхъ на соборъ, митрополитъ дѣйствовалъ самостоятельно, не имѣя полномочій отъ польско-литовскаго правительства. Внѣшнія по отношенію къ православной церкви историческія событія придали легальный характеръ предположенному собору, создали для него законную причину. Въ половинѣ іюля 1628 года въ Варшавѣ былъ коронный вальный сеймъ [633]). Вопросъ о возстановленіи правъ западно-русской православной церкви не былъ рѣшенъ, не смотря на то, что шестнадцатая конституція предшествовавшаго сейма (въ ноябрѣ 1627 года) относитъ этотъ вопросъ „къ другому сейму въ рецесъ“ [634]). Тѣмъ не менѣе, по частному поводу, сеймъ въ своихъ конституціяхъ коснулся жизни православной западно-русской церкви. Въ сеймовомъ „универсалѣ поборовомъ“, распредѣлявшемъ денежный сборъ на военныя нужды, находится такое постановленіе, касающееся „неунитовъ“: „А што ся тычетъ духовныхъ Русскихъ и не унитовъ, теды ся маютъ передъ сеймомъ пришлымъ знести зъ собою, абы прикладомъ Духовенства нашего и уніатовъ ведлугъ здолности тежъ приложилися до ратунку теперешняго Речи Посполитой“ [635]). Это постановленіе, изложенное въ поборовомъ универсалѣ 1628 года, имѣло весьма важное значеніе для исторіи Кіевскаго собора 1628 года. Именно, оно давало оффиціальное правительственное разрѣшеніе на созывъ собора. Воспользовался ли митрополитъ Іовъ этимъ разрѣшеніемъ при созывѣ собора? Конституціи Варшавскаго сейма 1628 года датированы 18 іюля того же года, а пригласительная вышеупомянутая митрополичья грамата издана 26 мая этого года [636]). Слѣдовательно эта грамата, или точнѣе, по выраженію Смотрицкаго „приватный листъ“ былъ изданъ независимо отъ королевскаго или сеймового разрѣшенія на созывъ собора. Есть основаніе думать, что митрополитъ Іовъ, „зъ конституціи преплаго сейму взявши вѣдомость о воли и росказаню его королевской милости“, *повторилъ* свое приглашеніе на соборъ, извѣстивши о новой цѣли собора—рѣшеніи вопроса объ участіи православнаго духовенства въ военномъ налогѣ. Это предположеніе подтверждается свидѣтельствомъ „Аполліи апологіи“, гдѣ говорится, что митрополитъ

„далъ знать“ и „остерегъ“ всѣхъ владыкъ и духовенство о новой цѣли собора [637]).

Кромѣ первоначальной своей уніонной цѣли и присоединившейся къ ней цѣли государственнаго характера, разсматриваемый соборъ съ теченіемъ времени получилъ еще новую цѣль, діаметрально противоположную первой. Гродекскій соборъ 1628 года поручилъ Мелетію Смотрицкому подготовить православное общество къ соборному обсужденію проекта соглашенія, описать и опубликовать причины и цѣли предстоявшаго собора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гродекскій соборъ выразилъ свою солидарность со взглядами Смотрицкаго на догматическія и обрядовыя особенности католической церкви. Такимъ образомъ, участники Гродекскаго собора показали себя сторонниками идеи соглашенія православныхъ съ уніатами. Это побуждало Мелетія дѣйствовать рѣшительнѣе, осуществляя намѣченный имъ уніонный планъ. Поэтому, возвратившись съ Гродекскаго собора въ Дерманскій монастырь (постоянное мѣстопребываніе Мелетія), Мелетій Смотрицкій принялся не за составленіе объявленія о причинахъ предположеннаго собора, а за окончаніе ранѣе начатаго обширнаго сочиненія—„Апологіи своего странствованія на Востокъ“ [638]). Если разсужденія Мелетія о шести латинскихъ особенностяхъ, предложенныя имъ Гродекскому собору, представляютъ собою оправданіе латинства, то „Апологія“ является горячимъ обвиненіемъ православной—греко-восточной церкви въ различныхъ противолатинскихъ „ересяхъ“ [639]). Корень всѣхъ этихъ ересей Смотрицкій видитъ въ раздорѣ православной церкви съ латинскою церковью и призываетъ православныхъ къ уніи [640]). Окончивъ „Апологію“, Смотрицкій сдѣлалъ съ нея два списка и послалъ ихъ при письмахъ къ митрополиту Іову Борецкому и Петру Могилѣ для напечатанія [641]). Три недѣли онъ ждалъ появленія своей книги въ печати, а затѣмъ отослалъ рукопись „Апологіи“ въ Краковъ къ своему другу—уніату Кассіану Саковичу съ просьбой напечатать посланную рукопись на польскомъ языкѣ [642]). Ко времени открытія Кіевскаго собора 1628 года книга Смотрицкаго уже была извѣстна православному обществу и вызвала среди православныхъ бурю негодованія [643]). Когда впечатлѣніе, произведенное на пра-

вославныхъ книгою Смотрицкаго, стало извѣстно митрополиту Іову и Петру Могилѣ, они оба отказались отъ всякаго участія въ уніонной дѣятельности Смотрицкаго и начали подготовляться къ борьбѣ съ нимъ и съ его уніатскою книгою, къ борьбѣ съ ея идеями на предстоявшемъ соборѣ. Еще за долго до собора вызваны были въ Кіевъ два наиболѣе образованныхъ протоіерея изъ числа западнорусскаго православнаго духовенства: Корецкій протопопъ Лаврентій Зизаній, авторъ извѣстнаго „Большого катихизиса“ и Слуцкій протопопъ Андрей Мужиловскій. Они, подъ руководствомъ митрополита Іова и Петра Могилы, внимательно просмотрѣли „Апологію“, извлекли изъ нея ложныя мысли, противныя православію и свидѣтельствовавшія объ отступничествѣ Мелетія Смотрицкаго и изложили обвиненія противъ него въ 105 пунктахъ“ [644]). Такимъ образомъ, предположенный Кіевскій соборъ 1628 года получилъ новую *главную цѣль—судъ надъ Мелетіемъ Смотрицкимъ за отступничество.*

Въ составъ собора входили слѣдующіе іерархи: митрополитъ Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, архіепископъ Смоленской и Черниговскій, Исаакій Борисковичъ, епископъ Луцкій и Острожскій, Паисій Ипполитовичъ, епископъ Холмскій и Белзскій, Авраамій, епископъ Страгонскій, владыка Пинскій и Туровскій [645]). Кромѣ того, на соборѣ „бразо великая личба была“ „иншаго духовенства“ [646]). На одной изъ граматъ, изданныхъ разсматриваемымъ соборомъ [647]), послѣ архіерейскихъ подписей находятся подписи слѣдующихъ лицъ: Петра Могилы, архимандрита Печерскаго, Филоѳея Казаревича, Печерскаго намѣстника, Варлаама архимандрита Кронскаго и намѣстника „митропольи Кіевской“ („протъ монастырей княжества Литовскаго“). Тамъ же подписались слѣдующія лица: Ѳеодосій, „игуменъ скита и угорникъ, протъ монастырей воеводства Русскаго, Белзского и Подольскаго“, Іосифъ Бобриковичъ, намѣстникъ Виленскаго Св.-Духова монастыря и Ректоръ, Комментарій, игуменъ Межигорскій, Тарасій Земка, игуменъ Братскаго Кіевскаго Богоявленскаго монастыря, Софроній, игуменъ Кирилловскаго монастыря въ Кіевѣ, Серапіонъ, игуменъ монастыря Николы Пустынскаго Кіевскаго, Гедеонъ, игуменъ Минскій, іеромонахъ Іоаннъ (въ схимѣ Іовъ—преподобный Іовъ

Почаевскій) Желѣзо, игуменъ Почаевскій, Кириллъ, игуменъ Любартовскій, Игнатій игуменъ Тригорскій, Іоасафъ, игуменъ Бережанскій. Изъ іеромонаховъ и старцевъ, присутствовавшихъ на соборѣ, кромѣ вышеупонянутаго преподобнаго Іова Почаевскаго, наиболѣе выдающимися являются Печерскій старецъ Памва Берында и Іоиль Трупевичъ. Изъ бѣлаго духовенства на соборѣ были: „Климентій протопопа Кіевскій со всею капитулою Кіевскою", два выдающихся ревнителя православія—вышеупомянутые протопопы Андрей Мужиловскій и Лаврентій Зизаній Тустановскій, а также другіе протопопы Острожскій, Дубенскій, Чудновскій, Копыльскій, Шкловскій и много священниковъ [648]). Что касается представителей отъ братствъ и повѣтовъ, то относительно ихъ присутствія на соборѣ не сохранилось опредѣленныхъ свидѣтельствъ, кромѣ упоминанія о свѣтскихъ панахъ, шляхтѣ и поспольствѣ въ пригласительной граматѣ митрополита Іова отъ 26 мая 1628 года, а также свидѣтельства „Аполліи" о томъ, что на разсматриваемомъ соборѣ было „свѣтскихъ персонъ не мало зо всѣхъ сторонъ и краевъ" [649]).

Соборъ открылся ранѣе назначеннаго срока (т. е. ранѣе 15 августа)—13 августа утромъ въ Кіево-Печерской лаврѣ [650]). Предсѣдательствовалъ митрополитъ Іовъ. Непосредственно послѣ открытія собора началось чтеніе обвинительнаго акта противъ Мелетія Смотрицкаго, акта, изложеннаго въ 105 пунктахъ протопопами Мужиловскимъ и Зизаніемъ [651]). „Когда чтеніе обвинительнаго акта окончилось, митрополитъ отъ лица епископовъ объявилъ, что они вполнѣ раздѣляютъ эти обвиненія; тоже заявлено было протоіереемъ Зизаніемъ отъ лица пресвитеровъ" [652]). Около полудня прибылъ въ Кіевъ Мелетій и направился въ Печерскую Лавру къ архимандриту Петру Могилѣ. Но слуга архимандрита объявилъ Мелетію, что ему не позволено останавливаться здѣсь и предложилъ ѣхать въ Михайловскій монастырь. Здѣсь Мелетій былъ принятъ съ честью, подобающею архіерею [653]). Почти тотчасъ по прибытіи Мелетія въ Михайловскій монастырь къ нему были присланы отъ собора четыре пресвитера, во главѣ съ протопопомъ Андреемъ Мужиловскимъ. Послѣдній отъ лица собора спросилъ Смотрицкаго, держится ли онъ своей „Апологіи",

или нѣтъ? Мелетій сначала отказался отъ объясненій и выразилъ желаніе лично явиться на соборъ. Тогда депутація объявила Мелетію о соборномъ осужденіи его „Апологіи“ и о томъ, что онъ не будетъ допущенъ на соборъ, пока не откажется отъ своихъ заблужденій, содержащихся въ „Апологіи“. Мелетій не отказался отъ „Апологіи“. Увѣщанія и требованія посланныхъ соборомъ пресвитеровъ не оказали вліянія на Мелетія [654]). „Посланные отъ собора, писалъ впослѣдствіи Мелетій, не поколебали моихъ убѣжденій и ушли съ отвѣтомъ, что я, при помощи Божіей, не откажусь отъ своего православнаго сочиненія“ [655]).

Когда распространилась вѣсть о томъ, что Смотрицкій не хочетъ отказаться отъ „Апологіи“, враждебныя отношенія къ нему среди православныхъ увеличились. Начали высказываться угрозы [656]). Рано утромъ 14 августа Мелетій написалъ митрополиту письмо съ жалобою на худой пріемъ, какой ему оказали въ Кіевѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ письмѣ Смотрицкій оправдывалъ свою „Апологію“ [657]). Отвѣта на это письмо Мелетій не получилъ [658]). Между тѣмъ ему угрожала опасность со стороны казаковъ, которые окружили Михайловскій монастырь и порѣшили умертвить Смотрицкаго, если соборъ уличитъ его въ уніатствѣ [659]). Бѣжать изъ Кіева Мелетій не могъ. Оставалось подчиниться рѣшенію собора. О своемъ согласіи подчиниться этому рѣшенію Мелетій и написалъ митрополиту Іову Борецкому во второмъ своемъ письмѣ [660]). Письмо было прочитано на соборѣ. Видя покорность Мелетія, нѣкоторые изъ участниковъ собора предложили допустить автора „Апологіи“ къ участію въ соборныхъ совѣщаніяхъ. Большинство, во главѣ съ митрополитомъ, отклонило это предложеніе. Рѣшено было потребовать формальнаго отреченія Мелетія отъ высказанныхъ имъ въ „Апологіи“ заблужденій, потребовать отъ него публичнаго покаянія въ этихъ заблужденіяхъ [661]). Соборъ отправилъ новую депутацію къ Мелетію. Въ составъ депутаціи вошли митрополитъ, три епископа и нѣсколько лицъ изъ бѣлаго духовенства [662]). Не задолго до прибытія, къ Мелетію явились два казака и сказали ему отъ лица всего казачества, длинную рѣчь, заканчивающуюся такими словами: „Мы пріобрѣли эту святыню (православіе) нашею кровью, хотимъ и

запечатлѣть ее или собственною кровью, или кровью тѣхъ, которые бы стали пренебрегать ею или отступать отъ нея“ [663]).

Депутація, посланная соборомъ прибыла въ Михайловскій монастырь послѣ полудня и направилась въ церковь. Увидя это, Мелетій поспѣшилъ туда же. Здѣсь, послѣ молитвы, митрополитъ началъ обличать заблужденія Мелетія. Мелетій началъ оправдываться. Изъ церкви депутація и Мелетій перешли въ митрополитанскіе покои. Здѣсь были опредѣленно указаны заблужденія Мелетія и предложены тѣ условія, на которыхъ онъ будетъ допущенъ къ соборнымъ совѣщаніямъ. Мелетію было предложено отказаться отъ „Апологіи“, дать обѣщаніе никогда впредь не возмущать церкви и не отступать отъ нея и, кромѣ того, остаться въ Кіевѣ. Къ вечеру депутація уѣхала въ Лавру, а Мелетію была прислана для подписи готовая формула отреченія [664]). Мелетій передѣлалъ формулу отреченія и безъ подписи отослалъ ее въ Лавру, а самъ отправился туда же ко всенощной. Здѣсь въ алтарѣ лаврской церкви Мелетій подписалъ отреченіе [665]).

15 августа, въ день лаврскаго храмового праздника, на литургіи, въ присутствіи собора, происходило публичное торжественное раскаяніе Мелетія. „Послѣ прочтенія Евангелія, Виленскій намѣстникъ Смотрицкаго Іосифъ Бобриковичъ взошелъ на амвонъ. Всѣ служащіе духовные, въ томъ числѣ и Смотрицкій, вышли изъ алтаря и стали вокругъ амвона. Петръ Могила раздалъ каждому епископу по свѣчѣ и по листу „Апологіи“. Воцарилась полная тишина и Бобриковичъ началъ читать подписанный наканунѣ Мелетіемъ актъ отреченія“ [666]). Въ актѣ отреченія Смотрицкій приписывалъ большую часть высказанныхъ въ „Апологіи“ заблужденій ея издателю Кассіану Саковичу и отрекался отъ нея. Прочитавъ актъ отреченія, Бобриковичъ взялъ поданный ему печатный листъ „Апологіи“, разорвалъ его и топталъ ногами. Затѣмъ Смотрицкому былъ предложенъ вопросъ: чего онъ держится — акта отреченія, или „Апологіи“? Смотрицкій еще разъ отрекся отъ своего сочиненія. Тогда взошли на каѳедру митрополитъ Іовъ и Луцкій епископъ Исаакій Борисковичъ. Митрополитъ, отъ лица всей православной церкви, торжественно проклялъ „Апологію“ и ея издателя Кассіана Саковича. Затѣмъ всѣ

присутствовавшіе на соборѣ іерархи, въ томъ числѣ и самъ Мелетій Смотрицкій, рвали, палили свѣчами и топтали ногами печатные листы „Апологіи“ [667]). „Процессія анаѳематствованія окончилась гашеніемъ владыками находившихся у нихъ свѣчъ, бывшихъ въ данномъ случаѣ символическимъ знакомъ того пекельнаго огня, которому современемъ будутъ подвергнуты ересіархи“ [668]).

Соборное засѣданіе 16 августа происходило при участіи Мелетія Смотрицкаго въ Михайловскомъ монастырѣ [669]). Если на предшествующихъ засѣданіяхъ цѣлью собора было осужденіе „Апологіи“, то теперь, когда эта наиболѣе острая нужда современной жизни западно-русской православной церкви была удовлетворена, соборъ обратился къ двумъ другимъ очереднымъ задачамъ: къ обсужденію вопросовъ о военномъ налогѣ и о соглашеніи съ уніатами. „Напервей трактовали“ о военномъ налогѣ [670]). Вопросъ состоялъ въ томъ, какъ распредѣлить налогъ и какъ собрать его съ православнаго духовенства. Рѣшеніе этого вопроса, естественно, не было доступно коронному сейму вслѣдствіе внѣ-законнаго положенія православной церкви въ польско-литовскомъ государствѣ съ 1596 по 1632 г. Православное духовенство въ Западной Руси въ этотъ періодъ времени „никакихъ добръ церковныхъ не держало“, а только носило „для душъ людскихъ пасенія титулъ працовитый безъ вшелякихъ доходовъ и пожитковъ“ [671]). Результатъ соборной „намовы“ по этому вопросу неизвѣстенъ. Извѣстно только, что было рѣшено соборное постановленіе по этому вопросу внести въ посольскія инструкціи „на пришлый сеймъ“ [672]).

Вопросъ о соглашеніи съ уніатами сталъ предметомъ соборныхъ сужденій далеко не въ той постановкѣ, какъ предполагалось при созывѣ собора. Осужденіе Смотрицкаго ясно показало, какъ отрицательно относятся православные западно-руссы къ попыткѣ соглашенія. Въ то же время уніонная дѣятельность Смотрицкаго бросала тѣнь и на митрополита и другихъ іерарховъ, съ которыми Смотрицкій находился въ добрыхъ отношеніяхъ до собора. Поэтому митрополитъ, отъ лица епископата и всей церковной власти, засвидѣтельствовалъ на соборѣ свою непричастность къ уніоннымъ замысламъ Смотрицкаго и свою неизмѣнную

преданность православію [673]). Рѣшеніе собора по двумъ послѣднимъ вопросамъ въ тотъ же день (16 августа) было внесено въ соборную грамату и подписано участниками собора [674]). „По написанью того листу“ и закончился „тотъ съѣздъ духовный“ [675]).

24 августа 1629 года происходило дополнительное соборное засѣданіе „митрополита зъ архіепископомъ (Исаіею Копинскимъ) и епископами, при немъ еще знайдучимися“ [676])—Исаакіемъ Луцкимъ, Паисіемъ Холмскимъ и Аврааміемъ Пинскимъ [677]). На этомъ собраніи было подтверждено соборное осужденіе „Апологіи“ въ виду появившихся слуховъ, будто бы послѣдняя осуждена не всѣмъ соборомъ, а „презъ нѣкоторыхъ пресвитеровъ“ [678]).

Соборнымъ осужденіемъ не была прекращена уніонная дѣятельность Мелетія Смотрицкаго подобно тому, какъ были прекращены этимъ осужденіемъ уніонныя стремленія митрополита Іова Борецкаго и Петра Могилы. Напротивъ, для психологіи Смотрицкаго Кіевскій соборъ 1628 года имѣлъ то значеніе, что усилилъ озлобленіе Смотрицкаго противъ православія [679]). 8 сентября 1628 г. Мелетій Смотрицкій напечаталъ во Львовѣ протестацію противъ этого собора. Изданіе этой протестаціи имѣло прежде всего личное значеніе для Мелетія—поставило его на путь открытой уніонной дѣятельности. Въ своей протестаціи Смотрицкій признавалъ свое соборное отреченіе отъ „Апологіи“ „вынужденнымъ“, Кіевскій соборъ 1628 года назвалъ „непорядным“ и заявлялъ, что считаетъ свою „Апологію“ православною [680]). Вслѣдъ за протестаціею Смотрицкій началъ издавать и другія сочиненія противъ православія [681]).

Изданіе протестаціи Смотрицкаго имѣло не только личное, но и общественное значеніе. Изъ сферы внутренней жизни западно-русской православной церкви протестація Смотрицкаго вынесла назрѣвавшій вопросъ о соглашеніи съ уніатами на арену общественной жизни польско-литовскаго государства, на арену политической борьбы. Подъ вліяніемъ „Апологіи“ и протестаціи Смотрицкаго, опубликовавшаго въ нихъ исторію своей совмѣстной съ митрополитомъ Іовомъ уніонной дѣятельности, польская государственная власть, послѣ Кіевскаго собора 1628 года, выступаетъ съ большей энергіей, чѣмъ раньше, на поприще уніоннаго

дѣла. На февральскомъ сеймѣ 1629 года, въ отвѣтъ на просьбы православныхъ депутатовъ о возстановленіи правъ православной церкви, король, „по желанію пановъ радъ“, предложилъ православнымъ войти въ соглашеніе съ уніатами и для этого назначилъ соборъ во Львовѣ на октябрь 1629 года для православныхъ и уніатовъ вмѣстѣ. Для предварительной подготввки къ этому собору король назначилъ частные соборы: для православныхъ въ Кіевѣ на 29 іюня, а для уніатовъ во Владимірѣ на то же число [682]). Уніатскій соборъ состоялся на мызѣ Филимичѣ, неподалеку отъ Владиміра въ маетности Луцкаго епископа. Здѣсь были выработаны шесть условій соглашенія [683]).

Митрополитъ Іовъ, исполняя королевскій универсалъ о созывѣ собора, разослалъ православному духовенству и мірянамъ граматы отъ 12, 21 и 24 апрѣля съ приглашеніемъ на соборъ въ Кіевъ къ 29 іюня 1629 года. [684]).

Кіевскій соборъ 29 іюня 1629 года. Появленіе опубликованныхъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ пригласительныхъ грамотъ на этотъ соборъ вызвало сильный протестъ православныхъ противъ предстоявшаго уніоннаго собора. Первый протестъ (отъ 29 апрѣля) заявили православные западно-руссы, находившіеся въ королевскомъ войскѣ подъ Мальбургомъ (въ Пруссіи). Именемъ Господа они просили тѣхъ православныхъ своихъ соотечественниковъ, которые будутъ на предварительномъ Кіевскомъ соборѣ, чтобы они не принимали ни одного условія соглашенія, идущаго въ разрѣзъ съ интересами православія, обѣщаясь при этомъ, что всѣ они, сколько ихъ есть въ войскѣ, въ случаѣ надобности готовы за вѣру пролить кровь свою [685]). Второй протестъ заявили запорожскіе казаки (отъ 25 іюня). Они писали митрополиту, что хотя онъ и не приглашалъ ихъ явиться на предстоявшій соборъ, тѣмъ не менѣе они, изъ любви къ своей православной вѣрѣ, за которую готовы умереть, посылаютъ въ Кіевъ двухъ своихъ товарищей съ наказомъ зорко слѣдить, чтобы на соборѣ не было постановлено чего нибудь въ ущербъ православію [686]). Наканунѣ открытія собора (за три дня до его открытія) былъ заявленъ протестъ противъ него со стороны представителей Кіевскаго воеводства. Въ ихъ протестаціи выраженъ протестъ

противъ соборовъ, созываемыхъ по приказанію короля безъ вѣдома и согласія православныхъ дворянъ. Составители протестаціи отказываются исполнять постановленія такихъ соборовъ, если бы въ этихъ постановленіяхъ оказалось что либо противное православію [687]).

Несмотря на рѣзко выраженные протесты противъ объявленнаго предстоявшаго собора, было сдѣлано нѣсколько попытокъ открыть его. На соборъ должны были, какъ сказано въ пригласительной граматѣ, явиться „люди всякаго достоенства духовнаго и свѣцкаго, высокаго шляхетнаго и нижайшаго посполитаго стану“ [688]). Королевскими легатами на соборъ были назначены: князь Александръ Острожскій—Заславскій (уніатъ) и Адамъ „зъ Брусилова“ Кисель (православный), при чемъ первый имѣлъ право присутствовать на соборныхъ засѣданіяхъ [689]). Въ виду протестацій противъ собора, а также въ виду тревожнаго настроенія какъ кіевлянъ, такъ и лицъ прибывшихъ въ Кіевъ на соборъ, митрополитъ Іовъ Борецкій колебался открывать соборныя засѣданія и открылъ ихъ только по настоянію королевскихъ пословъ (легатовъ) [690]). Соборъ открылся 29 іюня въ Кіево-Печерской лаврѣ, послѣ литургіи, которую совершалъ митрополитъ [691]). Задачей собора было „выслуханье“ и обсужденіе королевской „пропозиціи“ относительно Львовскаго уніоннаго собора [692]). О ходѣ соборныхъ засѣданій сохранились только отрывочныя свѣдѣнія [693]). Но изъ этихъ свѣдѣній видно, что Кіевскій соборъ 1629 года пришелъ въ разстройство уже при самомъ началѣ своей дѣятельности. На первомъ же соборномъ засѣданіи, лишь только былъ избранъ маршалокъ собора, со стороны большинства присутствовавшихъ на соборѣ лицъ, особенно со стороны запорожскихъ казаковъ, послышались шумные протесты противъ самой задачи собора, противъ предстоявшаго Львовскаго уніоннаго собора, противъ сеймовыхъ депутатовъ (напр. Лаврентія Древинскаго), согласившихся на созваніе этого уніоннаго собора [694]). Большинство участниковъ засѣданія предлагало составить отъ имени всего Кіевскаго собора 1629 года, протестъ противъ предстоявшаго собора Львовскаго [695]). Митрополитъ старался успокоить собраніе и отказался подписать предположен-

ный протестъ [696]). Королевскій легатъ Заславскій, именемъ короля, пытался удалить съ засѣданія депутатовъ запорожскаго казачества, но всѣ его усилія были напрасны: казаки не уходили. Соборное засѣданіе не могло продолжаться и закрылось [697]).

30 іюня открылось второе засѣданіе въ лаврѣ, съ дозволенія Петра Могилы, не смотря на то, что противъ открытія этого засѣданія и вообще противъ продолженія соборныхъ засѣданій возражали Львовскіе послы [698]). Сеймовые депутаты, противъ которыхъ высказывались обвиненія на прошломъ засѣданіи, начали оправдываться предъ соборомъ. Въ это время явились на соборъ казаки и потребывали прекратить засѣданіе и закрыть соборъ, угрожая въ противномъ случаѣ насиліемъ. Казаки сопровождали это свое категорическое требованіе обидными укоризнами по адресу лицъ, открывшихъ соборное засѣданіе. Засѣданіе закрылось. Наиболѣе видные участники его были въ самомъ угнетенномъ состояніи. Петръ Могила плакалъ. Митрополитъ не рѣшался ѣхать въ Михайловскій монастыръ, въ свои покои, и ночевалъ въ ларѣ [699]).

1 іюля соборныхъ засѣданій не было [700]).

2 іюля нѣкоторые участники собора, во главѣ съ митрополитомъ и королевскимъ легатомъ Заславскимъ, устроили соборное засѣданіе въ окрестностяхъ Кіева—въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ. Здѣсь митрополитъ „съ плачемъ просилъ совѣта у Острожскаго (Заславскаго), что дѣлать“? „—такъ какъ шляхта протестовала и не уступаетъ, а казаки, угрожая смертью, постановили не соглашаться“ [701]). Въ вопросной формѣ „что дѣлать“ митрополитъ Іовъ Борецкій на Пустынно-Никольскомъ засѣданіи принужденъ былъ сообщить королевскому легату о закрытіи собора. Объясняя причины закрытія собора, митрополитъ сообщилъ королевскому легату и рѣшеніе собора относительно королевской „пропозиціи“. Какъ видно изъ сказаннаго выше, рѣшеніе это было отрицательное. Большинство участниковъ собора протестовало противъ попытокъ соглашенія православныхъ и уніатовъ, отказываясь отъ предложеннаго королемъ Львовскаго уніоннаго собора. Сообщая объ этомъ Заславскому, митрополитъ изложилъ ему особое мнѣніе отъ лица духовныхъ членовъ собора. По его

словамъ „духовные хотѣли синодовать“, только просятъ короля и сеймъ назначить новый соборъ для соглашенія, чтобы они могли предварительно снестись съ патріархомъ [702]). Тѣ же свѣдѣнія о результатахъ собора сообщилъ митрополитъ и Адаму Киселю, который и занесъ ихъ въ Кіевскія городскія книги [703]). Нѣсколько времени спустя была отправлена особая депутація къ королю съ извѣщеніемъ о результатахъ Кіевскаго собора 1629 года [704]). Этотъ соборъ оказался безплоднымъ для уніи.

Львовскій уніонный соборъ 1629 года. Еще болѣе безплоднымъ для уніи былъ Львовскій соборъ въ октябрѣ того же года. Здѣсь собрались одни католики и уніаты (между ними и Мелетій Смотрицкій) [705]). Изъ православныхъ прибыли только два Виленскихъ братчика—Древинскій и Пузина и просили уніатовъ походатайствовать предъ королемъ о разрѣшеніи Константинопольскому патріарху пріѣхать въ Западную Русь [706]). Уніаты отказались и всѣ собравшіеся разъѣхались, не открывая собора [707]).

Несостоявшійся Львовскій уніонный соборъ былъ заключительнымъ моментомъ той попытки соглашенія, которая была предпринята Мелетіемъ Смотрицкимъ.

Кіевскій соборъ въ великій постъ 1629 года. Въ косвенной зависимости отъ этой попытки, какъ противодѣйствіе уніонной пропагандѣ, находится Кіевскій православный соборъ, происходившій въ великій постъ 1629 года, въ Кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ. Цѣлью этого собора было выработать мѣры борьбы съ уніей, усилившей свою пропаганду во время вышеописанной попытки соглашенія. Свѣдѣнія о времени, дѣятельности и причинахъ этого собора описываетъ одинъ изъ его современниковъ, очевидцевъ этого собора, монахъ Кіево-Михайловскаго монастыря. Приводимъ это описаніе. „Року 1629 з велыкою докукою нашъ превелебный Митрополитъ и Игуменъ дивясь на просцовъ (простыхъ людей) ажъ они замы не хотяху ходити в церкви наши, а уницкія и бачь (видя) самирвно (самуправно) отъ нея удаляхуся, а ляхи абы имъ було годно дивитися, поставиху читати въ церквахъ зборнѣ акаѳисты, зборные крестные ходы, въ постъ мартовъ (великій) о страстяхъ читати въ пятки, и многое дѣяху, абы нашихъ греческаго закона люди прихожь и обля-

хоскося (т. е. превлечь и ополячить). На вси ихъ кривды велебный отецъ нашъ Іовъ Борецкій з велыкою скорбью дивляшесь и собраху соборъ Епископовъ и всихъ и вся на нашъ монастырь Михайловскій и зобра есь в церковъ и на чело церковное зади молебна на келліи игумна образъ и разъ запрошаху и поставиша творить зборомъ в златоверхое Церкви на субботу акаѳистъ за иконою Новодворскою и Печерскомъ монастырѣ Sancti Iezu Christi incrutia, а мы зовома πάσσια просити треба з ласки русскаго царя о томъ абы патріарха винъ забралъ имъ за панство и з ратуши церковное и не ченилъ бы шкоды Митрополиту з его маетностями изъ за докуками и за всими и всими що на кольвикъ за часъ чинится и боцко и богацко запрошашесь за кольчасъ я вси зряша и записаша“ [708]).

На основаніи этой безхитростной повѣсти простеца—современника и параллельныхъ ей свидѣтельствъ, можно датировать разсматриваемый соборъ недѣлей православія (21 февраля) 1629 года. Говоря о времени собора, повѣсть упоминаетъ о томъ, что участники собора собрались на „челѣ церковномъ“, гдѣ былъ совершенъ „молебенъ“, а послѣ него засѣданія собора происходили въ келліяхъ игумена—митрополита. Очевидно, такимъ образомъ, что литургическій начальный моментъ собора отличался торжественностью, а дальнѣйшія засѣданія собора имѣли болѣе келейный характеръ. Иного характера и не могли имѣть эти засѣданія, судя по тѣмъ вопросамъ, какіе на нихъ поднимались. Такъ напр. было бы нелѣпо думать, что участники собора могли осмѣлиться открыто говорить о подчиненіи своей церкви Московскому паріарху, о сношеніяхъ съ русскимъ царемъ. Такія крамольныя, съ польской точки зрѣнія, рѣчи не прошли бы имъ безслѣдно, а потому и говорить по этимъ вопросамъ участники собора могли только келейно. Очевидно отсюда, что начальный моментъ разсматриваемаго церковнаго собора могъ получить торжественный характеръ по какимъ нибудь поводамъ, привходившимъ въ соборную дѣятельность. Такимъ поводомъ могло быть и было совершеніе чина православія на челѣ церковномъ въ каѳедральномъ храмѣ митрополита—въ златоверхой церкви Михайловскаго монастыря. Такимъ образомъ, анализируя изложен-

ную повѣсть, можно предположительно датировать разсматриваемый соборъ недѣлей православія. Параллельное повѣсти историческое свидѣтельство вполнѣ оправдываетъ это предположеніе. Въ 1629 году въ недѣлю православія, 21 февраля, въ Михаловскомъ монастырѣ несомнѣнно былъ соборъ, въ которомъ участвовали митрополитъ Іовъ Борецкій, архіепископъ Исаія Копинскій и епископы Исаакій Борисковичъ Луцкій и Острожскій и Паисій Ипполитовичъ Холмскій и Белзскій. Объ этомъ есть прямое свидѣтельство—соборная грамата, напечатанная въ „Литургіаріонѣ“ Петра Могилы 1629 года [709]).

По свидѣтельству этой граматы, подписанной четырьмя перечисленными іерархами 21 февраля 1629 года, въ „Недѣлю Православную въ монастыри святыхъ Архистратигъ Михаила и Гавріила Золотоверъхомъ Кіевскомъ“ происходилъ „соборъ“— грамата содержитъ постановленіе вынесенное „съборнѣ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что правительственнаго разрѣшенія на этотъ соборъ не только не было, но и не требовалось. Такое разрѣшеніе дано было позже для сужденія о военномъ налогѣ, о чемъ было нами сказано выше. Данный же соборъ могъ составиться и безъ разрѣшенія для совершанія чина анаѳематствованія, при чемъ къ литургическому торжественному моменту этого собора могъ вполнѣ безопасно и естественно присоединиться келейнымъ образомъ и элементъ церковно-административный.

На основаніи вышеизложенной повѣсти и вышеупомянутой соборной граматы, можно воспроизвести нѣкоторыя детали изъ исторіи этого собора. О составѣ собора повѣсть говоритъ такъ: „собра епископы и всихъ и вся“. Богослужебный терминъ (изъ чина литургіи) „всѣхъ и вся“ можно понимать въ томъ смыслѣ, что на соборѣ, кромѣ епископовъ было и другое духовенство, и міряне. Соборная грамата о составѣ собора выражается словомъ „съборнѣ“. Это выраженіе можно понимать и въ томъ смыслѣ, что на соборѣ было, кромѣ епископовъ, и другое духовенство; можно понимать и въ томъ смыслѣ, что составъ собора былъ обычный, т. е. присутствовать на немъ могли и міряне. Послѣднее пониманіе болѣе соотвѣтствуетъ вышеприведеннымъ словамъ повѣсти: „всѣхъ и вся“. На основаніи повѣсти и соборной гра-

маты, можно утверждать, что вниманіе собора на его засѣданіяхъ происшедшихъ въ митрополичьихъ покояхъ, было посвящено преимущественно литургическимъ вопросамъ въ связи съ апологетико-полемическими задачами тогдашней жизни западно-русской православной церкви—вопросу о церковныхъ чинахъ и послѣдованіяхъ, вопросу о церковно-богослужебныхъ книгахъ въ связи съ пропагадной католичества и протестанства.

Самымъ важнымъ изъ дѣйствій разсматриваемаго собора, безспорно нужно признать одобреніе къ печатанію Литургіаріона Петра Могилы, затѣмъ установленіе чина „пассій“ и, наконецъ, постановленіе о еженедѣльномъ чтеніи акаѳистовъ по субботамъ въ Михайловскомъ монастырѣ. Повѣсть свидѣтельствуетъ о причинахъ вызвавшихъ эти соборныя опредѣленія, „Литургіаріонъ“ дополняетъ эти свидѣтельства и углубляетъ ихъ мысль. По словамъ повѣсти, причиною, вызвавшею перечисленныя соборныя постановленія по литургическимъ вопросамъ о церковныхъ чинахъ и послѣдованіяхъ, были „кривды“ „ляховъ“, склоняшихъ простецовъ—православныхъ торжественными богослуженіями къ посѣщенію уніатскихъ церквей. Какъ видно изъ предисловія, приложеннаго къ „Литургіаріону его издателемъ—корректоромъ іеромонахомъ Тарасіемъ Л. Земкою, были и другія побужденія, выдвигавшія на очередь соборное обсужденіе литургическихъ вопросовъ въ западно-русской православной церкви. Въ этомъ предисловіи нельзя не замѣтить ярко очерченнаго полемическаго элемента. Авторъ предисловія полемизируетъ не только съ „ляхами“—католиками, но и *съ протестантами*, затрогивая неправославныя мнѣнія не только католическія, но и протестантскія, напр. по вопросу о дѣйствительности пресуществленія св. Даровъ. Характерный отрывокъ противо-протестантскаго характера читаемъ въ предисловіи по этому именно вопросу. „Здѣ ревностію багочестія раздеженъ, дързостнѣ ложъ и клевету, отъ зависти діаволя всѣянную, въспишу, Церковъ нынѣ Русскую възмущающимъ, и отъ нея прежде, славы ради и сласти житейскія отскочившимъ, яко ложно на правовѣрныхъ порцаютъ, аки бы мы въ образѣ, а не въ истиннѣ причащалися быхомъ, и не исповѣдали предложеніа существъ Хлѣба и Вина въ существа Тѣла и

Кръве Христовы .... А еже безстуднѣе и братоненавистнѣе творятъ, яко единаго нѣкоего случащася и иновѣрна мнѣніе всей Церкви нашей въ Благовѣріи и Богословіи незазорной навлачаютъ. О безсовѣстіа! Когда Церковъ Філалета реченнаго съборнѣ пріятъ? Когда отъ него изданное похвали и утверди, гдѣ въ Училищехъ, гдѣ въ Церквахъ отъ амвона Людемъ прочитовашеся . . ? “ [710]). Очевидно, такимъ образомъ, что со стороны уніатовъ въ разсматриваемое время высказывались обвиненія православныхъ въ протестанскихъ взглядахъ по вопросу о дѣйствительности Пресуществленія св. Даровъ и что эти обвиненія находили фактическую опору въ томъ, что сочиненія нѣкоторыхъ полемистовъ—защитниковъ православной церкви, напр. сочиненія Христофора Филалета, автора „Апокрисиса“, не были свободны отъ протестанскихъ мнѣній [711]). Поэтому православное рѣшеніе литургическихъ вопросовъ въ данную эпоху было особенно необходимо въ цѣляхъ полемики съ уніатами, католиками и въ цѣляхъ огражденія православныхъ отъ увлеченія протестантскими воззрѣніями. Въ частности, наиболѣе необходимо было правильное рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ чинамъ общественаго богослуженія и преимущественно—къ чинамъ божественной литургіи. Нужно было толкованіе ея, православное объясненіе ея смысла и значенія ея составныхъ частей. Эта задача отчасти осуществляется предисловіемъ къ „Литургіаріону“, отчасти намѣчается къ болѣе обстоятельному осуществленію въ спеціальномъ трудѣ Петра Могилы, который предполагалъ, по свидѣтельству предисловія и даже „обѣщалъ, аще Богъ изволитъ, и толкованіе Литургіи прескорѣ предложити, въ немъ же наченшу уже труждатися, Господь да споспѣшествуетъ ему“. . . [712]). Въ предисловіи находимъ указаніе и на тотъ основной мотивъ, по которому Петръ Могила, при полномъ сочувствіи митрополита и епископовъ, труждался и надъ подготовленіемъ къ изданію „Литургіаріона“. Это—крайняя неисправность славянскихъ служебниковъ предшествующаго времени, „понеже вся Книги Славенскія отъ Колико сотъ лѣтъ Преписуются невѣжами, токмо чернилами мажущими, ума же не имущими, языка не умѣющими и силы словесъ не вѣдущими“, почему въ этихъ книгахъ „множайшая и

безчисленная погрѣшенія“ [713]). „Литургіаріонъ“ Петра Могилы, разсматривавшійся на Кіевскомъ соборѣ 21 февраля 1629 года, былъ исправленъ по греческимъ Литургіаріонамъ. Этимъ соборомъ „Литургіаріонъ“ разсматривался уже въ печатномъ видѣ, вѣроятно въ корректурныхъ оттискахъ. Наборъ этой книги начался 27 мая 1628 года, („начатся друковатися“) а закончилось ея печатаніе 1 апрѣля 1629 года („Индикта 12“). Очевидно, что на соборѣ 21 февраля книга была еще въ незаконченномъ видѣ, по всей вѣроятности именно въ корректурныхъ оттискахъ. Предъ началомъ набора книги, она, по свидѣтельству цитируемой соборной граматы (отъ 21 февраля), была разсмотрѣна митрополитомъ, епископами и „всѣмъ соборомъ духовнымъ“ (быть можетъ Гродекскимъ соборомъ 1628 года). На этомъ, извѣстномъ только по данному упоминанію, соборѣ „Литургіаріонъ былъ признанъ „отъ всѣхъ пороковъ чистъ и свободь, паче же Исправленъ и съчиненъ“ и потому соборъ „благословилъ“ его „въ типографію монастира Печерскаго“. „Нынѣ, уже изображенный, повѣствуетъ грамата 21 февраля, такожде съборнѣ пріемлемъ, лобызаемъ и Ἱεραρχικὴ ἡμῶν αὐθεντεία похваляемъ и утверждаемъ, свидѣтельство сіе руками нашима подписавше: да койждо же Священникъ Православный себѣ его стяживаетъ завѣщаемъ“ [714]).

Внѣшній видъ и составъ одобреннаго соборомъ „Литургіаріона“ таковъ. [715])

Литургіаріонъ открывается заглавнымъ двустраничнымъ листомъ, входящимъ въ полистную первую пагинацію. На первой страницѣ листа помѣщено заглавіе, заключенное въ рамку. Заглавіе, состоящее изъ пятнадцати строкъ, напечатано въ два цвѣта (киноварь и черный) девятью различными шрифтами. (Основной шрифтъ книги—большой, такъ наз. „Евангельскій“). Фигурная рамка украшена священными изображеніями. Внутри рамки, подъ ея сводомъ, надъ первымъ словомъ заглавія напечатаннымъ киноварью большимъ греческимъ шрифтомъ, помѣщено изображеніе ангела (глава и распростертыя крылья. Рамка—типа четырехъяруснаго иконостаса. Въ лѣвомъ верхнемъ углу рамки въ медальонѣ помѣщено поясное изображеніе св. апостола Петра, далѣе, въ центрѣ, надъ сводомъ рамки—изображеніе тайной

вечери, въ правомъ верхнемъ углу, въ медальонѣ—поясное изображеніе св. ап. Іакова, подъ изображеніемъ св. ап. Петра—св. Василій Великій (во весь ростъ), а подъ изображеніемъ св. ап. Іакова—св. Іоаннъ Златоустъ (во весь ростъ). Изображенія вселенскихъ святителей—въ двухколонныхъ сводчатыхъ рамахъ. Подъ вселенскими святителями изображены (въ такихъ же рамахъ) русскіе святители: слѣва—св. Петръ, митрополитъ Кіевскій, а съ права—св. Алексій, митрополитъ Кіевскій. Въ нижнемъ лѣвомъ углу—въ медальонѣ—изображеніе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, а въ правомъ углу—преподобнаго Антонія Печерскаго. Между этими двумя медальонными поясными изображеніями, подъ заглавіемъ книги—изображеніе св. Даровъ: престолъ подъ киворіемъ, по сторонамъ—два ангела съ рипидами, на престолѣ справа—св. потиръ, а слѣва св.—дискосъ, а въ немъ св. агнецъ (въ той композиціи, какая обычно встрѣчается на древнихъ иконахъ св. Іоанна крестителя—съ чашей). Заглавіе книги таково: „Λειτουργιάριον, си істъ служебникъ отъ Литургій св. Василія, Іоанна Златоустаго и преждеосвященныхъ: и Служеній Іерейскихъ и Діаконскихъ повседневныхъ нощныхъ же и дневныхъ въ себѣ съдержимыхъ реченный. Благословеніемъ и Исправленіемъ Преподобнѣйшаго Господина и отца Киръ Петра Могилы ве: архимандрита сея св. Лавры Печерскія: Въ нейже второе Изданный. Лѣта быт: міра 7137, Смотрѣніа же Христова 1629.“ На оборотѣ перваго листа—изображеніе Распятія Христова (съ предстоящими). Надъ изображеніемъ, занимающимъ всю страницу, вверху цитата изъ Евр. 21 гл., а внизу изъ того же посланія 13 гл... Далѣе, на двухъ двустраничныхъ листахъ помѣщено посвященіе книги. Петръ Могила посвящаетъ ее „Вседержителю, Кесарю всяческихъ и кесарей Господеви единому“... какъ даръ „вмѣсто пръволѣтныхъ врученнаго винограда“. На четвертомъ листѣ помѣщена вышеупомянутая соборная грамата. На оборотѣ того же листа—гербъ Петра Могилы и подъ нимъ стихи:

„Πέτρα скала, Петръ камень отъ скалы тоеи,
Бѣ верховный апостолъ: иже отъ своеи
Исповѣди нареченъ, многимъ Петромъ быти,
Даде и Христа Сыномъ Божіимъ учити,

Отъ негоже ты, отче всепреподобнѣйшій
Петре архимандрите, пастырю честнѣйшій,
Имя пріемъ, и хотя сердцемъ и устнами
Христа исповѣдати Богомъ присно съ нами,
Се же въ Евхаристіи: повелѣ издати
Литургіаръ, ея же ради благодати
Дастъ ти Христосъ, Сынъ Божій, ясти Свое Тѣло,
Кръвь пити, Петромъ же быти на той Петрѣ цѣло".

„Тарассій З: Кор" (Тарасій Земка, корректоръ).

Съ пятаго по десятый листъ помѣщено вышеупомянутое предисловіе Тарасія Земки къ читателю. Десятымъ листомъ оборотомъ заканчивается первая пагинація.

Далѣе, съ постраничной (второй) пагинаціей, помѣщены слѣдующіе чины и послѣдованія: „Послѣдованіе Священнодіаконства, како служитъ діаконъ съ Іереемъ на Великой Вечерни"—стр. 1, „Уставъ Бдѣніа—стр. 3 „Уставъ Великія Вечерня кромѣ Бдѣніа"—стр. 7, „Молитвы Вечерняя"—стр. 8, „Литіа"—стр. 36, „Послѣдованіе Полунощницы Недѣльныя и повседневныя"—стр. 53, „По Павечерни ектеніа—таможде", „Послѣдованіе Утрѣни"—стр. 60, „Молитвы Утрѣния"—стр. 63, „О Повседневныхъ Вечерни и Утрѣни кромѣ Недѣля и Праздника"—стр. 97, „О еже когда подобаетъ глаголати стихъ Боже ущедри ны: и когда За молитвъ св. Отецъ нашихъ"—99, „Чинъ благословити вино"—стр. 101, „Уставъ Божественныя и Священныя Службы"—105, „Проскомидіа"—117, „Проскомисаніе Діакономъ чесо ради възбранено есть"—стр. 142, „Божественная Литургіа Іоанна Златоустаго"—страница первая новой (третьей) пагинаціи, „О еже аще бы теплъ былъ св. Агнецъ"—стр. 61, „О еже аще два Діакона будета"—стр. 78, „О раздробленіи св. Агнца"—стр 79, „ О молитвахъ предъ Причащеніемъ"—стр. 85, „О хотящихъ причаститися"—стр. 92, „Божественная Литургіа св. Василіа Великаго"—стр. 105, „Когда и колижды поется—таможде", „Въ Навечеріихъ аще поется"—стр. 106, „О Праздницѣхъ Стрѣтенія и Благовѣщенія Пресв. Богородица"—стр. 113, „Литургіа начинается"—стр. 115, „О закланіи св. Агнца, имже дѣйствуется Божеств. Литургіа Преждеосвященныхъ"—стр. 226, „Божественная Литургіа Прежде-

освященныхъ"—стр. 231, „О Да ся исправитъ, Прочти и навыкни"—стр. 246, „Отпусты Повседневныя"—стр. 281, „Отпусты на праздники Владычня Богородичны и Святымъ"—стр. 286, „Молитва надъ коливомъ"—стр. 300, оглавленіе—стр. 302 (ненумерованная).

Послѣдній листъ, стоящій внѣ пагинаціи: на лицевой сторонѣ—послѣсловіе іеромонаха Тарасія Земки. Оборотная сторона—выходной листъ: свѣдѣнія (вышеизложенныя) о времени изданія книги и указанія относительно пагинаціи.

Всѣ страницы книги заключены въ рамку. На первомъ листѣ первой пагинаціи на обѣихъ страницахъ оригинальныя рамки, а на послѣдующихъ страницахъ рамка однообразная, но не сходная съ первыми двумя. На 5 листѣ первой пагинаціи на лицевой сторонѣ—первая заставка книги. Въ центрѣ ея—медальонное изображеніе Знаменія Пресв. Богородицы, поддерживаемое двумя ангелами, по сторонамъ ихъ—два цвѣтка, а по угламъ заставки—поколѣнныя изображенія преподобныхъ: справа Антонія, а слѣва Ѳеодосія Печерскихъ. Вторая заставка—травчатая, покоемъ, съ изображеніемъ двухъ вазъ съ цвѣтами (вазы—въ обращенныхъ книзу глаголяхъ покоя), находится на первой стран. второй пагинаціи. На слѣдующей страницѣ, послѣ посвященія—виньетка травчатая (заключительное украшеніе). Въ текстѣ много и другихъ заставокъ, а также рисуночныхъ и узорныхъ буквъ, а также нѣсколько свящ. изображеній съ поясните́льнымъ текстомъ или цитатами изъ Свящ. Писанія. Предъ чиномъ литургіи св. Іоанна Златоуста и св. Василія Великаго—ихъ изображенія, а предъ чиномъ Литургіи Преждеосвященныхъ—изображеніе Распятія. Въ текстѣ „Литургіаріона" содержится много особенностей сравнительно съ современными чинами и послѣдованіями общественнаго богослуженія. Отмѣчаемъ, какъ примѣръ, нѣкоторыя изъ нихъ. Великая ектенія, четвертое и пятое прошенія: „О боголюбивомъ Епископѣ нашемъ, имярекъ, честнѣмъ Пресвитерствѣ, еже во Христѣ Діаконствѣ, всемъ причтѣ и людехъ Господу помолимъся". „Аще подъ Митрополитомъ: О Преосвященномъ Митрополитѣ нашемъ, имярекъ, Аще Ставропигіонъ, глаголати сице: О Святѣйшемъ Архіепископѣ нашемъ

Вселенскомъ Патріаршѣ", „О Великомъ Короли нашемъ, имярекъ, и Благочестивыхъ, Государехъ, Князехъ и Панѣхъ нашихъ, о всей полатѣ и воехъ ихъ, Господу помолимся". Аналогичны измѣненія соотвѣтствующихъ прошеній и въ прочихъ ектеніяхъ. Седьмое прошеніе—съ слѣдующей замѣткой: „Сіе же отъ греческаго приложися: „О избавленіи плѣненныхъ отцѣхъ и Братіихъ нашихъ: Господу помолимся". Молитвы входа помѣщено двѣ: „Благій Человѣколюбче, благословивый всяческая" и „Вечеръ и утро"—современная. По изложеніи обычнаго порядка входа приводятся указанія о совершеніи входа при архіерейскомъ, архимандричьемъ и соборномъ служеніи. Въ сугубой ектеніи предъ прошеніями: „Еще молимся о блаженныхъ и приснопамятныхъ Ктиторехъ (современное —„создателехъ и благотворителехъ") и „Еще молимся о плодоносящихъ и добродѣющихъ"—замѣтка киноварью— „Се отъ греческаго" . . . Въ просительной ектеніи въ прошеніи „Ангела мирна" вмѣсто словъ „душъ и тѣлесъ нашихъ"—„душамъ и тѣломъ нашимъ", въ прошеніи „Добрыхъ и полезныхъ" . . —вмѣсто „и мира мірови"—„и смиренія міру". Не сходны съ современнымъ и слѣдующія прошенія: „Христіанскія кончины животу нашему, безстрастны, непостыдны мирны . ." „Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію съ всѣми святыми помянувше *самыхъ* себе . . . .". Въ молитвѣ главопреклонной варіанты: „твои раби своя поклониша главы" . . „и въ настоящій вечеръ" . . . „и похотей лукавыхъ". Характерны названія:—шестопсалмія—„екзапсалмъ", стола на литіи—„тетраподъ" и т. п. Увѣщаніе о благословенномъ елеѣ, приведенное въ „Литургіаріонѣ", воспроизводится впослѣдствіи въ постановленіяхъ Кіевскаго собора 1640 года [717]).

Кромѣ одобренія „Литургіаріона", разсматриваемый соборъ, какъ видно изъ воспроизведенной выше повѣсти, сдѣлалъ постановленія объ акаѳистахъ и о пассіяхъ. Замѣчательно второе изъ этихъ постановленій. Оно положило начало примѣненію въ богослужебной практикѣ русской православной церкви чина пассій, совершаемыхъ теперь не только въ западно-русскихъ епархіяхъ, но и въ восточно-русскихъ—въ пятницы великаго поста. Чинъ

этотъ, совершаемый обычно архіерейскимъ служеніемъ, состоитъ изъ вечерни съ чтеніемъ евангельскихъ повѣствованій о страданіяхъ Христовыхъ и съ произнесеніемъ проповѣди. Въ теченіе великаго поста совершаются обычно четыре пассіи по числу четырехъ евангелистовъ [718]).

Замѣчательно, кратко излагаемое въ повѣсти, постановленіе разсматриваемаго собора по вопросу о подчиненіи западно-русской православной церкви Московскому патріархату, вопросу, поставленному соборомъ въ связь съ мыслью о подчиненіи Западной Руси Московскому царю. Данное соборное постановленіе нельзя не считать однимъ изъ начальныхъ моментовъ, существенно важныхъ, въ исторіи подчиненія западно-русской православной церкви Московскому патріарху и Малороссіи—Московскому царю. Смыслъ этого постановленія таковъ. Соборъ постановилъ просить царя о разрѣшеніи патріарху Московскому принять западно-русскую православную церковь въ свое вѣдѣніе и освободить западно-русскую православную іерархію, во главѣ съ митрополитомъ, отъ тѣхъ притѣсненій, въ частности—нарушеній имущественнаго права, какія она переноситъ отъ польско-литовскаго правительства [719]).

I.

Кіевскій соборъ 1640 года.

Однимъ изъ выдающихся областныхъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ является Кіевскій соборъ 1640 года. Причины и цѣли этого собора излагаются въ пригласительной граматѣ митрополита Петра Могилы (отъ 24 іюня 1640 года) и въ рѣчи Исаіи Трофимовича Козловскаго, сказанной на соборѣ [720]). Изъ этихъ документовъ, а еще болѣе изъ самаго содержанія соборной дѣятельности видно, что данный соборъ наиболѣе глубоко затрогивалъ церковныя нужды православной Западной Руси сравнительно со всѣми остальными исторически-извѣстными западно-русскими православными церковными соборами. Митрополитъ Петръ Могила въ своей упомянутой выше пригласительной граматѣ о причинахъ разсматриваемаго собора говоритъ такъ:

„Вся наша церковь Россійская, не въ догматахъ вѣры (которые содержатся нерушимо), но въ обычаяхъ, относящихся къ молитвѣ и благочестивой жизни, весьма повреждена. На сіе то глядя смущеннымъ окомъ, съ сердцемъ скорбнымъ, мы всегда заботились о томъ, какъ бы все то могло быть исправлено и доведено до обычаевъ древнихъ предковъ нашихъ, при которыхъ и благочестіе возсіяло . . . А сего, по нашему разумѣнію, не чрезъ иное что достигнуть можно, какъ только чрезъ соборъ“ [721]). О цѣляхъ разсматриваемаго собора въ той же пригласительной граматѣ митрополита Петра Могилы читаемъ слѣдующія строки: „Объ этомъ многократно и самъ я и многіе изъ свѣтскихъ и духовныхъ съ нами имѣли разсужденіе и искренно желали, чтобы мы когда нибудь, взаимно снесшись между собою, посовѣщались и изыскали удобнѣйшій способъ къ сохраненію благочестія и исправленію поврежденныхъ обычаевъ, къ просвѣщенію духовному и ко всякому церковному благоустройству“ [722]). Рѣчь Исаіи Трофимовича Козловскаго отмѣчаетъ преимущественно одну причину и цѣль, соотвѣтствующую этой причинѣ, даннаго собора— разсмотрѣніе „Православнаго исповѣданія вѣры“, сочиненія, составленнаго самимъ ораторомъ совмѣстно съ митрополитомъ и впослѣдствіи получившаго значеніе символической книги православной церкви. Мысли о. Козловскаго по данному вопросу выражены были въ его рѣчи такъ: „Освященный, избранный и богоносный соборъ! Въ нашей Русской Церкви есть Славянскія книги, которыя немногіе Русскіе священники понимали. Замѣтивъ это, противники и еретики напечатали языкомъ Польскимъ, не труднымъ для пониманія, книги, превратно выдавая ихъ за православныя церковныя. Въ этихъ книгахъ находится много еретическихъ заблужденій. И кто эти книги имѣлъ и ихъ читалъ, тотъ и самъ по нимъ вѣровалъ, и другихъ тому же научалъ. Почему многіе христіане отпали отъ вѣры нашей и вдались въ различныя ереси, и утѣсняютъ Церковь, насилуютъ и повергаютъ въ скорбь. Его милость о. митрополитъ хочетъ это успокоить и возстановить истинное православіе: съ этою цѣлью онъ написалъ, на основаніи тщательнаго изученія священнаго писанія, катихизисъ, пункты котораго представляетъ на ваше,

пресвященный соборъ, разсмотрѣніе“ [723]). Такимъ образомъ, причинами разсматриваемаго собора, по свидѣтельству документальныхъ данныхъ, были недостатки современной собору церковной жизни въ православной Западной Руси, недостатки трехъ родовъ: литургическіе („обычаи, относящіеся къ молитвѣ“), церковно-юридическіе („обычаи, относящіеся къ благочестивой жизни“) и скудость учебно-богословскихъ трудовъ по самымъ важнымъ вопросамъ вѣры и благочестія (отсутствіе катихизиса), при чемъ отсутствіе такихъ трудовъ вызывало особенно печальныя послѣдствія въ виду латино-уніатской пропаганды и латино-уніатскихъ богословскихъ книгъ, выдававшихся за православныя и содѣйствовавшихъ распространенію среди православнаго духовенства латино-уніатскихъ воззрѣній. Не подлежитъ сомнѣнію дѣйствительность этихъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни Кіевскій соборъ 1640 года. Неисправности въ литургическихъ чинахъ и послѣдованіяхъ, наблюдавшіяся въ западно-руссской православной церкви въ первой четверти 17 вѣка, въ значительной степени устранялись литургическою дѣятельностью Кіевскаго великопостнаго собора 1629 года, одобрившаго „Литургіаріонъ“ Петра Могилы. Но этою дѣятельностью не были затронуты чины и послѣдованія частнаго богослуженія, не входящіе въ составъ „Литургіаріона“ и составляющіе содержаніе „Эвхологіона“—Требника. Какъ видно изъ Кіевскихъ соборныхъ постановленій 1640 года, совершеніе чиновъ общественнаго и частнаго богослуженія въ западно-русской православной церкви въ это время не было свободно отъ недостатковъ, требовавшихъ соборнаго обсужденія.

Изъ обычаевъ, относящихся къ благочестивой жизни, соборъ отмѣчаетъ въ своихъ постановленіяхъ несовершенства церковнаго суда, недостатки дѣйствовавшаго права о монашествѣ, о праздникахъ и постахъ, о братствахъ, объ отношеніи къ иновѣрцамъ. Дѣйствовавшія предъ соборомъ несовершенныя церковно-юридическія нормы по этимъ вопросамъ церковной жизни, требуя пересмотра, являлись немаловажными причинами разсматриваемаго собора.

Но самою важною причиною Кіевскаго собора 1640 года,

наиболѣе глубоко затрогивавшею пастырскую ревность митрополита Петра Могилы, было отсутствіе въ Западной Руси общепризнаннаго православнаго катихизиса, отсутствіе одобреннаго церковною властью православнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ вѣры и благочестія. Отсутствіе такой книги было особенно опасно для православной западно-русской церкви въ томъ отношеніи, что лишало православныхъ западно-руссовъ возможности составить систематическое религіозное міросозерцаніе, что было существенно необходимо для нихъ въ виду полемики съ латино-уніатами, въ виду пропаганды сектантовъ—протестантовъ. Одинъ изъ современныхъ собору 1640 года ренегатовъ православія прямо свидѣтельствуетъ, что причиною его отступничества было отсутствіе въ православной церкви какого бы то ни было систематическаго міросозерцанія. Объ угасаніи вѣры среди членовъ западно-русской православной церкви, объ умноженіи среди нихъ отступничества не только въ унію и латинство, но и въ протестантскія секты, объ этихъ печальныхъ слѣдствіяхъ разсматриваемаго факта читаемъ слѣдующія строки митрополита Петра Могилы: по его словамъ, одни изъ его современниковъ „чрезвычайно исказили себя, такъ что трудно опознать, подлинно ли они православные или только по имени, а иные, не только свѣтскіе, но и духовные, совсѣмъ отставши отъ православія (о сжалься надъ нами, Боже!), пристали къ разнымъ боомерзкимъ сектамъ“ [724]). Естественно, что къ такого рода прискорбнымъ явленіямъ и къ создавшей ихъ причинѣ не могъ равнодушно отнестись митрополитъ Петръ Могила, тѣмъ болѣе, что особенно необходимое въ данномъ случаѣ средство борьбы съ описанными прискорбными явленіями церковной жизни было всегда близко сердцу этого выдающагося ревнителя православія. Чрезъ всю церковную дѣятельность Петра Могилы, начиная съ архимандритства въ Кіево-Печерской Лаврѣ, неизмѣнно проходитъ одна черта—глубокая вѣра въ исключительную цѣнность богословской науки. Петръ Могила не только былъ фундаторомъ первой русской богословской школы—Кіевской Коллегіи—Академіи, но и душою кружка православныхъ богослововъ, трудившихся въ стѣнахъ этой Коллегіи. Однимъ изъ этихъ лицъ—Исаіей Трофимовичемъ Козлов-

скимъ, при непосредственномъ участіи митрополита Петра Могилы, ко времени разсматриваемаго собора и былъ подготовленъ такъ необходимый для православной западно-русской церкви катихизисъ, извѣстный подъ именемъ „Православнаго Исповѣданія“. Окончаніе этой книги было, несомнѣнно, важнѣйшею причиною созыва разсматриваемаго Кіевскаго собора, если не считать еще болѣе важною его причиною пастырскую ревность иниціатора собора [725]).

Цѣли собора—параллельны его причинамъ: разсмотрѣніе „Православнаго Исповѣданія“, рѣшеніе важнѣйшихъ литургическихъ вопросовъ, выдвинутыхъ современностью, рѣшеніе церковно-юридическихъ вопросовъ, наиболѣе важныхъ для благочестивой жизни.

О составѣ разсматриваемаго собора находимъ цѣнныя свѣдѣнія уже въ вышеупомянутой пригласительной граматѣ митрополита Петра Могилы. Указавъ цѣли собора, митрополитъ Петръ Могила въ своей пригласительной граматѣ говоритъ: „А этого, по нашему разумѣнію, не иначе можно достигнуть, какъ только чрезъ соборъ, на который прибывши, какъ наши сослужители архіереи, такъ и другіе честные духовные отцы, достаточно просвѣщенные въ догматахъ вѣры и испытанные въ благочестивой жизни, усердно, съ призываніемъ Святаго Духа, совѣщались бы и приложили трудъ и стараніе о томъ, чтобы вся Церковь наша Россійская во всемъ вышесказанномъ могла быть достойно исправлена и доведена до древняго благолѣпія“ [726]). Въ приведенныхъ словахъ пригласительной митрополичьей граматы нѣтъ упоминанія о міряхъ. Но въ граматахъ, разосланныхъ митрополитомъ Петромъ Могилой западно-русскимъ православнымъ братствомъ, каждому въ отдѣльности, читаемъ прямое указаніе на то, что и міряне мыслились въ то время правоспособными къ участію въ соборѣ, и даже болѣе того—ихъ участіе въ соборѣ требовалось тогда. Въ пригласительныхъ граматахъ, разосланныхъ братствамъ, читаемъ приглашеніе на соборъ „какъ духовныхъ, преимущество имѣющихъ и къ совѣщанію способныхъ, такъ и ихъ милостей свѣтскихъ братій, ревнующихъ о благочестіи и свѣдущихъ въ канонахъ церковныхъ“ [727]). Присылки братствами депутатовъ или

пословъ на соборъ митрополитъ въ цитируемыхъ граматахъ, требуетъ отъ братствъ. „При томъ настоятельно требуемъ отъ васъ, духовныхъ и свѣтскихъ, чтобы, если что окажется нужнымъ какому братству, вы благоволили бы изъяснить то въ инструкціяхъ своимъ уполномоченнымъ посламъ, для постановленія и опредѣленія соборнаго“ [728]).

Въ согласіи съ мыслями, выраженными въ пригласительныхъ граматахъ относительно состава собора, онъ и собрался въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ: въ день Рождества Пресвятой Богородицы—8 сентября 1640 года въ каѳедральной митрополитанской церкви св. Софіи въ Кіевѣ [729]).

Въ составъ собора входили митрополитъ, епископы, черное и бѣлое духовенство. Были на соборѣ и представители отъ мірянъ, напримѣръ—депутаты Львовскаго братства. Изъ правящихъ западно-русскихъ православныхъ епископовъ на соборъ лично никто не прибылъ. По свидѣтельству ренегата Саковича, Луцкій епископъ Аѳанасій Пузына отказался отъ участія въ соборѣ 1640 года [730]). Тѣмъ не менѣе, представители отсутствовавшихъ епископовъ—ихъ замѣстители на соборѣ были. Отъ лица Аѳанасія Пузыны на соборѣ присутствовалъ бывшій Луцкій епископъ Исаакій Борисковичъ. Епископъ Львовскій Арсеній Желиборскій прислалъ на соборъ своего представителя: бывшаго Пинскаго епископа Авраамія. Перемышльскій и Мстиславскій епископы также прислали на соборъ своихъ представителей: первый —о. Панкратія Гридича, а второй—о. Софронія Чижевскаго. Изъ архимандритовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, наиболѣе выдающимся былъ Самуилъ Шицикъ, Слуцкій архимандритъ, избранный маршалкомъ собора, а изъ игуменовъ—Исаія Трофимовичъ Козловскій, игуменъ Кіево-Никольскій. Изъ остальныхъ членовъ собора—духовныхъ упоминаются въ историческихъ документахъ „протопопы и попы“ [731]).

Сохранились нѣкоторыя подробности открытія собора и хода соборныхъ засѣданій [732]). 8 сентября 1640 года въ св. Софіи Кіевской была совершена соборнѣ митрополитомъ Петромъ Могилою божественная литургія. По окончаніи литургіи были поставлены стулья по правую и по лѣвую сторону отъ алтаря по-

среди церкви. Участники собора размѣстились на этихъ стульяхъ „по списку“. Первое мѣсто по правую сторону отъ царскихъ вратъ занялъ митрополитъ Петръ Могила. Рядомъ съ нимъ сѣлъ епископъ Авраамій, далѣе—депутатъ Перемышльскаго епископа о. Гридичъ и Никольскій игуменъ Исаія. Первое мѣсто по лѣвой сторонѣ занялъ епископъ Исаакій. За нимъ расположились: депутатъ Мстиславскаго епископа—о. Чижевскій, а за нимъ—Слуцкій архимандритъ Самуилъ Шицикъ. Затѣмъ слѣдовали „по порядку игумены, протопопы и попы“, занявшіе мѣста „по обычаю“, т. е. старшинству [733]). Лѣтопись Львовскаго братства передаетъ и объясняетъ слѣдующую характерную подробность о разсматриваемомъ соборѣ. „Въ книгѣ Саковича объ этомъ соборѣ, подъ заглавіемъ „Sobor Kijowski“, напечатанной въ 1642 году въ Краковѣ, сказано, что митрополитъ Могила, какъ экзархъ цареградскаго престола, на соборѣ былъ въ кардинальской шапкѣ. Какъ въ восточной церкви кардинальскія шапки не приняты, то значитъ, что Могила сдѣлалъ это для того, чтобы своему достоинству придать больше блеска въ томъ краю, гдѣ имѣло вліяніе латинское духовенство, обращавшее большое вниманіе на внѣшность“ [734]).

Предсѣдателемъ собора былъ митрополитъ Петръ Могила, открывшій соборъ „длинною рѣчью“. Ренегатъ Саковичъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи о Кіевскомъ соборѣ 1640 года такъ описываетъ начало и дальнѣйшій ходъ соборныхъ засѣданій. „Его милость о. митрополитъ сказалъ длинную рѣчь о надлежащихъ приготовленіяхъ къ собору; послѣ него говорили владыки и благодарили митрополита за пастырскую заботливость. Затѣмъ былъ избранъ маршалокъ собора архимандритъ Самуилъ Шицикъ, который, занявъ свое мѣсто, предложилъ всему собору сохранять себя въ трезвости и помнить часы соборныхъ засѣданій“ [735]). Этимъ и закончилось первое засѣданіе собора.

Второе засѣданіе—9 сентября началось послѣ ранней обѣдни рѣчью о. Оксеновича, ректора Кіевскихъ школъ. Въ своей рѣчи онъ „обозрѣлъ всѣ соборы разныхъ вѣковъ, при комъ и для чего они созывались, и что на нихъ было постановлено; затѣмъ указалъ настоятельную необходимость настоящаго собора“ [736]).

Послѣ рѣчи о. Оксеновича маршалокъ собора объявилъ, „что о. Исаія, игуменъ Никольскій, подробно изложитъ причины настоящаго собора и пригласилъ присутствующихъ отнестись со вниманіемъ къ его рѣчи“ (воспроизведенной нами выше—при обсужденіи вопроса о причинахъ и цѣляхъ собора).

Дальнѣйшая часть соборнаго засѣданія 9 сентября была посвящена чтенію и обсужденію „катихизиса“, т. е. „Православнаго Исповѣданія“ Петра Могилы, а также разсмотрѣнію посольскихъ инструкцій, представленныхъ собору депутатами православныхъ западно-русскихъ братствъ [737]).

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ съ 11 по 15 сентября предметомъ соборнаго обсужденія были, съ одной стороны, „пункты“ „катихизиса“, а съ другой стороны—вопросы литургическаго и каноническаго характера. Обычно засѣданія устраивались два раза въ день: утромъ и послѣ обѣда. Въ воскресенье 13 сентября засѣданій не было. Въ понедѣльникъ 14 сентября—предъ началомъ соборнаго засѣданія была совершена заупокойная литургія за Валашскихъ господарей—родственниковъ митрополита Петра Могилы [738]).

Ренегатъ Саковичъ такъ описываетъ ходъ соборныхъ засѣданій. „Сентября 10-го собраніе было раннее, на которомъ сперва читались правила, какъ нужно крестить, какъ совершать святѣйшую жертву (литургію), и какіе потиры должны быть, серебряные или оловянные, а не иные. А также и при вѣнчаніи быть осмотрительнѣе. Потомъ опять вернулись къ чтенію катихизиса о душахъ праведныхъ, что онѣ хотя и въ небѣ въ рукахъ Божіихъ и въ царствѣ небесномъ, но въ состояніи еще не совершенномъ; о частномъ судѣ, особо для каждаго тотчасъ послѣ смерти. Въ этомъ же засѣданіи запрещено вбирать въ себя носомъ табакъ“. Въ предисловіи къ Требнику Петра Могилы, вышедшему послѣ разсматриваемаго собора (чрезъ 5 лѣтъ) и въ самомъ текстѣ этого Требника находимъ данныя, на основаніи которыхъ можно утверждать, какіе недостатки и неправильности современной богослужебной практики могли быть предметомъ соборныхъ сужденій 10 сентября 1640 года. Можно думать, что важнѣйшими вопросами, связанными съ совершеніемъ чина кре-

щенія для собора 1640 года были вопросы о совершеніи этого таинства надъ обращающимися въ православную церковь иновѣрцами. Этимъ именно вопросамъ удѣлена значительная часть Требника Петра Могилы. Кромѣ того, несомнѣнно, на соборѣ 1640 г. были отмѣчены тѣ неисправности въ текстѣ Стрятинскаго Требника—въ молитвѣ женѣ—родильницѣ, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи къ Требнику Петръ Могила. „Прыпомню тылько придатки нѣкоторыи барзо непотребныи, межи которыми неменшій съ погоршеніемъ вѣрныхъ правдѣ Евангельской спротивляючійся есть въ Молитвѣ, которая бываетъ по пороженю читаная Бабѣ, и тымъ, которыми при пороженю прислуговали, овыи слова (И баб҂ою повитый) кгдыжъ Спаситель нашъ народившися нѣ откого иншого повитый былъ, тылко отъ самой Пречистой Панны, а баба тамъ що мѣла чинити, поневажъ о ней жадной замѣнки Евангелисты святые нечинятъ, описуючи Рождество Христа Пана: где тылко вспоминаютъ о Іосифѣ Обручницѣ, Преблагословенной Паннѣ, Отрочати Іисусъ Христѣ, Ангелахъ и Пастырехъ: а баба откуль бы въ Требники влѣзла незнаю“ [739].) Въ томъ же предисловіи находимъ указанія о неисправностяхъ въ чинѣ вѣнчанія, относительно которыхъ могла зайти рѣчь на разсматриваемомъ соборномъ засѣданіи. Разумѣемъ слѣдующія слова: „Въ Сакраментѣ Малженства, албо въ отправованю Вѣнчанія словъ шлюбныхъ, въ которыхъ зезволене обоихъ особъ (которое есть Формою) выражается, въ тыхъ Требникахъ (разумѣются Требники Острожскіе и Виленскіе) неположено: зачимъ розныи и дивныи пытаня бываютъ отъ священниковъ, а подъ часъ жаднаго пытаня нечинячи отшлюбованю, молитвы тылко щекгулные надъ вступуючими въ Малженство читаютъ“ [740]). Такимъ образомъ, по словамъ митрополита Петра Могилы въ таинствѣ брака „формою“ т. е. совершительнымъ моментомъ является выраженіе брачущимися добровольнаго согласія на вступленіе въ бракъ, а въ практикѣ современной собору западно-русской православной церкви этотъ моментъ въ чинѣ браковѣнчанія иногда опускался, иногда неодинаково поставлялись священниками вопросы брачущимся о добровольномъ согласіи. Выраженіе Саковича, приведенное выше: „при вѣнчаніи быть осмотрительнѣе“ поставляетъ

сужденія разсматриваемаго соборнаго засѣданія въ связь съ однимъ нѣсколько раннѣйшимъ историческимъ документомъ, касающимся вопроса о совершеніи браковѣнчанія. Предшественникъ митрополита Петра Могилы по Кіевской каѳедрѣ—митрополитъ Исаія Копинскій оставилъ „пункты“ или „кондицыя, господомъ братиямъ священникомъ надлежачая“ [741]). Эти кондиціи или пункты, приложенные къ лѣтописи Густынскаго монастыря, касаются между прочимъ и вопроса о совершеніи браковѣнчанія (пункты 7, 8, и 9). „7) По ночи шлюбу не давати, але заразомъ по службѣ Божой на тще сердце, не упиватися, подъ неблагословенствомъ Божіимъ, 8) Абы испытовали пилно со свидѣтелями, кгды приступуютъ къ шлюбу, если же предъ тымъ кому не шлюбовали, албо если не у повиноватствѣ поимутся. 9) Которые тежъ мешкаютъ безъ шлюбу, абы отлучали отъ церкве и оповѣдали людемъ“ [742]). Въ приведенныхъ выше словахъ Саковича о соборномъ постановленіи относительно совершенія божественной литургіи отмѣчена одна только частная мысль: о томъ, изъ какого матеріала долженъ быть священный сосудъ—потиръ. Сопоставляя эти слова съ Требникомъ Петра Могилы, нельзя не видѣть сходства разсматриваемыхъ выраженій Саковича съ текстомъ того отдѣла Требника, гдѣ говорится „О пресвятой предивной Тайнѣ Тѣла и Крве Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“—„Сѣсуды же сія четыри да будутъ златы или серебряны, или поне цѣновы: да не будутъ же мѣдяны, мосязовы, желѣзни, ниже дервяны“ [743]). Можно думать, что данный обширный отдѣлъ Требника Петра Могилы въ значительной степени воспроизводитъ несохранившіяся соборныя постановленія 1640 года о совершеніи Божественной Литургіи и что эти постановленія имѣютъ сходство съ правилами современнаго „Извѣстія Учительнаго“, печатаемаго при Служебникѣ.

„Въ тотъ же день, послѣ обѣда, опять собравшись, читали правила, повѣствуетъ Саковичъ о слѣдующимъ соборномъ засѣданіи, чтобы необразованнаго въ попы не посвящать, а также, чтобы попу, незнающему устава, было воспрещено исповѣдывать; также попу, находящемуся въ какомъ

либо подозрѣніи, и тому, который есть или былъ женатъ во второй разъ, запрещается служить и исполнять требы, несмотря ни на какіе посулы и дары. Потомъ его милость о. митрополитъ внесъ жалобу на Львовское Успенское братство, которое, не смотря на его запрещеніе, печатаетъ Евангелія, Служебники и проч, что братству не приличествуетъ и запретилъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, дабы никто не смѣлъ покупать эти книги“ [744]).

Первое изъ постановленій, вынесенныхъ въ соборномъ засѣданіи 10 сентября касалось вопроса объ умственныхъ качествахъ кандидатовъ священства. О томъ, какъ настоятельно такія положительныя качества были необходимы въ Западной Руси въ эпоху разсматриваемаго собора, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Петра Могилы въ его предисловіи къ Требнику. „Противницы наши и лжебратія Православія Святаго, суть барзо тяжкими и насилствуючими православнымъ, розными досадами и обидами, безвстыдне называючи духовныхъ нашихъ неуками, грубіянами, вшафованю и отправованю Божественныхъ Тайнъ и иншаго Набоженства, волаючи, ижъ Русь Православная згеретычала, Личбы, Формы, Матеріи, Интенціи, и скутковъ Тайнъ Божественныхъ не знаетъ, о оныхъ справы дати неумѣетъ, рознаго способу въ отпавованю Божественныхъ Тайнъ заживаетъ“ [745]). Изъ этихъ словъ Петра Могилы видно, что умственный уровень западно-русскаго православнаго низшаго духовенства не стоялъ на должной высотѣ и что это обстоятельство служило поводомъ для нападокъ со стороны враговъ православія. Какъ эти, часто несправедливыя, нападки, такъ и вызывавшій ихъ фактъ недостаточнаго умственнаго развитія и спеціальной подготовленности низшаго западно-русскаго православнаго духовенства и нужно считать поводомъ къ изданію разсматриваемаго соборнаго постановленія 10 сентября. При этомъ нельзя не отмѣтить минимальнаго характера спеціальной подготовленности, какая требуется этимъ постановленіемъ отъ кандидатовъ священства и отъ священниковъ: умѣнье совершать богослуженіе, знаніе церковнаго устава.

Слѣдующее постановленіе разсматриваемаго засѣданія касается нравственныхъ качествъ священниковъ, именно: данное постановленіе направлено противъ нарушителей каноническихъ

требованій о безупречной нравственной чистотѣ жизни клириковъ и противъ нарушителей каноновъ, запрещающихъ сообщать хиротонію второбрачнымъ. Очевидно, поставленіе въ священныя степени лицъ, вступившихъ во второй бракъ, получившее широкое распространеніе въ практикѣ западно-русской православной церкви въ 16 вѣкѣ, когда даже митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка былъ второбрачнымъ, не могло исчезнуть изъ церковной практики въ православной Западной Руси и въ 17 вѣкѣ. Изъ словъ Саковича о „посулахъ и дарахъ“ можно вывести то заключеніе, что полученіе второбрачными хиротоніи и сохраненіе церковно-іерархическихъ правъ подозрительнымъ въ нравственномъ отношеніи духовенствомъ не обходилось безъ помощи взятокъ, которыми могли иногда корыстоваться даже представители западно-русскаго православнаго епископата въ данную эпоху.

Третье постановленіе, вынесенное на разсматриваемомъ засѣданіи, касалось правъ ставропигіальнаго Львовскаго братства и воспроизводило постановленія, неоднократно сдѣланныя соборами предшествующаго времени, въ частности—Берестейскими очередными соборами 90 годовъ 16 вѣка.

Утреннее засѣданіе 11 сентября происходило, по свидѣтельству Саковича, такъ. „На утреннемъ собраніи о. Исаакій говорилъ о томъ, гдѣ находятся души праведныхъ, и указывалъ, что онѣ должны быть въ земномъ раѣ, а его милость отецъ митрополитъ утверждалъ, что—въ небѣ. Послѣ долгаго спора рѣшили послать объ этомъ къ Константинопольскому патріарху для разъясненія. Потомъ была рѣчь о душѣ человѣческой: отъ родителей, или отъ Бога бываетъ сотворена. Этотъ вопросъ такъ рѣшенъ: человѣкъ зачинается отъ материнскаго плода, безъ души, подобно Адаму, котораго Богъ сотворилъ сперва безъ души, а потомъ уже вдунулъ живущій безсмертный духъ, а когда онъ уже данъ, то находится въ сердцѣ и головѣ. Потомъ о душахъ грѣшныхъ была рѣчь, гдѣ онѣ находятся послѣ смерти. Рѣшено такъ: души грѣшныхъ задерживаются до страшнаго суда въ воздухѣ, въ чистилищѣ, ибо, говорятъ, душа грѣшила вмѣстѣ съ тѣломъ, съ нимъ же и должна терпѣть муку. Въ томъ же собраніи поста-

новили, чтобы Жидовка у христіанина, а также христіанка у Жидовки дѣтей, при рожденіи, не принимала“ [745]).

Такимъ образомъ, по свидѣтельству ренегата Саковича, на утреннемъ соборномъ засѣданіи 11 сентября было разсмотрѣно три догматическихъ вопроса и одинъ вопросъ—церковно-юридическаго характера. Трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы Саковичъ не извращалъ истины, излагая мнѣніе епископа Исаакія Борисковича по вопросу о загробой участи душъ праведныхъ. Мнѣніе, приписываемое Саковичемъ епископу Исаакію, очевидно—ошибочное, неправославное. Можно думать, что Саковичъ приписалъ его епископу Исаакію, подчеркивая непросвѣщенность западнорусскаго православнаго епископата, иронизируя надъ нимъ. Равнымъ образомъ, весьма сомнительно свидѣтельство Саковича о соборномъ постановленіи относительно чистилища. Тексту, „Православнаго исповѣданія“ свидѣтельство Саковича не соотвѣтствуетъ и не можетъ быть, чтобы по данному вопросу католическое мнѣніе было принято соборомъ 1640 года и только впослѣдствіи исправлено въ текстѣ „Исповѣданія“. Вопросъ загробной участи праведныхъ и грѣшныхъ былъ послѣ собора 1640 года (1687 г.) спеціально освѣщенъ одимъ изъ православныхъ западно-русскихъ богослововъ Іоанникіемъ Галятовскимъ въ его сочиненіи „Души людей вмерлыхъ“. Въ этомъ сочиненіи излагается чисто православное ученіе о мытарствахъ, а католическое ученіе о чистилищѣ опровергается [746]). Несомнѣнно, что Саковичъ сознательно исказилъ истину, излагая мысли соборныхъ постановленій по этомъ вопросу.

Слѣдующее соборное засѣданіе, по свидѣтельству Саковича происходило такъ. „Того же 11 сентября, послѣ обѣда выбрали 4-хъ депутатовъ въ консисторію для слушанія дѣла въ случаѣ неурядицъ и ссоръ между попами, при чемъ вызовъ въ судъ производится безплатно, судебныя же пошлины падаютъ на одного виновнаго, по окончаніи суда. Потомъ читались правила о крещеніи, при чемъ прибавлено, что можетъ и баба крестить въ исключительномъ случаѣ, а обучить бабъ обряду крещенія обязаны попы. . . О елеѣ или oliwie, которымъ помазуютъ на всенощной: остатокъ этого елея на всенощной долженъ быть съѣ-

денъ, а не сохраненъ, ибо прежде одинъ и тотъ же елей благословляли во время нѣсколькихъ всенощныхъ. Елей на елеосвященіи или послѣднемъ помазаніи, если образуется его остатокъ, долженъ быть сожженъ, и сколько поповъ должно быть для совершенія этого таинства. Объ исповѣди и разрѣшеніи больныхъ и преступниковъ, какъ разрѣшать ихъ. Была также рѣчь на основаніи устава, какъ проводить торжественные и обыкновенные праздники. Крестный ходъ кругомъ церкви долженъ быть на—вспять, т. е. противъ солнца, какъ и въ алтарѣ. Въ процессіи на похоронахъ попы должны идти предъ тѣломъ, а не за тѣломъ“ [747]).

Первое изъ постановленій, вынесенныхъ послѣобѣденномъ соборномъ засѣданіи 2 сентября касается вопроса объ устройствѣ органа епархіальнаго суда. Какъ и въ настоящее время, кромѣ собственно-архіерейскаго суда, въ эпоху разсматриваемаго собора и въ болѣе раннее время, въ западно-русской православной церкви былъ судъ коллегіальный. Органомъ его были епархіальные крылосы. Въ составѣ крылосовъ до разсматриваемаго собора не было особыхъ лицъ для исполненія судебныхъ функцій, какъ входившихъ въ компетенцію всего крылоса. Разсматриваемымъ постановленіемъ 11 сентября въ устройствѣ епархіальнаго суда западно-русской православной церкви производится существенная реформа: право этого суда усвоется особо-выбраннымъ лицамъ изъ епархіальнаго духовенства—четыремъ депутатамъ, которые могли участвовать только въ разбиратильствѣ судныхъ дѣлъ, возникавшихъ межу епархіальнымъ духовенствомъ и поступавшихъ на разсмотрѣніе епархіальной капитулы, иначе-крылоса или консисторіи. Разсматриваемымъ постановленіемъ опредѣляется двѣ подробности относительно порядка консисторскаго судопроизводства: вызовы въ судъ производятся безплатно (очевидно —вызовъ свидѣтелей и самыхъ депутатовъ), судебныя издержки возлагаются на виновную сорону [748]).

Слѣдующее постановленіе разсматриваемаго соборнаго засѣданія—по вопросу о крещеніи слабыхъ младенцевъ находится въ связи съ постановленіями предшествующаго собранія о совершеніи таинства крещенія. Данное постановленіе воспроизводится

въ Требникѣ Петра Могилы и до настоящаго времеии имѣетъ значеніе нормы дѣйствующаго права въ Русской православной церкви [749]).

Дальнѣйшее постановленіе, вынесенное въ послѣобѣденномъ засѣданіи 11 сентября, касающееся вопроса о томъ, можно ли нѣсколько разъ освящать одинъ и тотъ же елей на всенощномъ бдѣніи, воспроисводить „увѣщаніе", напечатанное въ „Литургіаріонѣ" Петра Могилы, одобренномъ Кіевскимъ великопостнымъ соборомъ 1629 года. Текстъ этого увѣщанія полнѣе раскрываетъ тѣ же самыя мысли, какія передаются Саковичемъ относительно соборнаго постановленія по данному литургическому вопросу: „Увѣщаніе. И се ти Вѣдомо буди, о Іерею, и блюди да сохраниши. Елей сей благословенный, второе да не благословиши, ни вино, ни пшеницу, ни хлѣбы на Второмъ Бдѣніи: Но аще и велми мало новая не у благословенная представляй. Елей сей, егоже благословилъ еси, аще есть иконостасъ (т. е. если по уставу положено цѣлованіе иконы святого или праздника посреди церкви) на цѣлованіи образа людей знаменай, можеши же и въ брашнехъ снѣсти. Вино же испити съ благоговѣніемъ, обаче якоже благословенная: хлѣбы же на раздаяніе Доры раздробивъ раздавай: или въ Дому честно на трапезѣ прежде общихъ брашенъ яждь. Пшеницу же или сей, или съ иною измели, и съ Благодареніемъ иждиви. Литургисати же сими Хлѣбы или Виномъ да не дръзнеши, по правилу Номоканонному, о священнодѣйствіи, Листъ 122" [750]).

Вопросы о совершеніи таинства елеосвященія, поднятые на данномъ засѣданіи не были рѣшены полностью. Только вопросъ о елеѣ, остающемся послѣ совершенія этого таинства, былъ рѣшенъ въ согласіи съ тѣми правилами, какія впослѣдствіи вошли въ Требникъ Петра Могилы [751]). Вопросъ о совершителяхъ этого таинства рѣшенъ былъ на одномъ изъ послѣдующихъ собраній.

Слѣдующій вопросъ—о совершеніи таинства исповѣди вообще и надъ преступниками въ частности—въ эпоху, предшествовавшую собору, именно—во время управленія западно-русскою митрополіей Исаіей Копинскимъ, вызывалъ особое вниманіе церковной власти въ Западной Руси. Въ упомянутыхъ выше „пун-

ктахъ“ или „кондиціяхъ“ митрополита Исаіи по этому вопросу высказаны слѣдующія мысли: а) въ пунктѣ 11—„До хорыхъ ити не лѣноватися, дьяковъ не посылаючи и о причастіи св. Таинъ не торговатися“, въ пунктѣ 14—„Тые, которые караны бываютъ отъ свѣцкаго уряду на горлѣ, абы были исповѣданы и Таинъ Христовыхъ причащены, пилно просити уряду, абы того дня не были караны на горлѣ“, въ пунктѣ 15—„Тыхъ невѣстъ, которы дѣти рождаютъ, а изъ свѣта того исходятъ, тогожъ часу обмывати, абы были причащены“, въ пунктѣ 16—„А которые бываютъ барзо хорые, и изъ свѣта исходятъ и не могутъ мовити, и не исповѣдалися, а прагнуть таинъ Христовыхъ, же бы не гназмою, але самымъ Тѣломъ и Кровію Христовою были причащены, пильная есть того потреба“ [752]). На основаніи изложенныхъ „кондицій“ митрополита Исаіи Копинскаго, можно утверждать, что въ эпоху, непосредственно предшествовавшую разсматриваемому собору, въ православной Западной Руси наибольшую остроту имѣли слѣдующіе четыре вопроса, относящіеся къ совершенію таинства покаянія, при напутствованіи больныхъ и умирающихъ: а) объ уклоненіи западно-русскихъ православныхъ священниковъ отъ совершенія этого таинства по различнымъ побужденіямъ, въ частности и по корыстнымъ побужденіямъ, б) о напутствованіи преступниковъ, присужденныхъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, в) о напутствованіи умирающихъ дѣвицъ, родившихъ незаконныхъ дѣтей и г) о напутствованіи больныхъ, находящихся въ безсознательномъ состояніи. Выраженіе Саковича въ его описаніи даннаго засѣданія: „объ исповѣди и разрѣшеніи больныхъ“ даетъ полное право утверждать, что соборное сужденіе въ данномъ случаѣ касалось не только исповѣди больныхъ, но и причащенія ихъ, т. е. напутствованія. Одно мѣсто изъ вышеупомянутаго предисловія къ Требнику Петра Могилы даетъ основаніе поставить въ связь соборныя сужденія даннаго засѣданія по вопросу о напутствованіи больныхъ и умирающихъ съ только что изложенными „пунктами или кондиціями“ митрополита Исаіи Копинскаго. Именно, въ предисловіи къ Требнику Петра Могилы читаемъ слѣдующія слова по поводу неисправностей въ домогилянскихъ печатныхъ западно-русскихъ православ-

ныхъ Требникахъ: „Неменшій и овый есть непотребный придатокъ въ Требнику Стрятинскомъ (разумѣется Требникъ, изданный въ Стрятинѣ Львовскомъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ въ 1606 году), албо рачей нелѣпая церемонія о Причащеніи Агіязмою, або святою Водою Богоявленскою, щирый то есть забобонъ, о которомъ въ грецкихъ Требникахъ жадной замѣнки нѣмашъ, въ Церкви бо вѣмъ святой Восточной, едино Причащеніе Тѣла и Крове Спасителя нашего Іисуса Христа, подъ обома Хлѣба и Вина быти знаемо, а причащеніе Агіазмою истая есть непотребница, и старый забобонъ“ [753]). Въ этихъ словахъ митрополита Петра Могилы нельзя не видѣть сходства съ вышеизложеннымъ 16 „пунктомъ“ митрополита Исаіи Копинскаго. При этомъ въ словахъ Петра Могилы ясно оттѣнено крайнее недовольство этого митрополита обычаемъ причащать агіасмою, недовольство, вызвавшее со стороны автора предисловія нѣкоторое нарушеніе исторической правды, такъ какъ причащеніе агіасмою въ древней вселенской церкви примѣнялось по отношенію къ тѣмъ вѣрующимъ, которые были отлучены отъ Причащенія Св. Таинъ [754]). Недовольство этимъ чиномъ, выраженное Петромъ Могилою вскорѣ послѣ разсматриваемаго собора и осужденія этого чина Исаіей Копинскимъ незадолго до этого собора, даютъ основаніе предполагать, что послѣобѣденное соборное засѣданіе 11 сентября, обсуждая вопросъ о напутствованіи больныхъ, не могло не коснуться и больного вопроса о причащеніи агіасмою умирающихъ, находящихся въ безсознательномъ состояніи. А если это такъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ на засѣданіи въ полномъ согласіи съ мыслью 16 кондиціи Исаіи Копинскаго и предисловія Петра Могилы. Можно думать, что не будетъ большою погрѣшностью, если предположить, что на разсматриваемомъ засѣданіи въ согласіи съ тѣми же кондиціями, приведенными выше, былъ поставленъ и рѣшенъ и вопросъ о напутствованіи осужденныхъ преступниковъ, и вопросъ о напутствованіи умирающихъ дѣвицъ, родившихъ незаконныхъ дѣтей. Вопросъ о томъ, какъ проводить праздники, обсуждался не только на разсматриваемомъ собраніи, но и на собраніи 15 сентября. Саковичъ подробнѣе излагаетъ соборныя постановленія, вы-

несенныя по этому вопросу на засѣданіи 15 сентября. Относительно же даннаго собранія можно, опираясь на свидѣтельство Саковича, сказать, что теперь этотъ вопросъ разсматривался преимущественно со стороны устава—со стороны литургической.

Слѣдующее постановленіе разсматриваемаго засѣданія сохранилось не только въ сокращенной передачѣ Саковича, но и въ томъ видѣ, какъ оно было формулировано на самомъ разсматриваемомъ соборѣ его участниками. Это постановленіе—о противосолоніи и о погребальномъ шествіи—составляетъ „26 канонъ“ разсматриваемаго собора. Этотъ канонъ полностію напечатанъ въ Требникѣ Петра Могилы, на 546 листу. Текстъ его таковъ. „Канонъ 26, Собору Кіевскаго, бывшаго року 1640: о погребной Процессіи, и о Литіи коло Церквѣ. Ижъ Церковь наша Россійская Вѣру Святую Православную и Крещеніе отъ церкве св. Константинопольской, а образъ и вси звычаи, и обряды церковныи принялажъ: зачимъ яко въ иншихъ обрядахъ зъ оною згожатися хочемъ, такъ и въ церемоніи проваженя умерлыхъ: повагою теды тѣперешнего нашего св. Собору, установляемъ, абы священницы, умерлого провадячи, не за тѣломъ, где покровеннымъ и инымъ свѣцкимъ христіаномъ ити належитъ, але предъ тѣломъ, абы отъ того часу ходили, ведлугъ звычаю св. великое Церкве Константинопольской. Также літію, або процесію около церкве такъ маютъ отправовати, противко солнцу, тоесть: отъ запада на востокъ, а не отъ востоку на западъ. А подъ винами на Епископа: а на упорного подъ правильнымъ каранемъ, а на остатокъ и подъ изверженемъ“ [755]). Цѣнность этого текста соборнаго канона не ограничивается тѣмъ, что здѣсь вполнѣ опредѣленно, съ мотивировкою, выражается мысль, высказанная соборомъ по данному вопросу. Приведенный текстъ имѣетъ и то значеніе, что даетъ интересный образецъ формулировки постановленій разсматриваемаго собора, не сохранившихся полностью. Основная мысль канона передана Саковичемъ точно, но имъ, естественно, опущены детали. Подлинный текстъ канона воспроизводитъ эти детали и въ отношеніи мотивировки постановленія, и въ отношеніи церковно-юридическихъ гарантій его исполненія. Характерно выраженіе: „повагою теперешнего нашего св. Собору“, харак-

терно въ смыслѣ признанія за соборными постановленіями внутренней силы, опирающейся на церковно-іерархическихъ полномочіяхъ („святого“) его участниковъ.

Постановленіе разсматриваемаго соборнаго засѣданія по вопросу о совершеніи чина погребенія передано Саковичемъ правильно, но далеко не полно. Не только детали, отмѣченныя нами выше, но и мысли постановленія переданы Саковичемъ не полно. Сохранился еще одинъ канонъ разсматриваемаго собора, сохранился полностію въ томъ же Требникѣ Петра Могилы. Канонъ этотъ касается вопроса о совершеніи священническаго погребенія. Можно думать, что Саковичемъ этотъ канонъ опущенъ сознательно, въ виду очевидной нравственной высоты и чистоты выраженныхъ въ немъ мыслей, что было бы далеко нежелательно воспроизводить Саковичу, неизмѣнно иронизирующему въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, надъ постановленіями описаннаго имъ собора и надъ православною церковію вообще. Текстъ этого, восполняющаго повѣствованіе Саковича, соборнаго постановленія напечатанъ на 551 листу Требника Петра Могилы и читается такъ: „Канонъ 66 Собору Кіевского, бывшаго въ лѣто 1640: о Погребѣ Священническомъ, и о памятехъ по немъ. Поневажъ Приказане Збавителево въ новой благодати, новое всѣмъ Христіаномъ, черезъ которое маются показовати быти Учениками Его, то есть любити другъ друга, подано есть: А въ выполненю всѣхъ Приказаній Господнихъ, Священницы горячшими и прудшими яко переднѣйшіе Тѣла Церкве Христовы члонки над иншіе найдоватися маютъ: Претожъ в томъ Приказаню, не только ку живымъ досконалшими быти найдоватися маютъ, але особливе и ку тыхъ, которые з того свѣта въ Вѣрѣ Православнной преставляются, а звляща противко ближшихъ братій своихъ священниковъ; гдыжъ порядная любовь отъ себе самаго починяется. Зачимъ повагою св. Собору нашего теперѣшнего постановляемъ, абы скоро едно который священникъ въ которой колвекъ Протопопіи, чрезъ смерть зъ того свѣта преставится, найближшій священникъ своему Протопопѣ, абы заразъ о смерти его знати далъ: а Протопопа маетъ листомъ своимъ заразъ всѣхъ въ его Протопопіи будучихъ священниковъ обвѣстити, и часъ певный яко найблизшій

погребови зложити, на который самъ маетъ зъѣхати, и умерлого священника тѣло соборнѣ ховати: Службу Божію на погребѣ соборнѣ служити: и и заразъ межи священниками въ всей своей Протопопіи, такъ Службы Божіе роздѣлити, же бы досконале Сорокоустъ вышолъ: а то безъ вшелякое нагороды отъ умершого позосталыхъ повинныхъ, дармо быти маетъ. А тое священницы подъ ласкою Божіею и подъ неблагословеніемъ святого собору нашего заховывати повинни будутъ. Памятаючи на то, же яко хотѣли бы абы имъ другіе по смерти тую почесть чинили, такъ и они другимъ чинити маютъ“ 756.) Нельзя съ несомнѣнностію утверждать, что этотъ канонъ былъ выработанъ именно на послѣобѣденномъ соборномъ засѣданіи 11 сентября. Очень возможно, что онъ вынесенъ на одномъ изъ послѣдующихъ засѣдній Кіевскаго собора 1640 года. На это, повидимому, указываетъ и порядковая цифра канона 66, сравнительно далеко отстоящая отъ вышеприведеннаго 26 канона, вынесеннаго несомнѣнно на разсматриваемомъ засѣданіи. Тѣмъ не менѣе, мысль о томъ, что Саковичемъ этотъ 66 канонъ опущенъ, не теряетъ своей силы. Въ описаніи дальнѣйшихъ соборныхъ засѣданій Саковичъ не воспроизводитъ содержанія этого канона. Мысли канона кратко можно передать такъ: о смерти каждаго приходскаго священника сосѣдній священникъ немедлено даетъ знать протопопу, которой назначаетъ день погребенія и для участія въ погребеніи созываетъ всѣхъ священниковъ протопопіи, принимая и самъ участіе въ погребеніи, при чемъ и заупокойная литургія и самый чинъ погребенія совершается соборнѣ, а затѣмъ между священниками протопопіи распредѣляется совершеніе заупокойныхъ литургій по скончавшемся священникѣ, ихъ собратѣ, такъ, чтобы такихъ литургій было совершено сорокъ въ теченіе сорока дней. Всѣ труды, связанные съ участіемъ въ погребеніи и поминовеніи скончавшагося собрата, священники протопопіи должны свершать безплатно, ничего не требуя отъ осиротѣлой семьи умершего, во имя Христовой заповѣди о любви, во имя пастырскаго своего званія, и ради того, чтобы и каждый изъ нихъ могъ надѣяться на вниманіе собратій—священниковъ послѣ своей кончины. Нарушите-

лямъ этого требованія соборъ грозитъ своимъ неблагословеніемъ, а исполнителямъ преподаетъ благословеніе Божіе.

О слѣдующемъ засѣданіи Саковичъ говоритъ: „12 сентября въ утреннемъ собраніи, читали катихизисъ, начиная отъ слова во единую святую, соборную и апостольскую Церковь“, и что значитъ слово „въ Церковь“. Потомъ о количествѣ церковныхъ таинствъ читано, которыхъ 7: 1. Крещеніе, 2. Миропомазаніе, 3. Евхаристія, 4.Покаяніе, 5. Священство, 6. Бракъ, 7. Елеосвященіе или послѣднее помазаніе. Была также рѣчь о формахъ таинствъ, особенно о формѣ причащенія, вслѣдствіе вопроса о. Панкратія, въ какое время и при какихъ словахъ совершается таинство Причащенія. Послѣ долгаго спора рѣшили обратиться къ патріарху“. Такимъ образомъ утреннее засѣданіе 12 сентября было почти исключительно посвящено чтенію „Православнаго Исповѣданія“. Началось чтеніе съ 82 вопроса—о 9 членѣ символа вѣры. Какъ видно изъ приводимыхъ ниже словъ Саковича о дальнѣйшихъ соборныхъ засѣданіяхъ, чтеніе „Православнаго Исповѣданія“ 12 сентября закончилось 119 вопросомъ. Въ 107 отвѣтѣ рѣшается вопросъ о времени пресуществленія св. Даровъ [757]). Тѣмъ не менѣе, возможно согласиться съ тѣмъ, что Саковичъ не погрѣшаетъ противъ исторической правды, когда говоритъ, о вопросѣ о. Панкратія Гридича относительно времени пресуществленія, потому что въ современныхъ собору Служебникахъ не видимъ прямого указанія по этому вопросу, только врядъ ли справедливы слова Саковича о томъ, что этотъ вопросъ не былъ окончательно рѣшенъ на соборѣ и переданъ на разсмотрѣніе патріарха [758]).

О послѣобѣденномъ засѣданіи 12 сентября Саковичъ говорилъ: „Въ тотъ же день послѣ обѣда, читали правила, чтобы Русскія кухарки не служили Жидамъ, и чтобы Русь не покупала мяса у жидовъ, которые, обрѣзавъ и осквернивъ его, продаютъ христіанамъ“ [759]). Очевидно, что на этомъ засѣданіи обсуждались и другіе вопросы.

Слѣдующее соборное засѣданіе было послѣ обѣда 14 сентября. „Въ тотъ же день (разумѣется 14 сентября), послѣ обѣда читали катихизисъ, начавши отъ словъ „чаю воскресенія мертвыхъ„'

и вплоть до конца (разумѣется: до конца этого члена) потомъ весь „Отче нашъ“ и 9 блаженствъ. Потомъ былъ читанъ уставъ Кіевскаго братства, при чемъ его милость о. митрополитъ просилъ соборъ, дабы онъ навсегда обезпечилъ Кіевскія школы, такъ какъ все это, говорилъ онъ, устроено большими суммами и усиленнымъ стараніемъ. Тутъ же онъ снова припомнилъ, чтобы Кіевскій ректоръ служилъ съ набедренникомъ“. Изъ дѣйствій даннаго соборнаго засѣданія заслуживаютъ особаго вниманія заслушаніе соборомъ устава Кіевскаго Богоявленскаго братства и просьбы митрополита Петра Могилы объ обезпеченіи Кіевскихъ школъ. Уставъ Кіевскаго братства былъ выработанъ ранѣе собора 1640 г., но соборной санкціи онъ еще не получилъ до момента разсматриваемаго засѣданія [760]). Можно думать, что этотъ уставъ былъ теперь прочитанъ съ тою именно цѣлью, чтобы дать ему соборное утвержденіе. Забота митрополита Петра Могилы о Кіевскихъ школахъ съ самаго начала его церковной дѣятельности неизмѣнно находила яркія выраженія и сказывалась самыми благими послѣдствіями на существованіи и развитіи этихъ школъ. Кромѣ личнаго искренняго расположенія къ церковно-прсвѣтительной дѣятельности вообще, эта забота вызывалась еще и особыми побужденіями, именно—ихъ исключительной цѣнностью для православія въ дѣлѣ его защиты отъ его враговъ—католиковъ, уніатовъ и т. п. Большимъ стараніемъ создавались эти школы, какъ при Кіево-Печерской лаврѣ, такъ и при Кіевскомъ братствѣ. Реформированная Петромъ Могилой братская Кіевская школа стала первымъ на Руси высшимъ учебнымъ заведеніемъ—Коллегіей (впослѣдствіи Академіей). И личными пожертвованіями ея фундатора—Петра Могилы, и пожертвованіями другихъ ревнителей православія—западно-руссовъ поддерживалось ея матеріальное благосостояніе[761]). Выше приведенъ одинъ трогательный случай такого пожертвованія. Умирая отъ ранъ послѣ Хотинской битвы, знаменитый запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный пишетъ свое завѣщаніе. И на смертномъ ордѣ онъ помнитъ о Кіевскихъ школахъ, объ ихъ великомъ церковномъ значеніи. Въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ завѣщаетъ на ихъ нужды обильную матеріальную жертву. На соборномъ засѣданіи 14 сентября митрополитъ Петръ Могила, моти-

вируя необходимость общецерковной помощи Кіевскимъ школамъ въ матеріальномъ отношеніи, напоминаетъ участникамъ засѣданія о такихъ матеріальныхъ жертвахъ, какъ указанная нами предсмертная жертва Сагайдачнаго, напоминаетъ и о тѣхъ трудахъ, какими созданы Кіевскія школы. Актомъ вниманія къ этимъ школамъ со стороны собора было награжденіе ихъ ректора набедренникомъ—епигонатіемъ. Этотъ, въ существѣ дѣла малозначительный, актъ даетъ основаніе предположить, что соборъ вообще сочувственно отнесся къ нуждамъ Кіевскихъ братскихъ школъ и согласился съ предложеніемъ и просьбою Петра Могилы объ обезпеченіи ихъ въ матеріальномъ отношеніи [762]).

„15 сентября утромъ было окончено чтеніе катихизиса, повѣствуетъ Саковичъ: читали о вѣрѣ, любви и надеждѣ. А потомъ объ установленныхъ и частныхъ постахъ, о воскресныхъ дняхъ и праздникахъ: простой человѣкъ, неувольнившій въ праздникъ слугъ свихъ или крестьянъ отъ работъ, отлучается отъ церкви и предается проклятію; священникъ лишается своего сана и проклинается.“

„Въ тотъ же день послѣ обѣда былъ поставленъ вопросъ: согласятся ли всѣ, особенно изъ болѣе важныхъ пословъ, игуменовъ, на слѣдующія три предложенія. Именно: первое—24 священника, выбираемые въ судъ священническій, или поповскій: дабы они судили подобно капитулу. Второе: чтобы о. Исаія, Никольскій игуменъ былъ признанъ докторомъ богословія. Третье: чтобы ректоръ Кіевскихъ школъ служилъ и ходилъ съ набедренникомъ“ [763]).

Вопросъ о томъ, какъ христіане должны проводить праздничные дни разсматривался въ утреннемъ засѣданіи 15 сентября по тѣсной связи этого вопроса съ четвертою заповѣдью десятословія, входящею въ третью часть „Православнаго исповѣданія“. Характерно постановленіе собора по этому вопросу—о канонической обязательности праздничнаго отдыха для рабочаго люда: соборъ обязываетъ хозяевъ отпускать своихъ рабочихъ въ праздничные дни, освобождать отъ работы подъ угрозою церковныхъ наказаній.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Саковичемъ о послѣобѣденномъ засѣданіи 15 сентября проливаютъ свѣтъ на постановленіе послѣобѣденнаго засѣданія 11 сентября по вопросу о епархіальномъ судѣ. На основаніи этихъ новыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Саковичемъ, выясняется устройство вновь устанавливаемаго органа этого суда. Такимъ органомъ, по смыслу постановленій разсматриваемаго засѣданія, должно было быть особое учрежденіе въ составѣ выборныхъ 24 священниковъ. Кому именно было предоставлено право ихъ избранія, сказать вполнѣ опредѣленно нельзя. 11 сентября въ соборномъ засѣданіи были произведены выборы 4 депутатовъ въ составъ вновь учреждавшагося органа церковнаго суда. Но нельзя утверждать, чтобы только областному собору предоставлялось право избранія такихъ депутатовъ: исторически извѣстныя опредѣленія разсматриваемаго собора не даютъ указаній по этому вопросу. Относительно устройства вновь учреждавшагося органа церковнаго суда Саковичъ сообщаетъ очень цѣнное свѣдѣніе: „дабы они судили подобно капитулу“, иначе—епархіальному крылосу. На основаніи этого выраженія Саковича можно съ увѣренностью предположить, что въ данномъ соборномъ постановленіи идетъ рѣчь именно о епархіальномъ, а не областномъ органѣ суда, такъ какъ въ своемъ устройствѣ данный органъ сближается съ епархіальнымъ крылосомъ. Кромѣ того данное свидѣтельство Саковича вполнѣ опредѣлено устанавливаетъ мысль и о порядкѣ судопроизводства въ новомъ судебномъ органѣ, сближая этотъ порядокъ съ судопроизводствомъ въ епархіальномъ крылосѣ. [764]).

Послѣдніе два вопроса, обсуждавшіеся въ разсматриваемомъ соборномъ засѣданіи, касались двухъ выдающихся участниковъ собора: Исаіи Трофимовича Козловскаго и Игнатія Оксеновича Старушича. Первый возводился соборомъ въ степень доктора богословія, а второй награждался набедренникомъ, точнѣе—палицею, такъ какъ, по словамъ Саковича, „этотъ набедренникъ есть знакъ архимандричьяго сана“ [765]). Возведеніе о. Исаіи Козловскаго въ степень доктора богословія необходимо поставить въ связь съ его трудами по составленію разсматривавшагося соборомъ „Православнаго Исповѣданія“. Этотъ крупный богословскій трудъ

о. Исаіи, счастливо отличающійся жизненностью постановки богословскихъ вопросовъ даже отъ позднѣйшаго „катихизиса“ Московскаго митрополита Филарета, былъ разсмотрѣнъ и одобренъ соборомъ, въ составѣ котораго были весьма образованные люди, слушавшіе курсы въ заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Самъ о. Исаія Козловскій также получилъ высшее образованіе на западѣ. Поэтому, по существу дѣла и съ формальной стороны ироническія замѣчанія Саковича о этомъ, что „у схизматиковъ глупые попы возводятъ въ доктора богословія“, несправедливы. 766)

Награжденіе палицею о. Оксеновича Старушича также нужно поставить въ связь съ подготовкою къ соборному разсмотрѣнію „Православнаго Исповѣданія“, а равно и съ исторіей Кіевскихъ школъ вообще: эту награду можно понимать, какъ выраженіе поощренія не только ректору Кіевскихъ школъ, потрудившемуся и при подготовкѣ къ разсматриваемому собору, и на самомъ этомъ соборѣ, но и какъ выраженіе вниманія собора къ Кіевскимъ школамъ, начальника которыхъ соборъ почтилъ своею наградою.

„16 сентября утромъ окончено чтеніе правилъ, въ которыхъ нашли, чтобы на литургіи Златоуста и Св. Василія, во время переноса Св. Даровъ, не падали бы предстоящіе въ храмѣ на землю, а только при произнесеніи: „Вонмемъ, святая святымъ“, и „Со стахомъ Божіимъ“, т. е. при возношеніи Даровъ. Снова было повторено въ тотъ день, чтобы чернецы на кумились. Также иновѣрный не можетъ быть приглашаемъ въ кумовья, а чтобы у Русскаго при крестинахъ былъ только Русскій. Въ тотъ же день была рѣчь о елеосвященіи или послѣднемъ помазаніи. Постановлено, дабы дважды или трижды въ одинъ и тотъ же день одному попу не святить и чтобы одинъ попъ елея не святилъ, а 7 поповъ: а если семи не найдется, то, по крайней мѣрѣ трое. Также одного елея дважды не святить, а для каждаго раза иное. Также была рѣчь о бракахъ и свадьбахъ, чтобы непремѣнно разспрашивали, если кто жену имѣетъ или жена мужа, хотя бы въ чужой землѣ, тогда другой не брать и за другого не идти“ 767). Такъ повѣтствуетъ Саковичъ объ утреннемъ соборномъ засѣданіи

16 сентября. Характерно выраженіе Саковича: „окончили чтеніе правилъ“. Очевидно изъ этихъ словъ, что разсматриваемое соборное засѣданіе было посвящено редактированію соборныхъ постановленій, вынесенныхъ на предшествующихъ соборныхъ засѣданіяхъ и что на данномъ засѣданіи получили окончательную редакцію тѣ именно правила, о которыхъ упоминаетъ Саковичъ, говоря объ этомъ засѣданіи. Такое пониманіе выраженія „окончили чтеніе правилъ“ вполнѣ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что на данномъ засѣданіи, какъ видно изъ вшеприведеннаго разсказа о немъ Саковича, рѣчь шла именно о тѣхъ правилахъ, какія были вынесены на предшествующихъ засѣданіяхъ. Очевидно отсюда, что теперь эти правила только редактировались соборомъ или, точнѣе, соборомъ заслушивалась редакція этихъ правилъ составленная кѣмъ либо изъ его участниковъ по порученію всего собора. Мысли, отмѣчаемая Саковичемъ въ повѣствованіи о засѣданіи 16 сентября относительно принятыхъ на этомъ засѣданіи правилъ, подтверждаютъ и дополняютъ высказанныя выше нами предложенія. Выше, по поводу соборныхъ постановленій о таинствахъ крещенія, причащенія, елеосвященія и брака нами высказано нѣсколько предположеній о сходствѣ этихъ постановленій съ мыслями „кондицій“ Исаіи Копинскаго и съ мыслями „Литургіаріона“ и Требника Петра Могилы по вопросу о названныхъ таинствахъ. Теперь эти предположенія подтверждаются: въ правилахъ о совершеніи таинства крещенія соборъ затронулъ вопросъ объ отношеніи къ иновѣрцамъ, въ правилахъ о совершеніи таинства брака—вопросъ о препятствіяхъ къ его совершенію, въ вопросѣ о совершеніи таинства елеосвященія—особенностей его чина, отмѣчаемыхъ и въ Требникѣ Петра Могилы. Свѣдѣнія, сообщаемыя Саковичемъ, дополнаютъ высказанныя нами предположенія въ томъ смыслѣ, главнымъ образомъ, что точнѣе указываютъ содержаніе соборныхъ постановленій по вопросу о совершеніи вышеназванныхъ таинствъ, дополняютъ наши предположенія и въ вопросѣ о совершеніи божественной литургіи, отмѣчая постановленіе о колѣнопреклоненіи, отсутствующее въ „Литургіаріонѣ“ Петра Могилы. Равнымъ образомъ, вопросъ воспріемничествѣ при крещеніи и

вопросъ о запрещеніи брака при наличности существующаго брака—болѣе опредѣленно оттѣняютъ смыслъ соборныхъ сужденій относительно таинствъ крещенія и брака, сравнительно съ нашими предположеніями.

Слѣдующее соборное засѣданіе Саковичъ описываетъ такъ: „Въ тотъ же день послѣ обѣда было читано о томъ, что о. игуменъ Никольскій утверждается пресвитеромъ и ревизоромъ надъ протопопами, а протопопы чтобъ понедѣльно служили у Св. Софіи; а такъ какъ протопопамъ это было тяжело, то они согласились платить по 15 грошей. Говорено было также о томъ, сколько назначить посламъ въ Царьградъ и что послать въ даръ патріарху, чтобы онъ просмотрѣлъ соборныя постановленія и, если найдетъ потребнымъ утвердилъ“[768]). Описываемое соборное засѣданіе—предпослѣднее. Въ своихъ постановленіяхъ оно коснулось вопросовъ, связанныхъ съ окончаніемъ соборной дѣятельности: вопросовъ о снаряженіи посольства къ цареградскому патріарху для представленія ему „Православнаго исповѣданія“. Кромѣ того, данное засѣданіе занималось разсмотрѣніемъ формулированныхъ и ранѣе выработанныхъ соборныхъ постановленій по вопросу о епархіальномъ устройствѣ. Именно, по этому вопросу на данномъ засѣданіи было прочитано два постановленія: а) объ учрежденіи должности ревизора надъ протопопами и назначеніи на эту должность Исаіи Трофимовича Козловскаго и б) о поседмичномъ служеніи протопоповъ при каѳедральной митрополитанской церкви св. Софіи. Слишкомъ краткое свидѣтельство Саковича объ этихъ двухъ соборныхъ постановленіяхъ лишаетъ насъ возможности уяснить ихъ смыслъ. Повидимому, должность ревизора надъ протопопами учреждалась для облегченія епархіальныхъ архіереевъ и по своей юридической сущности близка къ обязанностямъ викарія со стороны его церковно-административныхъ полномочій. Не вполнѣ ясно и постановленіе о поседмичномъ служеніи протопоповъ при митрополитанской каѳедральной церкви св. Софіи. Повидимому здѣсь разумѣются протопопы митрополичьей епархіи, которые обязывались разсматриваемымъ постановленіемъ пріѣзжать поседмично въ Кіевъ и служить здѣсь въ церкви св. Софіи. Смыслъ этого постановленія въ такомъ случаѣ можно полагать

преимущественно въ литургическихъ задачахъ. Сѣтованія митрополита Петра Могилы на то, что западно-русская православная церковь „въ обычаяхъ, относящихся къ молитвѣ . . . весьма повреждена“ подтверждаютъ приводимое нами объясненіе разсматриваемаго постановленія. Литургическія постановленія Кіевскаго собора 1640 года глубоко затрогивали вопросы богослужебной практики православной западно-русской церкви, исправляя ея дефекты, приводя ее къ единству. Осуществленіе этихъ постановленій со всею желательною точностью, естественно, должно было имѣть мѣсто въ каѳедральной митрополичьей церкви. Наблюдая здѣсь богослужебную практику, протопопы могли, по возвращеніи къ мѣсту своего служенія, съ большимъ успѣхомъ содѣйствовать ея примѣненію и подчиненными имъ приходскими священниками . . За уклоненіе отъ исполненія этого постановленія соборъ назначилъ пеню въ размѣрѣ 15 грошей 769).

Слѣдующее соборное засѣданіе, по свидѣтельству Саковича, происходило 17 сентября. „17 сентября, въ четвергъ, происходилъ соборъ о чернецахъ, дабы они, по уставу св. Василія, жили въ монастыряхъ общежительно, а если не можетъ быть установлено полное общежитіе, то, по крайности, чтобы трапеза была общая. Также если послушникъ не будетъ подчиняться настоятелю, тогда не допускать его до трапезы и исключить изъ монастыря. Вѣнчать, крестить, кумиться чернецамъ не дозволяется. Главнѣйшія лица въ монастырѣ носятъ рясу изъ французскаго сукна не дороже 4 золотыхъ; а другіе кожухъ и сермягу. Шелковаго пояса никто не долженъ носить, а если бы у кого нашелся, то отобрать въ пользу монастыря. Братства пусть не подчиняются епископамъ для сохраненія благочестія. На будущее время чернецовъ не постригать, если не будутъ послушниками въ Никольскомъ монастырѣ“ 770). Какъ видно изъ приведенныхъ словъ Саковича, разсматриваемое соборное засѣданіе было „соборомъ о чернецахъ“, было почти всецѣло посвящено вопросамъ о монашествѣ, о монастыряхъ, объ ихъ устройствѣ, объ ихъ жизни. Только одинъ вопросъ изъ числа разсмотрѣнныхъ на этомъ засѣданіи—вопросъ объ автономіи ставропигіальныхъ братствъ былъ привнесенъ на этомъ засѣданіи къ соборнымъ сужденіямъ

о чернецахъ. Но и этотъ вопросъ, какъ можно думать, былъ поднятъ на данномъ засѣданіи потому, что стоялъ въ связи съ вопросомъ объ автономіи ставропигіальныхъ монастырей. Самымъ важнымъ изъ постановленій, вынесенныхъ на этомъ засѣданіи, было, безспорно, постановленіе о братствахъ. По поводу этого постановленія ренегатъ Саковичъ въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ цитируемому сочиненію о Кіевскомъ соборѣ 1640 года обрушивается на митрополита Петра Могилу съ ожесточенными нападками. „Братства пусть не подчиняются епископамъ . . . Чтобы жили своевольно, по казацки, безъ пастыря и начальника. Обрати вниманіе, читатель, какъ Могила посѣваетъ въ братствахъ схизму и исключаетъ ихъ изъ вѣдѣнія владыкъ, довѣряясь болѣе сапожникамъ, портнымъ, пустяшнымъ людямъ въ сохраненіи схизмы, что крайне поносно для владыкъ, а именно, что господинъ братчикъ—схизматикъ, помимо своего владыки, будетъ обращаться къ патріарху, подданному Турецкому“... [771]). Нападками Саковича уясняются мотивы, по которымъ вынесено на соборѣ 1640 года постановленіе о ставропигіальныхъ братствахъ (Львовское, Виленское, Кіевское). Не одинъ Саковичъ высказывалъ такія ригористическія сужденія объ автономіи ставропигіальныхъ братствъ и монастырей. Извѣстно крайне враждебное отношеніе къ этой привиллегіи братствъ со стороны одного изъ друзей Саковича—ренегата Мелетія Смотрицкаго [772]). Могли быть единомышленники Саковича и Смотрицкаго среди западно-русской православной іерархіи и въ данное время. Поэтому то соборъ, быть можетъ по иниціативѣ присутствовавшихъ на немъ братскихъ пословъ, и оградилъ отъ возможныхъ нападокъ права ставропигіальныхъ братствъ.

Постановленія о монашествѣ и о монастыряхъ, вынесенныя на засѣданіи 17 сентября, систематизируемъ въ связи съ постановленіями по тому же вопросу, вынесенными на послѣднемъ засѣданіи разсматриваемаго собора, бывшемъ 18 сентября. Объ этомъ заключительномъ соборномъ засѣданіи, состоявшемся на одиннадцатый день послѣ открытія собора, Саковичъ повѣствуетъ такъ. „18 сентября окончено чтеніе правилъ и постановлено, чтобы всѣ монастырьки большіе и малые, не были основываемы

безъ благословенія епископовъ и безъ привиллегій. А въ которомъ монастырькѣ не будетъ 8-ми человѣкъ братьи или, по крайности, 6-ти съ послушниками, то тамъ игумена не звать игуменомъ, а только старцемъ, и то подъ началомъ другого большаго монастыря. Къ черницамъ никто не имѣетъ права ходить, кромѣ духовника. Чернецы и черницы не должны позволять себѣ жить въ деревняхъ и городахъ, не только въ монастыряхъ, а послѣднія — подъ началомъ какой либо почтенной старушки. Если кто-либо изъ братьи умретъ въ которомъ монастырѣ, тогда братья каждаго монастыря обязана, по христіанскому долгу, отслужить три литургіи за упокой его души, подъ страхомъ проклятія“ [773]). Таковы постановленія собора 17—18 сентября 1640 г. о чернецахъ. Они касаются слѣдующихъ вопросовъ: а) о порядкѣ основанія новыхъ монастырей, б) объ управленіи маленькими монастырьками вообще и женскими маленькими монастырьками въ частности, в) о монастырскомъ уставѣ, г) о мѣрахъ взысканія по отношенію къ послушникамъ, д) о мѣрахъ подготовки къ принятію монашества и е) о жизни монашествующихъ: объ ихъ одеждѣ, о поминовеніи усопшихъ братій, объ отношеніи къ мірскимъ людямъ . . . Почти всѣ эти постановленія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, воспроизводятъ нормы вселенскаго церковнаго права о монастыряхъ и о монашествѣ [774]). Исторически цѣнны эти постановленія потому, что ими отмѣчаются наиболѣе важные запросы современной собору жизни западно-русскихъ православныхъ монастырей. Таковъ, въ частности, вопросъ о порядкѣ основанія новыхъ монастырей. Мысль соборнаго постановленія по этому вопросу та, что монастыря нельзя основать безъ благословенія епископа и безъ привиллегій, т. е. безъ королевской граматы на владѣніе землею, на которой основывается монастырь. По слѣдующему вопросу соборомъ вынесены такія постановленія: а) настоятель маленькаго монастыря, имѣющаго менѣе 6 послушниковъ, называется старцемъ и находится подъ властью другого, большаго монастыря, б) во главѣ женскаго монастыря должна стоять „почтенная старушка“. Соборомъ признаны болѣе желательными общежительные монастыри, а въ необщежительныхъ узаконена общая трапеза, при чемъ въ основѣ жизни всѣхъ

монастырей долженъ лежать уставъ св. Василія Великаго. Въ число мѣръ взысканія съ послушниковъ соборъ вводитъ двѣ слѣдующія: лишеніе трапезы и изгнаніе изъ монастыря. Оригинальную мѣру принимаетъ соборъ для надлежащей подготовки къ принятію монашества: устанавливаетъ, чтобы каждый готовящійся къ постриженію проходилъ послушаніе въ Кіево-Никольскомъ монастырѣ, которому, такимъ образомъ, усвояется значеніе школы, подготовляющей монашествующихъ. Изъ постановленій о жизни монашествующихъ характерно запрещеніе для иноковъ роскошныхъ одеждъ: даже шелковый поясъ запрещается соборомъ для всѣхъ безъ исключенія иноковъ. Несомнѣнно, что данное постановленіе вызвано современнымъ собору увлеченіемъ западно-русскихъ православныхъ иноковъ роскошью одеждъ, увлеченіемъ, распространявшимся среди нихъ подъ вліяніемъ католическаго духовенства и католическихъ монаховъ, сохранившихъ и до настоящаго времени приверженность къ внѣшнему лоску, къ изысканности въ одеждѣ. Характерно также постановленіе о поминовеніи иноками усопшихъ братій. Это постановленіе стоитъ въ тѣсной идейной связи съ вышеприведеннымъ канономъ разсматриваемаго собора по вопросу о погребеніи священниковъ. Быть можетъ, въ подлинномъ текстѣ канона вопросъ о поминовеніи усопшихъ иноковъ такъ же обстоятельно освѣщается, какъ вопросъ о погребеніи священниковъ—въ 66 канонѣ. Къ сожалѣнію, подлинный текстъ канона о поминовеніи иноковъ остается для насъ неизвѣстнымъ.

18 сентября, на послѣднемъ засѣданіи разсматриваемаго собора было, по словамъ Саковича, закончено чтеніе соборныхъ правилъ. Только два изъ этихъ правилъ извѣстны намъ въ подлинномъ ихъ текстѣ. Остальныя извѣстны въ крайне сжатомъ и тенденціозномъ пересказѣ Саковича. Но и изъ того что извѣстно, можно вывести заключеніе, что соборомъ 1640 года были въ значительной степени достигнуты его цѣли и по отношенію къ разсмотрѣнію катихизиса, и по отношенію къ литургическимъ и по отношенію къ церковно-административнымъ вопросамъ, выдвигавшимся современною собору жизнью западно-русской православной церкви. Самымъ крупнымъ дѣломъ этого собора, безспорно,

нужно признать разсмотрѣніе и одобреніе „Православнаго исповѣданія“, удовлетвореніе самой острой нужды православной церкви въ Западной Руси. Но одобреніе этой книги Кіевскимъ соборомъ 1640 года не могло быть окончательнымъ: въ виду того, что въ этой книгѣ рѣшались общецерковные догматическіе вопросы, требовалось одобреніе ея вселенскою церковію, или хотя бы однимъ вселенскимъ патріархомъ. Соборъ постановилъ на предпослѣднемъ своемъ засѣданіи отправить къ патріарху посольство. Саковичъ не говоритъ, съ какими инструкціями снаряжалось это посольство къ Константинопольскому патріарху. Можно думать, на основаніи послѣдующей исторіи „Православнаго исповѣданія“, что посольству было поручено представить на разсмотрѣніе патріарха только эту книгу, а не всѣ каноны собора. Патріархъ Парѳеній Цареградскій, получивши чрезъ посольство, отправленное къ нему соборомъ, „Православное исповѣданіе“, нашелъ, что эта книга имѣетъ общецерковное значеніе и представилъ ее на разсмотрѣніе большого помѣстнаго собора въ Яссахъ (1640 г.). Кромѣ представителей Молдавской церкви, на этомъ соборѣ были два патріаршихъ экзарха: митрополитъ Парѳеній, бывшій Никейскій и ученый іеромонахъ Мелетій Сиригъ, а также представители Кіевской митрополіи: Исаія Трофимовичъ Козловскій, Никольскій игуменъ, Іосифъ Кононовичъ, ректоръ Кіевскихъ школъ и проповѣдникъ Игнатій Оксеновичъ. На Ясскомъ соборѣ и былъ разсмотрѣнъ катихизисъ Петра Могилы и исправленъ, по указанію собора, Мелетіемъ Сиригомъ. Исправленный на соборѣ, катихизисъ былъ разосланъ всѣмъ четыремъ восточнымъ патріархамъ. Каждый изъ нихъ съ соборомъ епископовъ и клира вновь разсмотрѣли катихизисъ и признали его „православнымъ исповѣданіемъ не однихъ Россовъ, но и всѣхъ грековъ“. Въ Константинопольскомъ патріархатѣ это совершилось 11 мая 1643 года. Въ полномъ видѣ катихизись былъ напечатанъ впервые въ Амстердамѣ въ въ 1662 году, а въ сокращенномъ видѣ на польскомъ языкѣ въ 1642 году, а на русскомъ—въ 1645 году въ Кіевѣ [775]). Уже эти краткія свѣдѣнія о судьбѣ догматическихъ трудовъ Кіевскаго собора 1640 года ясно показываютъ, насколько цѣнны были эти труды не только для западно-русской, но и для

всей православно-христіанской церкви и, слѣдовательно, насколько превосходитъ этотъ соборъ по своей исторической цѣнности всѣ остальные западно-русскіе соборы предшествующаго времени, соборы, никогда такъ глубоко не затрогивавшіе интересовъ православія, какъ разсмотрѣнный Кіевскій соборъ могилянской эпохи.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Епархіальные соборы

(„елекційные“ и „о справахъ церковныхъ“).

Схема исторіи епархіальныхъ соборовъ.

Древнѣйшимъ м наиболѣе устойчивымъ въ практикѣ западно-русской православной церкви видомъ епархіальныхъ соборовъ были „всегодищные“, „ерейскіе“ [776]) очередные епархіальные соборы о справахъ церковныхъ, а также и чрезвычайные такіе же соборы. Въ текстѣ древнѣйшихъ западно-русскихъ „Кормчихъ“ и въ древнихъ „поученіяхъ святительскихъ“ находимъ основанія для того, чтобы утверждать, что очередные епархіальные соборы ежегодно созывались въ „соборное“ воскресенье т. е. въ недѣлю православія и въ западно-русскихъ епархіяхъ митрополіи „всея Руси“, и въ епархіяхъ повременно возникавшихъ западно-русскихъ митрополій, и въ епархіяхъ окончательно отдѣлившейся единой западно-русской православной митрополіи. „Діоцезыальные соборы“ были и въ послѣдующее время и въ 16, и въ 17, и въ 18 вѣкахъ въ западно-русскихъ православныхъ епархіяхъ, какъ видно изъ многихъ документальныхъ данныхъ [777].) Очередные епархіальные западно-русскіе церковные соборы не всегда сопровождались обсужденіемъ болѣе или менѣе острыхъ вопросовъ церковной современности. Очень вѣроятно, что иногда эти соборы имѣли только литургическое, обрядовое значеніе, и, быть можетъ, экономическое: для епархіальныхъ архіереевъ, пріурочивавшихъ къ нимъ сборы положенныхъ доходовъ со священниковъ [778].) Болѣе содержательна была дѣятельность чрезвычайныхъ епархіальныхъ соборовъ въ православной Западной Руси, соборовъ, вызывавшихся тѣми или другими запросами современности и дававшихъ живой откликъ на эти запросы. Таковы: Львовскій

соборъ 1539 года, Львовскій соборъ 1586 года, епархіальные соборы Могилянской эпохи, Кіевскій соборъ 1 марта 1691 года. Кромѣ епархіальныхъ соборовъ о справахъ церковныхъ, въ практикѣ западно-русской православной церкви, съ 1632 года, со времени возстановленія государственныхъ правъ западно-русской православной іерархіи, отнятыхъ у нея съ введеніемъ уніи (въ 1596 году), получаютъ мѣсто епархіальные елекційные соборы. Таковы напр. Львовскій соборъ 5 апрѣля, 1641 года Люблинскій соборъ 17 февраля 1650 г. Останавливаемся сначала, въ соотвѣтствіи съ порядкомъ описанія областныхъ соборовъ, на елекційныхъ епархіальныхъ соборахъ, а затѣмъ—на епархіальныхъ соборахъ очередныхъ и чрезвычайныхъ—о справахъ церковныхъ.

А.

Епархіальные „елекційные“ соборы.

Львовскій соборъ 5 апрѣля 1641 года. 5 апрѣля 1641 года во Львовѣ, въ церкви святого Георгія происходилъ епархіальный соборъ для избранія епископа на вдовствовавшую Львовскую каѳедру. Въ составъ собора входили митрополитъ, его намѣстникъ, три настоятеля монастырей, Львовскій архіерейскій намѣстникъ со всею капитулою, представители Львовскаго ставропигіальнаго братства, около 112 представителей мѣстнаго дворянства, а также архіерейскіе намѣстники и представители братствъ изъ другихъ городовъ Львовской епархіи. Избранный на соборѣ шляхтичъ Арсеній Желиборскій, послѣ утвержденія его елекціи королемъ и послѣ принятія монашества, былъ поставленъ во епископа Львовскаго 17 ноября того же года [779]).

Люблинскій и Холмскій соборы 1650 года. Возвращаясь съ ноябрьскаго Варшавскаго сейма 1649 года, на которомъ было дано разрѣшеніе возстановить православную Перемышльскую епархію, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ посѣтилъ Люблинъ и Холмъ. Въ Люблинѣ онъ издалъ универсалы православному населенію съ приглашеніемъ собраться 17 февраля 1650 года въ пригородней Троицкой церкви и избрать кандидата на Холм-

скую каеедру. Подобные же универсалы были изданы имъ и въ Холмѣ. Какъ происходила на этомъ соборѣ елекція—неизвѣстно. Извѣстно только, что Холмскимъ епископомъ въ томъ же году былъ поставленъ Діонисій Балабанъ [780]).

Б.

Епархіальные соборы „о справахъ церковныхъ".

Львовскій соборъ 1539 года. 23 октября 1539 года король Сигизмундъ далъ грамату новопоставленному епископу возстановленной Галицкой епархіи Макарію, утвердившую за нимъ всѣ права православнаго епископа [781]).

Къ самому началу архипастырскаго служенія этого епископа относится епархіальный соборъ, созванный имъ въ каѳедральномъ городѣ его епархіи. Цѣлью этого собора было устроеніе церковной жизни въ нововозстановленной епархіи и, въ частности, устроеніе одного изъ важныхъ органовъ епархіальнаго управленія—епархіальнаго „крылоса". Состояніе нововозстановленной епархіи, по свидѣтельству документовъ, было печально. „Штожъ которая епископія митрополіи Галицкой отъ колка сотъ лѣтъ згибла была, а заронена была, не маючи пастира своего епископа въ тыхъ словутыхъ мѣстахъ, въ Галичы, въ Львовѣ, въ Каменцы Подольскомъ". [782]) „Оній Макарій, будучи вже епископомъ и видечи великое знищаніе въ церкви столечной въ Львовѣ св. великомученика Георгія и поповское убожество, за чимъ хвала Божія не можетъ справована быти въ той соборной церкви . . вчинили соборъ", „за писаньемъ и воспоминаньемъ" митрополита Кіевскаго. [783]). Въ составъ этого собора входили: Перемышльскій епископъ Арсеній, Львовскій епископъ Макарій, пресвитеры Львовскихъ приходскихъ церквей: Захарія церкви Ѳеодоровской, Стефанъ —Николаевской, Антоній—Богоявленской, Іаковъ—Благовѣщенской, Григорій—Воскресенской, Автономъ—Преображенской, Іоаннъ—Покровской, Григорій—Вознесенской и діаконъ Захарія. Были на соборѣ также и „иншіи нѣкоторыя особы" духовныя и свѣтскія. [784]). Мѣстомъ собора была Львовская церьковь св. Георгія. Предметомъ соборной дѣятельности былъ вопросъ объ устройствѣ

во Лѣвовѣ епархіальнаго „крылоса“. „Учинили есмо клиросъ“ [785]), говоритъ о дѣятельности этого собора епископъ Львовскій Макарій. Подъ именемъ епархіальнаго клироса или „крылоса“ разумѣется постоянный коллегіальный органъ епархіальнаго управленія, состоявшій изъ пресвитеровъ каѳедральнаго города епархіи, отчасти напоминающій своимъ устройствомъ древнехристіанскій пресвитеріумъ или современную духовную консисторію. Разсматриваемый соборъ установилъ во Львовѣ епархіальный клиросъ и опредѣлилъ его имущественныя и административныя права. Преимущественное вниманіе соборъ удѣлилъ правамъ перваго рода, потому, вѣроятно, что „поповское убожество“ было весьма велико во Львовѣ при совершившемся въ данное время возстановленіи Львовской епархіи и, въ зависимости отъ этого, вопросы имущественнаго характера выдвигалось на первый планъ предъ участниками собора при обсужденіи проекта учреждавшагося крылоса. Въ частности, разсматриваемый соборъ опредѣлилъ доходы крылошанъ: а) при освященіи церквей, б) при поставленіи священнослужителей, в) при служеніи сорокоустовъ, и г) на церковномъ судѣ. Въ этихъ случаяхъ крылошане пользуются слѣдующими доходами. а) Если церковь будетъ святить владыка во Львовскомъ повѣтѣ, то половина дохода отъ того посвященія принадлежитъ владыкѣ, а половина—крылошанамъ: но чтобы также одинъ крылошанинъ ѣхалъ съ владыкою на то освященіе. Если же старую церковь святить будетъ, то весь доходъ на крылошанъ. б) Если случится посвящать священника, то крылошанинъ, котораго тогда недѣльная чреда службы, будетъ ему духовникомъ и за то посвящающійся дасть ему 6 грошей. Если будетъ посвящаться сынъ какого нибудь крылошанина, то владыка не беретъ отъ него ничего. Если будетъ „потреба которому крылошанину церковь посвятити, съ того владыка ничого не маетъ брати, одно на него обѣдъ справити“. в) Если бы „кто далъ на десять сорокоустъ, владыцѣ половиця съ того“, а если на 1, 2, 3, 4 или на 5, то „на клирошане“. г) Крылошане не имѣютъ права на доходы отъ церковнаго суда. Дать „позовъ“ и „отворить правила“, т. е. привлечь къ церковно-судебной отвѣтственности и произвести церковный судъ, можетъ только епи-

скопъ, или, „въ небытность владыки“, его намѣстникъ и при этомъ „маетъ право обложити шести грошей“ [786]).

Разсматриваемый соборъ усвояетъ крылошанамъ слѣдующія церковно-административныя права: а) совмѣстнаго съ епископомъ избранія намѣстника, б) управленія епархіей во время отсутствія епископа (отъ смерти прежняго до избранія новаго епископа) въ теченіе одного года вмѣстѣ „съ паны земяны закону Грецескаго, якъ зъ малымъ такъ зъ великимъ“ и в) введенія нареченнаго епископа въ управленіе епархіей. Изложенныя постановленія были приняты соборомъ 16 ноября 1539 года. [787]).

Въ послѣдующее время они были подтверждены митрополитомъ, областнымъ соборомъ и королями. 10 января 1549 года ихъ подтвердилъ митрополитъ Макарій, 15 іюня 1566 года, на генеральномъ съѣздѣ въ Люблинѣ—король Сигизмундъ, 20 іюня 1590 года—на Берестейскомъ соборѣ—митрополитъ Михаилъ Рагоза и 12 октября 1634 года, во Львовѣ—король Владиславъ [788]).

Львовскій соборъ въ январѣ 1586 года. Въ этомъ году во Львовѣ былъ Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, издавшій здѣсь нѣсколько граматъ. Относительно одной изъ нихъ можно съ несомнѣнностью утверждать, что она была издана патріархомъ соборнѣ, была результатомъ соборнаго обсужденія. Это—грамата о священнослужителяхъ-двоеженцахъ, изданная въ январѣ 1586 года, аналогичная по содержанію съ упомянутою выше соборною граматою патріарха Іереміи по тому же вопросу. По свидѣтельству самой граматы патріарха Іоакима, соборное обсужденіе вопроса о священнослужителяхъ-двоеженцахъ происходило въ 15 недѣлю (евангеліе о Закхеѣ). Въ обсужденіи принимали участіе патріархъ, клирики, архонты въ присутствіи народа [789]).

Берестейскій соборъ 28 января 1594 года. 28 января 1594 г., въ Берестьи Литовскомъ, подъ предсѣдательствомъ и по иниціативѣ епископа Ипатія Потѣя, составился соборъ Владиміро—Волынской епархіи. Сохранился отрывокъ соборной граматы къ епархіальному духовенству [790]), „писанный у Берестьи, лѣта Божого нароженья тысяча пятсотъ девятдесятъ четвертаго, мѣсяца генваря 28 дня, на Соборѣ отъ насъ (Ипатія) зложенномъ, при собранью священническомъ“ [791]). Предметомъ этого епархіальнаго

собора служили самовольные брачные разводы, производимые іереями—„протопопами и попами“. Соборъ запретилъ и осудилъ такое явленіе, признавъ право давать разводы только за епископомъ „съ капитулою и съ крылошаны“ [792]), а нарушителямъ этого опредѣленія грозилъ „церковною клятвою изверженьемъ зъ стану своего священническаго“ [793]). Соборная грамата скрѣплена подписью и печатью одного епископа Ипатія.

Особенностью этого собора нужно признать то, что его постановленія опубликованы „для вѣдомости всѣмъ хрестьянамъ“, а не одного только духовенства [794]).

Львовскій епархіальный соборъ для справы Требника, изданнаго епископомъ Гедеономъ Балабаномъ въ 1606 году. Цѣнныя свѣдѣнія объ этомъ соборѣ содержатся въ предисловіи къ Стрятинскому Требнику 1606 года [795]). Въ началѣ этого предисловія его авторъ, епископъ Львовскій Гедеонъ Балабанъ указываетъ побужденія, по которымъ онъ приступилъ къ изданію книги и попутно сообщаетъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія вообще о справѣ богослуждебныхъ книгъ въ православной Западной Руси и о справѣ даннаго Требника въ частности. „Видяще многихъ рачителей закона Божественнаго попеченіе творящихъ о священныхъ книгахъ: имиже церковь Божіа украшается, и вѣра защищаетъ, хвала Вышняго умножаетъ, вѣрніи утверждаются, еретици побѣждаются: и людіе якоже нѣкоимъ пострѣканіемъ отъ лѣности въздвизаеми къ ученію подвижутся, и поощряютъ: найпаче же имиже Богъ умоляемъ бываетъ. Сего ради хотяще друковати книгу сію, праведно быти непщевахъ възвѣстити вамъ въ предословіи семъ, аще и прежде въ литургіяхъ възвѣстися вамъ о семъ, откуда на дѣло ея Богу поспѣшествующу прійдохъ: яко блаженаго мелетіа Папы Александрійскаго писаньми подвиженъ бывъ, но и прежде убо множае десяти лѣтъ синоду сущу въ Берестьи Литовскомъ: при митрополитѣ кіевскомъ михаилѣ рагозѣ, и прочимъ епископомъ събравшимся тогда, прежде отступленіа его съ единомыслъники своими отъ единыя святыя въсточныя каѳолическія Апостольскія церкве: многое отъ нихъ изысканіе и смотрѣніе о великомъ разногласіи дѣйствій церковныхъ бысть паче же о евхологію, сирѣчь молитвословцу, или требнику: имже

яко руководствомъ нѣкимъ художнымъ священнодѣйствующимъ наставляеми, вся яже къ съвръшенному христіанства възванію благочиннѣ навръшаютъ, и съгласуются въ яже къ Богу молбахъ, о нихже на съборѣ сърасмотрѣвше, и смиренному мнѣ епископу Лвовскому поручиша всяко тщаніе, и попеченіе сътворити о исправленіи книги тоя реченнаго Требника, и мало что по семъ михаилъ митрополитъ съ нѣкими епископы отъ святыя въсточныя церкве отступивше, и вселенскаго патріарха пастырство отринувше, по начинанію сердецъ своихъ путемъ непокорства отидоша. Азъ же обаче и пастырю своему въслѣдуя неотступнѣ, и порученное ми дѣло въ памяти имый, събрахъ многия требники елика и отъ здешнихъ предѣлъ, елика же отъ земли волоское, мултанское и сербъское: въ нихже егда разногласіе великое видяхъ, о семъ зѣло скорбяхъ: печали же лѣчбу обрѣтохъ посланіа ради къ блаженнѣйшему мелетію Папѣ александрійскому, на край внѣшняя премудрости, и нашого благороднаго наказаніа достигшому, яко изрядному кормчію корабля Христова съдержащу ему тогда намѣстіе престола константинопольскаго, възвѣщая ему о несъгласіи и неисправленіи книгъ нашихъ словенскихъ: аще неискусныхъ ради писецъ или иныхъ ради коихъ винъ, вкупѣ же моля и да тверъдаго ради и съгласнаго извѣстіа церковныхъ въслѣдованій послетъ намъ Греческій евхологъ: и не презрѣвъ моленіа моего, но посла ми служебникъ, и сію книгу Требникъ добрѣ исправленныи по древнихъ Святыя горы требникохъ, егоже и рукою своею подписавъ съ благословеніемъ пастырскимъ повелѣвая въ общую ползу великоименитому россійскому роду изобразити... Преложивше же и сію книгу Требникъ въ общую потребу церквамъ издати, но да не и о семъ мнѣніе различно кое будетъ, повелѣхомъ събору быти священниковъ въ священнодѣйствіахъ искусныхъ, прозрѣти и изслѣдовати и“ [796]). Таково свидѣтельство епископа Гедеона Балабана объ интересующемъ насъ соборѣ, а также о томъ историческомъ процессѣ, частью котораго былъ этотъ соборъ. Начало этого процесса, какъ видно изъ вышеприведеннаго свидѣтельства, восходитъ ко времени очередныхъ Берестейскихъ соборовъ предуніонной эпохи. Однимъ изъ очередныхъ Берестейскихъ соборовъ этой

эпохи на епископа Гедеона было возложено порученіе руководить справой Требника и подготовить его къ печати. Трудно точно сказать, какой именно соборъ, какого года, возложилъ это порученіе на епископа Гедеона. Несомнѣнно только, что это былъ одинъ изъ двухъ первыхъ очередныхъ Берестейскихъ соборовъ: 1590 или 1591 года, потому что въ 1592 году очереднаго собора въ Берестьи не было, а на Берестейскомъ соборѣ 1593 года не было епископа Гедеона, какъ не было его и на послѣдующихъ очередныхъ Берестейскихъ соборахъ предуніонной эпохи. Правда, въ дѣяніи очередного Берестейскаго собора 1591 года „корригованє“ церковно-богослужебныхъ книгъ поручается не Гедеону Балабану, а другимъ лицамъ, а относительно собора 1590 года нѣтъ документальныхъ данныхъ по разсматриваемому вопросу. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ основаній сомнѣваться, что справа Требника могла быть поручена епископу Гедеону однимъ изъ этихъ двухъ соборовъ, такъ какъ раньше 1590 года не было Берестейскихъ соборовъ, а съ 1593 г. по 1595 г. на этихъ соборахъ не присутствовалъ епископъ Гедеонъ. Повидимому болѣе вѣроятно, что вышеприведенное свидѣтельство епископа Гедеона относится къ собору 1591 года, глубоко затронувшему вопросъ о справѣ и изданіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Такому предположенію нисколько не противорѣчитъ замѣчаніе епископа Гедеона, о томъ что вышеупоминаемый соборъ былъ не задолго до отступничества митрополита Михаила Рагозы и его единомышленниковъ—епископовъ: очевидно эти слова относятся не къ провозглашенію уніи на Берестейскомъ соборѣ 1596 года, а къ написанію первой уніонной граматы. Получивши отъ собора отвѣтственное порученіе, епископъ Гедеонъ, серьезно взялся за дѣло и собралъ „многіе“ Требники какъ въ предѣлахъ Западной Руси, такъ и въ Валахіи, Молдавіи и Сербіи. Ознакомившись съ ними, епископъ Гедеонъ былъ пораженъ „великимъ разногласіемъ“ собранныхъ книгъ въ изложеніи чиновъ и послѣдованій частнаго богослуженія. Это разногласіе смутило епископа Гедеона онъ за совѣтомъ и за помощью обратился къ Александрійскому патріарху Мелетію Пигасу, управлявшему тогда Константинопольскимъ патріархатомъ, и просилъ патріарха прислать „греческій Евхологъ“—Требникъ.

Патріархъ внимательно отнесся къ просьбѣ епископа Гедеона и и прислалъ ему не только просимую книгу—Требникъ, но и Служебникъ. Окончательная справа Требника, подготовлявшагося къ печатанію епископомъ Гедеономъ, и была произведена на основаніи Требника, присланнаго патріархомъ Мелетіемъ Пигасомъ. Справу эту, по порученію епископа Гедеона, производилъ подлежащій нашему разсмотрѣнію „соборъ священниковъ"—епархіальный Львовскій соборъ. Время этого собора можно указать только приблизительно—на основаніи исторически извѣстной даты начала и окончанія печатанія разсмотрѣннаго соборомъ Требника. „Начатжеся Друковати Въ лѣто... 1605 мѣсяца іюля 22. А съвршися въ лѣто 1606 мѣсяца септевріа 19". [797]) Вѣроятно въ 1605 году и происходилъ разсматриваемый соборъ, имѣвшій, несомнѣнно, длительный характеръ. Участниками собора были, по словамъ вышеприведеннаго свидѣтельства епископа Гедеона", священники въ священнодѣйствіяхъ искусные", несомнѣнно, Львовской епархіи, въ предѣлахъ которой епископъ Гедеонъ могъ „повелѣтъ" священникамъ, призывая ихъ на соборъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и самъ епископъ Гедеонъ, „человѣкъ серьезно образованный [798]), принималъ участіе въ дѣятельности этого собора, въ соборной справѣ Требника. Повидимому подъ вліяніемъ соборныхъ сужденій епископъ Гедеонъ пришелъ къ мысли о необходимости дополнить присланный патріархомъ Требникъ нѣкоторыми чинами и послѣдованіями изъ старыхъ славянскихъ Требниковъ: „како пріймати отъ различныхъ ересей приходящихъ къ святѣй каѳоличествѣй апостольствѣй церкви, освященіе великаго мира и прочая". [799]) Вышеупомянутый соборъ священниковъ велъ порученное ему дѣло основательно: производилъ изслѣдованія даже „о творцахъ" или авторахъ разныхъ чиновъ послѣдованій:, между членами собора вѣроятно возникли разногласія, настолько серьезныя, что Гедеонъ Балабанъ нашелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ въ предисловіи къ Требнику и утѣшить сомнѣвающихся общимъ разсужденіемъ „о творцахъ," съ приведеніемъ мнѣній Діонисія Ареопагита, Василія Великаго и Іоанна Златоуста". [800]) Разсмотрѣнный соборомъ Требникъ былъ напечатанъ въ Стрятинской типографіи Ѳеодора Юрьевича Балабана, племян-

ника епископа Гедеона. Требникъ этотъ подробно описанъ и хорошо извѣстенъ въ наукѣ. [801]).

Белзско-Городищенскій соборъ 1626 года. Объ этомъ соборѣ извѣстно только то, что онъ былъ созванъ Холмскимъ епископомъ Паисіемъ и происходилъ сначала въ Белзѣ, а потомъ въ Городищенскомъ монастырѣ. Этотъ цѣнный фактъ—созывъ епархіальнаго собора въ эпоху крайне безправнаго положенія православія въ польско-литовскомъ государствѣ,—съ несомнѣнностью устанавливается заявленіемъ уніатскаго митрополита Рутскаго отъ 10 апрѣля 1628 года. [802])

Соборы Могилянской эпохи. Сохранились довольно опредѣленныя свѣдѣнія о епархіальныхъ соборахъ могилянской эпохи, происходившихъ въ Кіевской, Минской, Луцкой, и Львовской епархіяхъ.

Только что вступивъ на митрополичью каѳедру, Петръ Могила „разослалъ граматы съ наказомъ духовенству явиться къ опредѣленному сроку на *соборъ въ Кіевѣ*“. [803])

18 октября 1636 года *въ Могилевѣ* происходилъ епархіальный соборъ подъ предсѣда тельствомъ мѣстнаго епископа Сильвестра Коссова. На этомъ соборѣ епископъ Сильвестръ изложилъ своимъ священникамъ ученіе о семи таинствамъ, которое потомъ (17 января 1637 года) напечаталъ подъ именемъ „Дидаскаліи“. [804])

Въ Луцкой епархіи каждый годъ созывались архіереемъ епархіальные соборы. Они происходили обыкновенно въ день св. Іоанна Богослова, 26 сентября, на храмовой праздникъ Луцкой каѳедральной церкви. Дѣяніе одного изъ такихъ соборовъ было напечатано подъ заглавіемъ: „Синодъ ведле звычаю дорочнаго, отъ его милости въ Бозѣ превелебнаго господина отца Аѳнасія Пузыны зъ Козельска, епископа Луцкаго и Острозскаго, благочестиваго, септемврія 26 року 1638 въ церкви каѳедральной Луцкой, въ храмѣ св. Апостола и евангелиста Іоанна Богослова съ мнозствомъ духовенства православнаго, восточной св. церкви послушныхъ, хотливе собраннаго, спокойне и набожне отправованный“. [805])

Извѣстенъ также *Львовскій* епархіальный соборъ данной эпохи: 23 апрѣля 1642 года созванный новопоставленнымъ Львовскимъ епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ.

Въ грамат отъ 2 апрѣля 1640 г. къ Минскому братству митрополитъ Петръ Могила даетъ свѣдѣнія о епархіальномъ соборѣ („сынодъ діоцезыальный"), который былъ назначенъ на 23 апрѣля, но потомъ, вслѣдствіе вѣсти о сеймѣ, былъ перенесенъ на день св. Іоанна,о чемъ Петръ Могила объявляетъ новымъ универсаломъ. [806])

Кіевскій соборъ 1 марта 1691 года. Соборъ этотъ происходилъ при Кіево-Софійской каѳедрѣ. Въ составъ собора входили исключительно іерархическія лица, во главѣ съ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ: протопопы, приходскіе священники, митрополитанскій консисторіумъ и представители монастырей епархіи. Отъ этого собора сохранились слѣдующіе памятники: а) соборныя постановленія въ формѣ 10 заповѣдей, б) поученіе митрополита Варлаама о „блуканіи" священниковъ в) посланіе митрополита Варлаама къ заграничной паствѣ (отъ 15 марта). На основаніи этихъ памятниковъ можно опредѣлить предметъ соборныхъ сужденій. Это—„церковное благочиніе". Частными сторонами этого предмета, обсуждавшимися на Кіевскомъ соборѣ 1691 года были: а) умственныя и нравственныя качества священнослужителей (4, 5, 6, 9 и 10 заповѣди) и б) совершеніе трехъ таинствъ: покаянія (1, 2 и 3 заповѣди), крещенія (7 и 9 заповѣди) и брака (8 и 9 заповѣди). [807])

Качества священнослужителей, указываемыя этимъ соборомъ таковы: богословская и нравственная подготовленность и преданность паствѣ. О первомъ качествѣ и мѣрахъ его насажденія среди духовенства Кіевской епархіи говорятъ 4, 5 и 6 заповѣди. Общая мысль о необходимости этого качества для священнослужителей выражена въ 6 заповѣди такъ: „презвитеръ овцамъ словеснымъ паствѣ своей духовной врученнымъ имать быти вождь многоочный во умѣніи: да не слѣпецъ слѣпца водяще, оба въ яму упадутъ". Для насажденія въ епархіи богословской подготовленности среди духовенства и повышенія его нравственнаго уровня соборъ узаконилъ нѣсколько мѣръ—отрицательныхъ и положительныхъ. Мѣрою перваго рода нужно признать соборное запрещеніе поставлять въ священныя степени „невѣжды, явственныхъ безчинниковъ, ко благоговѣнію необыклыхъ, и совѣсть имущихъ пространнѣйшую, неугодную по своимъ нравамъ ко свя-

щенству, зѣло молодыхъ или искалѣченныхъ злообразно". Въ этихъ словахъ соборнаго опредѣленія указано нѣсколько качествъ кандидата священства, препятствующихъ хиротоніи, въ томъ числѣ и физическіе недостатки (безобразно искалѣченный не можетъ быть священнослужителемъ), но на первомъ мѣстѣ поставлена непросвѣщенность. 5 и 4 заповѣди указываютъ положительныя мѣры поднятія умственнаго и нравственнаго уровня духовенства. Это—прежде всего, обязательное обученіе духовнаго юношества въ Кіевскихъ братскихъ школахъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого соборнаго опредѣленія возложено соборомъ на протопоповъ. Другая положительная мѣра указывается 4 заповѣдью. Этою заповѣдью соборъ потребовалъ, чтобы всякій протопопъ Кіевской епархіи имѣлъ у себя книгу Иннокентія Гизеля „Миръ съ Богомъ и человѣкомъ", при чемъ протопопъ, кромѣ того, обязанъ былъ заботиться, чтобы всякій священникъ его протопопіи имѣлъ у себя эту книгу, а если бы кто либо изъ священниковъ „нищеты ради" не могъ пріобрѣсти ея, то переписалъ бы изъ нея для себя самое важное, необходимое; въ знаніи этой книги протопопы должны были испытывать подчиненныхъ имъ священниковъ разъ въ мѣсяцъ. Вторая черта пастыря, отмѣченная соборомъ 1691 года—преданность паствѣ, отсутствіе которой выражалось въ „блуканіи" священнослужителей съ одного прихода на другой. 10 заповѣдью соборъ запретилъ такое блуканье, а митрополитъ Варлаамъ въ особомъ поученіи обосновалъ такое запрещеніе.

Постановленія разсматриваемаго собора о совершеніи таинствъ касаются покаянія, крещенія и брака. О покаяніи говорятъ 1-3 заповѣди. Въ первой заповѣди перечисляются тѣ виды смертныхъ грѣховъ, которыхъ нельзя разрѣшать священническою властью безъ воли архіерея. Вторая и третья заповѣди касаются исповѣди іерархическихъ лицъ и узаконяютъ институтъ духовниковъ для бѣлаго духовенства и монаховъ. О таинствѣ крещенія говоритъ 7 заповѣдь, повторяющая постановленіе Кіевскаго собора 1640 года о двухъ воспріемникахъ. О совершеніи брака говоритъ 8 заповѣдь. Этою заповѣдью приходскіе священники обязывались дѣлать предбрачныя оглашенія и призывать брачующихся за не-

дѣлю до брака къ таинству исповѣди и св. Причащенія. 9 заповѣдь касается совершенія и таинства крещенія, и таинства брака—ею устанавливается метрикація: священники обязаны записывать въ одну книгу случаи крещенія а въ другую—брака.

Кромѣ изложенныхъ постановленій, Кіевскій соборъ 1 марта 1691 года, какъ можно думать, обсуждалъ вопросы о нуждахъ заграничной части Кіевской митрополіи—епархіи [808]).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Опытъ характеристики западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ со стороны ихъ устройства.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Устройство западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ.

I.

Устройство областныхъ соборовъ.

Право созыва („згромаженья“, „зложенья“) собора. Основными моментами разсматриваемаго церковно-юридическаго акта—созыва собора—являются назначеніе времени и мѣста собора, опредѣленіе его характера (открытый или покутный соборъ) указаніе его предмета и опубликованіе—разсылка пригласительныхъ граматъ-универсаловъ или „приватныхъ листовъ“.

Право созыва областныхъ церковныхъ соборовъ—древняя прерогатива *митрополита.* [809]) Принадлежала она и *западно-русскому православному митрополиту.* Онъ имѣлъ право „узвелѣть“ своему подчиненному духовенству и мірянамъ собираться на областной соборъ, имѣлъ право назначить время и мѣсто для такого собора. Это право признавали за нимъ восточные патріархи и польско-литовскіе государи. [810]) Но право созыва областныхъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ принадлежало не однимъ только западно-русскимъ православнымъ митрополитамъ. Такъ, созывъ *очередныхъ областныхъ* соборовъ узаконялся опредѣленіемъ *областного собора*, имъ же устанавливалось время и мѣсто такого собора, въ случаѣ нужды совершалась отмѣна областнаго собора, преренесеніе его срока въ одного „певнаго часа“ на другой. [811]) Иногда и созывъ чрезвычайныхъ областныхъ соборовъ осуществлялся соборно. [812]) Право созыва областного собора *для елекціи* митрополита, естественно, не могло принадлежать митрополиту, потому что такіе соборы объявлялись непосредственно послѣ смерти митрополита для избранія ему преемника. Въ такихъ

случаяхъ право созыва елекційскаго областного собора въ православной Западной Руси принадлежало или *прототронію*, или *мѣстоблюстителю* митрополіи, или митрополитанской *капитулѣ*. [813])

Созывъ покутнаго собора опредѣлялся въ Западной Руси нормами обычнаго права. По этимъ нормамъ, какъ видно изъ историческихъ источниковъ, право созыва покутнаго собора осуществлялось преимущественно епископами [814]).

Созывъ областного собора—крупное, замѣтное явленіе въ церковно-народной жизни, особенно—если предметъ созываемаго собора болѣе или менѣе глубоко затрогиваетъ жизненные народные интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы государства. Поэтому, по существу дѣла, право созыва областного собора, естественно, не можетъ стоять внѣ юрисдикціи гражданской власти, внѣ юрисдикціи представителей народа. Въ исторіи западно-русскихъ областныхъ церковныхъ соборовъ мы видимъ подтвержденіе этого общаго положенія. Созывъ областного церковнаго собора въ предѣлахъ польско-литовскаго государства находился въ зависимости отъ общихъ гражданскихъ законовъ о сеймахъ и съѣздахъ. Такъ, напримѣръ, по законамъ польско-литовскаго государства нельзя было созывать собора на то время, когда король находился въ отсутствіи—за предѣлами государства. Исключеніе допустимо было только по отношенію къ судебнымъ соборамъ. [815]) Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ созывъ областного собора былъ возможенъ въ православной Западной Руси только подъ условіемъ королевскаго разрѣшенія. Съ несомнѣнностью извѣстно, что такое разрѣшеніе было необходимымъ условіемъ созыва нѣсколькихъ областныхъ чрезвычайныхъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ о справахъ церковныхъ, въ частности—Берестейскаго „головного“ собора 1596 года. При этомъ право королевскаго разрѣшенія простиралось не только на самый фактъ созыва собора, а довольно глубоко затрогивало вопросы устройства и дѣятельности собора, а также и вопросъ о времени и мѣстѣ собора, выражалось также и въ назначеніи королевскихъ легатовъ на соборъ. [816]) Извѣстны также случаи, когда прерогативы гражданской власти въ польско-литовскомъ государствѣ по отношенію къ созыву областнаго собора еще болѣе углублялись. Такъ,

иногда самая иниціатива созыва собора, обычно принадлежавшая высшей іерархіи, принадлежала иногда гражданской власти въ лицѣ короля, или великаго князя, или сейма. Въ этихъ случаяхъ гражданскою властью опредѣлялось не только принціпіальное положеніе о необходимости созыва собора, но опредѣлялись и задачи собора и его время и мѣсто, словомъ—соборъ созывался ею. Такъ было, напримѣръ, при созывѣ упоминавшихся выше областныхъ соборовъ 15 вѣка великимъ княземъ Витовтомъ, при созывѣ Виленскаго собора королемъ Сигизмундомъ въ 1546 году, при созывѣ Львовскомъ уніоннаго собора 1629 года. Неизвѣстно: всегда или не всегда по законамъ польско-литовскаго государства требовалось гражданское разрѣшеніе на созывъ каждаго областнаго собора въ отдѣльности для вольной елекціи. Но по законамъ Московскаго государства такое разрѣшеніе, несомнѣнно, всегда требовалось при созывѣ областныхъ соборовъ для избранія западно-русскихъ митрополитовъ во время канонической зависимости западно-русской митрополіи отъ Московскаго патріархата. Извѣстны многочисленные случаи, когда право гражданской власти на участіе въ дѣлѣ созыва областного собора Западной Руси выражалось и въ томъ, что гражданская власть параллельно съ церковною обнародывала особыя граматы или универсалы о созывѣ собора, приглашая на него православныхъ западнорусовъ. [817])

Извѣстны также случаи, иллюстрирующіе противоположную мысль—о томъ, что полномочія гражданской власти по отношенію къ созыву областного церковнаго собора не были безусловны. Ограничивались эти полномочія, прежде всего, нормами, опредѣлявшими шляхетскія права въ дѣлѣ созыва собора. На это находимъ прямое указаніе въ протестаціи западно-русскаго православнаго дворянства противъ созыва Кіевскаго собора 29 іюня 1629 года. Изъ этой протестаціи видимъ, что гражданская власть могла назначать соборъ только съ вѣдома и согласія дворянства. [818])

Кромѣ того, полномочія гражданской власти по отношенію къ созыву областного собора, какъ видно изъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, имѣли силу въ Западной Руси только въ то время, когда западно-русская православная церковь нахо-

дилась въ союзѣ съ польско-литовскимъ государствомъ, а съ прекращеніемъ этого союза прекращались и разсматриваемыя полномочія гражданской власти. Такъ, напримѣръ, съ 1596 г. по 1632-й годъ большинство вышеописанныхъ соборовъ было созвано безъ ея разрѣшенія. [819])

Способъ созыва собора. Пригласительныя граматы и „приватные листы". Адресаты этихъ граматъ и листовъ. Различными способами, непохожими одинъ на другой, созывались очередные и чрезвычайные областные западно-русскіе церковные соборы. Очередные областные соборы составлялись въ силу общаго положенія о времени и мѣстѣ, назначенномъ для ихъ дѣятельности постановленіемъ учреждавшаго ихъ собора. Въ томъ случаѣ, когда обычный „часъ певный" этихъ соборовъ измѣнялся областнымъ соборомъ по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, самое соборное постановленіе по этому вопросу, обычно опубликовывавшееся наряду съ остальными соборными постановленіями, замѣняло собою спеціальныя пригласительныя граматы, обычно не примѣнявшіяся при созывѣ очередныхъ областныхъ соборовъ. Что касается чрезвычайныхъ областныхъ соборовъ, то способъ ихъ созыва былъ также не всегда однообразенъ. Иначе созывались открытые, а иначе покутные соборы. Въ первомъ случаѣ наблюдаемъ почти всегда параллельные универсалы церковной и гражданской власти о созывѣ собора, а во второмъ случаѣ способомъ созыва собора, служатъ или „приватные листы" его иниціаторовъ и организаторовъ, или же уговоръ на словахъ его участниковъ соглашавшихся по вопросу о времени, мѣстѣ и задачахъ собора при личныхъ встрѣчахъ. Иногда областные соборы составлялись безъ письменныхъ приглашеній, какъ патріаршіе соборы „присутствующихъ"—Виленскій 1588 г., Виленскій 1589 г., Кіевскій 1620 г. или Новогрудскій 1596 г. [820])

Пригласительныя граматы митрополичьи, митрополитанской капитулы, универсалы о созывѣ открытыхъ областныхъ соборовъ королевскіе или гетманскіе имѣютъ болѣе или менѣе однообразное содержаніе: дату времени и мѣста собора, болѣе или менѣе опредѣленное указаніе адресатовъ—лицъ приглашаемыхъ на соборъ и оповѣщаемыхъ о немъ. Датируется обычно и по времени,

и по мѣсту и самая пригласительная грамата или универсалъ. Иногда датировка граматы по мѣсту отличается весьма значительной точностью, какъ напримѣръ въ такой фразѣ: „Зъ монастыря Михайловскаго церкве златоверхое въ Кіевѣ“ [821]). Отъ обычныхъ универсаловъ, содержавшихъ общее приглашеніе на соборъ нужно отличать и выдѣлить, какъ самостоятельный видъ пригласительныхъ граматъ, тѣ граматы, которыя имѣютъ спеціальныхъ адресатовъ, напримѣръ—братства. Въ такихъ пригласительныхъ граматахъ, естественно, встрѣчаемъ болѣе опредѣленное указаніе на приготовленіе адресатовъ къ собору. Такія указанія видимъ, напримѣръ, въ пригласительной граматѣ митрополита Петра Могилы къ Минскому братству при созывѣ собора въ 1640 году. Указанія эти касаются выработки братствомъ посольскихъ инструкцій братскимъ посламъ на соборъ [822]).

„Приватные листы“ о съѣздѣ на покутный соборъ, напримѣръ письма владыкъ—апостатовъ при созывѣ предуніонныхъ покутныхъ соборовъ, не имѣютъ юридическаго значенія и юридически сложившейся конструкціи, отличаясь случайностью и разнообразіемъ содержанія и формы [823]).

Адресатами пригласительныхъ граматъ и универсаловъ при созывѣ областныхъ западно-русскихъ православныхъ соборовъ было обычно „все духовенство и людство“. Граматы эти разсылались „всѣмъ до вѣдомости“. Иногда же, какъ уже упоминалось выше, граматы эти имѣли спеціальныхъ адресатовъ. Можно думать, что не только братства бывали такими адресатами. По всей вѣроятности спеціальныя пригласительныя граматы на чрезвычайные областные соборы разсылались владыкамъ и виднѣйшимъ настоятелямъ монастырей, а также тѣмъ или другимъ патронамъ, напр. такимъ, какъ князь К. К. Острожскій. Спеціальныхъ адресатовъ имѣлъ всегда „позовъ“ на соборный судъ [824]).

Предсоборная подготовка. Открытымъ и покутнымъ областнымъ соборамъ о справахъ церковныхъ, а также областнымъ елекційнымъ соборамъ въ Западной Руси часто предшествовала болѣе или менѣе сложная подготовительная дѣятельность, сосредоточивавшаяся обычно около иниціаторовъ соборовъ или особыхъ лицъ, получавшихъ на эту дѣятельность особыя полномочія цер-

ковной власти, иногда же распространявшаяся по всей западно-русской православной церкви, переходя въ область общественно-государственную, затрогивая не только ревнителей православія, но и его заклятыхъ враговъ, простираясь даже за предѣлы западно-русской православной церкви въ далекія страны православной церкви, въ далекія страны православнаго Востока, какъ это было, напримѣръ, предъ Берестейскимъ соборомъ „головнымъ“ 1596 года 825).

Наиболѣе опредѣленныя задачи предсоборной подготовки выдвигались областными елекційными соборами. Эти задачи—выборъ достойныхъ кандидатовъ въ „електы“ и предвыборныя дѣйствія, направленныя къ популяризаціи имени избраннаго кандидата. Перваго рода задачу осуществляло то „взысканіе многое“, какое видимъ, напримѣръ, въ 15 вѣкѣ при избраніи на западно-русскую митрополію Іоны Глезны. Эта же задача совмѣсто со второю задачей осуществляется, напримѣръ, въ тѣхъ предсоборныхъ совѣщаніяхъ, которыя предшествовали областному елекційному собору 1690 года. О необходимости второй задачи ясно говорятъ такіе печальные факты, какъ безрезультатная елеція митрополита, происходившая въ 1663 году въ Корсунѣ. Очевидно эта неудачная елекція объясняется тѣмъ, что участники ея недостаточно подготовились, недостаточно сговорились предъ ея началомъ о пріемлемомъ кандидатѣ въ „електы“ 826).

Болѣе сложныя и разнообразныя задачи предсоборной подготовки ставились областными соборами о „справахъ церковныхъ“. Таковы, напримѣръ, соборы, разсматривавшіе церковно-учительныя и церковно-богослужебныя книги, предназначавшіяся къ изданію для общецерковнаго пользованія въ православной Западной Руси. Самая подготовка этихъ книгъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію собора—дѣло весьма сложное, особенно при тогдашнемъ состояніи православно-богословской науки. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой трудъ, какъ „Православное исповѣданіе“ Петра Могилы былъ результатомъ длительныхъ подготовительныхъ занятій его авторовъ и занятія эти нельзя не разсматривать, какъ выраженіе подготовительной предсоборной дѣятельности, организованной митрополитомъ Петромъ Могилой и

выполненной при его ближайшемъ непосредственномъ участіи. Иногда выполненіе подготовительныхъ предсоборныхъ работъ по составленію церковно-учительныхъ книгъ поручалось особымъ соборнымъ постановленіемъ опредѣленнымъ лицамъ, достаточно подготовленнымъ и способнымъ выполнить такія работы. Такъ напримѣръ, постановленіемъ Гродекскаго покутнаго собора было поручено Полоцкому архіепископу Мелетію Смотрицкому подготовить къ слѣдующему собору катихизисъ. Не менѣе сложными были подготовительныя предсоборныя работы, связанныя съ изданіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Такова, напримѣръ, справа „Литургіаріона“ Петра Могилы. Сложная предсоборная подготовка предшествовала иногда и судебнымъ соборомъ. Такова, напримѣръ, предсоборная дѣятельность протопоповъ Зизанія и Мужиловскаго, разсматривавшихъ „Апологію“ Смотрицкаго и изложившихъ въ 105 пунктахъ ея погрѣшности для доклада собору [827]). Подготовительная предсоборная дѣятельность, естественно, должна была касаться выбора *и постановки на очередь вопросовъ*, подлежавшихъ соборному обсужденію, должна была касаться выработки программы собора. Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что этотъ моментъ предсоборной подготовки въ православной Западной Руси сосредоточивался не только въ средѣ высшей іерархіи и духовенства вообще, но затрогивалъ и православныхъ патроновъ, и широкія народныя массы, напр. въ лицѣ православныхъ западно-русскихъ братствъ. Конечно, преимущественно іерархія и главнымъ образомъ высшая іерархія въ лицѣ епископата и особенно митрополита сознавала и болѣе или менѣе осуществляла наканунѣ собора свою обязанность пастырскую „всегды скорбѣти и болѣти о справахъ церковныхъ“. Однако не только такіе ревностные іерархи, какъ митрополиты Іосифъ Солтанъ, Іовъ Борецкій, Петръ Могила, или посѣщавшіе Западную Русь восточные патріархи, напримѣръ—патріархъ Іеремія, патріархъ Ѳеофанъ, ставили на очередь для соборнаго обсужденія наболѣвшіе вопросы современной имъ мѣстной церковной жизни, но и православные западно-русскія братства. И по справедливости нужно сказать, что участіе мірянъ въ этомъ дѣлѣ никогда не шло въ разрѣзъ

съ интересами православія въ самыя бурныя эпохи церковной жизни православной Западной Руси. Формою, въ которой выражалось участіе мірянъ въ разсматриваемой стадіи предсоборной подготовки, были, съ одной стороны, „приватные листы“ патроновъ и частныя сношенія ихъ съ владыками, какъ напримѣръ письма кн. К. К. Острожскаго въ предуніонную эпоху по вопросу о предметѣ предстоявшихъ очередныхъ и чрезвычайныхъ соборовъ, а съ другой стороны—посольскія инструкціи, дававшіяся православными западно-русскими братствами ихъ посламъ при отправленіи этихъ пословъ на областные соборы. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что этими посольскими инструкціями ставились на очередь самые больные вопросы церковной современности и въ большинствѣ случаевъ ставились на очередь не безрезультатно. На знамени православныхъ западно-русскихъ братствъ во все время ихъ долгой, стойкой, доблестной борьбы съ врагами православія въ числѣ другихъ девизовъ былъ и такой: „православное церковное просвѣщеніе“. Помышляя „о наукахъ, о школахъ, о шпиталяхъ“, братства неоднократно говорятъ объ этомъ и въ своихъ посольскихъ инструкціяхъ. Далеко не всѣ представители западно-русскаго православнаго епископата времени уніонной подготовки интересовались подобнаго рода вопросами. А между тѣмъ очередные соборы этой эпохи вынесли знаменательныя постановленія по этимъ именно вопросамъ. Не будетъ произволомъ и историческою ошибкою, если въ этомъ знаменательномъ фактѣ укажемъ подтвержденіе развиваемой мысли о несомнѣнности и дѣйственности, а равно и согласіи съ нуждами православія, того вліянія, какое имѣли православныя западно-русскія братства, участвуя въ постановкѣ на очередь вопросовъ для обсужденія на областныхъ соборахъ „о справахъ церковныхъ“. Посольскія инструкціи были формою, въ которой вполнѣ законно и правильно могло выражаться это участіе [828]).

Однимъ изъ важныхъ моментовъ предсоборной подготовки въ православной Западной Руси было *предварительное обсужденіе вопросовъ*, подлежавшихъ соборному обсужденію и рѣшенію, а также выборъ депутатовъ на соборъ и выработка для нихъ инструкціи. Такое предсоборное обсужденіе вопросовъ, подлежав-

шихъ рѣшенію собора, въ Западной Руси осуществлялось какъ церковными, такъ и гражданскими установленіями. Такъ, напримѣръ, вопросъ объ устройствѣ Львовскаго епархіальнаго крылоса, окончательно рѣшенный на областномъ соборѣ, былъ предварительно предрѣшенъ на епархіальномъ Львовскомъ соборѣ. Вопросъ объ отношеніи къ владыкамъ апостатамъ и принятой ими отъ лица западно-русской церкви уніи съ Римомъ, окончательно рѣшенный на Берестейскомъ православномъ соборѣ 1596 года, предварительно, незадолго до собора, былъ предрѣшенъ на собраніяхъ тѣхъ установленій, которыми были посланы депутаціи на этотъ соборъ. Эти депутаціи въ своихъ посольскихъ инструкціяхъ имѣли предварительное рѣшеніе вопроса: осужденіе уніи и владыкъ апостатовъ. Въ числѣ гражданскихъ установленій, дававшихъ эти инструкціи, видимъ судебныя установленія, городскія самоуправленія [829]).

Существенно важнымъ моментомъ въ предсоборной подготовкѣ въ православной Западной Руси были въ нѣкоторыхъ случаяхъ хлопоты, связанныя съ полученіемъ королевскаго разрѣшенія на созывъ собора или съ недопущеніемъ вреднаго для православія собора, созывавшагося по иниціативѣ враговъ православія. Таковы, напримѣръ, хлопоты православныхъ патроновъ о разрѣшеніи областного собора для обсужденія вопроса объ уніи послѣ ея принятія въ Римѣ епископами—апостатами, таковы дѣйствія запорожскаго казачества, направленныя противъ участія православныхъ въ Львовскомъ уніонномъ соборѣ 1629 года.

Въ нѣкоторыхъ, особо важныхъ случаяхъ, когда предъ областнымъ соборомъ стояли особенно важныя съ церковной точки зрѣнія задачи, наиболѣе глубоко затрогивавшія интересы православія, предсоборная подготовка направлялась на усиленіе состава собора путемъ энергичнаго призыва на него западно-русскихъ ревнителей православія и представителей православія съ Востока —изъ греческой и югославянскихъ церквей. Такое выраженіе предсоборной подготовки видимъ предъ Берестейскимъ октябрьскимъ соборомъ 1596 года [830]).

Однимъ изъ несомнѣнно примѣнявшихся въ православной Западной Руси выраженій предсоборной подготовки была подго-

товка рѣчей для произнесенія ихъ на соборѣ. Такова, напримѣръ, рѣчь о соборахъ, произнесенная на Кіевскомъ соборѣ 1640 года. Нельзя допустить, чтобы эта рѣчь, обнимавшая весьма широкую область церковно-историческаго матеріала, была импровизаціей ея автора. Несомнѣнно, она была результатомъ спеціальнаго продумыванія и подготовленія [831]).

Составъ собора. Историческіе факты, на основаніи которыхъ нужно рѣшать вопросъ о составѣ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, не даютъ права рѣшить этотъ вопросъ категорически, въ смыслѣ неизмѣннаго нормативнаго тезиса. Напротивъ, эти факты даютъ основаніе сказать, что составъ характеризуемыхъ соборовъ былъ далеко не однообразенъ, далеко не на всѣхъ изъ этихъ соборовъ имѣли своихъ представителей однѣ и тѣже опредѣленныя группы церковнаго общества православной Западной Руси. На нѣкоторыхъ изъ описанныхъ выше областныхъ соборовъ присутствовали только представители епископата. Таковы, напримѣръ, покутные соборы предуніонной эпохи. На другихъ соборахъ присутствовали только представители епископата и клира—бѣлаго и чернаго духовенства. Таковы, напримѣръ, Виленскіе соборы 1508 и 1510 года. На нѣкоторыхъ же изъ характеризуемыхъ соборовъ присутствовали представители и епископата, и бѣлаго и чернаго духовенства, и мірянъ. Таковы, напримѣръ, елекційные соборы 17 вѣка. Неодинаково и количество представителей каждой изъ этихъ группъ участниковъ собора на отдѣльныхъ соборахъ западно-русской православной церкви. На нѣкоторыхъ соборахъ видимъ всѣхъ „тоя области епископовъ“—всѣхъ западно-русскихъ православныхъ епископовъ во главѣ съ митрополитомъ. Такъ было, напримѣръ, на Виленскомъ соборѣ 1508 года. На другихъ соборахъ видимъ меньшее количество епископовъ. Такъ, напримѣръ, на Кіевскомъ соборѣ 1640 г. видимъ толкько одного представителя правящаго епископата—митрополита Петра Могилу и двухъ безмѣстныхъ епископовъ—представителей епархіальныхъ правящихъ архіереевъ. Остальные правящіе западно-русскіе православные епископы участвуютъ въ этомъ соборѣ чрезъ своихъ замѣстителей—пресвитеровъ. На нѣкоторыхъ соборахъ видимъ, кромѣ большаго или меньшаго коли-

чества западно-русскихъ епископовъ, представителей православнаго востока—патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ изъ Константинопольскаго, Іерусалимскаго патріархатовъ или изъ славянскихъ земель, а также патріаршихъ экзарховъ изъ восточныхъ патріархатовъ. Таковы, напримѣръ, соборы Берестейскій октябрьскій 1596 года, соборы патріарха Ѳеофана. Неодинаково было количество и представителей клира на различныхъ областныхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборахъ. Иногда на соборѣ видимъ весьма ограниченное количество чернаго и бѣлаго духовенства: архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, священниковъ, какъ напримѣръ на Виленскомъ соборѣ 1508 года, на Виленскомъ соборѣ 1510 года. Иногда же видимъ на соборѣ сотни священниковъ, какъ напримѣръ—на церковно-народномъ соборѣ митрополита Іова Борецкаго. Кромѣ клириковъ, носящихъ іерейскій санъ, иногда видимъ на соборѣ и представителей діаконата, какъ напримѣръ на православномъ Берестейскомъ соборѣ 1596 года. Количество и составъ представителей отъ мірянъ на западно-русскихъ областныхъ церковныхъ соборахъ также было неодинаково. Наибольшее ихъ количество видимъ на Берестейскомъ православномъ соборѣ 1596 года и на Кіевскомъ церковно-народномъ соборѣ времени митрополита Іова Борецкаго. Въ составѣ мірянъ, присутствовавшихъ на описываемыхъ соборахъ видимъ слѣдующія группы: а) представителей высшей мѣстной гражданской власти, напримѣръ великаго князя Витовта, съ князьями и боярами, гетмановъ, войсковую старшину, свѣтскихъ сенаторовъ, королевскихъ легатовъ, б) православную западно-русскую аристократію и шляхту—православныхъ патроновъ, в) представителей различныхъ гражданскихъ учрежденій, напримѣръ Литовскаго Трибунала, городовъ, повѣтовъ, г) представителей духовной школы (напр. дидаскалъ Кириллъ Транквилліонъ) д) представителей западно-русскихъ православныхъ братствъ [832]).

Обязанность участія въ областномъ церковномъ соборѣ. Фактическими данными вопросъ о составѣ западно-русскихъ областныхъ церковныхъ соборовъ не можетъ быть освѣщенъ настолько, чтобы можно было формулировать его рѣшеніе въ видѣ строго—опредѣленнаго нормативнаго тезиса. Такой тезисъ уста-

навливается мѣстными церковно-юридическими источниками—опредѣленіями описываемыхъ соборовъ. Въ этихъ опредѣленіяхъ, въ частности—въ опредѣленіяхъ Виленскаго собора 1508 года, Берестейскаго собора 1590 года и Берестейскаго собора 1591 г. находимъ ясныя указанія по разсматриваемому вопросу, указанія о томъ, каковъ долженъ былъ быть составъ западно-русскихъ областныхъ соборовъ елекційныхъ и о справахъ церковныхъ. Названными соборными постановленіями вполнѣ опредѣленно указывается кругъ лицъ, для которыхъ участіе въ областныхъ соборахъ было *обязанностью*. Уклоненіе отъ участія въ областномъ соборѣ есть церковное преступленіе епископовъ. Такая мысль со всею ясностью раскрывается въ постановленіяхъ вышеупомянутыхъ соборовъ 1508 и 1590 годовъ. Послѣдній изъ этихъ соборовъ распространяетъ ту же мысль и на высшее духовенство бѣлое и черное—архимандритовъ и протопоповъ и примѣняетъ къ областному очередному собору такую формулу, выражаемую отъ лица епископовъ: „соборъ на насъ самихъ и на все духовенство". Въ этой формулѣ мыслится обязанность участія въ областномъ соборѣ принадлежащею, свойственною всему епископату и всему клиру митрополичьяго округа. Берестейскій соборъ 1591 года, описывая порядокъ избранія електовъ на митрополичью и архіерейскія каѳедры, описываетъ и составъ елекційнаго собора, отмѣчая тотъ кругъ лицъ, для котораго участіе въ такомъ соборѣ было церковною обязанностью. Этотъ кругъ соборъ ограничиваетъ одними западно-русскими епископами [833]).

Кромѣ приведенныхъ церковно-юридическихъ данныхъ изъ области внутренняго помѣстнаго церковнаго права, для освѣщенія разсматриваемаго вопроса существенно важное значеніе имѣютъ и мѣстныя западно-русскія нормы внѣшняго права—церковно-гражданскія постановленія польско-литовскаго государства и граматы русскихъ государей по дѣламъ православной западно-русской церкви. Сюда относятся статьи „Pacta conventa" по вопросу о способѣ избранія западно-русскихъ православныхъ митрополита и епископовъ. Сюда же относятся и тѣ царскія граматы, которыми давалось разрѣшенія произвести „вольную елекцію" западно-русскаго митрополита. И статьи „Pacta conventa",

и названныя граматы налагаютъ обязанность участія въ областномъ елекційномъ соборѣ не только на духовныхъ лицъ, но и на мірянъ [834]).

Такимъ образомъ, на основаніи изложенныхъ церковно-юридическихъ данныхъ разсматриваемый вопросъ можно рѣшать въ въ томъ смыслѣ, что по праву, дѣйствовавшему во время описываемыхъ соборовъ въ Западной Руси, обязанность участія въ нихъ лежала на епископатѣ и духовенствѣ при созывѣ соборовъ о справахъ церковныхъ и распространялась и на нѣкоторую группу мірянъ при созывѣ елекційныхъ соборовъ [835]).

Право участія въ областномъ соборѣ. Вопросъ о правѣ участія въ областномъ западно-русскомъ соборѣ освѣщается пригласительными граматами, разсылавшимися при созывѣ такихъ соборовъ, а также вышеприведенными суммированными историческими данными о составѣ такихъ соборовъ. Какъ было сказано выше, адресатами пригласительныхъ граматъ было „все духовенство и все людство“ т. е. не только духовныя лица, но и свѣтскія лица. Очевидно отсюда, что всѣмъ членамъ церковнаго общества принадлежало право участія въ областномъ церковномъ соборѣ. Фактическія данныя, напримѣръ о составѣ Берестейскаго православнаго собора 1596 года и Кіевскаго церковно-народнаго собора времени митрополита Іова Борецкаго, подтверждаютъ такое именно пониманіе общей формулы объ адресатахъ пригласительныхъ граматъ [836]).

Основаніе полномочій участниковъ собора. Освѣщаемъ этотъ вопросъ такъ, какъ освѣщали его для себя участники описываемыхъ соборовъ. „Ἱεραρχικὴ ἡμῶν ἀυθεντεία“—іерархическую правоспособность признавали западно-русскіе митрополиты и епископы основаніемъ своихъ полномочій по отношенію къ церковному собору [837]). Эта правоспособность въ смыслѣ полноты отъ апостоловъ преемственно передаваемой церковной священной власти церковнаго учительства, священнодѣйствія и управленія, власти, принадлежащей епископату православныхъ помѣстныхъ церквей, была основаніемъ и тѣхъ полномочій, которыя осуществлялись на соборахъ представителями клира. Ихъ епископы—„имѣли при себѣ“ [838]), поручая трудиться на соборѣ совмѣстно съ

епископатомъ. Знаменательный историческій фактъ—Берестейскій православный соборъ 1596 года, соборъ, на которомъ клиръ западно-руской православной церкви, во главѣ съ двумя западно-русскими православными епископами, не послѣдовалъ за большинствомъ западно-русскихъ епископовъ и митрополитомъ—апостатами, нисколько не колеблетъ устанавливаемой точки зрѣнія. Этотъ клиръ имѣлъ всѣ свои церковныя полномочія отъ православнаго епископата. Православному епископату онъ и остался вѣренъ, „декретуя весполъ съ святымъ соборомъ "противъ епископовъ и митрополита, отступившихъ отъ православія [839].)

Основаніемъ полномочій мірянъ—участниковъ описываемыхъ соборовъ, по собственному признанію этихъ лицъ, была ихъ навственная правообязанность, какъ членовъ церкви, участвовать въ жизни церкви, иначе говоря—общая церковная правоспособность. Приведенныя ранѣе, при описаніи Берестейскаго собора 1596 г. слова посольской инструкціи Львовскаго братства вполнѣ опредѣленно подтверждаютъ устанавливаемую мысль [840]).

Идея представительства въ отношеніи къ участникамъ областного собора. Участники областныхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, кромѣ общихъ основаній своихъ полномочій, имѣли иногда спеціальныя основанія полномочій по идеѣ представительства. Эта идея осуществлялась на описываемыхъ соборахъ какъ епископами, такъ и пресвитерами и мірянами. Такое явленіе объясняется вышеизложенными мыслями по вопросу о правѣ участія въ областномъ соборѣ. Осуществленіе своего права участія въ соборѣ каждымъ членомъ западно-русской православной церкви могло быть поручено избранному представителю. Для послѣдняго данное ему порученіе и являлось спеціальнымъ основаніемъ его полномочій. Такими представителями епископата были нѣкоторые пресвитеры—участники Кіевскаго собора 1640 года, представителями капитулъ—крылосовъ были нѣкоторые члены ихъ на Берестейскомъ соборѣ 1596 года. На томъ же и на многихъ другихъ соборахъ, описанныхъ выше, видимъ мірянъ, явившихся на соборъ съ полномочіями отъ другихъ мірянъ, съ такъ называемыми „посольскими инструкціями". Этою формою—формою представительства и посольскихъ инструкцій

особенно внимательно пользовались западно-русскіе православные братчики для осуществленія своего права участія въ дѣятельности областного собора 841.)

Характеристика „посольскихъ инструкцій“, ихъ вліяніе на соборную дѣятельность, письменныя инструкціи безъ посольствъ. Нѣтъ основаній утверждать, что всѣ послы, являвшіеся съ полномочіями для участія въ разсматриваемыхъ соборахъ всегда имѣли особыя инструкціи отъ тѣхъ лицъ, которыхъ они представляли на соборахъ. Но есть основанія утверждать, что иногда такія инструкціи давались и епископамъ—участникамъ собора—отъ другихъ епископовъ, и пресвитерамъ, и діаконамъ, и мірянамъ: духовнымъ лицамъ отъ духовенства, а мірянамъ отъ мірянъ. Наиболѣе точныя данныя сохранились объ инструкціяхъ мірянамъ. Сохранились полностью такія инструкціи, относящіяся къ исторіи православнаго Берестейскаго собора 1596 года 842).

На основаніи этихъ документовъ можно составить общее представленіе о содержаніи соборныхъ „посольскихъ инструкцій“ времени западно-русскихъ православныхъ областныхъ церковныхъ соборовъ. Основнымъ содержаніемъ „посольскихъ инструкцій“ должны были быть (какъ совѣтовалъ западно-русскимъ братствамъ митрополитъ Петръ Могила) и дѣйствительно были мысли о духовныхъ нуждахъ авторовъ этихъ инструкцій и мысли о тѣхъ церковно-правительственныхъ мѣрахъ, какія признавались авторами инструкцій за необходимыя и полезныя для церкви въ виду тѣхъ духовныхъ нуждъ, о которыхъ сообщались собору свѣдѣнія въ инструкціяхъ. Мысли посольскихъ инструкцій, какъ уже было сказано выше, вліяли на составъ программы соборной дѣятельности. Иногда, какъ напримѣръ въ инструкціяхъ „посламъ“, бывшимъ на Берестейскомъ соборѣ 1596 года, избиратели давали своимъ посламъ полномочіе (письменное) сообщить собору рѣшеніе того вопроса, который долженъ былъ служить предметомъ соборнаго обсужденія. И такого рода инструкціи имѣли весьма сильное вліяніе на ходъ соборной дѣятельности, собственно на исходъ соборныхъ сужденій, на соборныя рѣшенія. Кромѣ отмѣченныхъ мыслей, служившихъ основнымъ содержаніемъ посольскихъ инструкцій, въ содержаніи этихъ

инструкцій можно отмѣтить еще слѣдующія обычныя свѣдѣнія: свѣдѣнія о составѣ посольства, которому дается инструкція. Въ содержаніи разсматриваемыхъ инструкцій встрѣчается иногда, какъ въ приведенной выше инструкціи посламъ Львовскаго братства на православный Берестейскій соборъ 1596 года, мотивировка права мірянъ на участіе въ дѣятельности областного церковнаго собора [843]).

Исторически извѣстны посланія, отправлявшіяся на областные западно-русскіе церковные соборы тѣми или другими отдѣльными лицами—православными западно-руссами (напр. артикулы уніи, составленные кн. К. К. Острожскимъ и посланные имъ на Берестейскій соборъ 1593 года чрезъ Потѣя) или цѣлыми группами церковнаго общества православной Западной Руси (напр. посланіе западно-русскихъ православныхъ воиновъ на Кіевскій соборъ 1629 года). Эти посланія можно назвать „инструкціями безъ посольствъ“ [844]).

Предметъ собора. Помѣстныя „справы церковныя“, „вещи церковныя“, т. е. вопросы помѣстнаго церковнаго законодательства, суда и администраціи—вотъ общій отвѣтъ на вопросъ о предметѣ областныхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ. Вышеизложенныя краткія свѣдѣнія по исторіи характеризуемыхъ соборовъ даютъ основанія болѣе подробно раскрыть предлагаемую формулу по вопросу о предметѣ этихъ соборовъ. Раскрываемъ эту формулу въ системѣ, опредѣляемой основнымъ дѣленіемъ органовъ церковнаго устройства (центральное, епархіальное приходское и монастырское устройство) и опредѣляемой основными тремя функціями церковной власти (учительствомъ, священнодѣйствіемъ и управленіемъ).

Относительно устройства центральныхъ органовъ помѣстнаго церковнаго управленія въ постановленіяхъ разсмотрѣнныхъ соборовъ находимъ мысли по слѣдующимъ частнымъ вопросамъ: а) объ устройствѣ областного церковнаго собора (постановленія Виленскаго соб. 1508 года, Берестейскаго собора 1590 г., Берестейскаго собора 1591 г. Кіевскаго собора—„Совѣтованія о благочестіи, православнаго Берестейскаго собора 1596 года—мысли о необходимости, состава и кругѣ полномочій областного собора [845]),

въ частности—о томъ, что изъ круга полномочій областного собора выходитъ право заключенія уніи съ латинскою церковью),[846]) б) о кругѣ полномочій митрополита (Виленскій соборъ 1508 г.—о правѣ митрополита входитъ сношеніе съ высшею гражданскою властью, о правѣ митрополита судить епископовъ; Берестейскій соборъ 1596 года—о правѣ митрополита созывать елекційный соборъ) [847]), в) о взаимоотношеніи полномочій митрополита и собора (Новогрудскій соборъ 1415 года—мысль о подсудности митрополита собору; Берестейскій соборъ 1591 года—мысль о „енералномъ“ соборѣ, какъ апелляціонной инстанціи послѣ митрополичьяго суда [848]), в) о кругѣ полномочій митрополитанской капитулы (Берестейскій соборъ 1591 года мысль о правѣ капитулы управлять митрополитанскимъ церковнымъ имуществомъ въ междумитрополитство [849]), г) о составѣ митрополитанской капитулы (Кіевскій соб. 1640 года) [850]), д) о объ отношеніи центральныхъ помѣстныхъ органовъ церковной власти къ власти патріарха (соб. 1591 г., соб. 1685 г.) [851]).

Относительно устройства органовъ епархіальнаго управленія въ постановленіяхъ характеризуемыхъ соборовъ находимъ мысли: а) о кругѣ лицъ и дѣлъ, подвѣдомыхъ власти епархіальнаго архіерея (Виленскій соборъ 1508 года, Берестейскій соборъ 1591 г.—мысль о томъ, что власть епархіальнаго архіерея ограничивается предѣлами его епархіи), объ обязанности епархіальнаго архіерея участвовать въ областныхъ церковныхъ соборахъ (см. правила соборовъ 1508, 1590 и 1591 годовъ) [852]), в) объ устройствѣ епархіальнаго крылоса [853]), г) объ обязанности протопопа участвовать въ областныхъ соборахъ (соб. 1590 г.) о должности ревизора надъ протопопами (Кіевскій соборъ 1640 года) [854]) д) о кругѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію протопопа (Кіевскій соборъ 1640 года—правило объ обязанностяхъ протопопа при погребеніи приходскихъ священниковъ, Берестейскій соборъ 1591 г.—о порядкѣ полученія освященнаго мира приходскими священниками, и о „протопопскихъ свидѣтельствахъ)“ [855]), е) о порядкѣ отпуска членовъ клира одной епархіи въ другую епархію (соб. 1508 г.) [856]).

Относительно устройства прихода въ постановленіяхъ характеризуемыхъ соборовъ находимъ мысли по вопросамъ: а) объ ограни-

ченіи юрисдикціи приходскаго священника предѣлами его прихода, (Виленскій соборъ 1508 года, Берестейскій соборъ 1591 г.), [857]) б) о правахъ патроновъ (Виленскій соборъ 1508 года), в) о порядкѣ отчужденія церковныхъ имуществъ (тотъ же соборъ [858]).

Относительно устройства органовъ власти въ монастыряхъ —мысли: а) объ обязанности архимандритовъ участвовать въ областныхъ соборахъ (Берестейскій соборъ 1591 года), б) о запрещеніи свѣтскимъ людямъ управлять монастырями (тотъ же соборъ), о порядкѣ принятія въ монашество (Кіевскій соборъ 1640 г.), г) о порядкѣ отпусковъ изъ монастырей (тотъ же соборъ), д) о минимальномъ количествѣ братіи въ монастырѣ (тотъ же соборъ), е) о порядкѣ управленія женскими монастырями, ж) о монашескомъ уставѣ (тотъ же соборъ) [859]).

Въ приведенныхъ мысляхъ, касающихся вопросовъ объ устройствѣ органовъ церковной власти или вопросовъ о церковномъ правительствѣ, можно видѣть также и освѣщеніе вопросовъ о церковномъ обществѣ, о его классахъ или состояніяхъ—о правахъ и обязанностяхъ его членовъ. Таковы, напримѣръ, мысли о правахъ епархіальнаго архіерея по отношенію къ его епархіи, о правахъ патроновъ и т. п. Вопросы, относящіеся къ ученію о церковномъ обществѣ, уясняются также и изъ разсматриваемыхъ соборныхъ постановленій, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ ученію о церковномъ управленіи: о церковномъ учительствѣ, священнодѣйствіи и управленіи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. управленіи церковными должностями, церковномъ судѣ, управленіи церковнымъ имуществомъ.

Глубоко затрогивается разсматриваемыми соборами вопросъ объ обязанности пастырскаго учительства (Берестейскій соборъ 1591 года, Кіевскій соборъ—„Совѣт. о благочест.“), въ частности: о проповѣдничествѣ, о церковно-школьной пастырско-учительской дѣятельности, о богословской наукѣ (Берестейскіе соборы, Кіевскій соборъ „Совѣт. о благочест.“), о присужденіи ученыхъ степеней (Кіевскій соборъ 1640 года), о пастырскихъ визитаціяхъ, о миссіонерскихъ путешествіяхъ „учениковъ“ епископскихъ („Совѣт. о благочест.“), объ изданіи символическихъ книгъ (Кіевскій соборъ 1640 г), о полемикѣ съ врагами церкви [860]).

Постановленія разсматриваемыхъ церковныхъ соборовъ, рѣшая вопросы, относящіеся къ пастырскому учительству, освѣщаютъ какъ область церковнаго православнаго вѣроученія, такъ и нравоученія (соборъ 1640 г.—рѣшалъ и перваго и второго рода вопросы, разсматривая „Православное исповѣданіе“).

Предметомъ дѣятельности разсматриваемыхъ соборовъ были также вопросы о власти священнодѣйствія, въ частности вопросы о принадлежностяхъ общественнаго и частнаго богослуженія и о самыхъ его чинахъ и послѣдованіяхъ (Берестейскій соборъ 1591 года, Кіевскій соборъ 1640 года—постановленія о совершеніи таинствъ) [861]).

Вопросы церковнаго управленія въ тѣсномъ смыслѣ—управленія церковными имуществами, управленія церковными должностями, церковный судъ—все это также было предметомъ дѣятельности разсматриваемыхъ соборовъ. Такъ, напримѣръ. Виленскій соборъ 1508 года говоритъ о порядкѣ отчужденія церковныхъ имуществъ, Берестейскій соборъ 1591 года говоритъ о порядкѣ управленія имуществомъ епархіи въ междуархіерейство, тотъ же соборъ долженъ былъ обсуждать вопросъ, по постановленію предшествовашаго Берестейскаго собора 1590 года, о способѣ храненія документовъ на право владѣнія церковными имуществами. Оба названные собора 1508 и 1591 года, а также „Совѣтованіе о благочестіи“ рѣшаютъ вопросы о порядкѣ замѣщенія церковныхъ должностей, о качествахъ кандидатовъ при елекціи, елекційные соборы рѣшаютъ вопросы о самомъ замѣщеніи такихъ должностей [862]). Церковно-судныя дѣла—криминальныя (напр. дѣло объ отсупничествѣ западно-русскаго епископата, рѣшенное Берестейскимъ соборомъ „головнымъ“ 1596 года) и тяжебныя (напр. тяжбы епископа Гедеона Балабана, разсматривавшіяся на Берестейскихъ очередныхъ соборахъ), также были предметомъ дѣятельности разсматриваемыхъ соборовъ [863]).

Какъ уже было сказано выше, попутно съ разсмотрѣніемъ вопросовъ, относящихся къ церковному управленію западно-русскими православными областными церковными соборами освѣщаются вопросы о церковномъ обществѣ—о его классахъ, о церковныхъ полномочіяхъ каждаго изъ этихъ класовъ. Таковы,

напримѣръ, мысли Виленскаго собора 1508 г. о запрещеніи мірянамъ имѣть у себя сборники церковныхъ правилъ, о правахъ мірянъ церковныхъ патроновъ на участіе въ замѣщеніи церковныхъ должностей, мысли Берестейскаго собора 1591 года о правахъ прихожанъ на участіе въ томъ же церковно-юридическомъ актѣ [864]).

Предметомъ разсматриваемыхъ соборовъ были также вопросы внѣшняго церковнаго права (напр. вопросъ о правѣ „подаванья“) [865]).

Объемъ полномочій областного собора. Нѣкоторые вопросы —церковной жизни, поставлявшіеся на очередь для обсужденія и рѣшенія ихъ областными церковными соборами признавались на самыхъ этихъ соборахъ выходящими изъ круга ихъ компетенціи, изъ круга полномочій этихъ соборовъ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ объ уніи православной восточной церкви съ латинскою церковію или вопросъ объ утвержденіи „Православнаго исповѣданія вѣры“, разсмотрѣннаго Кіевскимъ соборомъ 1640 года. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что кругъ полномочій разсматриваемыхъ соборовъ былъ болѣе или менѣе ограниченъ. Грань, за предѣлы которой не могъ переходить областной соборъ западно-русской православной церкви въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ церковной жизни, устанавливалась, повидимому, при свѣтѣ такого церковно-юридическаго тезиса, ясно выраженнаго въ источникахъ православнаго вселенскаго церковнаго права: сфера полномочій того или другого органа церковной власти (собора, епископа) ограничивается предѣлами только той части вселенской церкви, той части митрополичьяго округа, епархіи и т. п., надъ которою поставленъ этотъ органъ власти. Такъ напр. по апостольскимъ правиламъ, епископъ не имѣетъ никакихъ полномочій по отношенію къ епархіи другого епископа. Такъ и соборы. Областные соборы западно-русской православной церкви признавались (самими ихъ участниками) только въ тѣхъ вопросахъ компетентными, которые относились къ жизни „тоя области“—къ жизни и запросамъ западно-русской православной церкви. Равнымъ образомъ и рѣшенія, постановленія этихъ соборовъ признавались авторитетными и обязательными только по отношенію къ членамъ западно-русской православной церкви. Вопросы, имѣющіе вселенское церковное значеніе, признавались

неподлежащими компетенціи этихъ соборовъ, равно какъ и рѣшенія необязательными для лицъ, непринадлежавшихъ къ православному митрополичьему округу Западной Руси [866]).

Время и мѣсто областныхъ соборовъ. Однимъ изъ основныхъ моментовъ церковно-юридическаго акта—созыва областного собора является опредѣленіе времени и мѣста собора. Только очередные областные западно-русскіе православные церковные соборы созывались на „мѣсто певное“ и на „часъ певный“, повторявшіеся по отношенію къ отдѣльнымъ такимъ соборамъ. Время и мѣсто чрезвычайныхъ соборовъ весьма разнообразно.

Можно указать два принципа, которыми преимущественно освѣщался вопросъ о времени и мѣстѣ при созывѣ очередныхъ соборовъ въ православной Западной Руси: мысль о церковно-административномъ центрѣ и мысль о территоріальномъ центрѣ. Въ зависимости отъ перваго принципа мѣстомъ собора избирался каѳедральный городъ митрополичьяго округа: Вильна, Кіевъ, а въ зависимости отъ второго принципа—мѣсто, наиболѣе удобное для съѣзда участниковъ собора, какъ напр. Берестье Литовское. Тѣми же двумя принципами опредѣлялся выборъ мѣста и для чрезвычайныхъ областныхъ соборовъ (Новогрудскіе соборы, Виленскіе, Кіевскіе, Берестейскій 1590 года). По требованію обстоятельствъ рѣшеніе вопроса о мѣстѣ собора значительно варіировалось, особенно, при созывѣ покутныхъ соборовъ. Открытые соборы созывались преимущественно въ большихъ городахъ, а покутные—иногда и въ незначительныхъ монастырскихъ или частныхъ имѣніяхъ (напр. въ Гродекѣ на Волыни).

Дата „певнаго часа“—времени очередныхъ соборовъ извѣстна только относительно Берестейскихъ соборовъ 90 годовъ 16 вѣка —24 іюня. Даты чрезвычайныхъ соборовъ весьма разнообразны.

Сохранились болѣе частныя свѣдѣнія о времени и мѣстѣ областныхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, свѣдѣнія, освѣщающія вопросъ о времени и мѣстѣ соборныхъ засѣданій.

Мѣстомъ этихъ засѣданій былъ обычно храмъ, точнѣе-средняя часть храма противъ царскихъ вратъ. Соборованіе внѣ храма, какъ видно изъ полемической западно-русской литературы,

признавалось зазорнымъ. Только по нуждѣ соборованіе происхоисходило внѣ храма—въ частныхъ домахъ, предварительно освящавшихся, какъ это было на Берестейскомъ православномъ соборѣ 1596 года.

Временемъ соборныхъ засѣданій, какъ видно изъ исторіи Кіевскаго собора 1640 года, было утро и послѣобѣденное время [867]).

„Соборованіе", соборная „намова"—ходъ соборнымъ засѣданій и права участниксвъ собора по отношенію къ отдѣльнымъ основнымъ моментамъ дѣятельности собора. Въ ходѣ дѣятельности разсматриваемыхъ соборовъ можно указать слѣдующіе основные, повторяющіеся въ исторіи отдѣльныхъ соборовъ, моменты: литургическій моментъ, предшествующій открытію собора сопутствующій соборнымъ засѣданіямъ, размѣщеніе и открытіе собора, выборъ должностныхъ лицъ, „слушанье посольствъ", соборное обсужденіе—обмѣнъ мнѣній, голосованіе, формулировка и объявленіе соборнаго рѣшенія, запись и подписаніе его, закрытіе собора. Не на всѣхъ соборахъ эти моменты съ одинаковою раздѣльностью доступны изслѣдователю. Покутные соборы, быть можетъ, протекали по весьма упрощенному плану дѣятельности. Но важнѣйшіе изъ описанныхъ выше соборовъ развивали свою дѣятельность въ порядкѣ этихъ именно моментовъ, послѣдовательно выявляющихся въ ходѣ этой дѣятельности.

Литургическій моментъ „соборованія" историческими источниками освѣщается такъ. Въ практикѣ западно-русской православной церкви примѣнялись особыя молитвы, „обычно читавшіяся предъ началомъ собора" [868]). Эти молитвы, ихъ чтеніе предъ началомъ собора и можно считать основнымъ, обычно входившимъ въ составъ „соборованія", его литургическимъ моментомъ. Но кромѣ этого основного литургическаго момента „соборованія" исторія нѣкоторыхъ изъ характеризуемыхъ соборовъ упоминаетъ и о нѣкоторыхъ другихъ моментахъ. Такъ, напримѣръ, Берестейскому „головному" православному собору 1596 года предшествовало освященіе зала соборныхъ засѣданій. Открытію нѣкоторыхъ, быть можетъ многихъ, областныхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ предшествовало совершеніе божественной литургіи. Необходимо также замѣтить, что литургическій элементъ „соборованія" нельзя ограничивать только однимъ

моментовъ—началомъ соборной дѣятельности. На нѣкоторыхъ соборахъ молитвенный подвигъ участниковъ собора, перывая ихъ дѣловой день, неоднократно находилъ тѣ или другія формы напр. выражался въ совершеніи членами собора.—іерархическими лицами божественной литургіи въ присутствіи членовъ собора—мірянъ. Такъ было напр. на Кіевскомъ соборѣ 1640 года [869]). Равнымъ образомъ одна группа характеризуемыхъ соборовъ—именно: елекційные соборы—нерѣдко соединялись съ чисто литургическимъ моментомъ—совершеніемъ хиротоніи надъ електомъ. Такъ было напр. на вышеописанномъ ноябрьскомъ соборѣ 1415 года [870]).

Уже по отношенію къ начальному литургическому моменту соборованія кругъ полномочій участниковъ собора принадлежавшихъ отдѣльнымъ группамъ этихъ участниковъ опредѣленно разграничивается. Іерархическія лица—участники собора: епископатъ, бѣлое и черное духовенство пользуются по отношенію къ этому моменту своими іерархическими полномочіями совершать чины и послѣдованія богослуженія, а участники собора—міряне только присутствуютъ при совершеиіи этихъ чиновъ и послѣдованій. Такая же разаграниченность полномочій, принадлежавшихъ отдѣльнымъ группамъ участниковъ собора, наблюдается и по отношенію къ дальнѣйшимъ моментамъ „соборованія“ въ православной Западной Руси.

Дальнѣйшимъ моментомъ въ описываемомъ процессѣ „соборованія“ было **размѣщеніе** участниковъ собора предъ началомъ соборнаго засѣданія. Въ исторіи Берестейскаго православнаго собора 1596 года при этомъ наблюдается характерное явленіе—раздѣленіе участниковъ собора на два „кола“ или „громады“, размѣстившихся въ одномъ и томъ же залѣ соборныхъ засѣданій, но получившихъ каждая свою особую организацію съ особыми должностными лицами. Въ самомъ внѣшнемъ порядкѣ размѣщенія участниковъ собора несомнѣнно наблюдается разграниченіе привиллегій участниковъ собора. Именно, участникамъ собора іерархическимъ лицамъ усвояется преимущество чести—одна изъ каноническихъ привиллегій клира, устанавливаемая обще-каноническими источниками. Участники собора—іерархическія лица занимаютъ почетныя мѣста по старшинству своего сана или церковно

—административныхъ полномочій. Подробное свидѣтельство по данному вопросу приведно выше при описаніи Кіевскаго собора 1640 года [871]).

Открытіе собора. Выборъ должностныхъ лицъ. Слѣдующіе моменты „соборованія"—открытіе собора и выборъ должностныхъ лицъ. Въ исторіи древнѣйшихъ изъ числа разсматриваемыхъ соборовъ не находимъ упоминанія объ особыхъ должностныхъ лицахъ, избиравшихся соборомъ на время всѣхъ его засѣданій и, вообще о какихъ бы то ни было должностныхъ лицахъ собора. На соборахъ послѣдующаго времени, напр. Берестейскихъ, Кіевскихъ 16 и 17 вѣка видимъ такихъ лицъ, при чемъ ихъ соборное избраніе пріурочивается обычно къ начальному моменту „соборованія", непосредственно соединяемому съ открытіемъ собора [872]). Выборъ должностныхъ лицъ иногда, повидимому, являлся первымъ послѣ молитвы дѣйствіемъ собора. Иногда же ему предшествовала вступительная рѣчь открывавшаго соборъ іерархическаго лица [873]). Право открытія собора, несомнѣнно, составляло прерогативу іерарховъ—участниковъ собора, въ частности старѣйшаго изъ нихъ—патріарха, митрополита, предсѣдателя собора.

Должностныя лица собора. Къ числу этихъ лицъ относятся: предсѣдатель собора, маршалокъ—одинъ или два, иначе примикирій, нотаріи, члены соборныхъ депутацій, на судебныхъ засѣданіяхъ собора—кромѣ того—инстигаторъ, или духовной прокуроръ. Къ числу должностныхъ лицъ собора, не имъ избиравшихся, относятся легаты короля.

Должности предсѣдателя нельзя отождествлять съ должностью маршалка, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. [874]) О томъ, что это совершенно особыя должности, ясно свидѣтельствуетъ исторія православнаго Берестейскаго собора 1596 года. Предсѣдателемъ этого собора былъ экзархъ Никифоръ. А между тѣмъ на этомъ соборѣ производились выборы маршалковъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ „колами" [875]). Права и обязанности предсѣдателя собора сводились, повидимому, къ слѣдующему: предсѣдатель открывалъ соборъ, произносилъ, хотя это наблюдается и не всегда, вступительную рѣчь, какъ напр. митр. Іосифъ Солтанъ на Виленскомъ соборѣ 1508 года, предсѣдатель давалъ направленіе всему ходу

соборныхъ засѣданій и торжественно провозглашалъ соборное рѣшеніе, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, экзархъ Никифоръ на Берестейскомъ православномъ соборѣ 1596 года [876]).

Маршалокъ собора, иначе примикирій. Эту должность встрѣчаемъ на многихъ изъ числа вышеописанныхъ соборовъ 16 и 17 вѣка. Повидимому, эта должность возникла въ Западной Руси подъ вліяніемъ польскихъ сеймовыхъ порядковъ. Въ полемической западно-русской литературѣ маршалку усвояется почетное названіе—„отецъ соборный“. На Берестейскомъ православномъ соборѣ 1596 г. маршалки - примикиріи, подписывая соборные акты, пишутъ и названіе своей должности [877]). Очевидно это—почетная должность, соединенная съ значительными полномочіями. Маршалковъ на соборѣ иногда бывало нѣсколько (на православномъ Берестейскомъ соборѣ 1596 года было три маршалка: два для духовнаго кола и одинъ для свѣтскаго кола [878]). Маршалками духовнаго кола были пресвитеры. Маршалкомъ кола свѣтскаго былъ міряннинъ. Права и обязанности маршалковъ—примикиріевъ на этомъ соборѣ были разграничены: одинъ слѣдилъ за порядкомъ на соборѣ, другой руководилъ дѣятельностью соборныхъ нотаріевъ—секретарей собора. [879]) Такъ какъ соборные акты велись сообща духовнымъ и свѣтскимъ колами, то можно думать, что на данномъ соборѣ не было второго свѣтскаго маршалка потому, что не было бы для него такого спеціальнаго заданія, какое имѣлъ второй примикирій. Обычно обязанности двухъ соборныхъ примикиріевъ, дѣйствовавшихъ на данномъ соборѣ, объединялись въ одномъ лицѣ—въ одномъ маршалкѣ собора, которымъ было обычно духовное лицо, какъ напр. на Кіевскомъ соборѣ 1640 года [880]).

Нотаріи—лица, записывавшія соборныя постановленія. Соборныя дѣянія, соборные универсалы, соборныя граматы, соборныя инструкціи депутаціямъ, отправлявшимся отъ собора къ тѣмъ или другимъ лицамъ и учрежденіямъ и т. п. акты писались соборными нотаріями. Соборные нотаріи—это секретари собора. Ясныя указанія на эту должность находимъ въ исторіи Берестейскаго православнаго собора 1596 года [881]).

Соборныя депутаціи и соборные депутаты. Какъ видно изъ вышеприведеннаго очерка исторіи разсматриваемыхъ соборовъ,

на нѣкоторыхъ изъ нихъ выносились постановленія о посылкѣ соборныхъ депутацій къ тѣмъ или другимъ лицамъ и учрежденіямъ. Депутаціи эти называются въ историческихъ источникахъ „посольствами“, а участниками этихъ посольствъ—„депутированными“ [882]). Такія депутаціи или посольства были отправляемы вышеописанными соборами: мартовскимъ 1415 года—къ Константинопольскому патріарху и Византійскому императору, Берестейскимъ православнымъ соборомъ 1596 года—къ митрополиту и епископамъ-апостатамъ и къ королевскимъ легатамъ, Кіевскомъ соборомъ 1629 года—къ Мелетію Смотрицкому, Кіевскимъ соборомъ 1621 года—къ польскому королю, Кіевскимъ соборомъ 1640 года—къ Константинополскому патріарху [883]). Нѣкоторыя изъ этихъ депутацій осуществляли свои полномочія въ время дѣятельности собора, напр. депутаціи къ Мелетію Смотрицкому, а нѣкоторыя—по окончаніи собора, какъ напр. депутація къ королю, посланная церковно-народнымъ соборомъ 1621 года [884]). Въ составъ соборныхъ депутацій входили какъ представители епископата, напр. митрополитъ Іовъ Борецкій въ депутаціи къ Мелетію Смотрицкому, такъ и представителями клира, напр. въ депутаціяхъ къ апостатамъ, посланныхъ соборомъ 1596 года, а равно и представители мірянъ, напр. въ депутаціи къ королю, посланной церковно-народнымъ соборомъ 1621 года [885]).

Инстигаторъ—духовный прокуроръ. Эту должность встрѣчаемъ въ исторіи Новогрудскаго собора 1596 года. На православномъ Берестейскомъ соборѣ „головномъ“ 1596 года обязанности инстигатора выполняли частью епископъ Гедеонъ Балабанъ, частью предсѣдатель собора. Повидимому, эти обязанности сводились къ предъявленію обвиненія—„позова“, къ произнесенію обвинительной рѣчи и къ постановкѣ вопросовъ для обоснованія обвиненія. Судя по составу Новогрудскаго собора 1596 г., можно думать, что инстигаторомъ обычно было духовное лицо [886]).

Королевскіе легаты, какъ должностныя лица на соборѣ, выражали свое участіе въ „соборованіи“ въ томъ, что слѣдили за исполненіемъ постановленій гражданской власти о соборѣ, если тякія постановленія были (напр. на Берестейскомъ соборѣ 1596 г.), побуждали соборъ не замедлять своей дѣятельности (напр. на

Кіевскомъ соборѣ 29 іюня 1629 года), а также именемъ короля возстанавливали внѣшній подядокъ на соборѣ (напр. на томъ же Кіевскомъ соборѣ) [887]).

„**Слушанье посольствъ**“—соборное заслушаніе посольскихъ инструкцій. Важнымъ моментомъ „соборованія“, иногда предварявшимъ соборное обсужденіе, соборную „намову“, иногда привходившимъ въ нее, было соборное заслушаніе посольскихъ инструкцій. Ясное свидѣтельство о данномъ моментѣ „соборованія“ находимъ въ исторіи православнаго Берестейскаго собора 1596 г. Значеніе этого момента необходимо полагать въ томъ, что путемъ заслушанія посольскихъ инструкцій участники собора ознакомлялись съ предсоборнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ „соборованія“, съ тѣмъ именно рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, какое принималось авторами инструкцій—представителями церковной жизни на мѣстахъ. Можно думать также, что „слушанье посольствъ“ давало возможность провѣрить полномочія пословъ, установить дѣйствительность осуществлявшагося ими представительства [888]).

Соборная „намова“, „трактованье“ [889])—обсужденіе вопросовъ, служившихъ предметомъ собора. Этотъ важный моментъ „соборованія“—какъ и связанный съ нимъ слѣдущій, самый важный моментъ „соборованія“—соборное рѣшеніе и его провозглашеніе, имѣетъ много варіантовъ въ исторіи описываемыхъ соборовъ, варіантовъ, зависящихъ главнымъ образомъ отъ предмета собора. Иначе проходилъ этотъ моментъ на елекційныхъ соборахъ, иначе на соборахъ законодательно-административнаго характера, иначе —на судебныхъ соборахъ. Описанію этихъ варіантовъ предпосылаемъ свѣдѣнія болѣе общаго характера, относящіяся къ данному моменту „соборованіи“.

Соборная „намова“ складывались на описываемыхъ соборахъ изъ такихъ элементовъ: произнесеніе и заслушаніе рѣчей, докладовъ, справокъ, разсмотрѣніе документальныхъ данныхъ, относившихся къ трактовавшемуся на соборѣ вопросу, личныя и коллективныя заявленія мнѣній по тому или другому изъ детальныхъ вопросовъ, возникавшихъ при „соборованія“.

Изъ числа соборныхъ рѣчей, произнесенныхъ на описываемыхъ соборахъ, заслуживаютъ особаго вниманія: вступительныя

рѣчи. Право произнесенія этихъ рѣчей, затрогивавшихъ обычно мотивы и цѣли „зложенья“ собора, не было прерогативой предсѣдателя собора, но несомнѣнно, за исключеніемъ одного случая, было прерогативой только іерархическихъ лицъ. Міряне, несомнѣнно, не имѣли права произносить этихъ рѣчей. Исключеніе составляетъ фактъ изъ исторіи мартовскаго собора 1415 года, открытаго рѣчью Витовта [890]).

Что касается рѣчей, слѣдовавшихъ за вступительною, то такія рѣчи произносились на описываемыхъ соборахъ и представителями епископата, и представителями клира, и представителями мірянъ. На православномъ Берестейскомъ соб. 1596 г. произносили рѣчи епископъ Гедеонъ Балабанъ, митрополитъ Лука, на Кіевскомъ соборѣ 1640 года—митрополитъ Петръ Могила. На томъ же соборѣ произносили рѣчи о. Исаія Козловскій. о. Игнатій Оксеновичъ. На Виленскомъ патріаршемъ соборѣ 1589 года произносилъ рѣчь мірянинъ—Кириллъ Транквилліонъ [891]). Епископату, клиру и мірянамъ принадлежало на описываемыхъ соборахъ и право участія въ дальнѣйшихъ выраженіяхъ соборной „намовы“. Наиболѣе характернымъ изъ этихъ выраженій, безспорно, является выраженіе коллективнаго согласія или несогласія, одобренія или порицанія произносимому. Такое явленіе наблюдаемъ на Берестейскомъ православномъ соборѣ 1596 года и Кіевскомъ соборѣ 1629 года. Именно, на первомъ изъ этихъ соборовъ видимъ неоднократныя выраженія согласія всѣхъ присутствующихъ съ мыслями, высказывавшимися ораторами. На второмъ видимъ коллективныя выраженія протеста мірянъ противъ самаго открытія собора и противъ продолженія его начавшейся дѣятельности. И въ первомъ и во второмъ случаѣ коллективныя заявленія имѣютъ вліяніе на ходъ и на исходъ соборной дѣятельности. Въ первомъ случаѣ на этихъ коллективныхъ заявленіяхъ базируются руководители собора, направляя его дѣятельность. Во второмъ случаѣ коллективныя заявленія депутатовъ запорожскаго войска полагаютъ конецъ собору, такъ сказать „срываютъ“ его [892]).

Очевидно, такимъ образомъ, что право участія въ описываемой соборной „намовѣ“ принадлежало какъ епископату, такъ и клиру и мірянамъ.

Принадлежало это право также и представителямъ гражданской власти—инославнымъ, напр. великому князю литовскому Витовту [893]).

Различіе полномочій іерархическихъ лицъ и мірянъ по отношенію къ участію въ соборной „намовѣ“ полагалось въ Западной Руси, повидимому, только въ преимуществѣ чести іерархическихъ лицъ, въ предоставленіи имъ слова прежде мірянъ [894]).

Соборная „намова“ на елекційномъ областномъ соборѣ. Изложенныя свѣдѣнія о ходѣ соборныхъ засѣданій характерны для областного западно-русскаго православнаго собора вообще и для его засѣданія по законодательно-административнымъ вопросамъ въ частности. Заслуживаютъ вниманія нѣкоторые варіанты въ устройствѣ елекційнаго собора, характеризующія ходъ его засѣданій. Какъ въ 14 и 15 вѣкахъ, такъ и въ 17 вѣкѣ дѣятельность елекційныхъ соборовъ складывалась изъ двухъ моментовъ: предызбранія кандидатовъ и избранія електа. Въ различныя эпохи западно-русской церковной исторіи количество кандидатовъ, избиравшихся на елекційныхъ областныхъ соборахъ, было неодинаково. На нѣкоторыхъ соборахъ избирались только по два кандидата, тогда какъ на другихъ—по три или по четыре. Кругъ лицъ, имѣвшихъ право избираться на елекційныхъ соборахъ, въ православной Западной Руси былъ весьма своеобразенъ. Сюда входили не только „духовные станы“, но и свѣтскіе люди, міряне, „лаики“, западно-русскіе шляхтичи [895]). Эта оригинальная особенность коренилась въ нормахъ мѣстнаго права о церкви и фиксировалась постановленіями западно-русскихъ областныхъ соборовъ, напримѣръ—Берестейскаго очереднаго собора 1591 года [896]).

Соборная „намова“ на судебномъ соборномъ засѣданіи. Соборный судъ надъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, надъ Стефаномъ Зизаніемъ, надъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозой и епископами-апостатами, надъ Мелетіемъ Смотрицкимъ можетъ служить иллюстраціей хода соборной „намовы“ на судебномъ засѣданіи областныхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ. Начальный моментъ соборнаго суда—посылка „позова“ подсудимому осуществлялся иногда до собора—митрополитомъ, какъ это видимъ, напримѣръ, въ исторіи очередныхъ Берестей-

скихъ соборовъ, судившихъ епископа Гедеона Балабана, иногда же осуществлялся соборомъ, по открытіи его, какъ это видимъ въ исторіи соборнаго суда надъ Стефаномъ Зизаніемъ въ январѣ 1596 года [897]).

Исторія православнаго Берестейскаго собора 1596 года оттѣняетъ ту мысль, что каноническое требованіе о троекратномъ призывѣ подсудимаго епископа на соборный судъ иногда осуществлялась въ практикѣ западно-русской православной церкви. Исторія Берестейскихъ предуніонныхъ соборовъ даетъ основаніе утверждать, что иногда приглашеніе епископа на соборный судъ было только единократнымъ. Иногда соборный судъ производился въ Западной Руси заочно, безъ приглашенія подсудимаго на этотъ судъ, какъ это было со Стефаномъ Зизаніемъ въ 1596 году. Въ составѣ соборной намовы судебнаго областного западно-русскаго собора видимъ ясно различающіеся два момента: моментъ слѣдствія и моментъ судоговоренія. Вполнѣ опредѣленно различаются эти моменты въ исторіи Новогрудскаго и Берестейскаго соборовъ 1596 года [898]). Деталями этихъ моментовъ соборной судебной „намовы“ являются: обвинительныя и защитныя рѣчи, свидѣтельскія показанія, разсмотрѣніе документальныхъ и вещественныхъ доказательствъ (напр. книги Стефана Зизанія на Новогрудскомъ соборѣ 1596 года, книги Мелетія Смотрицкаго на Кіевскомъ соборѣ 1629 года), очныя сатвки (напримѣръ—епископовъ Гедеона и Ѳеофана на Берестейскомъ соборѣ 1590 года), примѣненіе присяги (на томъ же соборѣ) и мировыя сдѣлки (на томъ же соборѣ) [899]).

Принципъ, форма, право и порядокъ соборнаго голосованія. На основаніи прямыхъ свидѣтельствъ соборныхъ граматъ, можно съ полной увѣренностью утверждать, что на западно-русскихъ областныхъ православныхъ церковныхъ соборахъ рѣшеніе обсуждавшихся вопросовъ выносилось путемъ голосованія *не по принципу большинства, а по принципу единогласія.* „Единостайнѣ“, „единодушно“—вотъ термины, которыми въ соборныхъ граматахъ опредѣляется принципъ соборнаго голосованія [900]). Смыслъ этихъ терминовъ уясняется анализомъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ исторіи разсматриваемыхъ соборовъ. Извѣстны случаи, когда соборъ,

руководясь принципомъ единогласнаго рѣшенія, не приходилъ къ положительнымъ результатамъ, не выносилъ единаго рѣшенія. Таковъ, напримѣръ, неудачный елекційный соборъ 1663 года, избравшій двухъ електовъ. Еслибы этотъ соборъ руководился принципомъ большинства, то такого двойственнаго вотума онъ не могъ бы вынести. Аналогиченъ фактъ изъ исторіи Кіевскаго собора 1640 года—неопредѣленное рѣшеніе вопроса о загробной участи усопшихъ. Очевидно, это рѣшеніе было результатомъ разногласія участниковъ собора, не признававшихъ принципа большинства. Косвеннымъ подтвержденіемъ устанавливаемой мысли служитъ тотъ фактъ, что и на польско-литовскихъ сеймахъ дѣйствовалъ не принципъ большинства, а принципъ единогласнаго рѣшенія [901]).

Форма голосованія на характеризуемыхъ соборахъ была неодинакова. На областныхъ елекційныхъ соборахъ 14 вѣка, повидимому, примѣнялась закрытая баллотировка: въ урну опускались шары (ψῆφος камень для голосованія) [902]). На Берестейскомъ православномъ соборѣ 1596 года примѣнялась открытая баллотировка. Послѣдняя форма голосованія, повидимому, типична для характеризуемыхъ соборовъ [903]).

Существенно важенъ вопросъ, относящійся къ описываемому моменту „соборованія"—вопросъ *о правѣ участія въ соборномъ голосованіи*. Всѣмъ ли группамъ участниковъ областного собора принадлежало это право? Имѣли ли рѣшающій голосъ на соборѣ клиръ и міряне? Естественно, что этотъ вопросъ относится только къ тѣмъ изъ разсматриваемыхъ соборовъ, на которыхъ были и представители клира и представители мірянъ. Суммируемъ данныя изъ исторіи такихъ соборовъ (соборы 1415 г., елекційные соборы 15 и 17 вѣковъ, соборы времени митрополита Іосифа Солтана, Берестейскіе открытые очередные соборы предуніонной эпохи, Берестейскій соборъ „головный" 1596 года, открытые соборы времени митрополита Іова Борецкаго). На основаніи этихъ данныхъ можно съ несомнѣнностью утверждать, что въ православной Западной Руси право участія въ соборномъ голосованіи иногда принадлежало не только епископату, но и клиру, и мірянамъ. Особенно ясно эту мысль устанавливаютъ данныя изъ исторіи вышеназванныхъ елекційныхъ соборовъ. Таково, напримѣръ, ясное

свидѣтельство елекційнаго листа, написаннаго на Кіевскомъ елекційномъ соборѣ 1—2 іюня 1690 года. Въ этомъ листѣ читаемъ такія выраженія: „мы на подписяхъ нижеименованные *къ элекціи Митрополитанской належачіи обоего Чину, Духовнаго и мірского*.... собрались, дабы есмо по старожитнымъ вольностямъ и обыкновеніямъ церкви Малороссійской вольными голосами и добровольнымъ приговоромъ всенороднѣ вмѣстно преставльшагося Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Малыя Россіи, Князя Гедеона Святополка Четвертинскаго избрали на митрополію Кіевскую мужа нрава и житіемъ благоговѣйнаго, въ мудрости добрѣ обученного, въ Догматѣхъ Вѣры и Правилахъ Церковныхъ искусного"... Далѣе въ томъ же листѣ тѣ же лица „обоего Чину"—представители епископата, клира и мірянъ—говорятъ о себѣ: „мы избрали" и подписываютъ елекційный листъ [904]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что на этомъ соборѣ, какъ и на западно-русскихъ православныхъ елекційныхъ соборахъ 17 вѣка вообще, клиру и мірянамъ принадлежало право рѣшающаго голоса, какъ и епископату. Право рѣшающаго голоса на этихъ соборахъ принадлежало мірянамъ и по смыслу гражданскихъ закономъ польско-литовскаго государства, регламентировавшихъ способы избранія епископата въ 17 вѣкѣ. [905]).

На вышеупомянутыхъ соборахъ „о справахъ церковныхъ" право рѣшающаго голоса принадлежало не только епископату, но и клиру. Этотъ тезисъ не подлежитъ сомнѣнію. Архимандриты, игумены, протопопы, іереи, діаконы оставили свои подписи на граматахъ многихъ характеризуемыхъ соборовъ. Этотъ фактъ можно считать признакомъ ихъ полноправности, какъ членовъ собора. Въ постановленіяхъ Берестейскаго собора 1590 года очередные областные соборы называются соборами „на епископовъ и на все духовенство" [906]). Эта формула предполагаетъ право рѣшающаго голоса клира. Клирики—участники Берестейскаго православнаго собора 1596 года, подписывая соборныя опредѣленія, примѣняютъ формулу: „декретуя весполъ съ святымъ соборомъ" [907]). Очевидно, они участвуютъ въ дѣятельности собора въ моментъ рѣшенія соборомъ трактовавшихся на немъ вопросовъ, пользуются правомъ рѣшающаго голоса. Нѣсколько неопредѣленнѣе освѣщается историче-

скими источниками вопросъ о томъ, принадлежало ли право рѣшающаго голоса мірянамъ на соборахъ „о справахъ церковныхъ". Наиболѣе важныя свѣдѣнія по этому вопросу находимъ въ исторіи православнаго Берестейскаго собора 1596 года. Міряне-депутаты, участвуя въ дѣятельности этого собора, осуществляли свои посольскія инструкціи, содержавшія вынесенное до собора, на мѣстахъ, рѣшеніе того вопроса, который рѣшалъ и соборъ. Рѣшеніе, выраженное въ посольскихъ инструкціяхъ совпадаетъ съ рѣшеніемъ, вынесенномъ на соборѣ. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія въ идейномъ значеніи голоса мірянъ для момента соборнаго рѣшенія въ данномъ случаѣ. Но можно утверждать не только идейное, но и юрдическое значеніе голоса мірянъ для вотума разсматриваемаго собора. Историческіе источники ясно свидѣтельствуетъ, что на этомъ соборѣ неоднократно выражалось коллективное мнѣніе *всѣхъ* участниковъ собора по поводу той или иной мысли, поставленной на голосованіе. Отсюда очевидно, что и голосъ мірянъ имѣлъ юридическое значеніе, былъ рѣшающимъ голосомъ. Является еще болѣе частный вопросъ: голосъ всѣхъ мірянъ вмѣстѣ, или голосъ каждаго мірянина имѣлъ рѣшающее значеніе на данномъ соборѣ? Приведенныя выше мысли о принципѣ соборнаго рѣшенія побуждаютъ склониться къ тому заключенію, что и на нѣкоторыхъ соборахъ „о справахъ церковныхъ" рѣшающее значеніе имѣлъ голосъ каждаго мірянина—участника собора [906]).

Такимъ образомъ, можно высказать, на основаніи изложенныхъ свѣдѣній и соображеній, предположеніе о равенствѣ полномочій епископата, клира и мірянъ при голосованіи на областномъ соборѣ. Но такому предположенію нельзя усвоить значенія безспорнаго тезиса въ виду наличности отрицательныхъ инстанцій. Міряне присутствовали далеко не на всѣхъ характеризуемыхъ соборахъ. Далеко не съ одинаковыми полномочіями и участвовали они въ этихъ соборахъ. Несомнѣнна разница между полномочіями мірянъ на областныхъ елекційныхъ соборахъ 17 вѣка и полномочіями мірянъ на такихъ соборахъ, какъ Берестейскіе очередные соборы 1590-хъ годовъ или Кіевскій соборъ 1640 г. Въ западно-русской православной полемической литературѣ, свя-

занной съ Берестейскимъ соборомъ 1596 года, какъ будетъ показано ниже, устанавливается различіе между полномочіями іерархическихъ лицъ и мірянъ по отношенію къ соборному голосованію [908]). Все это, вмѣстѣ взятое, побуждаетъ склониться къ предположительному и ограничительному толкованію тѣхъ историческихъ фактовъ, которыми, повидимому, устанавливается мысль о равенствѣ епископата, клира и мірянъ въ отношеніи къ праву рѣшающаго голоса на характеризуемыхъ соборахъ. Такое равенство *наблюдалось иногда въ исторіи западно-русской православной церкви, но не было обычнымъ явленіемъ* [909]).

Порядокъ обмѣна мнѣній на характеризуемыхъ соборахъ былъ несомнѣнно нисходящій—отъ старшихъ къ младшимъ, какъ это видимъ на православномъ Берестейскомъ соборѣ 1596 г., на которомъ послѣ предварительной постановки вопроса о виновности владыкъ-апостатовъ первыми высказываются представители епископата. Равнымъ образомъ на Кіевскомъ соборѣ 1640 г. первыми высказываются по обсуждавшимся догматическимъ вопросамъ митрополитъ и представители епископата. Берестейскій соборъ 1596 года оттѣняетъ и рѣшеніе вопроса о порядкѣ открытой баллотировки—открытаго соборнаго голосованія на характеризуемыхъ соборахъ. При окончательномъ голосованіи обсуждавшагося на этомъ соборѣ вопроса участники собора высказали свое мнѣніе, повидимому, *одновременно*: *весь соборъ* выразилъ свое согласіе съ формулою соборнаго рѣшенія, провозглашенною предсѣдателемъ собора экзархомъ Никифоромъ. Повидимому, этотъ историческій фактъ можно признать типичнымъ, характеризующимъ порядкомъ голосованія на разсматриваемыхъ соборахъ [910]).

Названія соборныхъ опредѣленій и ихъ характеръ со стороны содержанія и формы. Церковно-юрдическія гарантіи дѣйственности соборныхъ опредѣленій. Какъ видно изъ историческихъ источниковъ, соборнымъ опредѣленіямъ въ православной Западной Руси усвояются различныя названія: „канонъ“, „декретъ“, „постановенье“, „правило“, „артыкулъ“, „елекційный листъ“.

Декретомъ называются обычно соборныя опредѣленія по церковно—криминальнымъ вопросамъ, елекційнымъ листомъ—опредѣленія объ избраніи митрополита или епископа. Остальнымъ опредѣленіямъ усвояются названія „канона“ (соб. 1640 г.), „постановенья“ (соб. 1590 г.), „артыкула“, (соб. 1691 г.), „правила“ (соб. 1640 г.). [911])

Что касается содержанія опредѣленій западно-русскихъ областныхъ православныхъ церковныхъ соборовъ, то его можно охарактеризовать слѣдующими признаками: а) зависимостью отъ источниковъ вселенскаго церковнаго права, б) зависимостью отъ нормъ положительнаго и обычнаго права внутренняго и внѣшняго, дѣйствовавшаго во время соборовъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ, в) близостью къ насущнымъ запросамъ церковной жизни въ православной Западной Руси [912]).

Характерны формальныя особенности разсматриваемыхъ опредѣленій—ихъ конструкція.

Со стороны конструкціи разсматриваемыхъ соборныхъ опредѣленій заслуживаютъ особаго вниманія тѣ изъ нихъ, въ содержаніе которыхъ входятъ церковно-юрдическія гарантіи ихъ дѣйственности. Въ подобнаго рода опредѣленіяхъ, кромѣ устанавливаемаго ими тезиса, рѣшающаго трактовавшійся соборомъ вопросъ, какъ и въ большинствѣ церковныхъ каноновъ входящихъ въ „Книгу правилъ“, находимъ мысль о церковномъ наказаніи нарушителямъ формулируемаго опредѣленія. Эти наказанія можно понимать какъ церковно-юридическія гарантіи дѣйственности соборныхъ опредѣленій. Наказанія эти можно раздѣлить на двѣ группы: а) денежныя взысканія—пени въ пользу церкви—„до скрынки“ (т. е. въ казну) „Рѣчи Посполитой духовной“ и б) запрещеніе въ священнослуженіи или лишеніе церковныхъ должностей, „неблагословеніе“, „проклятство“, отлученіе отъ церкви и отъ Бога [913]). Къ числу церковно-юридическихъ гарантій дѣйственности разсматриваемыхъ соборныхъ опредѣленій относятся также слѣдующія мысли, входящія въ содержаніе многихъ изъ этихъ опредѣленій: мысли о соотвѣтствіи содержанія этихъ опредѣленій положительному и обычному вселенскому и

помѣстному дѣйствовавшему во время данныхъ соборовъ православному церковному праву, мысли о священномъ достоинствѣ самаго собора, выносящаго данное опредѣленіе („повагою теперешняго собора“).[914]) Въ одномъ изъ документовъ, относящихся къ исторіи разсматриваемыхъ соборовъ, находимъ апостольскую формулировку послѣдней мысли: „изволися Духу Святому и намъ“.[915])

Кромѣ церковно-юридическихъ гарантій дѣйственности, въ логическую конструкцію разсматриваемыхъ соборныхъ опредѣленій входятъ также мысли, указывающія жизненно-практическія мотивы къ исполненію формулируемыхъ опредѣленій [916]).

Отмѣченный элементъ логической конструкціи разсматриваемыхъ соборахъ опредѣленій, безспорно—самый интересный для идеологіи церковнаго собора. Но кромѣ этого элемента, заслуживаетъ вниманія въ данныхъ опредѣленіяхъ и самая формулировка выносимаго соборомъ тезиса по трактовавшемуся вопросу. Въ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ опредѣленій изложеніемъ этого тезиса и исчерпывается вся формулировка опредѣленія.. Характерною особенностью при этомъ является то обстоятельство, что разсматриваемыми опредѣленіями дается не только принципіальное рѣшеніе трактовавшагося вопроса, но и рѣшеніе детальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ его рѣшеніемъ. Какъ на примѣръ такого обстоятельнаго освѣщенія въ соборномъ опредѣленіи трактовавшагося соборомъ вопроса можно указать на 15 постан. Берестейскаго соб. 1591 года [917]).

Редактированіе и повозглашеніе соборныхъ опредѣленій. Соборныя граматы, право ихъ подписанія. Редактированіе разсматриваемыхъ соборныхъ опредѣленій совершалось или во время самаго собора или по окончаніи собора. На Кіевскомъ соборѣ 1640 года видимъ порядокъ перваго рода, а на Виленскомъ 1508 года —порядокъ второго рода. Исторія Кіевскаго собора 1640 года даетъ основанія утверждать, что редактированіе опредѣленій этого собора, его „каноновъ“, совершалось послѣ устнаго доклада собору и соборнаго рѣшенія трактовавшихся вопросовъ. Окончательная редакція опредѣленій вновь заслушивалась и утверждалась соборомъ [918]). Можно думать, что обязанность редактированія „каноновъ“ лежала въ Западной Руси на соборныхъ нота-

ріяхъ подъ руководствомъ маршалковъ и примикиріевъ или предсѣдателя. Право оглашеніе формулы соборныхъ опредѣленій несомнѣнно, было привиллегіей іерархическихъ лицъ [919]). Примѣръ соборнаго торжественнаго провозглашенія и соборнаго утвержденія формулы соборныхъ опредѣленій видимъ, кромѣ Кіевскаго собора 1640 года, на православномъ Берестейскомъ соборѣ 1596 года [920]). Можно думать, что не на всѣхъ вышеописанныхъ соборахъ было такое торжественное провозглашеніе формулъ соборныхъ опредѣленій. По всей вѣроятности участники собора утверждали эти опредѣленія, подписывая ихъ [921]).

Разсматриваемыя соборныя опредѣленія излагались или въ дѣяніяхъ, или въ универсалахъ, содержавшихъ рѣшеніе многихъ вопросовъ, трактовавшихся на соборѣ, или въ отдѣльныхъ граматахъ по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ. Къ числу такихъ граматъ относятся и елекційные листы. На всѣхъ перечисленныхъ типахъ соборныхъ актовъ видимъ подписи участниковъ собора, расположенныя въ нисходящемъ порядкѣ по іерархическимъ и церковно-административнымъ должностямъ участниковъ собора—духовныхъ лицъ. Послѣ подписей духовныхъ лицъ епископата, клира, монашествующихъ иногда видимъ и подписи мірянъ, какъ напримѣръ—на елекційныхъ листахъ [922]).

Закрытіе собора—моментъ соборованія, наименѣе освѣщаемый исторіей разсматриваемыхъ соборовъ. Повидимому, право закрытія собора принадлежало предсѣдателю.

Утвержденіе соборныхъ опредѣленій. Гражданско-юрдическія гарантіи ихъ дѣйственности. Способъ опубликованія соборныхъ опредѣленій. Въ исторіи характеризуемыхъ соборовъ видимъ двоякое утвержденіе соборныхъ опредѣленій: утвержденіе ихъ высшимъ органомъ церковной власти и утвержденіе гражданскою властью. Высшею церковною властью—Константинопольскимъ патріархомъ утверждалась елекція западно-русскихъ митрополитовъ въ 15 вѣкѣ [923]). Патріархами и большими соборами утверждено „Православное исповѣданіе“, одобренное на Кіевскомъ соборѣ 1640 года [924].) Гражданскою властью польско-литовскаго и Московскаго государствъ утверждалась елекція западно-русскихъ православныхъ митрополитовъ въ 17 вѣкѣ [925]). Польскими королями санкціо-

нировались постановленія Виленскаго собора 1508 года, Новогрудскаго собора 1596 года [926]). Берестейскій православный соборъ 1596 года постановилъ добиваться сеймоваго утвержденія своихъ постановленій, вести изъ за этого спеціальную сеймовую борьбу [927]). Но какъ церковная такъ и гражнанская санкція опредѣленій характеризуемыхъ соборовъ не были безусловно необходимы для дѣйственности этихъ опредѣленій. Опредѣленія православнаго Берестейскаго собора 1596 года не были утверждены королемъ и сеймомъ, а тѣмъ не менѣе оказались вполнѣ дѣйственными по отношенію къ православнымъ западно-руссамъ. Постановленія большинства разсматриваемыхъ соборовъ не представлялись на утвержденіе патріарховъ и большихъ соборовъ и тѣмъ не менѣе были дѣйственными, въ большой или меньшей степени, и, во всякомъ случаѣ, имѣли законную силу сами по себѣ [928]). Гражданско-юрдическими гарантіями дѣйственности соборныхъ опредѣленій въ Западной Руси были внѣше—принудительныя мѣры по отношенію къ нарушителямъ этихъ опредѣленій. Примѣромъ служитъ банниція Стефана Зизанія [929]).

Способомъ опубликованія соборныхъ опредѣленій было: а) изданіе ихъ или въ рукописныхъ спискахъ или въ печатномъ видѣ [930]), б) внесеніе соборныхъ опредѣленій въ городскія книги [931]). Опубликованіе соборныхъ опредѣленій, какъ сказано выше, часто совершалось параллельно и церковною и гражданскою властью [932]).

Сеймовая борьба за гражданско-юрдическія гарантіи соборныхъ опредѣленій. Однимъ изъ характерныхъ явленій въ исторіи разсматриваемыхъ соборовъ нужно признать сеймовую борьбу православныхъ западно-руссовъ за гражданско-юрдическую санкцію вынесенныхъ на этихъ соборахъ опредѣленій.

Постановку этой борьбы воспроизводитъ исторія православнаго Берестейскаго собора 1596 года. Сеймовую борьбу за легализацію постановленій этого собора вело преимущественно западно-русское православное дворянство при живомъ сочувствіи и содѣйствіи широкихъ народныхъ массъ. Средства этой борьбы носятъ чисто парламентскій характеръ. Это—формированіе сеймовой партіи ревнителей православія и политическая дѣятель-

ность этой партіи. Наиболѣе характерною мѣрою для формированія церковно-сеймовой партіи въ данномъ случаѣ, безспорно, является разсылка „листовъ до братьи нашей“—на сеймики участниками православнаго Берестейскаго собора 1596 года. Характерными мѣрами сеймовой борьбы сформировашейся партіи ревнителей православія были сеймиковыя инструкціи по вопросамъ церковной жизни, рѣчи православныхъ депутатовъ на сеймахъ, союзы съ протестантами для борьбы за свободу совѣсти, сеймовое голосованіе, депутаціи къ королю, протестаціи [933]).

Право протестаціи противъ соборныхъ опредѣленій. Апелляціонныя инстанціи. Право протестаціи противъ соборныхъ постановленій въ православной Западной Руси осуществлялось преимущественно по отношенію къ постановленіямъ судебныхъ соборовъ лицами, недовольными этими постановленіями. Таковы упоминавшіяся выше протестаціи епископа Гедеона Балабана, Стефана Зизанія, Мелетія Смотрицкаго [934]). Осуществлялось право протестаціи православными западно-руссами и по отношенію къ постановленіямъ областныхъ елекційныхъ соборовъ. Таковъ протестъ западно-русскаго духовенства противъ елекційнаго собора 1685 года [935]).

Апелляціонными инстанціями для подачи вышеназванныхъ протестацій противъ постановленій судебныхъ соборовъ были или органы гражданской власти, или позднѣйшіе областные соборы, или патріархи. По опредѣленію Берестейскаго собора 1591 г. апеллировать на постановленія областного собора должно патріарху [936]). Протестація противъ постановленія елекційнаго собора 1685 года обращена къ гетману Самойловичу [937]). Православные западно-русскіе полемисты апеллировали къ церковно-общественному мнѣнію, протестуя противъ Берестейскаго уніоннаго собора 1596 года [938]).

Дѣйственность соборныхъ опредѣленій. Идея рецепціи. Нѣтъ возможности точно учесть на основаніи фактическихъ данныхъ степень дѣйственности всѣхъ постановленій разсматриваемыхъ соборовъ. Несомнѣнно только, что неодинакова была ихъ сила и вліяніе на церковную жизнь. Исторически извѣстны повторенія постановленій раннѣйшихъ соборовъ позднѣйшими соборами. Та-

ковы, напримѣръ, постановленія объ очередныхъ областныхъ соборахъ (соб. 1508, 1590, „Совѣт. о благочест.“) [929]. Отсюда очевидно, что съ теченіемъ времени сила соборныхъ постановленій постепенно терялась, уменьшалась. Исторически извѣстны яркіе факты открытаго неподчиненія православныхъ западно-руссовъ постановленіямъ своихъ областныхъ церковныхъ соборовъ. Таковы, напр., факты неподчиненія епископа Гедеона Балабана постановленіямъ Берестейскихъ соборовъ о праздноваиіи Пасхи, постановленіямъ тѣхъ же соборовъ, осуждавшихъ самаго епископа Гедеона, опредѣлявшимъ взаимоотношеніе власти епархіальнаго архіерея и привиллегій автономныхъ—ставропигіальныхъ братствъ [940]. Исторически извѣстны яркіе факты рѣшительнаго противодѣйствія православныхъ западно-руссовъ постановленіямъ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ соборовъ, напримѣръ—Берестейскаго уніоннаго собора 1596 года, Кіевскаго собора 1629 г. (по вопросу о созывѣ уніоннаго собора) [941]. Очевидно, такимъ образомъ, нельзя думать, что постановленія разсмативаемыхъ соборовъ во всей полнотѣ осуществлялись въ жизни западно-русской православной церкви. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію дѣйственность этихъ постановленій. Слишкомъ сложная кропотливая работа изслѣдователя необходима для того, чтобы хотя отчасти, на основаніи сохранившихся историческихъ источниковъ воспроизвести сложный историческій процессъ проведенія въ жизнь постановленій западно-русскихъ православныхъ областныхъ церковныхъ соборовъ. Частично моменты этого процесса отмѣчались выше при изложеніи краткой исторіи данныхъ соборовъ [942]. Теперь, чтобы иллюстрировать этотъ процессъ, останавливаемся на двухъ детальныхъ мысляхъ, подчеркнутыхъ постановленіями разсматриваемыхъ соборовъ и всею исторіей западно-русской православной церкви. Одна такая мысль—о церковномъ просвѣщеніи. „О наукахъ, о школахъ“ „обмышляли“ и говорили православные западно-руссы на своихъ областныхъ церковныхъ соборахъ предуніонной эпохи. О томъ же говорили и думали многіе изъ нихъ и внѣ соборныхъ засѣданій, въ обычной будничной обстановкѣ своей жизни. И нельзя было не думать и не говорить объ этомъ ревнителямъ православія въ Западной Руси

данной эпохи. Широкой волной лилось теперь съ Запада сильное вліяніе выдвинутыхъ реформаціей новыхъ идей церковной жизни [943]). Во всеоружіи шла походомъ на западно-русскую православную церковь іезуитская рать [944]). Церковное просвѣщеніе, „науки и школы“ только нарождались въ Западной-Руси, только начинали насаждаться усиліями православныхъ братствъ и патроновъ. И вотъ въ эту эпоху ревнители церковнаго просвѣщенія встрѣтились съ такимъ крайне печальнымъ фактомъ, какъ противодѣйствіе нѣкоторыхъ представителей мѣстнаго епископата. Однимъ изъ важнѣйшихъ просвѣтительныхъ центровъ въ это время въ Западной Руси былъ Львовъ. Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ къ самой мысли о распространеніи просвѣщенія среди широкихъ народныхъ массъ отнесся въ 80 годахъ 16 вѣка съ полнымъ несочувствіемъ. „А о наукѣ не годится вамъ простымъ людямъ спрашивать“—вотъ подлинныя слова епископа Гедеона Балабана Гологорскимъ мѣщанамъ въ 1587 году [945]). Выше были изложены краткія свѣдѣнія о борьбѣ этого епископа съ Львовскимъ братствомъ, съ его просвѣтительными начинаніями и о той поддержкѣ, какую находило въ этой борьбѣ братство со стороны областныхъ церковныхъ соборовъ [949]). Исторія западно-русскихъ православныхъ братскихъ школъ свидѣтельствуетъ, что соборныя постановленія, направленныя къ поддержкѣ ревнителей просвѣщенія, осуществлялись и приносили большую пользу церкви [947]). Отмѣчаемъ еще одинъ процессъ изъ исторіи западно-русской православной церкви, оттѣняющій мысль о дѣйственности соборныхъ опредѣленій. Это—сложный процессъ борьбы православныхъ западно-руссовъ съ введеніемъ церковной уніи. Берестейскій православный соборовъ 1596 года осудилъ унію и постановилъ бороться съ нею, не признавая іерарховъ-апостатовъ, добиваясь политической санкціи осужденія ихъ, добиваясь разрѣшенія государственной власти на возстановленіе православной іерархіи. Это соборное постановленіе, несомнѣнно, имѣло громадное вліяніе на церковную жизнь православной Западной Руси, несомнѣнно нашло ревностныхъ исполнителей въ Западной Руси: на протяженіи всего послѣдующаго времени историческаго существованія ея велась одушевленная борьба съ уніей,

борьба, обезпечившая сохраненіе православной западно-русской церкви отъ подчиненія Риму 948).

Такимъ образомъ, вопросъ о дѣйственности постановленій, вынесенныхъ разсматриваемыми соборами, рѣшается на основаніи фактическихъ данныхъ въ томъ смыслѣ, что эти постановленія *имѣли неодинаковую силу*, осуществлялись съ большею полнотою или меньшею полнотою или же совершенно не осуществлялись. Естественно возникаетъ *вопросъ объ условіяхъ или основаніяхъ дѣйственности этихъ постановленій*. Отвѣтъ на этотъ вопросъ освѣщается *идеей рецепціи*. Рецепція соборныхъ постановленій—усвоеніе ихъ сознаніемъ церковнаго общества, какъ такихъ постановленій, которыя жизненно—цѣнны и обязательны для члена этого общества 949) Вотъ этотъ внутренно-психологическій актъ церковно-общественной жизни, актъ церковно-общественной санкціи соборныхъ постановленій, актъ свободнаго признанія ихъ жизненной цѣнности и былъ главнымъ основаніемъ дѣйственности постановленій западно-русскхъ православныхъ областныхъ церковныхъ соборовъ.

Можно утверждать, не отступая отъ исторической правды, что такой актъ не только фактически осуществлялся въ православной Западной Руси, но имѣлъ и юрдическое значеніе, признавался закономѣрнымъ явленіемъ.

Основанія для нашего тезиса таковы. Прежде всего приводимъ данныя, обосновывающія мысль о фактическомъ примѣненіи идеи рецепціи въ православной Западной Руси. Берестейскій уніатскій соборъ 1596 года провозгласилъ церковную унію съ Римомъ. Это соборное провозглашеніе уніи было санкціонировано гражданскою власью. Само по себѣ это соборное постановленіе о провозглашеніи уніи было выраженіемъ мнѣнія подавляющаго большинства западно-русской православной іерархіи—ренегатовъ митрополита и епископовъ. Осужденіе уніи Берестейскимъ православнымъ соборомъ 1596 года не было утверждено гражданскою властью, было выраженіемъ мнѣнія меньшинства западно-русскаго православнаго епископата. Путемъ мученичества, путемъ героической борьбы широкія народныя массы Западной Руси пошли по пути, указанному православнымъ Берестей-

скимъ соборомъ 1596 года и шли этимъ путемъ цѣлые вѣка, потому что рецепированы были этими массами не уніатскія, а *православныя соборныя постановлснія*. Постановленія Берестейскаго собора 1590 года „обмышлять о наукахъ, о школахъ“. Громадныхъ трудовъ и матеріальныхъ затратъ требовала церковная дѣятельность, направленная къ осуществленію этого постановленія, къ „цвиченью дѣтокъ“ 950), къ подготовкѣ „богословщиковъ“ 951). Однако это постановленіе осуществилось. Въ Западной Руси народилась русская богословская наука, русская школа, русское просвѣщеніе. Въ исторію Западной Руси уходятъ корни русскаго просвѣщенія и русской науки 952.) Сила и этого соборнаго постановленія создавалась тѣмъ, что оно было рецепировано народнымъ сознаніемъ, какъ жизненно—цѣнное для православной церкви.

Осуществленіе идеи рецепціи соборныхъ постановленій имѣло въ Западной Руси значеніе закономѣрнаго церковнаго-юридическаго явленія. Обосновываемъ этотъ тезисъ слѣдующими двумя несомнѣнными историческими фактами. а) Въ самой формулировкѣ многихъ разсмотрѣнныхъ соборныхъ постановленій видимъ, какъ и въ каноническихъ источникахъ вообще, мотивировку идеи, проводимой этими постановленіями 954). Цѣлью этой мотвировки было—воздѣйствовать на индивидуальное сознаніе членовъ западно-русской православной церкви, побуждая къ свободному признанію жизненной цѣнности постановленій или, другими словами,—къ рецепціи этихъ постановленій. б) По поводу нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ соборныхъ постановленій возникла полемика 954). Цѣлью этой полемики было—воздѣйствовать на церковно-общественное сознаніе Западной Руси, содѣйствовать или противодѣйствовать рецепціи тѣхъ или другихъ соборныхъ постановленій. Такимъ образомъ: и соборы, и полемисты въ Западной Руси признавали жизненную цѣнность идеи рецепціи. Санкціонируемая соборами, идея рецепціи въ Западной Руси, очевидно, имѣла не только теоретическое признаніе, но и церковно-юрдическое значеніе.

II.

Варіанты въ устройствѣ епархіальныхъ соборовъ.

Право созыва собора. Сохранились прямыя указанія историческихъ источниковъ на то, что право созыва епархіальныхъ соборовъ о справахъ церковныхъ принадлежало епархіальному архіерею, а право созыва епархіальныхъ елекційныхъ соборовъ—митрополиту 955). Объ участіи гражданской власти въ процессѣ созыва епархіальнаго собора источники не говорятъ.

Способъ созыва епархіальнаго собора—разсылка пригласительныхъ граматъ. Можно думать, что очередные епархіальные соборы „ведле звычаю дорочнаго“ составлялись безъ спеціальныхъ пригласительныхъ граматъ изъ года въ годъ въ одинъ и тотъ же въ опредѣленный день 956).

Предсоборная подготовка. Подготовка къ епархіальному собору въ православной Западной Руси была несравненно менѣе сложна, чѣмъ подготовка къ областному собору, но по основнымъ своимъ выраженіямъ, несомнѣнно—сходна съ нею. (Взысканіе кандидатовъ въ електы“, подготовка церковно-учительныхъ книгъ, какъ напр. „Дидаскаліи“, подготовка матеріала для справы церковно-богослужебныхъ книгъ, какъ предъ Львовскимъ соборомъ 1605 тода, подготовка рѣчей, напр. поученія о„блуканіи священниковъ“, произнесеннаго на Кіевскомъ соборѣ 1691 года) 957).

Составъ собора. На епархіальныхъ соборахъ видимъ тѣ же три группы участниковъ собора, что и на областныхъ соборахъ: епископатъ, клиръ и мірянъ. На западно-русскихъ епархіальныхъ соборахъ о справахъ церковныхъ непремѣннымъ участникомъ былъ епархіальный архіерей 958). На нѣкоторыхъ изъ такихъ соборовъ присутствовали и иноепархіальные архіереи, напр. на Львовскомъ соборѣ 1539 года 959). На епархіальныхъ елекційныхъ соборахъ изъ представителей епископата, естественно, могли быть только иноепархіальные архіереи и митрополитъ 960). Изъ представителей клира непремѣнными участниками епархіальныхъ соборовъ, несомнѣнно, были крылошане. Обязанность уча-

стія въ этихъ соборахъ лежала и на всемъ епархіальномъ духовенствѣ, какъ видно изъ западно-русскихъ ставленныхъ граматъ 961). Участіе мірянъ въ епархіальномъ елекційномъ соборѣ устанавливалось гражданско-юрдическими нормами 962). Участіе мірянъ въ епархіальныхъ соборахъ о справахъ церковныхъ недостаточно ясно освѣщается историческими источниками.

Время и мѣсто собора. Епархіальные соборы происходили преимущественно въ каѳедральномъ городѣ епархіи 963). Извѣстны случаи созыва такихъ соборовъ и въ провинціальныхъ городахъ епархіи и даже въ монастыряхъ 964). Мѣстомъ соборныхъ засѣній былъ преимущественно каѳедральный соборъ или вообще—храмъ 965).

Очередные епархіальные соборы созывались или въ воскресенье „соборное“—недѣлю православія, или въ дни храмовыхъ праздниковъ каѳедральныхъ соборныхъ церквей 966). Время чрезвычайныхъ епархіальныхъ соборовъ—неопредѣленно.

Предметъ собора. Объемъ полномочій собора. Варіанты въ устройствѣ епархіальнаго собора сравнительно съ областнымъ соборомъ по отношенію къ вопросу о предметѣ собора и объемѣ его полномочій можно отмѣтить такъ: предметомъ епархіальныхъ соборовъ были вопросы жизни епархіи и только по отношенію къ такимъ именно вопросамъ, не имѣвшимъ общецерковнаго значенія, епархіальный соборъ признавался правоспособнымъ выносить свое опредѣленное рѣшеніе, обязательное для всей епархіи 967).

„Соборованіе“. Утвержденіе соборныхъ опредѣленій. Нѣтъ основаній проводить рѣзкую грань между постановкой соборованія на областныхъ соборахъ и на епархіальныхъ соборахъ. Несомнѣнно только, что на епархіальныхъ соборахъ оно протекало менѣе торжественно и менѣе формально. Врядъ ли были на этихъ соборахъ выборныя должностныя лица тѣ же, что и на областныхъ соборахъ. Быть можетъ, только предсѣдатель и нотаріи и исчерпывали собою составъ должностныхъ лицъ епархіальнаго собора. Королевскіе легаты были, вѣроятно, только на елекційныхъ епархіальныхъ соборахъ 968).

Извѣстны историческіе факты утвержденія постановленій епархіальныхъ соборовъ митрополитомъ, областными соборами и гражданскою властью, какъ напр. постановленій Львовскаго собора 1539 года 969). Но нельзя полагать, что всѣ постановленія епархіальныхъ соборовъ представлялись на утвержденіе высшихъ инстанцій церковной власти или на утвежденіе гражданской власти. Обязательно такое утвержденіе было, повидимому, только для постановленій епархіальныхъ елекційныхъ соборовъ 970).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Основныя положенія идеологіи цекровнаго собора по даннымъ западно-русской церковной исторіи.

За многочисленными, разнообразными историческими фактами примѣненія въ жизни западно-русской православной церкви соборныхъ органовъ церковнаго управленія, фактами, воплощавшими опредѣленныя воззрѣнія на устройство церковнаго собора, нельзя не видѣть идейныхъ основъ этихъ фактовъ и этихъ воззрѣній. Такими основами являются *идея жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія и предпосылки этой идеи*, освѣщающія основныя особенности устройства западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ.

I.

Жизненная цѣнность церковнаго собора, какъ органа церковнаго управленія.

Мысль о томъ, что для блага св. православной христіанской церкви необходимъ соборъ, какъ органъ церковнаго управленія, нашла яркія выраженія въ исторіи западно-русской православной церкви и въ видѣ формулъ, и въ видѣ многочисленныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ эти формулы.

Формулы, наиболѣе ярко выражающія эту мысль, устанавливались и провозглашались православными западно-руссами преимущественно въ тѣ историческіе моменты, когда западно-русская православная церковь испытывала „тяжары негды не звыклые“, испытывала тяжкія внѣшнія и внутреннія бѣдствія. Повторялись, настойчиво подчеркивались эти формулы православными западно-руссами въ тѣхъ случаяхъ, когда какая нибудь сторона церковной жизни особенно настоятельно требовала освѣщенія и регламентаціи жизненными и дѣйственными церковно-юридическими

нормами. Сохранились такія формулы отъ 15, 16 и 17 вѣковъ. Читаемъ ихъ въ граматахъ и дѣяніяхъ, относящихся къ исторіи соборовъ 1415 года, 1508 г., 1590 г., 1591 г., 1640 г., а также въ „Совѣтованіи о благочестіи".

Въ этихъ историческихъ документахъ идея жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія, раскрывается въ томъ смыслѣ, что для блага церкви *необходимы церковные соборы очередные и чрезвычайные, областные и епархіальные*, при чемъ наиболѣе ярко выражаются мысли о необходимости для церкви *областныхъ очередныхъ* соборовъ а также *елекційныхъ* соборовъ областныхъ и епархіальныхъ. Первая изъ этихъ мыслей повторяется на протяженіи почти всей исторической жизни западно-русскаго митрополичьяго округа и повторяется не только отдѣльными лицами, какъ напримѣръ митрополитами Іосифомъ Солтаномъ и Петромъ Могилой, но и цѣлыми областными соборами и выражается не только въ смыслѣ пожеланій и мнѣній, а и въ формѣ церковно-юрдической нормы, въ смыслѣ практически-обязательнаго требованія церковной власти. Соборъ 1508 года рѣшительно вооружается противъ тѣхъ представителей западно-русскаго православнаго епископата, которые практически отрицали цѣнность церковныхъ соборовъ и примѣняетъ къ этимъ лицамъ церковныя наказанія въ видѣ штрафа и въ видѣ лишенія „столицы". Такъ же рѣшительно выражаетъ разсматриваемую мысль и Берестейскій соборъ 1590 года, учреждая областные очередные соборы, узаконяя наказанія за уклоненіе епископовъ и высшихъ клириковъ отъ участія въ этихъ соборахъ 971).

Такъ же ярко выражалась и отдѣльными лицами и всею западно-русскою православною церковію и мысль о необходимости для блага церкви областныхъ чрезвычайныхъ соборовъ. О необходимости областныхъ елекційныхъ соборовъ наиболѣе обстоятельныя опредѣленія читаемъ въ дѣяніи Берестейскаго собора 1591 г. 972). О необходимости областныхъ соборовъ о справахъ церковныхъ читаемъ въ соборныхъ опредѣленіяхъ Виленскаго собора 1508 г., Берестейскаго собора 1590 г., Кіевскаго собора „Совѣтованія о благочестіи", въ пригласительной граматѣ митрополита Петра Могилы на Кіевскій соборъ 1640 года. „Только

чрезъ соборъ“ можно „исправить“ церковь, „довести ее до обычаевъ древнихъ предковъ нашихъ, при которыхъ благочестіе возсіяло“—эта мысль, такъ ярко выраженная митрополитомъ Петромъ Могилой, характерна и для всѣхъ перечисленныхъ соборныхъ опредѣленій по данному вопросу: всѣ эти опредѣленія неизмѣнно оттѣняютъ исключительную цѣнность собора для блага церкви. Та же мысль настойчиво выражалась всею западно-русскою православною церковію предъ Берестейскимъ соборомъ 1596 года. Идея собора для суда надъ уніей и ея послѣдователями-апостатами одушевляла въ то время всѣхъ ревнителей православія въ Западной Руси 973).

Необходимы для блага церкви не только областные соборы, но и епархіальные соборы елекційные и о справахъ церковныхъ, епархіальные соборы очередные и чрезвычайные. Наиболѣе цѣнной формулой этой мысли можно считать слова западно-русскихъ церковно-юридическихъ источниковъ (ставленныхъ западно-русскихъ проторіейскихъ и іерейскихъ граматъ), касающіяся обязанности духовенства участвовать въ епархіальныхъ соборахъ—ѣхать на эти соборы по повелѣнію епархіальнаго архіерея 974). Указаніе на раскрываемую мысль можно видѣть и въ опредѣленіи Берестейскаго собора 1590 года о соборахъ „по всѣмъ епископіямъ“ Западной Руси 975).

Не только на словахъ, но и на дѣлѣ ярко выразилась въ исторіи Западной Руси раскрываемая мысль о жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія. Такимъ выраженіемъ являются, во первыхъ, самые историческіе факты примѣненія даннаго органа на практикѣ, факты, количественно весьма обильные, какъ видно изъ вышеприведеннаго краткаго очерка исторіи западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ. Во вторыхъ, раскрываемая мысль выразилась въ положительныхъ, весьма цѣнныхъ результатахъ дѣятельности западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, напримѣръ—Берестейскаго православнаго собора 1596 года, осудившаго унію и сохранившаго православную церковь въ Западной Руси.

II.

Основанія жизненной цѣнкости собора, какъ органа церковнаго управленія.

Документальными данными, относящимися къ исторіи западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, раскрываются идейныя основанія жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія. Такими основаніями являются преимущественно церковно-юридическія идеи, тѣсно связанныя съ идеями пасторологическими и экклезіологическими.

Соборъ—высшій органъ управленія митрополичьяго округа. Соборъ высшій органъ управленія епархіи. Такъ должно быть по мысли вышеизложенныхъ свидѣтельствъ западно-русскихъ церковно-историческихъ источниковъ. Основаніемъ такого требованія по отношенію къ западно-русской православной церкви служатъ прежде всего нормы *положительнаго и обычнаво права* православной церкви: правила св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, правила св. отцевъ церкви и практика помѣстныхъ православныхъ церквей. Мысль о необходимости для церкви областного и епархіальнаго собора вполнѣ опредѣленно поставляется западно-русскимн церковно-историческими источниками въ связь съ требованіями положителянаго и обычнаго вселенскаго церк. права. Такова, напримѣръ, характерная фраза соборной граматы 5 февраля 1510 года: „И на соборъ, уставленный святыми отцы, коли его (разумѣется Супрасльскій архимандритъ) листомъ нашимъ обошлемъ и узвелимъ ему къ соби быти, тогды маетъ онъ къ намъ приехати безъ всякихъ податей и пошлинъ соборныхъ нашихъ“ [976]). Не менѣе опредѣленно выражена устанавливаемая мысль и въ фразѣ „Совѣтованія о благочестіи“: „учреждать сообразно съ церковными правилами соборы“ [977]). Уже это согласіе съ нормами положительнаго церковнаго вселенскаго права обосновываетъ мысль о жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія. „Елекційные листы“ усиливаютъ идейныя основанія этой мысли, ссылаясь на помѣстное право западно-русской православной церкви—на „старожитныя вольности“ ея [978].)

Церковно-юридическое обоснованіе той же мысли въ западно-русскихъ церковно-юридическихъ и церковно-историческихъ источникахъ углубляется и раскрывается въ связи *съ ученіемъ объ іерархической правоспособности* клира а также—*общей церковной правоспособности.*

Соборъ, какъ органъ церковнаго управленія, необходимъ для церкви съ точки зрѣнія спеціальной іерархической правоспособности. Эта мысль неоднократно, настойчиво выражена въ постановленіяхъ областныхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, напр. Берестейскаго собора 1590 года. „Почучаючи въ повинностяхъ нашихъ", „водлугъ властное повинности вашое"—таковы выраженія авторовъ дѣянія этого собора—іерархическихъ лицъ, обосновывающія мысль о необходимости очередныхъ областныхъ церковныхъ соборовъ [979]). Спеціальная іерархическая правообязанность содѣйствовать вѣчному спасенію паствы служитъ существенно важнымъ основаніемъ мысли о жизненной цѣнности собора для церкви, собора, какъ формы совмѣстнаго „обмышленія" іерархическихъ лицъ о „справахъ церковныхъ", о нуждахъ церковной жизни, о мѣрахъ христіанизующаго воздѣйствія на нее. Общность іерархическихъ обязанностей по отношенію къ запросамъ жизни, общность и самыхъ этихъ запросовъ, выдвигаемыхъ общими для митрополичьяго округа внѣшними условіями быта церкви—все это, съ точки зрѣнія спеціальной іерархической правообязанности служенія вѣчному спасенію пасомыхъ, является существенно важнымъ основаніемъ объединенія іерархическихъ лицъ въ видѣ собора для совмѣстнаго сужденія о „справахъ церковныхъ". Въ тѣсной связи съ изложенной мыслью находится православный пасторологическій тезисъ о тѣснѣйшемъ нравственномъ единеніи пастырей между собою и съ пасомыми. Необходимъ соборъ для церкви и съ точки зрѣнія общей церковной правоспособности—съ точки зрѣнія правоспособности пасомыхъ, какъ полноправныхъ членовъ церкви. Эту мысль со всею очевидностью выражаютъ Львовскіе братчики въ своей, приведенной выше, мотивировкѣ своего права на участіе въ Берестейскомъ соборѣ 1596 г. Основная идея этой мотивировки—экклезіологическій тезисъ: церковь есть Тѣло Христово [980]).

III.

Идея соборности, какъ принципъ, обосновывающій необходимость соборныхъ органовъ церковной власти.

Изложенными мыслями о жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія, и мыслями объ основаніяхъ этой цѣнности освѣщается основоположеніе идеологіи церковнаго собора—*идея соборности, какъ принципъ церковнаго устройства.*

Положительнымъ рѣшеніемъ вопроса о необходимости и цѣнности для церкви собора, какъ органа церковнаго управленія, западно-русская церковная исторія выноситъ свой осуждающій приговоръ такому принципу церковнаго устройства, который парализуетъ соборные органы церковной власти. Основоположеній, принциповъ церковнаго устройства исторія знаетъ два: принципъ церковнаго абсолютизма и принципъ соборности [931]). Историческими типами практическаго примѣненія перваго принципа является абсолютизмъ Римскихъ папъ и протестантскій цезаропапизмъ. Историческимъ типомъ организаціи церковнаго управленія на началѣ соборности является устройство управленія православной вселенской церкви, преимущественно въ первые три вѣка христіанства [932]). Идею соборности, какъ принципъ церковнаго устройства освѣщаютъ и вышеизложенные идеологическіе тезисы, построенные на основаніи западно-русскихъ церковно-историческихъ и церковно-юридическихъ источниковъ. При свѣтѣ этихъ тезисовъ можно раскрыть идею соборности, указывая пути ея проведенія въ жизнь митрополичьяго округа. Такими путями, какъ видно изъ вышесказаннаго, должны быть: а) примѣненіе на практикѣ собора какъ органа центральнаго управленія митрополичьяго округа (областные соборы), б) и управленія епархіи (епархіальные соборы), в) устройство собора, содѣйствующее живому общенію въ моментъ соборной дѣятельности между всѣми классами церковнаго общества, какъ живыми членами единаго организма церкви —Тѣла Христова.

Эти пути практическаго осуществленія идеи соборности, уясняющіе и самую сущность этой идеи, ясно намѣчаются исто-

ріей и, въ частности, постановленіями западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ. Выше приведены факты и мысли изъ исторіи этихъ соборовъ по вопросу о необходимости и жизненной цѣнности собора, какъ органа управленія митрополичьяго округа и епархіи. Намѣчена выше и мысль о томъ, что однимъ изъ основаній жизненной цѣнности собора, какъ органа церковнаго управленія, является то обстоятельство, что соборъ служитъ формою единенія іерархическихъ лицъ между собою и съ пасомыми въ дѣлѣ церковнаго управленія. Эта послѣдняя мысль, существенно цѣнная для уясненія идеи соборности, неоднократно оттѣняется какъ въ постановленіяхъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, такъ и въ западно-русской православной полемической литературѣ [983]).

Мысль о свободномъ единеніи всѣхъ классовъ церк. общества въ функціяхъ церковнаго собора устанавливается, прежде всего, устройствомъ многихъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, особенно елекційныхъ соборовъ 17 вѣка, на которыхъ клиръ, монахи и міряне совмѣстно съ епископатомъ принимали живое участіе въ соборной „намовѣ“ и въ соборномъ голосованіи. Осуществленіе идеи рецепціи въ исторіи названныхъ соборовъ еже болѣе углубляетъ раскрываемую мысль. Устанавливается эта мысль и опредѣленіями западно-русскихъ православныхъ церковныхъ соборовъ, напримѣръ—„Совѣтованіемъ о благочестіи“, призывающимъ „не гнѣваться на младшихъ и нисшихъ степенью, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ, что нибудь напомнили или отъ чего предостерегали“ [984]). Данными словами соборнаго постановленія ясно устанавливается именно раскрываемая нами мысль, характерная для устройства органовъ церковной власти на началѣ соборности.

Еще болѣе опредѣленно выражена эта мысль въ западно-русскихъ православныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, напримѣръ въ „Апокрисисѣ“, „Палинодіи“. „Соборы нужно собирать не только изъ епископовъ, но и изъ другихъ лицъ, которые должны имѣть власть не только къ исправленію обычаевъ духовенства, но и для отмѣненія чего нибудь стараго или для введенія чего нибудь новаго. . . Соборъ не есть трибуналъ только епископовъ“ [985]).

„А же до соборовъ о вѣрѣ, набоженствѣ и догматахъ и до обиранья на преложенства церковныи отправующихся при архіепископѣ, митрополитахъ и епископахъ, такъ низшаго степене духовныи, якъ тежъ и свѣтскіе станове належать и на синодахъ бывали, а отдалены не были“ [986]).

Такимъ образомъ, главнымъ основаніемъ необходимости соборныхъ органовъ церковной власти служитъ идея соборности какъ принципъ церковнаго устройства—*идея живого единенія всѣхъ классовъ церковнаго общества въ функціяхъ церковной власти.*

IV.

Идея соборности при свѣтѣ догмы православнаго церковнаго права.

Согласно ли съ ученіемъ православной церкви изложенное пониманіе идеи соборности, можно ли обосновать его догмою православнаго церковнаго права. Горячо обсуждался этотъ вопросъ въ Западной Руси въ 16 и 17 вѣкахъ [987]). Неоднократно ставился онъ на очередь и въ послѣдующее время въ научныхъ и популярныхъ трудахъ о церковномъ строѣ [988]). Стоитъ онъ на очереди и теперь предъ всею православной Россіей. Сравнивая мысли западно-русскихъ полемистовъ 16 и 17 вѣка по данному вопросу съ тѣмъ, что написано по этому вопросу впослѣдствіи, нельзя ни признать того несомнѣннаго факта, что эти мысли неоднократно повторялись впослѣдствіи, повторялись даже въ 20 вѣкѣ защитниками идеи соборности [989]).

Въ виду этого признаемъ цѣлесообразнымъ, подходя къ освѣщенію названнаго вопроса, прежде всего изложить въ системѣ важнѣйшія мысли западно-русскихъ полемистовъ, относящіяся къ этому вопросу, а затѣмъ указать путь для его принципіальнаго рѣшенія.

а).

Раскрытіе и обоснованіе идеи соборности въ западно-русскихъ православныхъ полемическихъ сочиненіяхъ 16 и 17 вѣка ведется двумя путями: отрицательнымъ и положительнымъ. Западно-русскіе православные полемисты съ одной стороны доказываютъ полную несостоятельность церковнаго абсолютизма, какъ

принципа церковнаго уствойства, а съ другой стороны обосновываютъ идею соборности, уясняя православное ученіе о церковномъ соборѣ, какъ органѣ церковнаго управленія. Важнѣйшимъ изъ православно-полемическихъ сочиненій 16 и 17 вѣка, безспорно, является „Апокрисисъ“ Христофора Филалета. Содержащіяся въ этомъ трудѣ мысли о соборности неоднократно воспроизводились и варіировались въ послѣдующихъ произведеніяхъ западнорусской православно-полемической литературы. На изложеніи этихъ мыслей мы и останавливаемся прежде всего и главнымъ образомъ [990]).

Обоснованіе идеи соборности отрицательнымъ методомъ изложено въ третьей части „Апокрисиса“. Вся третья часть „Апокрисиса“ посвящена вопросу „о монархіи или единовластіи папъ Римскихъ“. „Церковная монархія“—форма жизненнаго воплощенія принципа церковнаго абсолютизма. Авторъ доказываетъ несостоятельность этого принципа, устанавливая отсутствіе теоретическихъ и историческихъ его основъ. Единственнымъ теоретическимъ (догматическимъ) основаніемъ церковной монархіи могла бы быть католическая теорія о главенствѣ апостола Петра. Этою теоріей усвояется церковной монархіи авторитетъ богоучрежденности. Полемистъ доказываетъ, что въ Св. Писаніи нѣтъ никакихъ основаній главенства апостола Петра и что „единовластіе церковное въ Св. Писаніи Новаго Завѣта приписывается собственно одному Христу Господу“ [991]). По мысли полемиста, нѣтъ и историческихъ основъ „церковной монархіи“, такъ какъ католическая теорія объ историческомъ главенствѣ папъ во вселенской церкви опровергается несомнѣнными историческими данными, обильно приводимыми полемистомъ [992]).

Положительное раскрытіе и обоснованіе идеи соборности полемистъ даетъ во второй части своего труда. Здѣсь находимъ и обстоятельную аргументацію установленнаго нами выше тезиса, являющагося важнѣйшимъ практическимъ выводомъ изъ идеи соборности: церковный соборъ въ своей дѣятельности долженъ быть формою живого единенія всего церковнаго общества. Раскрывая этотъ тезисъ, авторъ „Апокрисиса“ утверждаетъ слѣдующія мысли: а) въ составъ собора, какъ его полноправные члены

должны входить представители епископата, клира и мірянъ, б) первыя двѣ группы членовъ собора участвуя въ его дѣятельности, въ соборномъ обсужденіи и въ соборномъ голосованіи, сохраняютъ свою спеціальную іерархическую правоспособность и кругъ ихъ полномочій по отношенію къ соборной дѣятельности шире, чѣмъ кругъ полномочій мірянъ, в) міряне на основаніи общей церковной правоспособности имѣютъ право участвовать въ соборномъ обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ вѣры, въ соборномъ избраніи іерархическихъ лицъ и въ соборномъ судѣ.

„Правда ли, что соборъ есть трибуналъ однихъ епископовъ и кромѣ нихъ никто другой не имѣетъ на немъ голоса"?—вотъ вопросъ, рѣшаемый въ первой главѣ второй части „Апокрисиса". Воспроизведенный нами выше отрицательный отвѣтъ [993]) на этотъ вопросъ авторомъ обосновывается: данными изъ исторіи вселенской церкви и свидѣтельствами церковныхъ писателей, въ частности, католическихъ писателей. Прежде всего, полемистъ останавливается на исторіи апостольскихъ соборовъ. „Что думаетъ дѣписатель (Скарга—авторъ сочиненія противъ православнаго Берестейскаго собора 1596 года) о томъ апостольскомъ соборѣ, о которомъ говорится въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и на которомъ упоминаются не только апостолы, но и пресвитеры, и не только пресвитеры, но и вся церковь и братія, подъ именемъ коихъ, безъ сомнѣнія, разумѣются всѣ христіане. Св. Лука пишетъ тамъ: *изволися апостоломъ и старцемъ со всею церковію, избравше мужа отъ нихъ, въ Антіохію послати съ Павломъ и Варнавою* и ниже, передавая слова посланія, отправленнаго соборомъ, говоритъ: *апостолы и пресвитеры и братія сущимъ во Антіохіи братіямъ радоватися* (Дѣян. XV, 22, 23 [994]). Затѣмъ полемистъ приводитъ доказательства своей мысли изъ исторіи вселенскихъ соборовъ (по Ѳеодориту, Евсевію и Сократу) Халкидонскаго, Константинопольскаго и помѣстныхъ соборовъ, напр. Карѳагенскаго, а также соборовъ Ліонскаго и Флорентійскаго (унія). Во всѣхъ этихъ соборахъ участвовали міряне [995]). Приведя затѣмъ свидѣтельства, принадлежащія папамъ (Николай, Пій 2-й), о правѣ мірянъ участвовать въ соборахъ, полемистъ говоритъ: „Эти доказательства такъ ясны, что волей и неволей

нужно признать ихъ справедливость. Ибо кто не видитъ, что дарованія Божіи различны и что между свѣтскими людьми бываетъ много благочестивыхъ, при всей своей простотѣ могущихъ оказать назиданіе, много бываетъ ученыхъ и иногда, особенно въ настоящее время, болѣе остроумныхъ, чѣмъ епископы; разумѣю тѣхъ епископовъ, которые кромѣ титула, облаченій, гордости и богатства, поистинѣ ничего епископскаго не имѣютъ и о которыхъ св. Іеронимъ въ правилѣ говоритъ: „не всѣ епископы суть епископы“ [996]).

Во второй части „Апокрисиса“ полемистъ говоритъ „о правахъ мірянъ разсуждать объ ученіи вѣры“. Основная мысль этой главы формулируется такъ: „По ученію св. отцовъ повелѣвается вѣрить пастырямъ, но только дотолѣ, пока они согласны съ истиннымъ ученіемъ Божественнаго Писанія: упоминается у св. отцовъ, что бывали случаи, когда нѣкоторые на основаніи св. Писанія возражали противъ нихъ и ихъ сочиненій, и даже дается право отвергать, что не согласно съ правдою (бл. Августинъ кн. 2 противъ Крискенія, 31, п. 19 къ Іерониму, „О единствѣ церкви“ 11, письмо 3 и 112 къ Фортунату и пр.) „Поэтому тотъ, кто не хочетъ заблуждаться и погибнутъ навсегда, долженъ слушать духовныхъ властей, но только тогда, когда они научаютъ божественной истинѣ: не долженъ смотрѣть на пустые титулы, но на то истино ли и православно ли ученіе, не долженъ всякой ихъ вѣрѣ слѣдовать, но только истинной“ [997]). Въ слѣдующей главѣ полемистъ обосновываетъ право мірянъ участвовать въ избирательной и судебной дѣятельности собора: „Я, конечно ,говоритъ полемистъ, могъ бы доказать это право—произносить судъ—тѣмъ самымъ, что всѣ, какъ выше показано, принадлежатъ къ собору; потому что если всѣ принадлежатъ къ собору, то всѣ могли принимать участіе и во всѣхъ соборныхъ дѣлахъ: а если могли (полемистъ разумѣетъ мірянъ—участниковъ Берестейскаго православнаго собора 1596 года) принимать участіе въ соборныхъ дѣлахъ, то и въ обсужденіи, а послѣ обсужденія и въ самомъ лишеніи отступившихъ духовныхъ властей ихъ сана, что, безъ сомнѣнія всего удобнѣе было сдѣлать на соборѣ. Но я докажу ясно изъ закона Божія и постановленій церкви, что несправед-

ливо лишать владыкъ, духовенство и мірскихъ лицъ права суда надъ духовными властями". Доказательства, приводимыя полемистомъ, заимствуются изъ Св. Писанія, святоотеческихъ твореній и изъ исторіи вселенской церкви. Опровергая „дѣписателя" Берестейскаго собора Скаргу, полемистъ говоритъ: „я надѣюсь; онъ не будетъ спорить со мной относительно того, что всякій имѣющій право избирать, можетъ также и низвергать избраннаго, слѣдовательно, если я докажу, что по установленіямъ Божіимъ и церковнымъ не только всѣ духовные, но и мірскіе имѣютъ право избирать духовныхъ властей, то, я думаю, онъ сейчасъ же согласится, что они могутъ и низвергать ихъ. Выходя изъ этого положенія, я напомню ему, во первыхъ, разсказъ изъ Дѣяній Апостольскихъ объ избраніи апостола Матѳія на мѣсто Іуды и другой объ избраніи діаконовъ, потому что оба эти избранія были произведены апостолами и братіею. Далѣе я напоминаю дѣписателю, что и въ первенствующей послѣ апостоловъ церкви существовало обыкновеніе избирать духовныхъ властей не только по волѣ главнѣйшихъ лицъ духовенства, но по желанію всѣхъ духовныхъ и, наконецъ, всѣхъ лицъ мірского званія, которые имѣли быть подъ управленіемъ избранныхъ. Это обкновеніе не только при поставленіи епископовъ, но и при поставленіи другихъ духовныхъ такъ крѣпко было соблюдаемо, что св. Кипріанъ въ одномъ своемъ посланіи проситъ себѣ извиненія въ томъ, что онъ поставилъ чтецомъ какого то Аврелiана, не давъ знать о томъ церкви (кн. 2 пис. 5). Въ другомъ мѣстѣ онъ же такъ пишетъ: „простой народъ, слушая заповѣди Господни и боясь Бога, долженъ удаляться отъ худого властителя и никакъ не долженъ принимать участія въ приношеніяхъ іерея святотатца, больше всѣхъ имѣя власть и избирать достойныхъ іереевъ и избѣгать недостойныхъ. Когда іерей избирается въ присутствіи простого народа предъ глазами всѣхъ и по общему согласію и засвидѣтельствованію признается достойнымъ и годнымъ, то этимъ, какъ кажется, свидѣтельствуется благоговѣніе къ Богу." Въ томъ же письмѣ нѣсколько ниже Кипріанъ говоритъ слѣдующее: Этотъ обычай введенъ для того, чтобы въ присутствіи всего народа были открыты грѣхи злыхъ или обнародованы заслуги доб-

рыхъ и чтобы такимъ образомъ избраніе, подтвержденное согласіемъ и мнѣніемъ всѣхъ, могло быть достойнымъ, надлежащимъ и справедливымъ [998]). Дальнѣйшую аргументацію раскрываемаго положенія полемистъ заимствуетъ изъ исторіи церковныхъ соборовъ. „Но такъ какъ дѣписатель можетъ быть мало полагается на свидѣтельство св. Кипріана, то я укажу ему на соборъ Антіохійскій, гдѣ постановлено запрещеніе посылать насильно духовныхъ властей къ тѣмъ, которые не желаютъ принимать ихъ добровольно. Указываю на соборъ Константинопольскій, который, тамъ же въ Константинополѣ, поставляя епископомъ Несторія, не хотѣлъ сдѣлать этого безъ позволенія духовенства и народа. Сошлюсь еще на слова Ѳеодорита (кн. IV, гл. 20), который разсказывая о нѣкоемъ Петрѣ, котораго св. Аѳанасій избралъ было своимъ преемникомъ, присовокупляетъ, что это избраніе не только подтверждено всѣмъ духовенствомъ, но и признано голосомъ всего народа, какъ бы давая этимъ знать, что назначенный епископомъ преемникъ могъ утвердиться только тогда, когда призналъ его весь народъ“ [999]). Наконецъ, въ заключеніе излагаемой аргументаціи, полемистъ останавливается на практикѣ древней западной латинской церкви.

„Имѣя споръ съ Римляниномъ, я укажу ему изъ Римскихъ учителей на св. Августина (пис. 100), который, описывая назначеніе нѣкоего Еродія, предлагаетъ тотъ же образъ избранія духовныхъ властей. Напомню еще дѣписателю о постановленіи, приписываемомъ папѣ Анаклету (грань 61, пр. 1), изъ котораго узнаетъ, что и для избранія въ пресвитеры требовалось согласіе народа. Напоминаю ему объ изреченіяхъ папы Льва I, которыя находятся въ граматахъ этого папы и отчасти внесены въ декреталіи: „пусть будетъ избранъ тотъ, кого желаетъ духовенство и народъ или большинство“ и еще: „тотъ, кто имѣетъ быть властителемъ надъ всѣми, пусть будетъ избранъ всѣми“, и еще: „пусть получить мѣсто тотъ, кого избираетъ и пожелаетъ духовенство и народъ“ [1000]). И еще приводитъ полемистъ два изреченія папы Льва, а также ссылается на папу Григорія и др. „Наконецъ упоминаю о правилѣ папы Николая, относительно избранія самаго Римскаго папы, сдѣланномъ за 500 лѣтъ тому

назадъ, гдѣ говорится между прочимъ, что избраніе папы должно быть утверждено общимъ согласіемъ народа“ [1001]). Изложенныя соображенія непосредственно доказываютъ право участія мірянъ въ избирательныхъ соборахъ и косвенно—въ судебныхъ соборахъ. Прямымъ доказательствомъ права мірянъ участвовать въ судебной соборной дѣятельности для полемиста служитъ „грамата Константинопольскаго патріарха Іереміи, которую онъ далъ во время своего пребыванія въ Вильнѣ Виленскому церковному братству и въ которой онъ далъ этому братству власть надъ митрополитомъ въ случаѣ погрѣшеній и усвоилъ права приговаривать митрополита къ наказанію“ [1002]).

Обосновывая право мірянъ участвовать въ перечисленныхъ дѣйствіяхъ собора, полемистъ далѣе устанавливаетъ формулу, разграничивающую кругъ полномочій іерархическихъ лицъ и мірянъ по отношенію къ дѣятельности собора. „Врочемъ, говоритъ полемистъ, эти напоминанія я дѣлаю не по желанію доказать, что въ такихъ дѣлахъ мірскіе имѣютъ равную власть съ духовными; объ этомъ я не думаю, признавая, что въ этихъ случаяхъ свѣтсткіе не могутъ подвергать проклятію, но только должны знать объ этомъ, не могутъ постановлять приговоръ, не только изъявлять свое согласіе, не могутъ его обнародовать, но должны быть свидѣтелями и наблюдать, чтобы не было чего нибудь постановлено несправедливаго и безразсуднаго вслѣдствіе поспѣшности или раздраженія“ [1003]). Изъ этой формулы видно, что участники собора—іерархическія лица сравнительно съ участниками собора мірянами имѣютъ, по мысли автора, спеціально-іерархическія полномочія по отношенію къ „соборованію“. Къ числу такихъ полномочій относится право налагать церковныя наказанія („предавать проклятію“), право формулировки судебнаго приговора („постановлять приговоръ“), право публикаціи соборныхъ опредѣленій („обнародовать“).

Изложенная апологія соборности, данная авторомъ „Апокрисиса“, въ своихъ основоположеніяхъ и деталяхъ воспроизводилась болѣе или менѣе полно многими западно-русскими православ-

ными полемистами послѣдующаго времени, какъ напримѣръ—Захаріей Копыстенскимъ въ вышеприведенныхъ словахъ изъ „Палинодіи“ [1004]).

„Апокрисисъ“ и „Палинодія“—обширные трактаты, написанные по широко задуманному плану. Изложенная въ этихъ трактатахъ апологія соборности имѣетъ теоретическій характеръ. Краткія, пламенныя посланія Іоанна Вишенскаго (Аѳонскаго старца)—западно-русскаго православнаго полемиста 17 вѣка (упоминается въ „Совѣтованіи о благочестіи“) даютъ обоснованіе практическихъ требованій, вытекающихъ изъ начала соборности, осужденіе практическихъ выраженій церковнаго абсолютизма. Принципъ церковнаго абсолютизма, проникая въ жизнь церкви, создаетъ рѣзкое разобщеніе полновластнаго класса правящихъ (епископатъ и высшее духовенство) и безправнаго класса подчиненныхъ (нисшее духовенство и міряне). Право внѣшне—принудительнаго господствованія, сообщаемое епископамъ и высшему духовенству принципомъ абсолютизма, внутренно разъединяетъ ихъ съ церковью. Внѣшнее господство въ религіозной жизни психологически не примѣнимо, такъ какъ религіозная жизнь есть жизнь духа, а жизнь духа находится внѣ сферы насилія и есть область свободы. Поэтому примѣненіе къ церковной жизни идеи абсолютизма церковной власти можетъ идти двумя путями: или путемъ нравственнаго обоснованія требованій абсолютной церковной власти, или путемъ внѣшняго подчиненія членовъ церкви этимъ требованіямъ. Первый путь есть путь самоуничтоженія абсолютизма, предполагая свободное усвоеніе (рецепцію) требованій церковной власти. Второй путь неизбѣжно приводитъ къ ненормальному осложненію цѣли церковно-іерархическаго служенія. Наряду съ пастырскою цѣлью возрожденія душъ, абсолютная церковная власть имѣетъ другую, болѣе близкую для нея цѣль—личные эгоистическіе интересы. Въ жизни западно-русскаго уніатскаго епископата 17 вѣка эта привходящая цѣль абсолютной церковной власти сказалась особенно грустными послѣдствіями. Вотъ эти практическія слѣдствія церковнаго абсолютизма и осуждаетъ въ своихъ посланіяхъ старецъ Іоаннъ Вишенскій, ратуя за жи-

вое единеніе всѣхъ членовъ церковнаго общества въ живомъ дѣлѣ церковнаго подвига спасенія. Осуждаются имъ „владыки, архимандриты и игумены, которые въ монастырѣ позапустѣвали и фольварки себѣ зъ мѣстъ святыхъ починили, и сами только зъ слуговинами и пріятелямися въ нихъ тѣленсѣ и скотски преховываютъ, на мѣстохъ святыхъ лежачи, гроши збираютъ съ тыхъ доходовъ, на богомольцы Христовы наданныхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуютъ, сыны одѣваютъ, женъ украшаютъ, барвы справуютъ, пріятели обогачуютъ, карити зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошь свою поганскіи исполняютъ. А въ монастырѣ рѣкъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, и иноческаго чина по закону церковному видѣти нѣсть и мѣсто бдѣнія, пѣсни и молитвы и торжества духовнаго—пси воютъ, гласятъ и ликуютъ“. Приведенныя слова изъ посланій Іоанна Вишенскаго отмѣчаютъ одно практическое слѣдствіе церковнаго абсолютизма—уклоненіе іерархіи отъ ея прямой пастырской цѣли. Тѣсно связано съ этимъ явленіемъ и другое отрицательное практическое слѣдствіе церковнаго абсолютизма—пренебрежительное отношеніе іерархіи къ мірянамъ. „Якъ же вы, говоритъ Іоаннъ Вишенскій епископамъ уніатамъ, духовными, але и вѣрными звати можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою отъ единое матери благодати ровно зъ собою породившагося, подлѣйшимъ отъ себе чините, уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете (отъ слова „холопъ“), кожемякаете, сѣдельникаете, швецами на поруганіе прозываете... Добе, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и швецъ, але вспомяните, яко братъ вамъ ровный во всемъ есть“. „Але вы, бискупи, по тому вашему обличенію што учините вѣмъ зась: тые хлопи простые въ своихъ кучкахъ и домикахъ сидятъ, а мы предъ ся на столахъ епископскихъ лежимо; тые хлопи зъ одное мисочки поливку альбо борщикъ хлебчуть, а мы предъ ся по колко десять полмисковъ, розмаитыми смаками уфарбованныхъ, пожираемъ, тые хлопи бѣскимъ альбо муравскимъ кгермачкомъ ся покрываютъ, а мы предся въ гатласѣ, ядмашку и соболѣхъ шубахъ ходимо; тые хлопи сами и панове и слуги себѣ суть; а мы предъ ся предстоящихъ барвяноходцевъ

по колко десять маемо; предъ тыми хлопи нѣхто славной шапки не здойметъ, а предъ нами и воеводы здыймаютъ и низко кланяются". Съ точки зрѣнія Іоанна Вишенскаго такое отношеніе іерархіи къ „народу церковному" есть „кокошенье" (отъ слова „кокошъ"—пѣтухъ) противное православному ученію о характерѣ церковной власти. По мысли полемиста, церковная власть должна опираться не на внѣшнее превосходство и внѣшнее принужденіе, а на силу нравственнаго авторитета „Аще бо бы Христосъ или Петръ ученикъ Его внѣшнюю власть носилъ, не бы Себе убити попустилъ паче же и слугами Себе защитилъ... Занеже Петръ не властію внѣшнею и силою надъ послѣдующими ему господствовалъ, но властію духовною, се же есть вѣрою несумнѣнною, нищетою конечною, смиреніемъ, терпѣніемъ крестоноснаго житія и любовію вседушною" Іоаннъ Вишенскій не только даетъ критическую оцѣнку практическихъ слѣдствій церковнаго абсолютизма, но указываетъ и практическія требованія соборности, доказывая право клира и мірянъ участвовать въ церковномъ законодательствѣ, въ избраніи іерархическихъ лицъ и въ церковномъ судѣ. „Пытаю васъ зась, обращается полемистъ къ епископамъ—уніатамъ, гдѣ пастыремъ власть дана большей што мудровати надъ овца вѣрные и крещенные во имя Отца и Сына и Св. Духа, того ни единымъ писаніемъ не покажете". „Пытаю васъ зась, годится ли судъ всякаго пастыря слухати, который себѣ имя пастырства уронилъ, а до овчарнѣ не пастырскими дверьми отъ Бога званіемъ и народнымъ избраніемъ входитъ"? „Пытаю васъ зась, чѣмъ бы и для которое причины словесное стадо пастырей глядѣти и обличати не мѣло"? „Такъ вѣдайте, не толко очи здоровые ока гнилого усмотрити могутъ, и власть имаютъ, але и само тѣло церковное, то есть простые христіане по Христову гласу скверно-начальника извречи, осудити и прокляти власть имать, да не съ тымъ блазненнымъ окомъ или пастыремъ въ геенную внидутъ, а священницы православной вѣры, поборницы благочестія, въ своемъ степени неподозрѣнные, таковую силу, власть и начальство имаютъ правду евангельскую боронити и о ней ся до крове заставляти, якоже Христосъ и прочіи апостолы" [1005].)

б)

Правы ли западно-русскіе православные полемисты, утверждая мысль о канонической и жизненной цѣнности идеи соборности въ тѣхъ ея жизненно—практическихъ формахъ примѣненія, какія указаны нами выше, справедливы ли съ точки зрѣнія канонической догмы мысли о необходимости для церкви собора, какъ органа церковнаго управленія, о правахъ всѣхъ членовъ церковнаго общества на участіе въ дѣятельности собора, о разграниченіи при этомъ спеціально—іерархическихъ и общецерковныхъ полномочій?

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ канонической правильности первой изъ этихъ мыслей. Исторія права вселенской и помѣстныхъ церквей съ безспорной очевидностью убѣждаетъ въ томъ, что каноническая правильность разсматриваемой мысли о соборѣ, какъ органѣ помѣстнаго и епархіальнаго управленія, всегда признавалась общецерковнымъ сознаніемъ [1006]).

Далеко не такъ очевидна каноническая правильность двухъ другихъ мыслей, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію. Не есть ли церковный соборъ „трибуналъ только епископовъ“? На этотъ вопросъ давались неодинаковые отвѣты въ исторіи церковнаго права. Отрицательныя отвѣтъ на этотъ вопросъ, данный авторомъ „Апокрисиса“, вызвалъ рѣзкую критику, обвиненіе въ неправославіи со стороны защитниковъ уніи и ея послѣдователей, отступившихъ отъ православія. Не останавливаясь на этой критикѣ, указываемъ путь къ принципіальному рѣшенію разсматриваемаго вопроса.[1007]).

Въ функціяхъ церковнаго собора, какъ органа церковнаго управленія, должны объединяться всѣ классы церковнаго общества съ сохраненіемъ іерархіей ея спеціально-іерархическихъ полномочій. Таковъ обосновываемый нами тезисъ, являющійся основоположительной формулой практическаго осуществленія идеи соборности въ устройствѣ церковнаго собора.

Справедливость этого тезиса подтверждается обильными историко-каноническими данными. Часть ихъ приведена выше при изложеніи мыслей „Апокрисиса“. Но это только небольшая часть

такихъ данныхъ, имѣющихъ безпорную научно-установленную достовѣрность [1008]). Кромѣ этихъ данныхъ есть болѣе глубокія основы устанавливаемой мысли. Такія основы можно найти въ ученіи о сущности, содержаніи и характерѣ церковнаго права и также и о характерѣ церковной власти.

Церковное право есть явленіе общественнаго порядка. Поэтому къ уясненію его сущности, содержанія и характера можетъ привести анализъ общественной стороны христіанства. Сущность христіанства, какъ жизненнаго процесса, состоитъ въ просвѣщеніи отдѣльныхъ личностей свѣтомъ Христовой истины и въ ихъ таинственномъ и нравственномъ ростѣ при свѣтѣ этой истины, въ ихъ духовномъ возрожденіи и возрастаніи о Христѣ. Короче христіанство можно опредѣлить терминомъ индивидуальной христіанизаціи. Въ субъективномъ процессѣ индивидуальной христіанизаціи можно отмѣтить двѣ стороны: индивидуальной ростъ христіанскихъ личностей и ихъ общественныя отношенія по принципу любви въ цѣляхъ содѣйствія общему совершенствованію—спасенію. Цѣлью обѣихъ сторонъ христіанской жизни служитъ воплощеніе христіанскаго идеала въ переживаніяхъ личности. Самоцѣльной поэтому является первая сторона. Но ея цѣль не осуществима безъ наличности второй—общественной стороны христіанства. Основанія для этой мысли таковы. Первое основаніе психологическое. Невозможна жизнь личности безъ выраженія ея переживаній, а слѣдовательно и безъ отношенія къ другимъ личностямъ. Равнымъ образомъ, личность не можетъ жить безъ помощи другихъ личностей. Уже поэтому необходима церковно-общественная жизнь. Второе основаніе—нравственно христіанское. Сущность христіанскаго навственнаго закона—любовь, какъ созидающее общеніе личностей. Очевидно, что христіанская общественность предполагается нравственною сущностью христіанства. Третье основаніе—догматическое. Узнать истинный идеалъ жизни и возрастить его въ себѣ можно только въ церкви—при помощи таинственной благодати Божіей, въ живомъ общеніи съ Богомъ и съ вѣрующими,—внѣ церкви нѣтъ спасенія. Такимъ образомъ, будучи религіей личнаго, (индивидуальнаго) спасенія, христіанство по самой своей сущности не индивидуалистично, а

общественно, и христіанская жизнь есть неизбѣжно церковно-общественная жизнь. Каковы же основные моменты христіанской общественности? [1009])

Общество есть совокупность личностей, объединенныхъ одною цѣлью и участвующихъ въ осуществленіи этой цѣли по принципу распредѣленія труда. Общественность создается единствомъ цѣли, опредѣляющей общность средствъ. Въ осуществленіи общественной цѣли объединенными усиліями общества состоитъ процессъ общественной жизни [1010]).

Основной законъ общественной жизни—распредѣленіе труда, или точнѣе—управленіе общественными силами въ реализаціи общественной цѣли, осуществляется правомъ. Подъ именемъ права въ объективномъ смыслѣ разумѣется совокупность формулъ, распредѣляющихъ общественныя силы въ процессѣ осуществленія общественной цѣли, иначе—совокупность юридическихъ законовъ. Подъ именемъ права въ субъективномъ смыслѣ разумѣется опредѣленный образъ дѣйствій, основывающійся на юридической нормѣ. Средою дѣйствія права является общество. Объектомъ дѣйствія права являются внѣшнія обнаруженія общественныхъ отношеній, а цѣлью—направленіе общественности къ ея идеаламъ. Основная черта характера права—принудительность: во имя общихъ цѣлей члены общества должны исполнять требованія нормъ, обусловливающія осуществленіе этихъ цѣлей. Юридическая норма, давая права, налагаетъ обязанности [1011]).

По основному закону общественной жизни—распредѣленію труда—созданіе права, его установленіе и содѣйствіе его реализаціи осуществляется частью общества—спеціальнымъ органомъ созданія права. Этотъ органъ—власть. Функціи власти называются управленіемъ [1012]).

Въ жизни земной воинствующей церкви Христовой видимъ перечисленные моменты общественности—наличность объединяющей общественной цѣли, наличность права и власти. Цѣлью, объединяющею христіанскія личности въ религіозное общество—церковь служитъ Богооткровенный идеалъ Божественной жизни. Процессъ жизни церкви—подвигъ вѣчнаго спасенія ея членовъ

выражается въ усвоеніи ими этого идеала и въ его осуществленіи: въ познаніи церковныхъ источниковъ ученія вѣры и благочестія и въ церковномъ общеніи молитвы, благодати и дѣлъ христіанской любви. Церковь едина по происхожденію, по цѣли и по средствамъ и характерною чертою ея жизни является единеніе ея членовъ по вѣрѣ, багодати и жизни, единеніе съ Богомъ и между собою. Церковь есть абсолютный, вѣчный, живой общественный организмъ—*Тѣло Христово*. Неизбѣжны внѣшнія обнаруженія общественныхъ отношеній въ жизни земной церкви. Неизбѣжно поэтому и право въ церкви, какъ норма идеальной общественности, неизбѣжны и органы созданія права—органы власти. Въ церкви и существуетъ, по волѣ ея Божественнаго Основателя, какъ право, такъ и власть, но эти право и власть существенно отличаются отъ права и власти, существующихъ внѣ церкви [1013]).

Цѣль права церкви состоитъ въ томъ, чтобы построить формы христіанской общественности на основахъ абсолютной Богооткровенной истины. Содержаніемъ права церкви служатъ мысли, нормирующія церковную общественность, ея внѣшнія обнаруженія. Право церкви устанавливаетъ источники и объединяющія формулы церковнаго міросозерцанія (канонъ Св. Книгъ, символъ вѣры, символическія книги) и общественныя формы жизни по вѣрѣ (каноны о церковномъ устройствѣ, богослужебные законы, нормы церковно-имущественнаго права) [1014]).

Цѣлью и содержаніемъ права церкви опредѣляются его характерныя особенности: его внутренняя связь съ Богооткровенною истиною и его внутренняя принудительность. Самоочевидна необходимость въ церковно-юридическихъ нормахъ первой изъ этихъ особенностей. Она непосредственно вытекаетъ изъ цѣли церковнаго права. Если этою цѣлью служитъ построеніе формъ христіанской общественности на основахъ Богооткровенной истины, то вполнѣ понятно, что сила и цѣнность церковно-юридическихъ нормъ опредѣляется именно ихъ связью, возможно болѣе тѣсною, съ Богооткровенною истиною. Самоочевидна и другая характерная особенность церковнаго права: его внутренняя принудительность, въ отличіе отъ внѣшней принудительности

права, существующаго внѣ церкви. Если церковнымъ правомъ регламентируются обнаруженія церковной общественности, какъ единенія вѣры, любви, благодати, какъ церковнаго подвига спасенія, то вполнѣ понятно, что оно можетъ быть только внутренно-принудительнымъ, а не внѣшне-принудительнымъ, потому что въ области религіозныхъ убѣжденій внѣшняя принудительность психологически не можетъ имѣть мѣста. И церковная власть и церковное властвованіе по своему характеру кореннымъ образомъ отличается отъ власти и властвованія, существующихъ внѣ церкви. Церковная власть есть іерархія, т. е. священная власть, преемственно существующая отъ Христа Спасителя и св. Апостоловъ, осуществляющая спеціальныя, воспринимаемыя въ таинствѣ священства, церковныя полномочія, спеціальныя права и обязанности, всецѣло направленныя къ одной цѣли—служить вѣчному спасенію людей. По своему характеру эта власть есть не господствованіе, соединенное съ внѣшне—принудительнымъ воздѣйствіемъ, а служеніе, соединенное съ внутренно-принудительнымъ воздѣйствіемъ, такимъ воздѣйствіемъ, которое сильно не внѣшне, а внутренно, поскольку оно свободно рецепируется церковнымъ обществомъ, какъ основанное на Богооткровенной истинѣ и осуществляющееся при таинственной помощи Божіей. Властвованіе церковное по своему характеру есть служеніе вѣчному спасенію людей, осуществляемое не внѣшнимъ принужденіемъ, а силою внутренняго авторитета, создающаго потребность самопринужденія въ тѣхъ лицахъ, на которыя направляется это властвованіе [1015]). „Церковная власть это сила, вытекающая изъ чувства зависимости вѣрующихъ отъ управляющей церковью воли Божіей“ [1916]).

При свѣтѣ этихъ тезисовъ, освѣщающихъ церковное право, церковную власть и церковное властвованіе, не можетъ быть неяснымъ и спорнымъ вопросъ о канонической цѣнности разсматриваемой формулы идеи соборности, какъ принципа церковнаго устройства. Единеніе всѣхъ классовъ церковнаго общества въ функціяхъ церковной власти при сохраненіи спеціально іерархическихъ полномочій клира —это непосредственный логическій выводъ изъ идей церковнаго права, церковной власти и церковнаго властвованія. Такое еди-

нэніе не только не ослабляетъ дѣйственности священной власти—іерархіи, но, наоборотъ, усиливаетъ эту дѣйственность, создавая благопріятныя условія для рецепціи нормъ, устанавливамыхъ соборною церковною властью. Чѣмъ ближе церковное общество къ органамъ созданія церковнаго права, тѣмъ ближе къ жизни этого общества создаваемыя данными органами нормы, тѣмъ авторитетнѣе эти нормы и тѣмъ ближе возможность ихъ рецепціи не только сознаніемъ, но и жизнью всего народа церковнаго.

Примѣчанія и приложенія.

I.

Примѣчанія.

1) Подробнѣе см. проф. К. Харламповичъ „Западно-русскія православныя школы XVI и XVII вѣка". Казань 1893, стр. II—IV. Термину „Западная Русь" признаемъ равносильнымъ терминъ „Украина—Русь". 2) Е. Е. Голубинскій „Исторія русской церкви" II т. перв. половина, стр. 97, М. 1900, Н. Тихомировъ „Галицкая митрополія" стр. 41, Пгр. 1896, проф.—прот. Ѳ. И. Титовъ „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в. в." т. I перв. полов. стр. 100—101, Кіевъ 1905. 1721-му году усвояемъ такое значеніе въ виду изданія въ этомъ году „Духовнаго Регламента", установившаго новыя общія нормы устройства всей русской помѣстной церкви. Съ 21 января 1722 года, несомнѣнно въ зависимости отъ этихъ нормъ, во главѣ Кіевской епархіи сталъ уже не митрополитъ, а архіепископъ. См. Опис. док. и д. хран. въ арх. св. Син. т. X. прил. XIX, ст. 1139. 3) См. прилагаемый указатель источниковъ и пособій 4) Можно отмѣтить только статью проф. А. И. Покровскаго „Къ исторіи и характеристикѣ соборовъ Юго-Западной Руси XV—XVII вѣковъ" въ сборникѣ „Передъ Церковнымъ Соборомъ" стр. 205—245, 1906. 5) Въ курсахъ церковнаго права (проф. Бердникова, Суворова, Павлова и др.) нашъ вопросъ затѣченъ, какъ и въ монографіи проф. П. Лапина, „Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти" Казань 1909. 5) На 1 Всероссійскомъ Съѣздѣ духовенства и мірянъ въ Москвѣ въ секціи о составѣ помѣстнаго собора неоднократно приводились справки изъ исторіи подлежащихъ нашему разсмотрѣнію соборовъ. 6) Преимущественно по даннымъ западно-русской полемической литературы. 7) Указываемъ путь къ принципіальному рѣшенію вопроса о канонической цѣнности идеи соборности. 8) См. напр. классификацію соборовъ у П. Гиншіуса въ его курсѣ

церковнаго права (Das Kirchenrecht der Katoliken und Protestanten in Deutschland. т. 3-й стр. 328 Берлинъ 1882 г.); сравн. П. Лапина цит. соч. стр. 231—292—класификація русскихъ соборовъ. 9)Этотъ признакъ полагаетъ въ основу своей классификаціи П. Гиншіусъ (цит. соч. тамъ-же). 10) 1 вселенск. соб. пр. 4. 11) Св. Аѳанасій Филипповичъ въ своемъ „Діаріушѣ" называетъ областные соборы „помѣстными" (Р. И. Б. т. IV стр. 132). „Головный" —А. З. Р. т. IV, 100, стр. 137). „Енеральный"—см. Р. И. Б. указатель къ VII тому. 12) Собраніе Минскихъ граматъ № 112 см. у м. Макарія „Исторія Русск. церк. т. X, стр. 578. 13) Р. И. Б. т. VI, стр. 1035. 14) А. З. Р. т. IV, № 34. 15) См. ниже стр. 112. Отмѣчаемъ важнѣйшіе виды. Можно указать еще нѣсколько видовъ—напр. „соборы присутствующихъ" (неполные) и соборы полные. Сравн. у Лапина въ цит. соч. тамъ-же. 16) См. ниже стран. 259—260 и примѣч. 904. 17) См. напр. И Чистовича „Очеркъ исторіи западно-русской церкви" ч. 2 стр. 321, Пгр. 1882, Ореста Левицкаго „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ 16 в. и унія". Кіевъ 1884 ст. 20 и 26. 18) См. Голубинскаго и Тихомірова цит. соч. тамъ-же. 19) См. цит. соч. Титова вторая половина т. стр. 4—8. 20) Тамъ же 21) См. выше примѣч. 2-е 22) См. тамъ же стр. 14—16. 23—25) Примѣненіе всѣхъ трехъ способовъ видимъ въ исторіи соборовъ 1415 года: а) сначала Витовтъ посылаетъ въ Царьградъ Григорія Цамблака съ просьбой о его поставленіи на западно-русскую митрополію (второй способъ), затѣмъ мартовскій соборъ 1415 года отправляетъ посольство съ просьбой „дать митрополита по правиломъ" (первый способъ), наконецъ ноябрскій соборъ 1415 года—образецъ примѣненія третьяго способа. См. ниже стр. 23—27. 26) См. у м. Макарія „Ист. русск. церкви" т. 9 стр. 18 и 63. Примѣръ избранія на патріаршемъ соборѣ присутствующихъ въ Западной Руси—избраніе м. Іова Борецкаго (см. ниже стр. 30). 27) См. ниже стр. 27—38. 28) См. напр. у м. Макарія цит. соч. т. IX, стр. 234, сравн. Левицкаго цит. соч. стр. 36. 29) Избраніе Петра Могилы на мирополичью каѳедру сеймовыми депутатами. См. у проф. С. Т. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и

его сподвижники" т. I, стр. 537 Кіевъ 1883 г. 30) Такой обычный въ предшествующую эпоху, способъ избранія могъ примѣняться, повидимому, до начала 16 вѣка, до того времени, когда укрѣпился обычай подаванья духовныхъ хлѣбовъ. 31) См. напр. А. З. Р. т. II, № 146. 32) См. напр. Арх. Ю. З. Р. т. VI, ч. I, № 35. 33) См. ниже стр. 215—216. 34) Точно датировать примѣненіе этихъ способовъ весьма трудно такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ примѣнялись параллельно, напр. „подаванье" и избраніе епископами своихъ преемниковъ см. ниже стр. 12. 36) Были исключенія, напр. избраніе м. Спиридона. См. выше прим. 26. 36) Существуютъ различныя мнѣнія относительно способа ихъ избранія. См. проф. М. Грушевскаго „Історія Украіни-Руси", т. V, част. II, у Львови, 1905, стр. 409—417 (текстъ и примѣчанія). 37—40) См. тамъ же. 41) Несомнѣнно только, что уже теперь на практикѣ примѣнялись отступленія отъ этого обычнаго способа. См. у Грушевскаго цит. соч. стр. 461. 42—43) См. ниже стран. 45. У Грушевскаго см. цит. соч. стр. 461. 44) См. у Грушевскаго цит. соч. стр. 416. 45) См. Иванишева. „Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ Кіевскаго центральнаго Архива" Архивъ Ю. З. Р. томъ I. часть 1. 46) См. ниже стран. 134—135. 47) Избраніе Іереміи Тиссаровскаго. 48) Исключеніе—избраніе Петра Могилы. 49) См. С. Т. Голубева цит. соч. тамъ же. 50) В. Васильевскаго „Записки о поставленіи русскихъ епископовъ" Журн. М. Н. Просв. 1888, февраль. 51) Тамъ же. 52) Тихоміровъ цит. соч. 123 стр. 54) Яцимірскій „Григорій Цамблакъ" Пгр. 1904, стр. 176—181. 53) Соколовъ—„Богословскій Вѣстникъ" 1895 г. Августъ, стр. 159. 55) См. М. Евгенія „Опис. Кіево-Соф. собора" стр. 100—101. 56) Чистовичъ цит. соч. I. 117—148. 57) Голубинскій и м. Макарій. 58) Ник. лѣт. ч. V, 51—52. 59—61) Голубинскій цит. соч. стр. 361; Яицмірскій, цит. соч. 172—173; Ник. лѣт. V, 105. 62) См. Грушевскаго цит. соч. стр. 287—392. 63) Тамъ же стр. 402—3. 64) Ник.. лѣт. V, 53. 65) М. Евгеній тамъ же. 66) П. С. Р. Л. XI, 222. 67) Тамъ же 223. 68) Тамъ же. 69) А. З. Р. т. I, № 23. 70) Тамъ же. 71) А. З. Р. т. I. № 25. 74—76) А. З. Р. т. I, № 21 и 25. 77) См. выше стр. 17.

78) Мнѣніе проф. И. И.Малышевскаго. 79) Проф. Кояловичъ „Литовская церковная унія“ т. I, стр. 259. А. З. Р. т. I № 25. 80) Кояловичъ цит. соч. стр. 240—241. 81) А. З. Р. т. I, № 25. 82) См. выше стр. 17. 83) П. С. Р. Л. II, 352 сравн. Голубинскаго цит. соч. тамъ же. 84) Ник. лит. т. V, стр. 23. 85) А. З. Р. т. I. № 25, Ник. лѣт. тамъ же 86—89) Всѣ лѣтописи, за исключеніемъ Никоновской и Бѣлозерской датируютъ по мартовскоту году. Ограбленіе Фотія лѣтописи датируютъ неодинаково. Софійская 2 лѣтопись датируетъ ограбленіе 6921 г. (1413) и говоритъ, что Фотій ограбленъ „на пути ко Царю Граду“ (П. С. Р. Л. т. 6 стр. 140). Въ прибавленіи къ Ипатьевской лѣтописи дата этого событія болѣе поздняя—6922 г. (1414), при чемъ „къ сему лѣту“ отнесено сожженіе Іоанна Гуса, которое произошло 6 іюля 1415 года: „ сіе лѣто (Фотій) хотѣ пойти презъ литовскую землю въ Царьградъ и выбираше дани обычныя у священниковъ. Витолтъ же не любляше сего.... и повелѣ его ограбити и ни съ чимъ же въ Москву отпустити“ (П. С. Р. Л. т. 2, стр. 352). Послѣдовательность событій возстанавливаемъ, сопоставляя лѣтописи съ данными соборной и окружной граматъ 1415 г. (А. З. Р. т. I. № 24 и 25. 90) А. З. Р. т. I, № 25. 91—93) См. напр. цит. соч. Яцимірскаго („Григорій Цамблакъ“) стр. 175, Соколова—„Богословскій Вѣстникъ“ 1895 г. августъ стр. 167. О посольствѣ Григорія Цамблака въ Царьградъ не соборомъ, а Витовтомъ см. проф. И. М. Покровскаго „Русскія епархіи“ 1, стр. 21. О прецедентахъ см. цит. соч. Тихомірова. О соборахъ въ началѣ и концѣ 1414 года для отреченія отъ Фотія и для избранія Григорія Цамбалка и его посольства въ Константинополь говоритъ Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л. т. 9 стр. 223—227). Но данное свидѣтельство Ник. лѣт. не заслуживаетъ вѣроятія по слѣдующимъ основаніямъ: а) Избраніе Григорія, по свидѣтельству соборной граматы, произошло предъ его поставленіемъ (А. З. Р. т. I. № 24), б) Витовтъ, говоря о посольствѣ Григорія въ Константинополь, не упоминаетъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ собора. Григорій былъ отправленъ въ Константинополь Витовтомъ и князьями Литовской земли. (А. З. Р. т. I. № 25). 94) Можно точно датировать грани третьяго фазиса.

Поѣздка Григорія въ Константинополь, по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, относится къ осени (послѣ іюня) 1414 г. (Ник. лѣт. V, 54). Ноябрьскій соборъ для поставленія Григорія датированъ въ соборной граматѣ 6924 г. отъ сотворенія міра (по мартовскому году), т. е. 1416 г. А остальные два собора очевидно относятся къ тому же году (мартовскій и августовскій соборы), что и ноябрьскій соборъ (А. З. Р. т. I. № 24—25. Но мартъ, августъ и ноябрь мартовскаго 1416 года равняются тѣмъ же мѣсяцамъ 1415 года январскаго. Слѣдовательно, всѣ три изучаемыхъ собора относятся къ 1415 году. Проф. Грушевскій относитъ разсматриваемые соборы къ 1415 году. См. цит. соч. тамъ же стр. 403. 95—98) А. З. Р. т. I. № 25, стр. 36. 99) цит. соч. 100) А. З. Р. тамъ же. 101—102) А. З. Р. т. I. № 24 стр. 34 и № 23 стр. 33. 103) Ник. лѣт. тамъ же. 104) П. С. Р. Л. 105) Грушевскій цит. соч. тамъ же стр. 408. 106) „Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій и православная литовская Русь въ его время“ 1897 г. 107) Ист. русск. церкви. 108) См. Грушевскаго цит. соч. стр. 410—терминъ „електъ“. 109) См. м. Макарія цит. соч. т. 9, 62—63. 110) См. тамъ же стр. 68. 111) См. Грушевскаго тамъ же стр. 411. 112) См. м. Макарія тамъ же. 113—114) Виленск. Археоргафич. Сборникъ т. I. № 2, сравн. Кіевск. Университ. Изв. 1904 года кн. X, статья проф Перетцъ „Челобитная о благословеніи на Кіевскую и всея Руси митрополію арх. полоцкаго Іоны Глезны“, снес. Грушевскаго цит. соч. тамъ же стр. 412. 115—120) См. у Грушевскаго цит. соч. тамъ же стр. 413. 121—123) См. тамъ же стр. 415—417 сравн. Ст. Т. Голубева цит. соч. тамъ же. 124) См. Голубева „Матеріалы для исторіи западно-русск. церкви“ Труды Кіевск. Дух. Академіи 1878 г. № 37. 125—128) Арх. Ю. З. Р ч. I, т. I, стр. 3. 129) См. м. Макарія цит. соч. т. XI, стр. 250—251. 130) Чистовичъ цит. соч. т. II, стр. 120. 131—133) Голубевъ „Петръ Могила“ т. I, стр. 431—432. 134—137) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, № 27—28, ч. I, т. IV. № 2, А. Ю. и З. Р. т. III № 261 у м. Макарія см. цит. соч. т. XII стр. 12—14. 138) М. Макарій цит. соч. т. XII стр. 107. 139) Тамъ же стр. 536. 140) Тамъ же стр. 540. 141—142) Тамъ же стр. 541.

143—144) Тамъ же стр. 542—543. 145) Чистовичъ цит. соч. II, 139. 146—151) М. Макарій тамъ же стр. 581. 152) Тамъ же стр. 582. 153) Амвросій „Ист. Россійской іерархіи“ т. I ч. I стр. 108—109, Кіевъ 1827, проф. Ѳ. И. Титовъ „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в.“ т. I перв. полов. стр. 155. 154—155) М. Макарій цит. соч. т. XII стр. 555 и 561. 156—157) См. ниже стр. 171—2, м. Макарія цит. соч. т. XII стр. 51. 158—159) См. Титова цит. соч. т. II, стр. 11 о Сильвестрѣ Коссовѣ: данныя-типичныя и для остальныхъ названныхъ іерарховъ. 160) См. напр. А. Ю. и З. Р. т. X. № 7 ст. VII. 161) См. проф. Титова цит. соч. т. II, стр. 10—11. 162) См. выше стр. 33. 163—164) Тамъ же стр. 14—15. 165—166) См. проф. С. Терновскаго „Изслѣдованіе о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріархату“ стр. 95. 167) Проф. Титовъ цит. соч. т. II, стр. 20. 168—169) Тамъ же стр. 21. 170) Тамъ же стр. 20 и 21. 171) Терновскій цит. соч. стр. 102. 172) Тамъ же стр. 103. 173) Тамъ же стр. 103—115. 29 января 1686 г. подчиненіе западно-русской митрополіи Московскому патріарху утверждено граматой вселенскаго патріарха Діонисія см. тамъ же стр. 147. 174) Проф. Титовъ цит. соч. т. II, стр. 296. 175) Тамъ же стр. 333. 176) Тамъ же стр. 334. 177—180) Тамъ же стр, 334—338. 181) Елекційный листъ см. въ „Описаніе Кіево-Софійскаго собора“ м. Евгенія прил. № 24 стр. 121. 182) Тамъ же стр. 463. 183) См. выше примѣч. 2-е. 184—185) См. ниже о соборахъ 1596 г. и 1640 г. 186—189) Р. И. Б. т. IV кн. I стр. 5—18; „Опис. Кіево-Софійск собора“ м. Евгенія прилож. № 10-й. О нашествіи „поганыхъ“ см. у проф. Любавскаго „Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства“ М. 1910, стр. 192. 190) Примѣръ осуждаемаго способа полученія церковныхъ должностей—великокняжеское избраніе на митрополію Іосифа Болгариновича. См. у Грушевскаго цит. соч. тамъ же стр. 413—414. 191) Ап. пр. 15. 192) Р. И. Б. тамъ же. 193) Такіе случаи были въ мѣстной церковной практикѣ въ связи съ правомъ подаванья. См. напр. у Грушевскаго цит. соч. стр. 462. 194) М. Макарій цит. соч. т. 9, стр. 298. 196) Р. И. Б. тамъ же. 196—198) Тамъ же. 199) Нормами по-

ложительнаго и обычнаго права въ связи съ освѣщеніемъ современной жизни идеями христіанскаго нравоученія. 200) Р. И. Б. тамъ же. 201) О крылосѣ см. Грушевскаго тамъ же стр. 474—5. 202) Р. И. Б. тамъ же. 203) Этого термина нѣтъ въ приводимомъ текстѣ правилъ, но несомнѣнно, что эти правила касаются функцій „патроновъ". „Подаванье—одно изъ свойствъ права патроната"—Конскій „Право патроната" стр. 9. М. Макарій не достаточно ясно характеризуетъ данную группу правилъ (цит. соч. т. 9 169—170). Приводимую имъ классификацію всѣхъ правилъ разсматриваемаго собора признаемъ неполною (см. тамъ же стр. 168—173). 204—211) Р. И. Б. тамъ же. 212) Обычно этотъ соборъ датируется 1509 годомъ (см. напр. цит. соч. м. Макарія, проф. Грушевскаго, Чистовича, Левицкаго и др.). Признаемъ болѣе правильною предлагаемую датировку, допуская ея варіантъ: „соборъ 1508—1509 года". 213) Р. И. Б. тамъ же. 314) Вопросъ о вдовыхъ священникахъ около этого времени соборно обсуждался и Восточной Руси. 215) См. Грушевскаго цит. соч. тамъ же стр. 482—490 м. Макарія тамъ же стр. 182. 216) Сравн. постановленія послѣдующихъ соборовъ по этимъ воросамъ 217—218) См. Ярушевича цит. соч. стр. 114. 219) Цитируемъ грамату этого собора, находящуюся въ Супрасльскомъ монастырѣ № 5. Грамата напечатана полностью въ трудѣ архимандрита Николая „Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь" стр. 24—27. 220) См. у м. Макарія тамъ же стр. 176—177 221) См. А. З. Р. т. II, № 201 стр. 365. 222) А. З. Р. т III, № 3. 223) Вил. Археогр. Сборн. т. IX, № 21 стр. 55; А. З. Р. т. III, № 25. 224—228) См. м. Макарія тамъ же стр. 479. 229) Тамъ же стр. 259. 230—232) А. З. Р. т. IV, № 5 стр. 7. 233—238) А. З. Р. т. IV, № 149 стр. 206, т. IV, № 20; проф. Кояловичъ цит. соч. I. стр. 58. 239) М. Макарій тамъ же стр. 46. 240) А. З. Р. т. IV. стр. 21—22. 241—242) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 207. 243—244) А. З. Р. т. IV, № 20. стр. 27. 245) Вышеупомянутою. 246) Зубрицкій „Лѣтопись Львовск. братства подъ 1600 г. 247) Цит. соч. т. I стр. 263. 248) См. А. З. Р. т. IV прим. № 17. 249—250) А. З. Р. т. IV № 19 стр. 25—26; Сбор, грам. Вильна, Ковна, Трокъ... т. II № 51. 251) А. З. Р. т. IV № 149 стр. 206.

252) Цит. лѣтопись подъ 1600 г. 253) А. З. Р. т. IV № 149 стр. 207. 254) См. выше прим. 244. 255) Карамзинъ „Ист. госуд. Россійск. т. X стр. 117 и 124. 256) А. З. Р. т. IV № 14 стр. 19. 257—260) А. З. Р. т. IV № 20. 261) Вил. Археогр. Сборн. IX, № 28. 262) А. З. Р. т. IV № 20. 263) М. Макарій цит. соч. стр. 488. 264) А. З. Р. т. IV № 149 стр. 206. 265—267) А. З. Р. тамъ же; м. Макарій цит. соч, т. IX стр. 489. 268—269) Зубрицкій тамъ же, Собр. грам. Минск. губерніи № 139, стр. 305—307. Пам. Кіевск. Ком. т. III №№ 4 и 5. 270) А. С. Крыловскій „Львовское ставропигіальное братство" стр. 149. 271—272) тамъ же. 273) Тамъ же „Monumenta Confraternit." № 130. 274) Тамъ же стр. 148. 275—277) М. Макарій цит. соч. т. IX стр. 494—495. 278) Кояловичъ цит. соч. I, 80, А. З. Р. т. IV № 149 стр. 207—209. 279) Кояловичъ тамъ же стр. 81. 280—283) См. ниже стр. 76. 284) Кояловичъ цит. соч. стр. 88. 285) См. напр. Эд. Ликовскаго „Unija Brzeska". Сравн. проф. П. Жуковича „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей" вып. I стр. 93—94. Пгр. 1901. 286) Мысли о томъ, что на этомъ соборѣ епископовъ обсуждались уніонные вопросы, мы не отвергаемъ, но признаемъ эту мысль недоказанною. 287) См. выше объ этихъ соборахъ. 288) А. З. Р. т. IV стр. 30. 289) См. напр. Грушевскаго цит. соч. тамъ же стр. 497—504, сравн. Иванишева цит. соч. стр. 323—324. 290) А. З. Р. т. IV № 25. 291—292) См. А. З. Р. т. IV № 22, Собр. граматъ Минской губерніи № 139, Архивъ Ю. З. Р. ч. I т. I № 65, сравн. примѣчанія къ Р. И. Б. т. XIX стр. 54—60, а такъ же Пам. Кіевск. Ком. 2-е изд. т. III № 7 и 8; снес. Жуковича цит. соч. тамъ же стр. 93. 293) А. З. Р. т. IV № 22. 294—306) Тамъ же. 307) См. напр. Грушевскаго цит. соч тамъ же стр. 490. 308) См. Ап. Прав. 35. 309—310) А. З. Р. т. IV № 22. 311) А. З. Р. т. IV стр. 35 примѣч. 2-е 312) А. З. Р. т. IV № 22. 313) См. Иванишева цит. соч. стр. 304. 314—315) А. З. Р. т. IV № 22. 316—317) См. Зубрицкаго цит. лѣтопись подъ 1590 г. Пам. Кіевск. Ком. т. III № 7 и 8, Собор. грам. Минск. губерніи № 139. 318) Цит. лѣтопись тамъ же. 319) Архивъ Ю. З. Р. т. X № 36 и 39.

320—321) Арх. Ю. З. Р. т. I ч. I № 65 стр. 271—273. Еще объ одномъ постановленіи даннаго собора см. ниже въ примѣч. 788—мъ. 322) См. примѣч. къ XIX т. Р. И. Б. стр. 54—60. 325) См. „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“ 1907 г. т. XII кн. 2-я —статья проф. П. Жуковича„ Брестскій соборъ 1591 г. (по новооткрытой грамотѣ, содержащей дѣянія его“). Дѣяніе воспроизводится авторомъ по оригиналу, находящемуся въ библіотекѣ Академіи Наукъ (поступилъ въ числѣ другихъ рукописей послѣ смерти епископа Олонецкаго Павла Доброхотова). По словамъ автора статьи, эта грамата подлинная (на двухъ листахъ) съ собственно-ручными подписями и печатями митрополита и пяти епископовъ, датирована 26 октября 1591 года. Кромѣ этой граматы собора 1591 г., извѣстны слѣдующія граматы, выясняющія его дѣятельность: отъ 26 октября а) см. Чтенія Московск. Общества исторіи и древностей. Россійскихъ 1848. г. VII, от. III, 30—31, б) Monum. Confraternitatis I, № 206 стр. 317—318; отъ 27 октября Арх Ю. З. Р. ч. I т. X № 43 стр. 77—79 и отъ 20 октября тамъ же стр. 94. 326—351) Данныя и текстъ воспроизводимъ по дѣянію собора, напечатанному проф. П. Жуковичемъ (см. выше). 352—353) Арх. Ю. З. Р. т. X стр. 94—95. 354—356) Чтенія Моск. Общ. исторіи и древн. 1848 г. VII, отд. III 30—31. 357) Monum. Confr. I, № 206 стр. 317—318. 358—360) Тамъ же стр. 319—321, Арх. Ю. З. Р. ч. I т. X № 43 стр. 77—79. 361) См. Грушевскаго тамъ же стр. 496—497. 362) Volumina Legum II, 83—86. 363) О деморализаціи низшаго духовенства въ данное время, созданной въ значительной мѣрѣ „подаваніемъ“, см. у Грушевскаго тамъ же стр. 502—503. 364) О монастыряхъ см. тамъ же стр. 492. 365) См. выше стр. 73. 366) Разумѣемъ Ліонскую и Флорентійскую уніи. 367) См. напр. въ цит. соч. проф. прот. о. Ѳ. И. Титова о преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ, вынесенныхъ православными западно-руссами изъ за уніи. 368) См. у проф. Вл. З. Завитневича „Палинодія Захаріи Копыстенскаго“ стр. 10—11, сравн. Іер. Августина „Полемическія сочиненія противъ латинянъ“ Труды Кіевск. Дух. Академія 1867 г. стр. 497, сентябрь. 369) М. Макарій цит. соч. т. IX стр. 140—13. 370) См. „На-

ука объ уніи противной“—Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца 1896 г. кн. 6 въ отдѣлѣ о штукахъ іезуитскихъ. 371) Объ этихъ преслѣдованіяхъ см. у м. Макарія цит. соч. т. IX страницы 512—513. 372—373) См. наст. кн. Кояловича цит. соч. I, 47—49. 374—376) См. наст. кн. стр. 10—138. 377) См. выше стр. 61. 378—379) А. З. Р. т. IV № 45, м. Макарія цит. соч. т. IX, стр. 540. 380—386) М. Макарія цит. соч. т. IX, стр. 541. 386—388) См. Стрѣльбицкаго „Уніатскіе церковные соборы“ стр. 32; сравн. Кояловича цит. соч. I, прим. 283—284. 389—390) См. м. Макарія тамъ же стр. 542, Жуковича „Сеймовая борьба“ I, стр. 109. 391—396) См. Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, № 104, А. З. Р. т. IV, стр. 67—68, 73—74, Volum Leg. II, 342; соборн. грамату см. А. З. Р. т. IV см. 67. 397—498) См. м. Макарія тамъ же стр. 544, сравн. „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1867 г. кн. 2—А-скій „Гедеонъ Балабанъ Львовскій епископъ“; III, 2: о соборѣ 1594 г, 399) Кояловичъ цит. соч. I, 113. 400) Арх. Ю. З. Р. т. X стр. 100. 401) А. З. Р. т. IV. № 50. 102) А. З. Р. т. IV № 48, Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, № 107. 403) По м. Макарію, Кояловичу, Стрѣльбицкому, Ликовскому. 404) См. выше о соборѣ 1591 года, 405) А. З. Р. т. IV, № 50. 406—408) Арх. Ю. З. Р. т. X, № 70, стр. 102. 409) Кояловичъ цит. соч. I, 121, м. Макарій цит. соч. т. IX, 536. 410) См. м Макарія тамъ же прим. 542 стр. 579, сравн. Жуковича тамъ же стр. 114. 411) См. напр. В. А. Бѣднова „Православная Церковь въ Польшѣ и Литвѣ по Uolumina Legum“ Екатеринославъ 1908 г. стр. 173, Жуковича тамъ же стр. 100. 412) А. З. Р. т. IV стр. 123—124. 413) См. напр. Жуковича тамъ же стр. 92 прим. 197 и стр. 95 прим. 201, сравн. мнѣніе Грушевскаго съ цит. томѣ его исторіи. 414) 24 іюня 1590 г. см Жуковича тамъ же стр. 92. 415—416) См. выше о Берестейскомъ соборѣ 1590 г. 417—418) См. у м. Макарія тамъ же прим. 50 снес. А. З. Р. т. IV стр. 78. 419—420) А. З. Р. т. IV, стр. 123. 421) Тамъ же стр. 115. 422) Таковъ напр. Кобринскій соборъ, упоминаемый ниже. 423) Упоминается выше. 424) См. цит. статью А—скаго. 425) См. у м. Макарія тамъ же стр. 571. 426—428) См. А. З. Р. т. IV, стр. 20, 81 и 96, Арх. Ю. з. Р. ч. I т. I, стр. 454, у Жуковича см. тамъ же

стр. 113. 429) А. З. Р. т. IV стр. 92. 430) А. З. Р. т. IV. 115. 431) См. у Бѣднова цит. соч. стр. 175. 432) Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что этого собора не было—см. цит. статью А—скаго тамъ же. 433) А. З. Р. т. IV, № 58 стр. 84. 434) А. З. Р. т. IV, № 71. 435—436) См. Кояловича цит. соч. I, 152. 437—441) См. А. З. Р. т. IV, № 91, № 92 и № 95. 442) А. З. Р. т. IV, № 100. 443) См. выше прим. 434-е сравн. Кояловича цит. соч. I, 153 444) См. о просьбахъ у Жуковича тамъ же I, стр. 132—208. 445) Р. И. Б. т. XIX стр. 651—654, А. З. Р. т. IV, № 76. 446—447) См. ниже о составѣ этого собора, сравн. Грушевскаго цит. соч. тамъ же стр. 601—603 и Кояловича цит. соч. I, 151. 448) См. Грушевскаго цит. соч. тамъ же стр. 593, снес. Жуковича тамъ же стр. 205. 449—450) См. м. Макарія цит. соч. т. IX, стр. 635, Жуковича тамъ же стр. 208. 451) А. З. Р. т. IV, № 97. 452) А. З. Р. т. IV, № 100, Р. И. Б. т. XIX стр. 231—234. 453) Р. И. Б. т. XIX стр. 197—200. 454) Жуковичъ тамъ же стр. 211. 455) А. З. Р. т. IV, № 95. 456) тамъ же № 98. 457) тамъ же стр. 101—102. 458) Тамъ же № 99. 459) Р. И. Б. т. XIX, стр. 188. 460—463) Р. И. Б. т. XIX стр. 373—376. 464—468) Тамъ же стр. 881. 467) Арх. Ю. З. Р. ч. I, стр. 528. 468—370) Р. И. Б. т. XIX стр. 57—58. 471) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I № 123. 472) Арх. Ю. З. Р. т. X, 115. 473) Р. И. Б. т. VII стр. 1034. 474) Тамъ же стр. 1036. 475) Р. И. Б. т. XIX стр. 333—334. 476) См. у м. Макарія тамъ же стр. 656. 477) Тамъ же стр. 658. 478) Дѣятельность православнаго собора освѣщается главнымъ образомъ слѣдующими документами: соборнымъ универсаломъ, напечатаннымъ въ „Апокрисисѣ"—Р. И. Б. т. VII стр. 1034—1054—и въ Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, стр. 519 и, далѣе, православнымъ полемическимъ сочиненіемъ „Ектезисъ"—Р. И. Б. т. XIX стр. 329—376, а также №—мъ 149-мъ IV-го тома А. З. Р. 479) Р. И. Б. т. XIX стр. 334—и 336. 480) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I стр. 521. 481) Раздѣленіе на два „кола" состоялось въ самомъ началѣ засѣданія до отправленія посольства. См. Р. И. Б. т. XIX стр. 334. 482) Р. И. Б. т. XIX стр. 334—5. 483) Р. И. Б. т. XIX стр. 190. 484) Тамъ же стр. 335. 485—486) Тамъ же. Есть

основаніе полагать, что свидѣтельсво „Ектесиса“ объ отвѣтѣ митрополита, доложенномъ собору Игнатіемъ, пресвитеромъ Острожскимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Повидимому, отправленное къ митрополиту соборное посольство (первое) не получило отвѣта. См. Грушеескаго тамъ же стр. 609. 487) А. З. Р. т. IV стр. 144. 488) См. Жуковича тамъ же стр. 227. 489) Происходило совѣщаніе участниковъ этого собора о мѣстѣ соборныхъ засѣданій. 490) См. Грушевсаго тамъ же стр. 608. 491—494) Р. И. Б. т. XIX, стр. 338—339. Вторымъ посольствомъ былъ принесенъ рѣшительный отказъ апостатовъ явиться на соборъ. 495) О депутаціи см. ниже стр. 129. Составленіе уніонной граматы проф. Жуковичъ относитъ къ 8 октября—цит. соч. I, 220. Такъ же думаетъ проф. Грушевскій цит. соч. тамъ же стр. 612. М. Макарій—цит. соч. IX, 669 признатъ, что уніонная грамата написана и подписана „прежде 9 октября“. 496) Дня ея соборнаго оглашенія. 497—504) Р. И. Б. т. XIX стр. 340—355. 505—506) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, страница 523—524. 507—508) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, страница 524—525, Р. И. Б. т. VII, стр. 1048. 509—510) См. у м. Макарія тамъ же стр. 667—698. 511—512) Тамъ же стр. 668—671. 513—514) Р. И. Б. т. XIX, стр. 361—376. 515) Р. И. Б. т. VII стр. 1052—1054, А. З. Р. т. IV, стр. 141. 516) Гражданскою властью. См. Жуковича тамъ же стр. 231, сравн. Скабаллановича „объ Апокрисисѣ Христофора Филалета“ Пгр. 1873 стр. 178. 517) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, № 532. 518—519) См. Жуковича тамъ же стр. 223. 520) Тамъ же стр. 235. 521) Тамъ же стр. 535—536. 522) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, стр. 527. 523—524) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, № 123. 525—546) См. Жуковича тамъ же стр. 236, 239, 240, 241, 243, 263, 257, 260—261, 288—290. 547) См. проф. С. Т. Голубева „Петръ Могила“.... т. I, стр. 295 и 301. 548—551) См. Арх. Ю. З. Р. тамъ же и у Голубева тамъ же стр. 302—303. 559) Объ отъѣздѣ патріарха см. м. Макарія цит. соч. т. XI, стр. 260—261. 560—561) Тамъ же стр. 262. 562—565) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. V, № 1, стр. 7. 566) Тамъ же стр. 8 и 9. 567) М. Макарій тамъ же стр. 264—265. 568) См. у Жуковича „Сеймо-

вая борьба“ вып. III-й Пгр. 1906, стр. 145. 569) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. VII, стр. 497. 570—578) См. Жуковича тамъ же стр. 163—164. 579—581) Тамъ же стр. 165—167. 582) М. Макарій тамъ же стр. 288. 583) См. ниже о составѣ Кіевскаго собора 1640 г. 584—589) Пам. Кіев. Ком. т. I, № 32. Имѣемъ въ виду не цит., а воспроизведеніе идеи. Сравн. выше прим. 568. 590) Р. И. Б. т. IV, стр. 145—154. 591) См. цит. соч. проф. Титова. 592) См. Жуковича тамъ же стр. 194. 593) Много примѣровъ въ цит. соч. проф. Харламповича. 594) Замѣчательныя полемическія сочиненія принадлежатъ и самому м. Іову—его протестаціи. См. у Жуковича тамъ же стр. 150—162. 595) Напрм. св. Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и др. 596) Голубевъ цит. соч. I, стр. 82. 597) Тамъ же стр. 83. 598) Руководителей уніонныхъ попытокъ. 599—609) См. у Голубева тамъ же стр. 91—158. 610) Тамъ же стр. 159. 611) Тамъ же стр. 115. 612—613) Тамъ же стр. 185. 614 См. ниже о соборахъ 1628—1629 г.г. 615—618) См. Голубева цит. соч. т. I прилож. стр. 323—324. 619) Тамъ же т. I стр. 158. 621) Тамъ же стр. 152. 622—630) Тамъ же т. I стр. 159—171 прилож. стр. 324. 631—632) Виленск. Арх. Сборн. II, № 32. 633—634) Volum. Leg т. III, стр. 276 Пгр. 1859. 635) Голубевъ тамъ же прилож. стр. 308. Volum Leg. т. III, стр. 282 столб. 2. 636) См. выше прим. 631. 637) Голубевъ тамъ же прилож. стр. 303. 638—643) Голубевъ тамъ же т. I, стр. 172—188. 644) М. Макарій цит. соч: т. XI стр. 355. 645—649) См. Голубева цит. соч. т, I прилож. стр. 312—314 и 332. 650) М. Макарій тамъ же стр. 355, Голубевъ тамъ же т. I, стр. 188. 651—652) М. Макарій цит. соч. т. XI стр. 355. 653—654) Голубевъ тамъ же. 655—678) Тамъ же стр. 189—198 и прилож. стр. 309—314, м. Макарій тамъ же стр. 356—357, 679—681) М. Макарій тамъ же стр. 361. 682) Голубевъ тамъ же т. I, стр. 204, прилож. стр. 353. 683) Голубевъ тамъ же т. I, стр. 305—307. 684) М. Макарій тамъ же стр. 365. 685—686) Голубевъ тамъ же прилож. стр. 267—368, м. Макарій тамъ же стр. 365. 687) Голубевъ тамъ же стр. 210, прилож. № XIV. 688) Прот. Орловскій „Кіевскій церковный соборъ 1629 года“ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1905 г. августъ стр. 65 и

слѣд. 689—704) См. Голубева цит. соч. т. I стр. 211—114 и прилож. стр. 568—369. 705—707) М. Макарій тамъ же стр. 368. 708) Рукопись библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря № 1944 см. у Голубева тамъ же т. I стр. 219 примѣч. 110 сравн. Чистовича цит. соч. II, 120. 709) Цитируемъ по экземпляру, принадлежащему фундаментальной библіотекѣ Курской Духовной Семинаріи XI, Б. 7, 2486. См листъ 4-й. 710) См. предисловіе къ Литургіаріону (безъ пагинаціи). 711) Въ зависимости отъ вѣроисповѣданія автара. 712—713) Предисловіе къ цит. Литургіаріону. 714) Цит. соборной грамата. 715—717) Ограничиваемся краткими свѣдѣніями, характеризующеми данную книгу. Сравн. Голубева цит. соч. I, свѣдѣнія о началѣ книгопечат. въ Кіевѣ. 718) См. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1874 г. стр. 161—165. Въ чинъ пасіи вечерня входитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ чинъ совершается въ воскресенье (современный распространенный порядокъ), а въ пятницу пассіи совершаютя на маломъ повечеріи. 719) См. выше о соборѣ 1685 г. 720—723) Памятники Кіевск. Ком. т. I отд. I, № 17; Р. И. Б. т. IV, ст. 28—29. 724) См. у м. Макарія тамъ же т. XI, стр. 578. 725) Какъ будетъ показано ниже, главнымъ предметомъ соборной дѣятельности была именно эта книга. 726—728) Цит. пригласительная грамата. 729—733) Р. И. Б. т. IV стр. 26 и дальще сравн. Зубрицкаго, „Лѣтопись Львовск. брат.“ стр. 87. Проф. И. И. Малышевскій—„Кіевскіе церковные соборы“ стр. 48—полагаетъ, что участники собора размѣстились посреди церкви. 734) Зубрицкій тамъ же стр. 87. 735—738) Р. И. Б. тамъ же. 739—740) Предисловіе къ цит. Требнику. 741—742) „Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ“ 1848 г. кн. 8 стр. 1—76, приложенія къ лѣтописи монастыря Густынскаго стр. 43—44. 743) Цит. отдѣлъ Требника. 744) Р. И. Б. тамъ же 745) Предисловіе къ Требнику—Р. И. Б. тамъ же. 746) Цѣль этого сочиненія—полемика съ латинствомъ. 747—748) Р. И. Б. тамъ же. 749) См. напр. въ учебникѣ П. И. Нечаева отдѣлъ о крещеніи. 750) Литугіаріонъ стр. 52. 751) См. Требникъ стр. 448 снес. тамъ же стр. 544. 752) Цит. „Чтенія Московскаго Общества Исторіи и древн. Россійскихъ“ тамъ же. 753) Преди-

словіе. 754) См. Е. Нестеровскаго „Литургика“ ч. 2 стр. 282, Курскъ 1900. 755) Требникъ стр. 546. 756) Тамъ же стр. 551. 757—759) Р. И. Б. тамъ же. 760—761) См. Харламповича цит. соч. стр. 346—352 и далѣе. 762—773) Р. И. Б. тамъ же. 774) См. указатель въ „ Книгѣ правилъ св. Апостоловъ.... 775) М. Макарій тамъ же стр. 594—596. 776—778) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1890 г. проф. А. С. Павловъ „ Неизданный памятникъ русскаго церк. права“ сравн. Р. И. Б. т. VI, см. ниже стр. 215—226. 779) М. Макарій цит. соч. т. XI стр. 541—542. 780) Проф. И. М. Покровскій „Русскія епархіи въ XIV—XIX в.в. ихъ открытіе составъ и предѣлы“ т. I. Казань, 1897, стр. 446. 781) А. З. Р. т. II, №№ 197, 198. 782—783) А. Ю. и З. Р. I, 125 столб. 1. 784) А. Ю. и З. Р. т. I, № 103, стр. 106—107. 785—786) Тамъ же стр. 106. 787) См. выше о томъ же соборѣ. 788) Митрополитъ Евгеній „Описаніе Кіево-Софійскаго Собора“ прилож. № 45 стр. 255. 789) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. X, № 70, стр. 734. 790—794) А. З. Р. т. IV, № 47. 795—796) Р. И. Б. т. XIX примѣч. стр. 17 и далѣе. 797—801) Тамъ же стр. 21 и 33. 802) Акты Виленск. Арх. Ком. XXIII, 61—62, № 75, Жуковичъ цит. соч. вып. V стр. 156. 803) Голубевъ цит. соч. т. II стр. 489. 804) М. Макарій цит. соч. т. XI, стр. 530. 805) Тамъ же стр. 544. 806) Тамъ же стр. 541—542, 578. 807—808) Проф. прот. Ѳ. И. Титовъ цит. соч. т. II 406—409 (Русская православня церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XIII в.в.). 809) См. Е. Іоанна Смоленскаго „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“ толкованіе на 34 и 37 Ап. правила сравн. проф. Гидулянова „Митрополиты въ первые три вѣка“. 810) См. выше стр. 70 и 60 811) См. выше о соборахъ 1590 и 1591 г. 812) Напр. соб. 1415 г. 813) См. выше о соб. 1591 г. а также объ елекційныхъ соборахъ. 814) См. выше стр. 112—113 и далѣе. 815) См. выше о соб. 1594 г. 816) Такъ было, напр., при созывѣ Берестейскаго октябрьскаго собора 1596 г. 817) Тогда же. Сравн. елекційные соборы 17 в. 818) См, выше стр. 169. 819) См. выше о соборахъ данной эпохи. 820) См. выше о названныхъ соборахъ. 821) См. выше стр. 159. 822) 185—186. 823) См. выше

стр. 115 и прим. 429. 824) См. выше о позовѣ епископу Гедеону и апостатамъ стр. 108 и 128. 825) См. выше стр. 120—121. 826) См. выше стр. 9—32. 827) См. о соборахъ 1628—1629 г.г. 828) См. выше о соборахъ 1590—1596 г.г. 829) См. выше о Берестейск. соб. 1596 г. 830) Тамъ же. 831) См. выше стр. 187. 832) См. выше о названныхъ соборахъ. 833) См. выше стр. 84. 834) См. цит. выше елекційный листъ 1690 г. 835) См. выше постан. Берестейскихъ соборовъ 1590 и 1591 г. 835) См. выше о названныхъ соборахъ. 837) См. выше о великопостномъ соборѣ 1629 года. 838) См. выше стр. 75. 839) См. подписи въ „ Ектезисѣ". 840—843) См. выше стр. 125—126. 844) См. выше о названныхъ соборахъ. 845—865) См. выше постановленія названныхъ соборовъ. 866—867) См. выше о Берестейск. соб. 1296 и Кіевск. соб. 1640 г. 868—869) См. выше о соб. 1640 г. 870) См. выше о названномъ соборѣ. 871) См. выше о соб. 1640 г. 872) См. выше о соб. 1596 г. 1629, 1640 г. 873) Соб. 1640 г. 874—878) См. выше о названномъ соборѣ. 865—879) См. подписи въ „ Ектезисѣ". 880) См. выше о названномъ соборѣ. 881) См. „Ектезисъ". 882—889) См. выше о названныхъ соборахъ. Терминъ „соборовать", „трактовать". „намова" см. въ указателяхъ къ Р. И. Б. т. IV, VII, и XIX. 890) См. выше о названномъ соборѣ. 891—893) См. выше о названныхъ соборахъ. 894) См. выше о Берестейскомъ соборѣ 1596 г. 895—896) См. выше о соб. 1591 г. 897—899) См. выше о названныхъ соборахъ. 900) См. выше постановл. Берестейск. соб. 1590 г. 901) Право veto принадлежало каждому шляхтичу, участнику сейма. 902—903) См. выше о названныхъ соборахъ. 904) Елекційный листъ въ „Опис. Кіево-Софійск. собора—цит. въ нашемъ примѣч. къ стр. 37. 905) См. выше стр. 13 и прим. 49. 906) Относительно елекційныхъ соборовъ 17 в. это не подлежитъ сомнѣнію. 907—908) См. ниже стр. 288. 909) Снес. 17-е постан. Берестейск. соб. 1591 г.—выше стр. 91—92. 910) См. выше стр. 131. 911—912) См. постановл. названныхъ соборовъ. 913) См. выше постан. Виленск. соб. 1508 г., Берестейск. соб. 1508 г. 914 См. выше стр. 199. 915) „Здалося Духови Святому и намъ со всѣми братіями епископами и архимандриты и иншимъ

духовенствомъ и свѣцкими, иле ихъ при насъ найтися и досягнутися могло". Виленск. Археогр. сборн. IV, 39. 916—917) См. выше стран. 90—91. 918) См. выше стр. 206. 991) См. выше стр. 131. 920) Тамъ же. 921) Напр. Виленск. соб. 1508 г. подписанныхъ значительное время спустя послѣ открытія собора. 922) См. цит. елекц. листъ 1690 г. 923—929) См. выше о названныхъ соборахъ. 930—932) См. выше о Берестейск. соборахъ 16 в. и елекційныхъ соб. 15 и 17 в. 933) См. выые о Берестейск. соб. 1596 г. 934—938) См. выше о Берестейск. соб. 16 в. Кіевск. соб. 1629 г. и 1685 г. 939) См. выше постановл. названныхъ соборовъ. 940) См. выше о Берестейск. соборахъ 16 в. 941—942) См. выше о названныхъ соборахъ. 943—945) См. цит. соч. проф. Харламповича. 946—947) Подробныя данныя по этому вопросу тамъ же. 948) См. выше о соб. 1596 г.

949) Сравн. ниже стр. 294—269) снес. Вѣстн. Ю. З. Р. 1863 г. январь отд. II, стр. 35. 950—951) Сравн. выше стр. 74. 952) Имѣемъ въ виду Кіевскую Духовную Академію. 953). Таково большинство вышеизложенныхъ соборныхъ постановленій. 954). Напр. Берестейск. соб. 1596 г., Кіевск. соб. 1629 г. 955—960) См. выше стр. 215—224. 961). Особенно цѣнны поученія святительскія новопоставленному іерею. См. напр. Кіевскія Епархіал. Вѣдомости 1873 г. стр. 317—319, снес. тамъ же стр. 321, сравн. проф. прот. Ѳ. И. Титова „Поставленіе во діакона и священника и избраніе епископа въ древней западно-русской церкви или Кіевской Митрополіи XIV—XVII в." въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1902 г. № 5. 962). См. выше стр. 13 и прим. 49. 963—970). См. выше стр. 215—224. 971). См. выше стр. 74. 972) См. выше постанов. этого собора. 973). См. выше стр. 120—121. 974). См. выше прим. 961. 975). См. выше стр. 74. 976). См. выше прим. 219. 977). См. выше стр. 148. 978). См. напр. цит. выше елекційный листъ 1690 г. 979). См. выше стр. 74. 980). См. выше стр. 125. 981—982) Въ католичествѣ идея церковнаго абсолютизма догматизирована ученіемъ о главенствѣ папы, а въ протестанствѣ обоснована юридическимъ тезисомъ— cujus regio-ejus religio. 983). См. Р. И. Б. ш. IV, VII и XIX, сравн. вышеизложенныя постановленія соборовъ. 984). См. выше

стр. 147. 985). „Апокрисисъ“ перев. проф. И. И. Малышевскаго и Ф. А. Терновскаго стр. 86. 986). См. проф. В. З. Завитневича „Палинодія Захаріи Копыстенскаго“ Варшава 1883 г. стр. 382. 987). См. Р. И. Б. т. IV, VII и XIX. 988). См. статью проф. Павлова „Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права“—„Извѣстія и ученыя записки Казанскаго Университета“ 1866 г. вып. 5 стр. 517 и предшеств. 989). См. напр. цит. сборн. „Передъ Церковнымъ Соборомъ“, сравн. ниже стр. 283—291. 990). Подробнѣе см. въ цит. соч. проф. Скабалановича „Объ Апокрисисѣ“. 991—992). Апокрисисъ“ цит. издан. стр. 136 и главы 3—7. 993) См. выше стр. 281 и прим. 986. 994—996). „Апокрисисъ“ стр. 84. 997—998). Тамъ же стр. 102. 999) Тамъ же стр. 111. 1000—1002). Тамъ же стр. 112. 1003). Тамъ же стр. 114. 1004) См. выше прим. 986. 1005) См. А. Ю. и З. Р. т. I стр. 239, 254, 260, 242—243, 236. 1006) См. Ап. Правило 37 и параллельные ему каноны. 1007). Основная идея западно-русскихъ полемистовъ—противниковъ соборности—идея спеціально-іерархическихъ полномочій епископата. По нашему мнѣнію, эта идея нисколько не противорѣчитъ разсматриваемой формулѣ принципа соборности. „Апокрисисъ, какъ замѣтилъ уже покойный преосвященный Филаретъ Черниговскій (см. „Обозрѣніе русской духов. литерат. № 157), совершенно вѣренъ по своей основной мысли, именно—о правѣ голоса мірянъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ Церкви, касающихся самой вѣры или догматовъ православія“, говоритъ проф. Павловъ въ цит. статьѣ „Объ участіи мірянъ“.. стр. 517. „Епископы рѣшаютъ при совѣтѣ и съ согласія клира и мірянъ“ говоритъ проф. Ѳ. И. Мищенко о порядкѣ соборнаго дѣлопроизводства на основахъ православнаго церковнаго права. (См. его статью „О составѣ помѣстнаго собора Всероссійской Церкви“ въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“ за 1906 г. январь, стр. 93. 1008) См. цит. статьи проф. Павлова и Мищенко сравн. цит. соч. проф. П. Д. Лапина. 1009—1011) См. курсы церк. права Епископа Іоанна, Епископа Никодима, проф. Павлова, Бердникова, Суворова, Соколова, Введеніе въ православное церк. право—проф. Остроумова, „О церковной власти“—проф. Заозерскаго“,

1012). Разумѣемъ управленіе въ широкомъ смыслѣ. Такъ же понимаемъ этотъ терминъ и въ заглавіи нашего изслѣдованія. 1013). См. выше примѣч. 1009—1011. 1014). Подчеркиваемъ внутреннее родство каноновъ и богослужебнаго Устава, затѣненное въ существующихъ курсахъ церковнаго права. Яркимъ доказательствомъ нашей мысли служитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ „Книгѣ Правилъ“ читаемъ цѣлый рядъ каноновъ по литургическимъ вопросамъ. 1015). См. прим. 1009—1011. 1016). См. проф. Гидулянова статью—о сущности и характерѣ церковнаго властвованія въ „Учен. запискахъ Моск. Универ.“ отд. юрид. за 1916 г. сравн. проф. П.В. Верховскаго „Сущность и характеръ церковной власти“ (заключ. № журн. „Церк. правда“ стр. 48—52).

II.

ПРИЛОЖЕНІЕ

А.

Указатель источниковъ и пособій.

1.

Источники (важнѣйшіе).

1—2) Служебникъ и Требникъ Петра Могилы.

3) Книга правилъ.

4) П. С. Р. Л.—Полное собраніе русскихъ лѣтописей.

5) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода.

6) А. З. Р.—Акты Западной Россіи.

7) А. Ю. и З. Р.—Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи.

8) Арх. Ю—З. Р. Архивъ Юго-Западной Россіи.

9) Р. И. Б.—Русская Историческая Библіотека.

10) Памятники Кіевской Комиссіи.

11) Uolumina Legum.

12) Виленскій Археографическій Сборникъ.

13) Лѣтопись Львовскаго Братства—Зубрицкаго.

14) Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ.

15) Чтенія въ Обществѣ пр. Нестора Лѣтописца.

16) Собраніе граматъ Вильна, Ковна, Трокъ.

17) Собраніе Минскихъ граматъ.

18) „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“, изд. проф. С. Т. Голубевымъ въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи.

2.

ПОСОБІЯ (важнѣйшія)

а) Курсы и монографіи.

1) Е. Е. Голубинскій „Исторія Русской Церкви".

2) Митрополитъ Макарій (Булгаковъ) „Исторія Русской Церкви".

3) Чистовичъ „Очеркъ исторіи западно-русской церкви". (См. прим. 17).

4) Проф. И. И. Малышевскій „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность". Пгр. 1897.

5) Проф. прот. Ѳ. И. Титовъ „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII и XVIII в." Кіевъ 1905 г.

6) Его же—„Русская православная церковь въ Польско-Литовскомъ Государствѣ въ XVII—XVIII в.в." К. 1907 г.

7) Проф. С. Т. Голубевъ „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники". I-II (См. прим. 29)

8) Проф. П. Н. Жуковичъ „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей" (См. прим. 285).

9) Проф. С. А. Терновскій „Изслѣдованіе о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріарху".

10) Тихомировъ „Галицкая митрополія" (Пгр. 1896 г.)

11) Проф. Харламповичъ „Западно-русскія православныя школы XVI и XVII в.в." (См. прим. 1).

12) В. А. Бѣдновъ „Православная церковь въ Польшѣ и Литвѣ по Uolumina Legum" (См. прим. 411).

13) Проф. Кояловичъ „Литовская церковная унія" I—II.

14) А. С. Крыловскій „Львовское ставропигіальное братство".

15) Проф. В. З. Завитневичъ „Палинодія Захаріи Копыстенскаго". (См. прим. 986).

16) Проф. Скабалановичъ „Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета" (См. прим. 516).

17) Проф. Яцимирскій „Григорій Цамблакъ".

18) Стрѣльбицкій „Уніатскіе Церковные соборы".

19) Проф. И. М. Покровскій „Русскія епархіи" (См. прим. 780).

20) Митрополитъ Евгеній „Описаніе Кіево-Софійскаго собора".

21) А. Амвросій „Исторія россійской іерархіи“. (См. прим. 153).

22) Архим. Николай „Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь“ (См. прим. 219).

23) Карамзинъ „Исторія государства Россійскаго“.

24) Ярушевичъ „Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій“ (См. прим. 106).

25) Проф. Любавскій „Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства“. (См. прим. 186—189).

26) Проф. М. Грушевскій „Історія України—Руси“. (См. пр. 36).

27) П. Гиншіусъ — курсъ церковнаго права (см. примѣчаніе 9-е).

28) Проф. П. Д. Лапинъ „Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти“ (См. прим. 5).

29) Проф. А. С. Павловъ „Сокращенный курсъ лекцій церковнаго права“ 1895—1896 г.

30) Проф. Н. Суворовъ „Курсъ церковнаго права“ т. I—II. Яросл., 1889—1890 г.

31) Проф. И. С. Бердниковъ „Краткій курсъ церковнаго права“ Казань 1888 г.

32) Проф. Н. К. Соколовъ „Изъ лекцій по церк. праву“ I—II вып. М. 1874—1875 г.

33) Іоаннъ, епископъ Смоленскій „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“ I—II. Игр. 1851 г.

34) Никодимъ, епископъ Далматинскій „Православное церковное право“.

35) Проф. М. А. Остроумовъ „Введеніе въ православное церковное право“ т. I, Харьковъ 1893 г.

а) Брошюры и статьи.

36) Проф. И. И. Малышевскій „Кіевскіе церковные соборы“.

37) Проф. прот. Ѳ. И. Титовъ „Поставленіе во діакона и священника и избраніе епископа въ древней западно-русской церкви или Кіевской митрополіи“ (Труды Кіевской Дух. Академіи 1902 г. № 5).

38) Прот. Орловскій „Кіевскій церковный соборъ 1629 г“. (См. прим. 688).

39) Иванишевъ „Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ Кіевскаго Центральнаго Архива“ (См. прим. 45).

40) Орестъ Левицкій „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ Польско-Литовскомъ государствѣ“ (См. прим. 17).

41) Проф. А. И. Покровскій „Къ исторіи и характеристикѣ соборовъ Юго-Западной Руси“ (см. примѣч. 4-е).

42) В. Васильевскій „Записки о поставленіи русскихъ епископовъ“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г. февраль).

43) Проф. П. Н. Жуковичъ „Брестскій соборъ 1591 г.“ (см. примѣч. 325).

44) Проф. Ѳ. И. Мищенко „О составѣ Помѣстнаго Собора Всероссійской Церкви“. (Труды Кіевской Дух. Акад. 1906 г. январь).

45) Проф. А. С. Павловъ „Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права“ (Извѣстія и ученыя записки Казанскаго Университета 1866 г. вып. 5).

46) Проф. Гидуляновъ статья „о сущности и характерѣ церковнаго властвованія“ (см. прим. 1016).

47) Проф. П. В. Верховскій „Сущность и характеръ церковной власти“. (Заключен. № журн. Церковная правда стр. 48).

48) Сборникъ статей „Передъ Церковнымъ Соборомъ“ (см. прим. 4).

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Б.

Errata.

Страница	строка	напечатано	слѣдуетъ
II	6 св.	справахъ	о справахъ
V	6 сн.	Церковнаго	церковнаго
12	5 св.	перкви	церкви
16	11 сн.	молдавской	молдаво-валашской
20	11 сн.	былъ	было
25	20 св.	),	).
32	7 св.	Мстилавскій	Мстиславскій
33	9 св.	1657	1658
44	21 сн.	хиртоніи	хиротоніи
51	4 св.	священнпки	священники
51	21 св.	лишается	лишаются
52	12 св.	акасается	касается
53	14 св.	отпусное	отпустное
54	17 сн.	правила,	правила
55	1 св.	современыхъ	современныхъ
55	11 св.	събронѣ	съборнѣ
55	8 сн.	премени	времени
56	12 св.	запрсамъ	запросамъ
57	11 св.	оуждаютъ	осуждаютъ
57	18 сн.	рѣпаетъ	рѣшаютъ
57	15 сн.	перковнаго	церковнаго
57	8 сн.	соотвѣствуютъ	соотвѣтствуютъ
60	9 сн.	первый	певный
67	3 св.	парфію	парафію
67	12 св.	оъ	въ
71	14 сн.	духовенствомъ	духовенствомъ“
77	10 св.	описаннаго	описаннаго
78	17 сн.	разсматртваемаго	разсматриваемаго
78	1 сн.	одинаковые	одинаковыя
83	6 сн.	не	на
87	7 св.	митрополиіи	митрополіи
91	5 сн. и 11 сн.	аппелляція	апелляція
94	16 сн.	громаты	граматы
95	15 сн.	осужденіе	обсужденіе
95	14 сн.	паралельно	параллельно

Страница	строка	напечатано	слѣдуетъ
98	16 св.	прихдоскихъ	приходскихъ
98	17 св.	въ мѣстѣ	вмѣстѣ
100	16 сн.	цѣны	цѣпны
105	19 св.	Тикихъ	Тайныхъ
106	10 св.	другіе	, другіе
107	13 св.	обоихъ	обѣихъ
109	2 св.	Супральскаго	Супрасльскаго
110	2 св.	400	“ 400
116	13 св.	санкцію	санкцію—
117	19 св.	ренегатовъ	ренегатовъ.
119	5 св.	вылучидъ	вылучилъ
121	5 сн.	князьямъ	князьямъ,
123	12 св.	Галецкій	Халецкій
124	10 св.	Острожскихъ	Острожскихъ,
128	8 сн.	боясъ	боясь
132	7 св.	сбственно	собственно
134	6 сн.	ссбора,	собора.
135	16 св.	предме-	предметомъ
139	14 сн.	польско-литовскіе	польско-литовское
139	3 сн.	дѣятельностю	дѣятельностью
146	15 св.	сущности	сущности,
147	12 сн.	напомянулъ	„напомянулъ
148	8 сн.	„Совѣтованіемъ	„Совѣтованіемъ“
150	5 сн.	юстификація	юстификація“
151	10 сн.	унію	унію.
151	8 сн.	Потеѣ	Потѣѣ
153	11 св.	ренгатствующимъ	ренегатствующимъ
158	8 сн.	куніи	къ уніи
158	5 сн.	состоявшей,	состоявшей
162	13 св.	въ	„въ
164	4 сн.	до	до ихъ
167	1 св.	)	).
174	20 св.	„Литургіаріону	„Литургіаріону“
174	3 сн.	порцаютъ	порпцаютъ
176	4 сн.	крылья	крылья).
178	20 сн.	—	„—
184	14 сн.	боомерзкимъ	богомерзкимъ
192	12 сн.	утверждаль	утверждалъ
197	17 сн.	осужденія	осужденіе
197	16 сн.	собора,	собора

Страница	строка	напечатано	слѣдуетъ
199	7 сн.	починяется	починается
199	2 сп.	своимъ	своимъ
202	11 сн.	Кллегіей	Коллегіей
206	9 св.	вшеприведеннаго	вышеприведеннаго
206	19 сн.	предложенія	предположенія
206	7 сн.	дополнаютъ	дополнлютъ
207	13 св.	потребнымъ	потребнымъ,
216	1 св.	каеедру	каѳедру
216	2 сн.	церьковь	церковь
222	19 сн.	„повелѣтъ“	„повелѣть“
222	8 сн.	послѣдованій:,	и послѣдованій:„
223	18 св.	предсѣда тельствомъ	предсѣдательствомъ
232	12 сн.	участниковъ	участниковъ,
234	15 св.	совмѣсто	совмѣстно
244	1 сн.	состава	составѣ
244	17 св.	Предмотъ	Предметъ
245	1 св.	въ	(въ
245	10 сн.	)	).
245	9 сн.	года)	года),
245	4 сн.	, и	и
247	20 сн.	имуществъ	имуществъ
247	4 сн.	управленію	управленію,
250	12 св.	собора	собора,
268	15 сн.	источниковъ	источниковъ,
270	16 сн.	юрдическое	юридическое
271	1 сн.	юрдическое	юридическое
273	4 св.	юрдическими	юридическими
275	2 св.	цекровнаго	церковнаго
276	17 св.	юрдической	юридической
279	12 св.	вашое“	нашое“
281	12 сн.	, что	что
282	13 св.	права.	права?
283	1 сн.	члены	члены,
284	2 св.	собора	собора,
287	3 св.	998)	“998)
302	17 сн.	вторая половина т.	второй т. первая половина
303	11 св.	относительно	относительно
303	18 св.	Иванишева.	Иванишева
304	10 сн.	Цамбалка	Цамблака
308	20 сн.	праваславнаго	православнаго

Страница	строка	напечатано	слѣдуетъ
309	7 св.	“)	)“
310	4 св.	См. наст. кн.	См.
310	12 сн.	Uolumina	Volumina
312	5 св.	Грушееекаго	Грушевскаго
312	8 св.	Грушевсаго	Грушевскаго
314	15 сн.	дальще	дальше
317	2 сн.	repio	regio
321	10 сн.	Uolumina	Volumina
322	16 сн.	патріарху	патріархату
322	11 сн.	Uolumina	Volumina
324	3 сн.	заключен.	заключит.